

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 1(1) 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора (Деревянко А.П.)	2
----------------------------------	---

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири	3
Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия)	23
Соффер О., Адовазини Дж.М., Хайлэнд Д.С. Одежда Палеолитических "Венер": реалии и гипотезы	37

ИСКУССТВО

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Тегга incognita в центре Азии	48
Якобсон Э. Петроглифы и естественная история: источники реконструкции и экология культуры	57

ПАЛЕОМЕТАЛЛ

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля	66
Бобров В.В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины	76
Пряхин А.Д. К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2	80
Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новое погребение знатного воина скифской эпохи на среднем Дону	88
Полосьмак Н.В. Пазырыкские войлоки: укокская коллекция	94
Молодин В.И. Погребальный комплекс пазырыкской культуры Верх-Кальджин I и проблема современного потепления климата	101

ЭТНОГРАФИЯ

Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Узорные войлоки Алтая	109
Масумото Тэцу. Шаманский пояс рода ульчей айнского происхождения с нижнего Амура	118

АНТРОПОЛОГИЯ

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая	125
Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита - бронзы	139

ПЕРСОНАЛИИ

Валерий Павлович Алексеев. Памяти ученого (Чикишева Т.А.)	149
Профессор Тёсукэ Сэридзава. Жизнь, посвященная изучению палеолита (Кадзивара Х.)	151

СООБЩЕНИЯ

О создании на Алтае международной школы молодых исследователей палеолита (Шуныхов М.В.)	153
Международная научная конференция "Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий"	156

НОВЫЕ КНИГИ	157
-------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
-------------------	-----

Дорогие читатели и будущие авторы журнала!

Перед Вами первый номер нового научного журнала, который будет выходить на русском и английском языках. Цель данного издания - публикация фундаментальной и оперативной информации по археологии, этнографии и антропологии Евразии, в том числе Северной, Центральной, Средней Азии, Тихоокеанского бассейна, Америки и сопредельных территорий.

Редколлегия и редакционный совет предполагают сделать журнал междисциплинарным. Он будет печатать статьи, проводить дискуссии по широкому кругу проблем палеоэкологии и палеогеографии плейстоцена и голоцена, методологии и методики археологических, антропологических и этнографических исследований (в том числе использования в этих науках информационных технологий), миграций древнейших популяций, создания палеосоциологических и палеоэкономических реконструкций, развития физического типа человека, применения новейших методов и результатов палеопопуляционной генетики при анализе антропологических материалов, древнего искусства, астроархеологии, развития культур и этнокультурных процессов у аборигенных, главным образом малочисленных, народов в условиях современного динамичного и противоречивого мира.

Значительное место в журнале будет отводиться публикации результатов новейших полевых исследований археологов, антропологов и этнографов. В каждом номере найдут отражение хроника научной жизни, сведения о симпозиумах, семинарах, критика и библиография.

Перед Вами первый номер! И мы просим Вас очень строго и критически оценить его, чтобы знать Ваше отношение к оформлению журнала, тематике и качеству статей. Ваши доброжелательная критика и мудрые советы очень помогут нам. Мы рады знакомству с Вами и надеемся на долгую дружбу, сотрудничество не только в этом, но и по меньшей мере в следующем столетии. Важно, чтобы от номера к номеру наш, а теперь уже и Ваш журнал становился все более интересным и нужным широкому кругу читателей. Это будет возможно, если Вы поделитесь своими предложениями по проблематике будущих статей и дискуссий, будете инициаторами этих дискуссий и авторами публикаций.

Мы желаем, чтобы журнал открыл новые перспективы для авторов выйти со своими идеями на широкий круг профессионалов и для читателей - быть постоянно в курсе актуальных проблем археологии, этнографии и антропологии. И очень надеемся на Вашу помощь, наши новые дорогие друзья!

Главный редактор журнала профессор

А.П. Деревянко

УДК 551.79+551.89+551.583(571.1)

В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Л.А. Орлова

*Институт геологии СО РАН,
пр. Академика В.А. Коптюга, 3, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: Zykin@uiggm.nsc.ru*

СТРАТИГРАФИЯ И ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И КЛИМАТА В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ГОЛОЦЕНЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Введение

Одним из регионов мира, где четвертичные отложения представлены наиболее полно, имеют богатую палеонтологическую характеристику и представительный материал для датирования, обеспечивающие надежную регистрацию изменений природной среды и климата, является Западная Сибирь. В четвертичных отложениях Западной Сибири сосредоточены многочисленные археологические памятники. Западно-Сибирская равнина, обрамленная с юга, запада и востока поднятыми территориями, представляет собой единый гигантский бассейн седиментации, в меридиональном профиле которого прослеживаются фациальные переходы морских, покровно-ледниковых, озерных, речных, субаэральных отложений и торфяников, формировавшихся под преимущественным контролем климата. На севере равнины развиты разновозрастные ледниковые отложения, разделенные морскими и континентальными межледниковыми осадками, свидетельствующими о ее неоднократном оледенении. На юге Западной Сибири распространены уникальные лессово-почвенные разрезы, отражающие наиболее полно климатические изменения четвертичного периода. Запись климатических событий, отраженная в лессово-почвенной толще, сопоставима с изотопно-кислородной шкалой океанических осадков. Эта толща хранит многочисленные следы развития и деградации "вечной" мерзлоты. Западная Сибирь расчленена крупными речными долинами, история которых отражает климатические и тектонические особенности развития территории. К ним приурочены хорошо обнаженные разрезы разновозрастных

четвертичных отложений. В современных озерных котловинах юга равнины распространены осадки с сезонной слоистостью, позволяющие получить высокоразрешающую летопись климата для позднеледниковья и голоцена. Верхнекайнозойские отложения насыщены органогенным карбонатным материалом, пригодным для изотопной регистрации климатических событий. Кайнозойская толща Западно-Сибирской равнины отражает не только развитие Западно-Сибирского бассейна седиментации, но и историю Алтае-Саянской горной области и Полярного бассейна, примыкающих к ней и оказывающих существенное влияние на формирование глобального климата. Уникальность Западно-Сибирской равнины для исследований изменений природной среды и климата определяется широтным характером размещения и последовательным чередованием с севера на юг природных зон, зональностью распределения важнейших элементов климата, ее положением в умеренных широтах. Эти особенности позволяют фиксировать изменения глобального климата и природной среды наиболее отчетливо. Менее полные разрезы плейстоцена распространены в Восточной Сибири и Алтае-Саянской горной области, вследствие преобладающих там денудационных процессов, но во многих случаях они позволяют рассматривать отдельные этапы истории плейстоцена достаточно полно.

За длительный период изучения верхнего кайнозоя Западной Сибири накоплен обширный материал, позволивший выявить основные этапы изменений природной среды, осадконакопления, биоты и климата и установить многие закономерности их изменения.

К настоящему времени получены разнообразные данные по строению, условиям осадконакопления и детальному стратиграфическому расчленению плейстоцена и голоцена Западно-Сибирской равнины [Архипов, 1971, 1989а - в; Волкова, 1966, 1977; Зубаков, 1972; Каплинская, Тарноградский, 1974, 1984; и др.], лессово-почвенных отложений плейстоцена южных районов Западной Сибири [Волков, 1971, 1983; Волков, Зыкина, 1977, 1982; Зыкина и др., 1981], являющиеся основой палеоклиматических исследований. Особенно детально изучены верхний плейстоцен и голоцен [Архипов, 1997; Орлова, 1990; Панычев, 1979; и др.]. Намечена основная последовательность климатических, биотических, палеомагнитных и геологических событий позднего кайнозоя [Архипов, Волкова, 1994; Архипов и др., 1993; Волков, 1994; Волков, Зыкина, 1971]. На основании палинологических и радиоуглеродных данных впервые для территории Сибири проведена реконструкция изменений климата в течение голоцена с разрешением около 250 лет [Левина, Орлова, 1993]. Выполнено монографическое описание и выделены разновозрастные комплексы териофауны плейстоцена [Вангенгейм, 1977; Зажигин, 1980]. Радиоуглеродной лабораторией ИГ СО РАН получено свыше 4 000 радиоуглеродных дат для разработки хронологии климатических изменений позднего плейстоцена и голоцена. Выявлены общие закономерности пространственно-временной эволюции почвообразования [Зыкина, Ким, 1989; Зыкина и др., 1981] и растительности [Волкова, 1977; История..., 1970; и др.]. Составлены первые варианты прогнозных сценариев климатических изменений в Западной Сибири в первой половине будущего столетия при развитии глобального потепления [Архипов и др., 1994, 1995; Зыкин и др., 1995].

Стратиграфия плейстоцена

Достоверность информации о закономерностях изменений природной среды и климата плейстоцена определяется состоянием стратиграфии и хронологии. В последние годы объем материалов по стратиграфии, хронологии и палеогеографии плейстоцена и голоцена Сибири значительно увеличился. Повышение детальности и комплексности исследований, широкое применение абсолютного датирования и внедрение новых методов привело к качественному изменению этой информации. В основу разработанных сейчас детальных стратиграфических схем плейстоцена и голоцена Западно-Сибирской равнины положена неоднократная закономерная смена как крупных похолоданий и потеплений климата, выраженная в чередовании ледниковых и межледниковых горизонтов, так и более мелких.

К настоящему времени после многолетних дискуссий произошли существенные изменения общей стратиграфической шкалы четвертичной системы. Вместо прежнего плейстоцена в объеме одной палеомагнитной эпохи Брунес с границей на уровне 0,8 млн л.н. решениями Комиссии по стратиграфии Международного союза геологических наук (МСГН) и Комиссии по стратиграфии Международного союза по изучению четвертичного периода (ИНКВА) его продолжительность увеличена до хронологического уровня 1,6 млн л. н. После уточнения астрономической хронологией возраст этого уровня оценивается в 1,81 млн лет [Berggren et al., 1995]. В международном стратотипическом разрезе Врика в Италии нижняя граница плейстоцена проходит у вершины субзоны прямой полярности Олдувей. В России эта граница принята Межведомственным стратиграфическим комитетом (МСК) в 1991 г. Для Западной Сибири нижняя граница плейстоцена на хронологическом уровне 1,81 млн л.н. идентифицирована в опорном разрезе на р. Битеке (правый приток р. Ишима) по палеомагнитным и биостратиграфическим данным [Зыкин и др., 1987; Казанский, Зыкин, 1991]. В практически непрерывной последовательности осадконакопления муккурской и карагашской свит на р. Битеке в нижней части карагашской свиты выявлена субзона прямой полярности Олдувей, к верхней части которой приурочена международно признанная граница между неогеновой и четвертичной системами. Идентификация субзоны Олдувей подтверждена сменой лебяжьинской (средневилафранкской, хапровской) фауны млекопитающих на карагашскую (поздневилафранкскую, одесскую) на границе муккурской и карагашской свит. Этот разрез предлагается в качестве регионального стратотипа для Северной и Внутренней Азии.

Для внутреннего расчленения плейстоцена в Западной Европе используется его деление на нижний - 1,81 - 0,8 млн л. н., средний - 0,8 - 0,13 млн л. н. и верхний - 0,13 - 0,01 млн л. н. [Cowie, Bassett, 1989]. В России предложено более дробное членение плейстоцена на эоплейстоцен - 1,81 - 0,8 млн л. н. и неоплейстоцен - 0,8 - 0,01 млн л. н. с делением эоплейстоцена на нижний и верхний, а неоплейстоцена на нижний, средний и верхний [Borisov, 1995; Алексеев и др., 1997]. При этом эоплейстоцен соответствует нижнему плейстоцену европейской шкалы, а неоплейстоцен - среднему и верхнему плейстоцену.

Эоплейстоцен

Эоплейстоцен широко распространен на юге Западно-Сибирской равнины, в северных районах он достоверно не установлен, хотя не исключено, что на п-ове Ямал он встречается в переуглубленных речных долинах [Волкова, 1990]. Детальная стратиграфия

эоплейстоцена равнины еще не разработана. На юге равнины к эоплейстоцену относится кочковский горизонт, опирающийся на одноименную свиту и включающий разновозрастные песчано-глинистые свиты, подсвиты, пачки и слои [Мартынов, 1980]. Они формировались в речных, озерных и субаэральных обстановках и локализованы в различных районах Западной Сибири. Обычно кочковский горизонт делится на две части, соответствующие времени существования кизихинского и раздольинского комплексов млекопитающих [Зажигин, 1980]. К сожалению, стратотип горизонта и одноименной свиты слабо охарактеризованы биостратиграфически. Только самая верхняя часть свиты в страторегии содержит кочковский (убинский) комплекс остракод [Казьмина, 1980], но по последним данным нижняя граница его распространения опускается почти до рубежа между нижним и верхним плиоценом.

В центральной части Западной Сибири верхняя часть эоплейстоцена сохранилась фрагментарно, в погребенных долинах, и представлена речными отложениями, описанными как горнофилинский горизонт [Архипов, 1987, 1989а - в; Архипов, Волкова, 1994; Архипов, Куликов, 1989]. Горнофилинский аллювий содержит большое количество семян и плодов, среди которых присутствует до 70% западно-сибирских видов, 13% вымерших видов растений и 17% локальных и региональных экзотов. По данным палинологии [Архипов, Волкова, 1994], в центральной части Западной Сибири в это время была развита лесная растительность, в составе которой преобладали умеренно теплолюбивые широколиственные породы (липа и вяз). В Верхнем Приобье эоплейстоцен заканчивается малиновским педокомплексом, состоящим из трех почв гидроморфного типа, горизонтом лесса и нижней частью евсинского педокомплекса. В верхней почве малиновского педокомплекса обнаружены остатки микротериофауны, занимающей по эволюционному уровню промежуточное положение между раздольинским и вяткинским комплексами мелких млекопитающих. По возрасту она может быть отнесена к концу хрона Матуяма (между субхроном Харамильо и границей Брюнес - Матуяма) [Архипов и др., 1997].

Неоплейстоцен

Неоплейстоцен в пределах Западно-Сибирской равнины распространен повсеместно. По основным особенностям осадконакопления и строения четвертичной толщи с севера на юг выделяются четыре широтные зоны: морских трансгрессий, ледниковая, приледниковая и внеледниковая [Решения и труды..., 1970]. Нижняя граница неоплейстоцена формально привязывается к инверсии палеомагнитных зон Брюнеса и Матуямы.

В ледниковых районах на севере Западной Сибири разрез плейстоцена начинается, как правило, с нижнеледниковой морены, а на юге нижняя граница неоплейстоцена проходит близ границы кочковской и красnodубровской свит [Архипов и др., 1984], внутри евсинского педокомплекса.

Длительно разрабатываемая стратиграфическая последовательность ледниковых отложений севера Западной Сибири [Архипов, 1971, 1989а - в; Волкова, 1977; Зольников, 1991а, б; Зубаков, 1972; Каплянская, Тарноградский, 1974; Мизеров, 1956, 1966; Сакс, 1953; Троицкий, 1966, 1979; Шацкий, 1956; и др.] в последнем варианте, представленном С.А. Архиповым [1989а - в; Решения..., 1990], включает семь ледниковых горизонтов (табл. 1), разделенных с севера морскими, а с юга континентальными межледниковыми отложениями. Морские межледниковые отложения содержат комплексы фораминифер [Гудина, 1976], различающиеся зоогеографической структурой, а континентальные отложения отличаются преимущественно палинологическими данными [Волкова, 1966, 1977; История..., 1970]. Средне- и верхнеледниковые оледенения различаются по степени сохранности ледникового рельефа и по пространственному распространению краевых зон. Лучшее всего сохранился аккумулятивный рельеф последнего, сартанского, оледенения, для которого отчетливо выделяются конечно-моренные гряды и холмы, гляциодепрессии, камы, озы, озерно-ледниковые равнины, зандры и др. [Архипов, 1989а - в; Волков, 1997]. Среднеледниковый ледниковый рельеф сильно переработан денудацией, его первичные очертания нередко утеряны и представляют собой чередование крупных холмов, гряд и депрессий. Стратиграфическая позиция ледниковых горизонтов подтверждена датированием методами электронно-парамагнитного резонанса (ЭПР), термолуминесцентным (ТЛ) и радиоуглеродным [Архипов, 1989а - в; Архипов и др., 1981; Архипов, Шелкопляс, 1982]. К сожалению, последние исследования основ ТЛ-метода показали, что даты до 800 тыс. л.н., полученные В.Н. Шелкоплясом, вызывают сомнения из-за методических ошибок [Wintle, Huntley, 1982; Frechen, 1991].

Наиболее дискуссионно расчленение нижнего неоплейстоцена. Вместо его традиционного деления на две части [Каплянская, Тарноградский, 1984] сибирскими исследователями [Архипов, 1987, 1989а - в; Архипов, Куликов, 1989; Волкова и др., 1988; Троицкий, 1979; и др.] разработано его расчленение на пять горизонтов, соответствующих трем ледниковым и двум межледниковым климатическим ритмам. Нижнеледниковые морены (мансийская и две шайтанские - азовская и низямская) встречаются только в погребенных долинах и депрессиях ледникового

Таблица 1. Корреляция ледниковой и лессово-почвенной последовательности плейстоцена Западной Сибири

Раздел	Звено, возраст (тыс. лет)	Ледниковые и межледниковые горизонты	Терофауна	Палеоматне-тизм	Изотопные стадии	Лессово-почвенная последовательность Западной и Средней Сибири (ПК-пелокмплекс; Л-лесс)	Сводный лессово-почвенный разрез	Лес	Типы почв								
									Тундровые	Подзолистые	Бураково-серые лесные	Черноземно-видные	Черноземы выщелоченные	Черноземы обыкновенные	Лугово-черноземные	Луговые	
Неоплейстоцен	10,2	Сартанский	Фауна среднего и позднего плейстоцена	Б	1	Современный ПК											
					2	Баганский Л (bg) Суминский ПК (sm) Ельцовский Л (el)											
	Верхнее	Каргинский			3	Искитимский ПК (is)											
					Ермаковский	4											Тулинский Л (tl) Бердский ПК (br)
						5											Сузунский Л (sz)
		Тазовский			6	Койчихинский ПК (kn)											
					Ширтинский	7											Чулымский Л (chl)
						8											Чарышский ПК (chr)
	Среднее	Самаровский			9	Шибавский Л (shb)											
					10	Шипуновский ПК (shp)											
	Нижнее	Тобольский			11	Морозовский Л (mr)											
					12	Шадринский ПК (shd)											
		Нижамский			13	Даниловский Л (dl)											
					14	Беловский ПК (bl)											
Тильтинский		15	Салаирский Л (sl)														
		16	Евсинский ПК (ev)														
Азовский		17	Тальменский Л (tm)														
		18	Малиновский ПК (ml)														
780	Перерыв ?	19	Лесс														
		20	Лесс														
Верхнее	Горно-филенский ?	21	Лесс														
		22	Лесс														

* Сухолюжский ПК - выделен в Средней Сибири [Чеха, 1990].

выпахивания и размыва, переуглубленных относительно уровня моря на 220 - 250 м [Архипов, 1989а - в]. Они разделены талагайкинскими речными и тильтимскими речными или морскими отложениями с тильтимским (болгохтохским) комплексом фораминифер, описанным В.И. Гудиной [1976]. Наиболее широко распространены шайтанские морены, достигающие широты г. Ханты-Мансийска.

Средний неоплейстоцен объединяет два ледниковых (самаровский и тазовский) и два межледниковых (тобольский и ширтинский) горизонта. Их радиометрический возраст в Сибири оценивается в пределах от 130 до 400 тыс. лет [Архипов, Волкова, 1994]. Разрез среднего неоплейстоцена начинается с межледникового тобольского горизонта, континентальные отложения которого на севере представлены аллювием, содержащим спорово-пыльцевые спектры лесного типа и пресноводную малакофауну с *Corbicula*, а морскими аналогами являются обские (туруханские) слои с фораминиферами зоны *Milionella pyriformis*. В.И. Гудиной [1976] они сопоставляются с голыштейном Северо-Западной Европы. Самаровский горизонт объединяет отложения времени максимального оледенения Западно-Сибирской равнины и сложен ледниковыми и водно-ледниковыми отложениями. Гигантский субширотный пояс конечно-моренных образований оледенения, пересекающий равнину от Урала до Сибирской платформы, достигает 59° 30' с. ш. Тазовское оледенение и ширтинское межледниковье, выделенное в центральной части Западной Сибири в районе Сибирских увалов [Земцов, Шацкий, 1959, 1961; Мизеров, 1956; Шацкий, 1956] и долгое время не признаваемое на севере региона [Лазуков, 1970; Сакс, 1953; Троицкий, 1966], подтверждены последними работами С.А. Архипова [1997, 1998; Архипов и др., 1994], показавшего морской межледниковый характер санчуговских (солемальских) отложений, их синхронность аллювиально-озерным ширтинским осадкам и широкое распространение на севере тазовской морены. Тазовский краевой пояс находится несколько севернее самаровского, распространяясь до 60° 30' с. ш. По поводу проявления ширтинского потепления существуют различные мнения. Одни исследователи считают его межледниковым, другие - межстадиальным. Определенные данные о межледниковом характере этого времени имеются только во внеледниковой зоне. К ширтинскому потеплению относятся речные отложения в разрезах у поселков Калистратиха и Калманка (верховья Оби), содержащие раковины *Corbicula purpurea Prime*, *Corbiculina tibitensis* (Prashad) и *Unio kalmykorum Bogachev*. Их возраст определен методом ЭПР в 219,4 тыс. лет [Архипов, Линке, 1987]. Наличие теплолюбивых пресноводных моллюсков свидетельствует о том, что уровень потепления в ширтинское время был близок

таковому в тобольское и казанцевское время, а мощность почвенного профиля почв чарышского педокомплекса и их зрелость указывают на длительность теплого периода.

Наиболее детально расчленены верхнеледниковые отложения Западной Сибири, возраст которых устанавливается в интервале от 10,2 до 130 тыс. лет [Архипов, 1997; Архипов, Волкова, 1994]. Они подразделяются на четыре горизонта (см. табл. 1) - казанцевский межледниковый, ермаковский (нижнезырянский) и сартанский (верхнезырянский) ледниковые и каргинский межстадиальный. Последние три горизонта объединены в зырянский надгоризонт, который, по данным С.А. Архипова [1997], соответствует вейхзелию Западной Европы. На севере казанцевский межледниковый горизонт представлен морскими отложениями, содержащими арктобореальные и бореальные комплексы фораминифер [Гудина, 1976; Левчук, 1984] и моллюсков [Троицкий, 1966, 1979], а также диатомей [Скабичевская, 1984], споры и пыльцу [Гуртовая, 1975; Последнее оледенение..., 1977]. В.И. Гудина [1976]. Эти отложения по фораминиферам сопоставляет с земом Северо-Западной Европы. В устье Енисея и на Таймыре их возраст определен методом ЭПР в 121,9 и 134,8 тыс. лет [Linke et al., 1986].

К ермаковскому горизонту относятся ледниковые отложения, накопившиеся в интервале 100 (110) ± ± 17 (27) - 55 (60) тыс. л. н. и распространенные до 62° 30' с. ш. На нижней Оби они разделены С.А. Архиповым на стадиальные кормужихантские, интерстадиальные богдашкинские и стадиальные хошгортские слои. Каргинский межстадиальный горизонт, сформировавшийся в интервале 55 (50) - 23 тыс. л. н. в ледниковой зоне, включает, по данным С.А. Архипова [1997], нижнекаргинские (харсоимские) и верхнекаргинские морские отложения, разделенные стадиальными лохподгорскими образованиями и сохранившиеся на Обском Севере, Тазовском и Гыданском полуостровах. На Обском Севере им же выявлены золотомысские речные слои, соответствующие нижнекаргинскому подгоризонту. Сартанский горизонт имеет возраст 10,2 - 23 тыс. лет и включает сартанскую ледниковую толщу, состоящую из морены максимальной гыданской стадии и двух морен рецессионных ньяпанской и норильской стадий. На позднеледниковье (примерно 13 - 11 тыс. л. н.) приходится морская ингрессия. По данным большинства исследователей, сартанские ледниковые образования распространены до 66° 30' с. ш. [Палеогеография..., 1980], но И.А. Волков [1997] считает, что они широко представлены в районе Сибирских увалов и достигают 61° с. ш.

В разработку стратиграфии плейстоцена приледниковой и внеледниковой зон Западно-Сибирской равнины существенный вклад внесли С.А. Архипов,

И.А. Волков, В.С. Волкова, Ф.А. Каплянская, В.А. Мартынов, В.А. Панычев, В.Д. Тарноградский, С.Б. Шацкий и многие другие. В стратиграфической последовательности плейстоцена этих зон намечается отчетливое циклическое чередование речных, подпрудно-озерных и субэзральных отложений. Каждый цикл осадконакопления начинается речными отложениями, формировавшимися в теплых межледниковых условиях. Во время оледенений из-за ледниковой преграды, возникавшей в низовьях Оби и Енисея, сток на север прекращался и в долинах крупных рек аккумуляровались отложения подпрудно-озерных бассейнов [Волков, Волкова, 1964, 1981; и др.]. В долинах основных рек Западной Сибири подпрудно-озерные отложения прослеживаются до 53° с. ш. Цикл осадконакопления завершается субэзральными лессовыми отложениями, накапливающимися при преобладающем значении эолового фактора во время усиления аридизации климата.

Для расчленения и корреляции этих толщ широко используется информация об остатках млекопитающих [Вангенгейм, 1977; Зажигин 1980] и пресноводных моллюсков, палинологические и карпологические данные [Волкова, 1966, 1977; Кривоногов, 1988; История..., 1970]. Среди аллювиальных свит наиболее отчетливо выделяются талагайкинская и тобольская свиты, соответствующие одноименным горизонтам. Из-за слабой изученности, литолого-генетического сходства и недостаточной палеонтологической охарактеризованности большинство разновозрастных речных толщ центральной и южной части Западной Сибири относятся к тобольской свите. Проведенное ЭПР-датирование [Архипов, Линке, 1987; Истомин и др., 1988] по раковинам корбикул выявило разновозрастность речных отложений плейстоцена, содержащих раковины теплолюбивых пресноводных моллюсков. Следует отметить, что местонахождение позвоночных у пос. Татарка, являющееся типовым для фауны млекопитающих начала среднего плейстоцена Западной Сибири [Вангенгейм, 1977], по результатам ЭПР-датирования [Истомин и др., 1988] следует относить к казанцевскому горизонту. Принадлежность татарской фауны к позднему плейстоцену существенно поднимает раннюю границу существования позднелолитической (мамонтовой) фауны - до начала зырянского времени.

В южной внеледниковой зоне Западной Сибири широко распространена субэзральная лессовая толща мощностью до 120 м. Она имеет отчетливое циклическое строение, заключающееся в закономерном чередовании лессовых, почвенных и криогенных горизонтов. В совокупности эти три горизонта представляют климатостратиграфический цикл. Изучение циклитов, отражающих главные климатические ритмы, послужило основой создания стратиграфической

схемы субэзральной толщи Западной Сибири [Волков, 1971; Волков, Зыкина, 1977, 1982; Волков и др., 1990; Зыкина и др., 1981]. Хроностратиграфические построения опирались на палеопедологические исследования, данные радиоуглеродного и термолуминесцентного датирования ископаемых почв и лессов, результаты палеомагнитного анализа, изучение остатков мелких млекопитающих, позволившие подтвердить возрастную интерпретацию горизонтов лессов и почв [Архипов и др., 1997; Зыкина и др., 1981; Зыкина, 1986; Зыкина, Круковер, 1988; Зыкина, Ким, 1989].

Выше границы Брюнес - Матуяма в лессовой толще Западной Сибири установлено девять циклитов субэзрального осадконакопления, представленных девятью этапами интенсивного почвообразования и лессонакопления. По данным большинства исследователей, именно восемь - девять этапов почвообразования характерно для лессовой толщи различных регионов Евразии в пределах палеомагнитной эпохи Брюнес [Pecsi, 1986; Сиренко, Турло, 1986; Додонов, 1986; Bronger, Heinkele, 1989; Paere, van Overloop, 1990; Величко и др., 1992]. Различия между морфотипами разновозрастных ископаемых почв и горизонтов лессов позволили расчленить лессово-почвенную толщу Западной Сибири на три части: верхнюю, среднюю, нижнюю, соответствующие верхнему, среднему и нижнему неоплейстоцену (см. табл. 1).

Выявленные климатоседиментационные циклы сопоставлены между собой, а также с ледниковыми и межледниковыми горизонтами севера Западной Сибири. Педокомплексы формировались в обстановках умеренно теплых и влажных межледниковий или межстадиалов, а мерзлотно-солифлюкционные деформации происходили в первой половине каждого оледенения при влажно-холодном климате. Аккумуляция лессов относится ко второй половине ледниковья, времени дегляциации и, как считает И.А. Волков [1983], соответствует терминации. Подобные сопоставления дают принципиальную основу для корреляции с изотопно-кислородной шкалой океанов, которая облегчается тем, что в полном лессово-почвенном разрезе установлена граница Брюнес - Матуяма, а возраст циклитов определен по ^{14}C и охарактеризован палеонтологически. Это позволило провести корреляционные сопоставления разновозрастных отложений ледниковой, приледниковой и внеледниковой зон. Изотопно-кислородная шкала в данном случае выступает в роли независимого сверочного стандарта.

Нижнелоплейстоценовые субэзральные отложения включают три педокомплекса и три горизонта лессов (см. табл. 1). Первому этапу потепления раннего неоплейстоцена соответствовали евсинские луговые и лугово-черноземные почвы. Фауна мелких млекопитающих из кротовин определена как

ранневяткинская, возрастным аналогом которой является тираспольский фаунистический комплекс [Архипов и др., 1997]. Палеомагнитные данные из разреза Мраморный показывают, что граница Брюнес - Матуяма проходит в самой верхней части евсинского педокомплекса [Поспелова, Гнибиденко, 1982; Волков и др., 1984], а в разрезе Белово зона перехода Матуяма - Брюнес зафиксирована внутри евсинского педокомплекса. Этот педокомплекс сопоставлен с 19-й стадией изотопно-кислородной шкалы, к которой приурочена граница Брюнес - Матуяма [Shackleton, Opdyke, 1973]. Выше евсинского педокомплекса залегает салаирский лесс, соответствующий мансийскому горизонту и отнесенный к 18-й стадии. Он содержит костные остатки лошади, переходной от *Equus stenonis* к *Equus caballus* [Волков, Зыкина, 1982], а в разрезе Белово имеет ТЛ-дату - 650 ± 80 тыс. л. н. [Архипов др., 1997]. Над лессом выявлен беловский педокомплекс, состоящий из трех почв (луговой и двух лугово-черноземных). Он отнесен к талагайкинскому горизонту и 17-й, 15-й изотопно-кислородным стадиям. В педокомплексе обнаружены останки грызунов раннеолейстоценового вяткинского комплекса, которые по эволюционному уровню соответствуют фауне его типового местонахождения, описанного В.С. Зажиговым [1980]. На верхнем Енисее в Куртаковском археологическом районе возраст беловской палеопочвы определен ТЛ-методом в 540 ± 42 тыс. лет [Архипов и др., 1992]. Даниловский лесс, имеющий ТЛ-дату 510 ± 130 тыс. л.н. [Архипов и др., 1997], коррелируется с азовским горизонтом и 14-й изотопно-кислородной стадией. Выше расположен шадрихинский педокомплекс, представленный двумя почвами (см. табл. 1). Он также характеризуется фауной грызунов раннеолейстоценового вяткинского комплекса, более позднего этапа ее развития. Педокомплекс выделен в составе шайтанского надгоризонта и соотношен с тильтимским горизонтом, сопоставляется с 13-й стадией. Завершает нижний субэаральный неоплейстоцен морозовский лесс, соответствующий низямскому горизонту и включенный в шайтанский надгоризонт.

Средний неоплейстоцен объединяет шесть горизонтов: три крупные эпохи потепления, с которыми синхронизируются шипуновский, чарышский и койнихинский педокомплексы, и три холодных интервала, которым соответствуют шибавский, чулымский и сузунский лессы (см. табл. 1). К тобольскому горизонту относится шипуновский педокомплекс. На территории Новосибирского Приобья это две хорошо развитые ископаемые почвы и одна примитивного строения, разделенные прослоями лессовидных суглинков (нижняя почва лугово-черноземная, средняя - чернозем выщелоченный и верхняя - черноземовидная). На увалистой Приобской равнине это две черно-

земные почвы, верхняя из которых унаследовала профиль нижней. Педокомплекс сопоставлен с 11-й стадией изотопно-кислородной шкалы. Шибавский лесс соответствует самаровскому горизонту, входящему в бахтинский надгоризонт, и синхронен 10-й стадии. В разрезах Приобского плато он замещается толщей золовых песков, возраст которых на профиле между поселками Белово и Вяткино определен ТЛ-методом в 260 ± 20 тыс. лет [Архипов и др., 1997]. Ширтинскому теплему времени соответствует чарышский педокомплекс - сложно построенная полигенетичная почвенная толща. Морфотипические особенности педокомплекса позволяют выделить две разнотипные почвы. Нижняя имеет признаки бурых и серых лесных почв, а верхняя - черноземов луговых степей. Стратиграфическое положение педокомплекса контролируется залеганием его под горизонтами, имеющими ТЛ-даты, а также наличием в нем фаунистических остатков среднеолейстоценового возраста. Чулымский лесс выделен в составе тазовского горизонта, имеет возраст по ТЛ-датированию 180 ± 15 тыс. лет [Архипов и др., 1997]. Койнихинский педокомплекс включает две черноземные почвы, характеризующиеся микротириофауной среднеолейстоценового возраста. Он включен в состав тазовского горизонта, синхронен 7-й изотопно-кислородной стадии. Сузунский лесс, распространенный непосредственно ниже характерного бердского педокомплекса, соотносится с тазовским горизонтом и имеет ТЛ-дату 140 ± 14 тыс. л. н. [Архипов и др., 1997].

Верхний субэаральный неоплейстоцен Западной и Средней Сибири имеет более сложное строение, чем это представлялось ранее. Казанцевскому межледниковью соответствует нижняя почва бердского педокомплекса (Западная Сибирь) или каменоложская почва (Средняя Сибирь). В нижнезырянских отложениях в объеме ермаковского горизонта выделено к настоящему времени три теплых интервала, которым соответствует сухоложский педокомплекс на верхнем Енисее [Чеха, 1990; Зыкина, 1996]. Лишь один теплый интерстадиал установлен в субэаральных отложениях Западной Сибири. К нему отнесена верхняя почва бердского педокомплекса [Зыкина и др., 1981]. Каргинский интерстадиал представлен двумя искитимскими почвами, а позднеледниковому потеплению соответствует суминская почва. С холодными интервалами сопоставлены горизонты тулинского, ельцовского и баганского лессов (см. табл. 1). Возраст верхнего звена неоплейстоцена определен в интервале от 10,2 до 130 тыс. лет. Верхний неоплейстоцен начинается с казанцевского горизонта, которому соответствует нижняя бердская почва, представленная черноземом полигенетичного строения. Почвы характеризуются фауной мелких млекопитающих позднеолейстоценового возраста. Казанцевская эпоха почвообразования

Таблица 2. Хроностратиграфия позднеледниковья и голоцена юга Западно-Сибирской равнины

Система	Раздел	Хронозона	¹⁴ C шкала (тыс. лет)	Барабинская равнина		
				Приобская и Предалтайская равнины	Восточная Бараба	Западная Бараба
ЧЕТВЕРТИЧНАЯ	ГОЛОЦЕН	Суб-атланти-ческая	1	430±60	Верховые торфяники рямов	600±65 торф 820±120
			2	525±100	Суглинки, супеси, пески поймы	1180±50 почва 1585±60 почва
			3	1080±135	Торфяники на криводановской террасе	2410±50 почва
			4	1515±60	Торфяники в дефляционных котловинах на кудряшовской террасе	3010±70
			5	1670±65	Суглинки, супеси, пески в дефляционных котловинах	Озерные глины, илы, супеси, пески с раковинами моллюсков береговой зоны оз. Чаны
		Суб-бореаль-ная	6	2130±90	Озерные торфяники с займищными котловинами и прослоями глыб	Озёрный мергель 8890±105
			7	2660±50	Озёрные пески, супеси, илы	Пески, супеси и глины расширений р. Оми
		Атлан-тическая	8	2800±20	Озёрные торфяники с займищными котловинами и прослоями глыб	Пески, супеси и глины расширений р. Оми
			9	3200±20	Озёрные торфяники с займищными котловинами и прослоями глыб	Пески, супеси и глины расширений р. Оми
			10	3830±150	Озёрные торфяники с займищными котловинами и прослоями глыб	Пески, супеси и глины расширений р. Оми
	ПЛЕЙСТОЦЕН	Бореальная	11	4680±90	Озёрные торфяники с займищными котловинами и прослоями глыб	Пески, супеси и глины расширений р. Оми
			12	6050±70	Озёрные торфяники с займищными котловинами и прослоями глыб	Пески, супеси и глины расширений р. Оми
			13	7200±70	Озёрные торфяники с займищными котловинами и прослоями глыб	Пески, супеси и глины расширений р. Оми

Супеси, суглинки, пески барабинских грив

Таблица 3. Хроностратиграфия позднеледникова и голоцена центральной и северной частей Западно-Сибирской равнины

Система	Раздел	Хронозона	¹⁴ C шкала (тыс. лет)	Северо-западная и приобская части равнины				Приенисейская часть равнины			
Ч Е Т В Е Р Т И Ч Н А Я	ПЛЕЙСТОЦЕН	Ранний дриас	13					Q _{3st}			
			12					Пески колпашевской террасы			
		Средний дриас	11					10650±90 СОАН-323			
			10					Аллювий надпойменной террасы р.Оби и ее притоков			
		Поздний дриас	9					8450±60			
			8					6320±75			
		Бореальная	7					5500±65 5880±70			
			6					Торфяники на надпойменной террасе			
		Пред- бореальная	5					Оупеси, суглинки, глины низкой поймы			
			4					2300±35			
	Бореальная	3					2700±20				
		2					200±60 780±50				
		1					935±30				

Окончание табл. 3

Система	Раздел	Хронозона	¹⁴ C шкала (тыс. лет)	Обской Север	Енисейский Север
ЧЕТВЕРТИЧНАЯ	ПЛЕЙСТОЦЕН	Ранний дриас	13	Аллювий II надпойменной террасы	Q₃ kr Q₃ st
		Беллинг	12		
		Средний дриас	11		
		Апперд	10		
		Поздний дриас	9		
		Пред-бореальная	8		
		Бореальная	7		
		Атлантическая	6		
		Суб-бореальная	5		
		Суб-атлантическая	4		
	Г О Л О Ц Е Н	1	3	440±20	Аллювий низкий
		2	2	570±20	Аллювий низкий
		3	1	2050±50	Аллювий низкий
ЧЕТВЕРТИЧНАЯ	ПЛЕЙСТОЦЕН	Ранний дриас	13	Аллювий II надпойменной террасы	Q₃ kr Q₃ st
		Беллинг	12		
		Средний дриас	11		
		Апперд	10		
		Поздний дриас	9		
		Пред-бореальная	8		
		Бореальная	7		
		Атлантическая	6		
		Суб-бореальная	5		
		Суб-атлантическая	4		
	Г О Л О Ц Е Н	1	3	440±20	Аллювий низкий
		2	2	570±20	Аллювий низкий
		3	1	2050±50	Аллювий низкий

отождествляется с подстадией 5° изотопно-кислородной шкалы. Стратиграфическое положение нижней бердской почвы подтверждается ТЛ-датами 140 ± 14 тыс., 130 ± 10 тыс. л. н. и палеомагнитным эпизодом Блейк (105 - 125 тыс. л. н.) [Архипов и др., 1995]. Раннезырянское время (изотопно-кислородные стадии 5°^a) на верхнем Енисее характеризуется тремя кратковременными потеплениями, во время которых формировались своеобразные серые лесные, черноземовидные и сходные с каштановыми почвы (см. табл. 1), имеющие слабо дифференцированные профили [Зыкина, 1992, 1996]. На юге Западной Сибири верхняя бердская почва охарактеризована как черноземовидная [Зыкина и др., 1981] и сопоставлена с подстадией 5°. Тулинский лесс залегает на бердском педокомплексе, образуя покров на древних элементах рельефа. Он включен в состав ермаковского горизонта и сопоставлен с 4-й стадией. Искитимский педокомплекс состоит из двух черноземовидных почв [Зыкина и др., 1981; Дергачева, Зыкина, 1988], содержащих остатки микротериофауны и фауны крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена. Возраст искитимского педокомплекса по данным радиоуглеродного датирования 20 - 35 тыс. лет [Зыкина и др., 1981], что позволяет сопоставлять его с каргинским горизонтом и с 3-й стадией изотопно-кислородной шкалы. Нижняя почва по данным радиоуглеродного датирования отнесена к ранней, а верхняя - к поздней фазе каргинского интерстадиала. Суглинок между почвами, вероятно, накопился во время похолодания конощелье [Кинд, 1974]. Ельцовский лесс соответствует времени сартанского оледенения и 2-й стадии шкалы, включая и комплекс отложений, слагающих гривы южной части Западной Сибири. Он, как это показывают радиоуглеродные даты нижележащих и вышележащих осадков, формировался от 19 - 18 до 15 - 14 тыс. л. н. в условиях глубокой аридизации климата, максимум которой в умеренных поясах Северного и Южного полушарий падает на 16 тыс. л. н. [Волков, 1976; Волков, Зыкина, 1993]. Суминский педокомплекс, представленный черноземовидной почвой, сформировался во время позднеледникового потепления. Он залегает на ельцовском лессе и других отложениях времени начала и максимума сартанского оледенения, выделен в составе сартанского горизонта, содержит кости крупных млекопитающих верхнепалеолитического комплекса с поздним мамонтом. Баганский лесс объединяет субэдральные отложения конца позднеледниковья и начала голоцена, залегает на суминском педокомплексе или с горизонтом выветривания на ельцовском лессе и более древних образованиях. В долинах возрастным аналогом баганского лесса являются эоловые мелкобугристые и мелкогрядовые пески на регионально развитой первой надпойменной террасе. Он соответствует сартанскому горизонту, со-

поставляется со 2-й стадией изотопно-кислородной шкалы.

Голоцен

В последние годы в Западной Сибири проведено детальное изучение стратиграфии позднеледниковых и голоценовых отложений по более 100 разрезам с широким использованием палинологического анализа и радиоуглеродного метода датирования [Волков и др., 1973; Фирсов и др., 1974, 1982; Панычев, 1979; Климанов и др., 1987; Левина и др., 1987, 1989; Орлова, 1990; Николаев, Орлова, 1998; и др.]. Эти исследования позволяют представить детальную хроностратиграфию позднеледниковья и голоцена данной территории (табл. 2, 3). В ее основе лежит схема Нильсона, [Nilsson, 1964], являющаяся модифицированной схемой Блитта - Сернандера и адаптированная для России М.И. Нейштадом [1957, 1983] и Н.А. Хотинским [1977, 1989]. Радиоуглеродная хронология свидетельствует, что в это время на всей территории Сибири происходили однотипные и однонаправленные геолого-седиментационные процессы [Архипов и др., 1994].

Судя по радиоуглеродным данным, во временном интервале 12,75 - 5,88 тыс. л. н. в долинах крупных рек и их притоков в условиях влажного климата, обильного речного стока и высокого стояния уровня озер шла аккумуляция аллювия первой надпойменной террасы. Эта терраса повсюду формировалась в два этапа [Волков, 1984]. Ранний этап обусловил создание основной части площадки террасы и уступа ее тылового шва, он датируется по русловому аллювию первой террасы р. Вторая Ельцовка 12,75 тыс. л. н. Поздний этап формирования первой террасы прослеживается в осевой части всех долин Западной Сибири. Этот этап относится к временному интервалу 8,67 - 5,88 тыс. л. н. В южных и центральных районах на поверхности первой надпойменной террасы развит покров молодых лессов и эоловых песков. Этот покров датирован в Сургутском Приобье 10,6 - 9,85 тыс. л. н. В долине нижней и средней Оби лессовидные суглинки опускаются с первой террасы и уходят под урез современных рек.

Голоцен, начало которого датируется 10,2 тыс. л.н., на территории приледниковой и внеледниковой зон Западной Сибири был временем ослабления процессов перемещения минерального мелкозема, существенной консервации рельефа и активизации биогенных процессов. В приледниковой зоне широкое развитие получили процессы торфонакопления, а во внеледниковой преобладало почвообразование. В голоцене в Западной Сибири сформировался крупнейший в мире торфяной бассейн [Нейштадт, 1971].

Торфяные залежи, мощностью до 8 - 9 м широко распространены как в долине Оби, так и на междуречном

плато. Донные слои торфяника у с. Горно-Слинкино на Иртыше датированы 9,0 тыс. л. н., торфяника Лукашкин Яр - 9,85 тыс. л. н., торфяника Болото Гладкое на Оби в районе г. Новосибирска - 8,71 тыс. л. н. Накопление торфа, как показывают даты, продолжалось длительное время, охватывающее практически весь голоцен. Возраст верхних слоев торфяника Болото Гладкое 0,48 тыс. лет [Фирсов и др., 1982]. С середины голоцена началось интенсивное торфонакопление в понижениях на первой надпойменной террасе, а также на территории Барабы. Придонные слои торфяника на первой надпойменной террасе в районе пос. Обского датированы 4,65 тыс. л. н., Каякского займа - 5,49 тыс. л. н., Гуськовского рья - 5,72 тыс. л. н., возраст верхних слоев таких торфяников 0,43 - 0,44 тыс. лет [Орлова, 1990]. Мощность торфяников достигает 3 - 8 м.

Широко распространена в долинах рек пойменная терраса. Она образует громадные сегменты, прослеживается непрерывными полосами шириной до 10 - 15 км. Повсеместно отчетливо выражено два уровня поймы: высокий (4,5 - 5,0 м) и низкий (1,5 - 3,0 м). Между террасами разного высотного уровня не всегда можно уловить четкую границу, но они безошибочно различаются по строению разрезов. В обнажениях высокой поймы постоянно присутствует погребенная луговая почва, замещающаяся по простиранию торфяниками. Типичным разрезом высокой поймы является разрез на правом берегу Оби в устье Томи [Архипов и др., 1973]. Возраст основания торфяного прослоя определен в 8,45 тыс. лет, кровли слоя в 0,2 тыс. лет. Низкая пойма начала формироваться во второй половине голоцена, с 6 - 5 тыс. л. н. Возраст низкой поймы разреза на р. Оби у с. Нижний Сузун определен в 1,67 - 2,31 тыс. лет [Орлова, 1990].

Начиная с субатлантического времени (2,5 - 2,2 тыс. л. н.) на территории Западной Сибири повсеместно развиваются старичные торфяники. Самые молодые торфосапелевые осадки наблюдаются в аллювии низкой поймы. Их возраст колеблется в пределах 0,4 - 0,9 тыс. лет.

Основные закономерности изменений природной среды и климата

Главной особенностью плейстоцена является направленное изменение климата в сторону похолодания, начавшееся с конца эоцена. Бореальному климату плейстоцена Западной Сибири предшествовал длительный этап ступенчатого понижения температуры в позднем неогене [Зыкин, 1991], отчетливо отражающий глобальные изменения климата кайнозоя в сторону похолодания [Величко, 1987; Зубаков, 1990]. Впервые климатические условия, близкие современным, в Западной Сибири возникли около 2,6 млн л. н.

В начале эоплейстоцена климат был теплее современного. Об этом свидетельствует присутствие среди наземных моллюсков карагашской свиты битекейского разреза рода *Parmacella*, живущего ныне в Средней Азии, и вымершего вида *Gastrocopta (Sinlbinula) serotina*, близкого к современному индийскому виду *G. huttoniana*. Общий тренд похолодания с конца эоплейстоцена и в неоплейстоцене проявляется в понижении температуры межледниковий и оледенений. Анализ климатических изменений в полных лессово-почвенных разрезах юга Западной Сибири показывает, что по строению неоплейстоценовых педокомплексов и типологическому составу почв прослеживается четкая направленность в развитии процессов почвообразования и климата теплых эпох неоплейстоцена. В раннем и среднем неоплейстоцене почвообразование было интенсивным и продолжительным и значительно сокращалось по этим параметрам к позднему неоплейстоцену. Неопозднеплейстоценовые лессы формировались в обстановке преобладания процессов физического выветривания в аридном климате, средне- и раннеплейстоценовые лессы - в менее аридном климате, на фоне значительного развития процессов химического выветривания. Комплексный анализ данных, проведенный А.А. Величко [1987], показал, что наиболее суровые условия в Европе наступают в эпоху максимума последнего оледенения. По его мнению, время 18 - 20 тыс. л. н. можно рассматривать как главный термический минимум не только за всю историю плейстоцена, но и весь мезо-кайнозой.

Другой существенной особенностью неоплейстоцена является ритмичность изменений природной среды и климата. На фоне направленного процесса развития природной среды четко фиксируются повторные чередования похолоданий и потеплений климата, обусловленные орбитальными факторами и изменением солнечной активности. Флуктуации глобального климата в неоплейстоцене сопровождались значительными перестройками природной среды, которым в Западной Сибири соответствовали прежде всего изменения ландшафтов, вплоть до их полной смены. Во время похолоданий климата на севере Сибири развивались покровные оледенения. В настоящее время С.А. Архиповым [1989а - в] здесь выделено девять горизонтов морен. Покровные оледенения существенно различались своими размерами и объемами ледников, размещением краевых ледниковых образований и продолжительностью. Во время оледенений происходило глобальное понижение уровня океана до 130 м [Былинский, 1996], что приводило к увеличению площади материков и континентализации климата. Важным компонентом природной среды ледниковых эпох были внутриконтинентальные подпрудно-ледниковые озерные бассейны

[Волков, Волкова, 1964, 1981; и др.]. В горных районах Алтае-Саянской области и юга Восточной Сибири развивалось горно-долинное оледенение. Возникновение в горах Алтая крупных оледенений, которое реконструируется некоторыми исследователями, по-видимому, невозможно из-за высокой континентальности климата и недостатка влаги для формирования значительных ледников. Во время оледенений происходили резкое смещение к югу на 700 - 1100 км ландшафтных зон, миграция в южные районы Западной Сибири представителей арктической флоры. Огромные пространства к югу от границ оледенения занимали тундровая растительность и заболоченные редколесья. Среднегодовые температуры были на 7 - 10 °C ниже современных [Волкова, 1977, 1991].

Теплые эпохи плейстоцена Западной Сибири отличались друг от друга по температуре и продолжительности потепления. Существенным моментом является высокий уровень океана, связанный с таянием ледниковых щитов. Так, в казанцевское время морем были затоплены северные приморские низменности, примерно до широты полярного круга, т. е. на 500 - 700 км южнее современной береговой линии [Гуськов, Левчук, 1995]. Вслед за подъемом уровня океана происходила постепенная перестройка гидросети на более высокий гипсометрический уровень, который находился, например, в казанцевское время на 10 м выше современного меженного уровня рек. Этот фактор, наряду с увеличением увлажненности, приводил к подъему уровня грунтовых вод и заболачиванию низменных равнин. Почти в каждое межледниковье плейстоцена в Западную Сибирь мигрировали теплолюбивые среднеазиатские виды пресноводной малакофауны. Присутствие среди западносибирских пресноводных моллюсков среднеазиатских видов *Corbicula fluminalis* (Mull.), *C. purpurea* Prime, *C. sp.*, *Corbiculina tibitensis* (Prashad), *C. ferghanensis* (Kursalova et Star.) и *Allocinma caspica* West., современное распространение которых ограничено среднегодовой температурой +16 °C [Чепалыга, 1985] и зимней изотермой - 8 °C, свидетельствует об аналогичном термическом режиме и в Западной Сибири. Установлено, что корбикулы гибнут, если температура около 0 °C держится более недели [Genner, Vaate, 1991]. Следовательно, ледовый режим на реках юга Западной Сибири во время распространения в них корбикул отсутствовал.

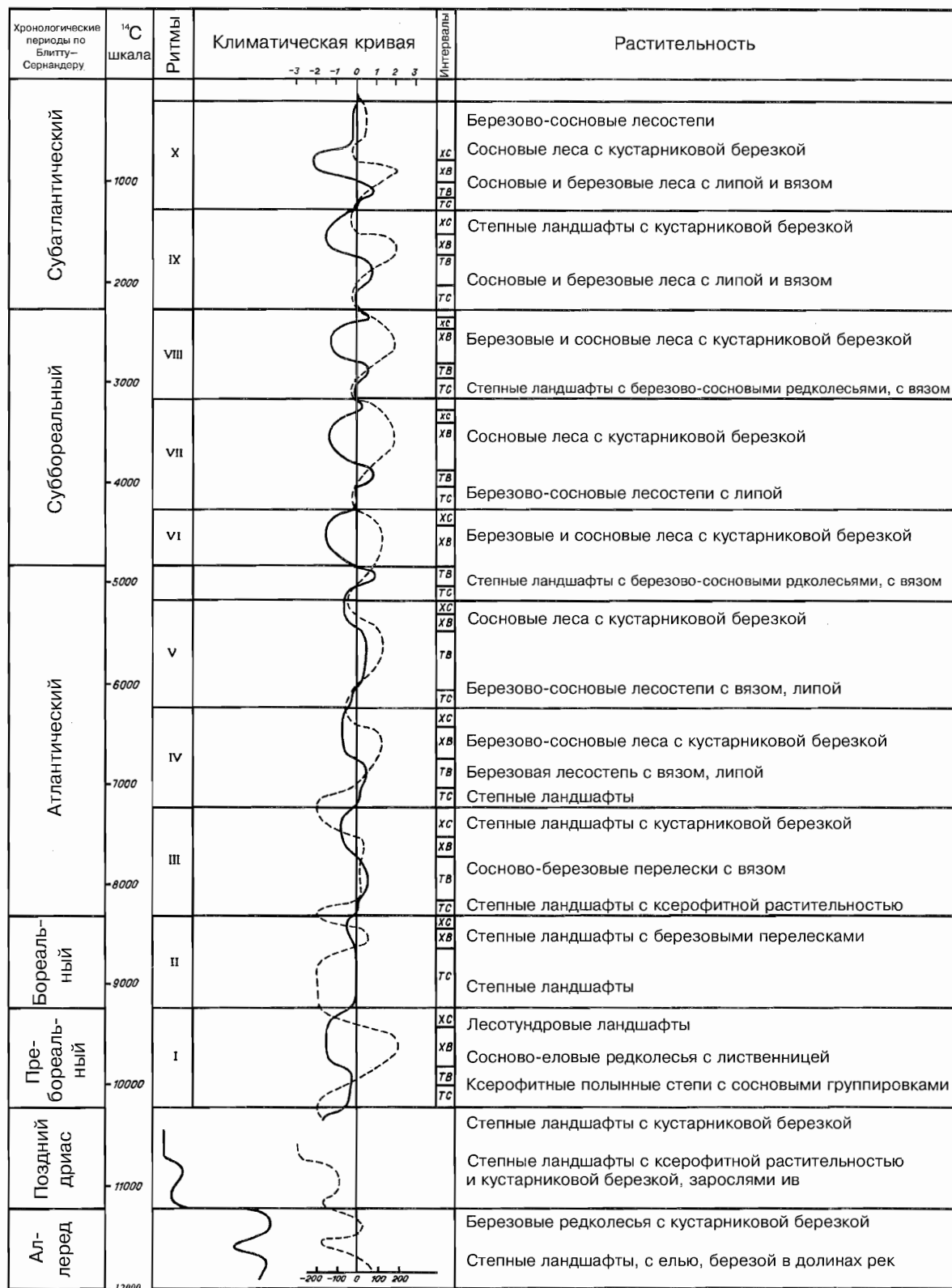
В течение теплых эпох всего неоплейстоцена преобладали типы почв бореального и в основном суббореального педогенеза. Каждый почвенный этап характеризовался выраженной стадийностью процессов почвообразования. Исследование полной лессово-почвенной последовательности подтвердило данные А.А. Величко [1987], полученные при изучении лес-

совых разрезов плейстоцена Восточной Европы, об отсутствии в нижнем и среднем неоплейстоцене интэрстадиальных почв. На территории юга Сибири в ранне- и среднелепестостеновые теплые эпохи, включая и казанцевскую, господствовал умеренный климат, характеризующийся высокой влаго- и теплообеспеченностью и сменявшийся в позднем плейстоцене на более прохладный и аридный. Сравнение эпох педогенеза от начала плейстоцена до голоцена показало постепенное похолодание и уменьшение увлажнения каждого последующего оптимума теплых эпох. Сравнительный анализ теплых эпох и их положения в плейстоцене Сибири показал, что поздний неоплейстоцен отличается меньшей амплитудой и большей частотой климатических колебаний от раннего и среднего неоплейстоцена.

Реконструкция развития природного процесса внутри теплых эпох представляет значительные трудности. По данным, полученным при изучении ископаемых почв Западной Сибири, установлено, что климат ранних этапов каждого теплого интервала отличался большей влажностью по сравнению с поздними. Так, в первую половину казанцевского межледниковья в условиях водораздельных плохо дренируемых участков формировались черноземы с хорошо выраженными иллювиальными горизонтами. Морфотипические признаки почв свидетельствуют о значительной влажности климата этого времени. Формировались более гумидные и теплые по сравнению с современными почвами варианты черноземов. Вторая половина казанцевского времени представлена черноземами с отчетливым карбонатно-иллювиальным горизонтом, залегающим в нижней части гумусового и верхней части иллювиального. Вероятнее всего, вторая половина межледниковья характеризовалась большей аридизацией климата по сравнению с гумидной первой половиной. Структура почвенного покрова казанцевского межледниковья была близка современной, но отличалась положением ландшафтно-географических зон. Расширение границ лесостепной зоны происходило почти на 2° к северу и незначительно к югу за счет редукции степной зоны.

Большие трудности возникают при реконструкции соотношения тепло- и влагообеспеченности в различные периоды ледниково-межледникового цикла. Миграции теплолюбивых среднеазиатских элементов пресноводной малакофауны в Западную Сибирь почти в каждое межледниковье плейстоцена свидетельствуют о наличии в Средней Азии и Западном Казахстане в периоды потеплений развитой гидросети и зоны достаточного увлажнения. Как известно, большинство исследователей придерживается точки зрения о формировании оловых лессовых отложений в холодные ледниковые эпохи. Высказанное в последнее время

Таблица 4. Климат и растительность юга Западной Сибири в позднеледниковье и голоцене
(по [Левина, Орлова, 1993] с дополнениями)

Примечание: ХС - холодно-сухой, ХВ - холодно-влажный, ТВ - тепло-влажный, ТС - тепло-сухой климат.
Сплошная линия - температура года, пунктирная - среднегодовые суммы осадков, мм/год.

предположение о формировании этих осадков в теплом аридном климате, во время терминаций [Волков, 1983; Девяткин, 1993] подтверждается новыми данными. Так, детальное изучение отложений в дефляционной котловине в Павлодарском Прииртышье выявило на ее дне, которое находится на более чем 27 м ниже уреза Иртыша, пустынную мостовую, ветрограники, растрескавшиеся мелкие валуны с пустынным загаром, прослой лесса и карбонатную кору, деформированных последующими мерзлотными процессами. Формирование карбонатной коры возможно только в теплом аридном климате. Эти данные свидетельствуют, что интенсивный процесс дефляции и параллельное ему лессообразование протекали в теплом аридном климате.

Данные, накопленные при изучении голоценовых отложений, позволяют подразделить голоцен на три различных в климатическом отношении отрезка. Первый охватывает бореальный и атлантический периоды. Это было время постепенного потепления, возрастания теплообеспеченности природы и некоторого ее иссушения. Конец атлантического периода (6 - 5,5 тыс. л. н.) - это время среднего голоцена. Оно выделяется как его климатический оптимум. Климат был существенно теплее и суше современного. Суббореальный и субатлантический периоды в целом характеризовались несколько более влажным и прохладным климатом. Вместе с тем это было время неустойчивых температур и влажности. Были этапы кратковременных похолоданий и потеплений [Архипов, Волкова, 1994; Орлова, 1990].

Изменения растительности в голоцене отражает в целом тысячелетний ритм. Детальные исследования, проведенные Т.П. Левиной и Л.А. Орловой [1993], позволили составить климатическую кривую для юга Западной Сибири (табл. 4) и расчленить голоцен на 10 тысячелетних ритмов, при этом каждый ритм состоит из двух интервалов: теплого и холодного продолжительностью приблизительно по 500 - 600 лет. Каждый интервал, в свою очередь, состоит из двух фаз: тепло-сухой, тепло-влажной и холодно-влажной, холодно-сухой продолжительностью в среднем по 250 - 300 лет. Каждый ритм начинался с тепло-сухой фазы, затем при сохраняющихся теплых условиях увеличивалась увлажненность, начиналась тепло-влажная фаза. Вторая половина ритмов была прохладной, вначале холодно-влажная, затем холодно-сухая. Соответственно менялся и растительный покров. В тепло-сухие фазы климата широкое распространение имела ксерофитная растительность, в тепло-влажные среди травянистой растительности появлялись березовые и сосновые перелески с липой и вязом, в прохладных и влажных условиях распространялись древесные с кустарниковой березкой, в прохладных сухих древесная растительность исчезала, снова господствовали ксе-

рофитные, в которых сохранялись кустарниковые березки.

Выявленный ритм изменения растительности по продолжительности почти совпадает с ритмом изменения температур, полученным по инструментальным и косвенным данным за последние 2000 лет. По историческим сведениям в позднем голоцене выделяется следующая климатическая последовательность [Gribbin, Lamb, 1978; Варущенко, 1990; Монин, Шишков, 1998]: с середины V в. или раньше до IX - X вв. - холодный климат, с IX до середины XVI в. - климатический оптимум средневековья (эпоха викингов), температура в первую половину оптимума средневековья была выше средней многовековой на 1,3 - 1,6 °C [Варущенко, 1990], с середины XVI до конца XIX в. в Европе было похолодание климата - малый ледниковый период, со смещением широтных климатических зон на несколько сотен километров и высотных зон в горах вниз на несколько сотен метров [Монин, Шишков, 1998]. Приведенная выше хронология климатических изменений голоцена, основанная на радиоуглеродных и палинологических данных, не совпадает с хронологией короткопериодических изменений климата, которая определена по инструментальным, историческим и дендрохронологическим данным, особенно это касается последних полутора тысяч лет. Несоответствие обусловлено тем, что палинологические данные отражают более длительные биологические процессы (изменение состава и структуры лесных экосистем, сукцессии, смещение границ ботанико-географических зон и поясов, полярной границы древесной растительности), которые должны проявляться с заметным запаздыванием (десятки и сотни лет) по сравнению с изменениями климата [Ваганов и др., 1996], а также лабораторной ошибкой радиоуглеродного метода.

Палеоклиматическая кривая для юга Западной Сибири (см. табл. 4), составленная по палинологическим данным и результатам радиоуглеродного датирования [Левина, Орлова, 1993], хорошо вписывается в глобальный климатический тренд, для которого характерно прогрессивное потепление с начала голоцена до его термического оптимума в позднеатлантическое время (около 5,5 тыс. л. н.) с тенденцией к похолоданию после оптимума в суббореальный и субатлантический периоды [Архипов и др., 1994]. Изменения климата приводили к сменам растительного покрова (см. табл. 3). На протяжении всего голоцена лес неоднократно наступал на степь, а степь на лес. В первую половину голоцена (начиная с бореального периода и до 6650 л. н.) трижды преобладание имели степные ксерофитные ассоциации, по-видимому, климат был более сухим, чем в настоящее время. Во второй половине голоцена древесные значительно продвинулись на юг, климат в это время был более влажным [Левина, Орлова, 1993].

Заключение

Представленный обзор новых материалов по стратиграфии четвертичных отложений Западно-Сибирской равнины свидетельствует, что стратиграфическое расчленение неоплейстоцена по степени детальности сопоставимо с изотопно-кислородной шкалой океанических осадков. Наиболее полно глобальные изменения климата четвертичного времени отражает лессово-почвенная последовательность Западной Сибири. Анализ полных лессово-почвенных разрезов юга Западной Сибири показывает, что в строении плейстоценовых педокомплексов и типологическом составе почв прослеживается четкая направленность в развитии процессов почвообразования и климата теплых эпох плейстоцена. В раннем и среднем неоплейстоцене почвообразование было интенсивным и продолжительным и значительно сокращалось по этим параметрам в позднем неоплейстоцене, что отражает тренд изменения климата в сторону похолодания, вплоть до позднего ледникового. Поздний неоплейстоцен отличается от раннего и среднего меньшей амплитудой и большей частотой климатических изменений. На территории юга Сибири в ранне- и среднееоплейстоценовые теплые эпохи, включая и казанцевскую, господствовал умеренно теплый климат, характеризующийся вплоть до позднего неоплейстоцена высокой влаго- и теплообеспеченностью. После казанцевского межледникового амплитуда и частота климатических колебаний существенно изменились. Теплые эпохи раннезырянского и каргинского интервалов значительно отличаются от предыдущих меньшими продолжительностью и глубиной потепления, климат стал более прохладным и аридным. Несмотря на то что голоценовое межледниковье несколько холоднее последнего межледникового (казанцевского, эемского), оно значительно продолжительнее и теплее коротких теплых эпох раннезырянского и каргинского времени. Эти данные свидетельствуют о том, что направленность климатических изменений позднего кайнозоя с голоценового времени сменилась в сторону потепления.

В голоцене, несмотря на некоторую изменчивость продолжительности короткопериодических чередований теплых и холодных эпох, устанавливается их отчетливая повторяемость с периодичностью около 500 лет. Последняя холодная эпоха (малый ледниковый период) продолжалась с середины XV до конца XIX в. С этого времени началось последующее естественное потепление климата, близкое по термическим параметрам к потеплению раннего средневековья с продолжительностью около 500 лет. Сложная картина климатических колебаний отражает естественный тренд развития природы без антропогенного влияния.

Список литературы

- Алексеев М.Н., Борисов Б.А., Величко А.А., Гладенков Ю.Б., Лаврушин Ю.А., Шик С.М. Об общей стратиграфической шкале четвертичной системы // Стратиграфия. Геологическая корреляция. - 1997. - Т. 5, № 5. - С. 105 - 108.
- Архипов С.А. Четвертичный период в Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1971. - 329 с.
- Архипов С.А. Стратиграфия четвертичных отложений Тюменского нефтегазоносного региона (уточненная стратиграфическая основа). - Новосибирск, 1987. - 52 с. - (Препр. / ИГиГ СО АН СССР; № 8).
- Архипов С.А. Хроностратиграфия плейстоцена севера Сибири // Геология и геофизика. - 1989а. - № 6. - С. 13 - 22.
- Архипов С.А. Хроностратиграфическая шкала ледникового плейстоцена севера Западной Сибири // Плейстоцен Сибири: Стратиграфия и межрегиональные корреляции. - Новосибирск: Наука, 1989б. - С. 20 - 30.
- Архипов С.А. Палеогеография и хроностратиграфия плейстоцена севера Сибири (обзор новейших данных) // Четвертичный период: Палеогеография и литология. - Кишинев: Штиинца, 1989в. - С. 201 - 213.
- Архипов С.А. Хронология геологических событий позднего плейстоцена Западной Сибири // Геология и геофизика. - 1997. - № 12. - С. 1863 - 1884.
- Архипов С.А. Пространственно-временные соотношения тазовского оледенения и санчуговской межледниковой трансгрессии в Западной Сибири // Геология и геофизика. - 1998. - № 6. - С. 821 - 841.
- Архипов С.А., Волков И.А., Волкова В.С., Гудина В.И. Антропоген (четвертичная система) // Фанерозой Сибири. - Новосибирск: Наука, 1984. - Т. 2: Мезозой и кайнозой. - С. 100 - 126.
- Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. - Новосибирск: НИЦ ОИГТМ СО РАН, 1994. - 105 с.
- Архипов С.А., Волкова В.С., Бахарева В.А., Вотах М.Р., Левина Т.П., Кривоногов С.К., Орлова Л.А. Природные климатические изменения в Западной Сибири к 2000 г. // Геология и геофизика. - 1994. - № 1. - С. 3 - 21.
- Архипов С.А., Волкова В.С., Зыкин В.С. Календарь биотических и абиотических событий позднего кайнозоя Западной Сибири // Стратиграфия. Геологическая корреляция. - 1993. - Т. 1, № 6. - С. 53 - 58.
- Архипов С.А., Волкова В.С., Зыкина В.С., Бахарева В.А., Гуськов С.А., Левчук Л.К. Природно-климатические изменения в Западной Сибири в первой трети будущего столетия // Геология и геофизика. - 1995. - № 8. - С. 51 - 71.
- Архипов С.А., Вотах М.Р., Шелкопляс В.Н. Стратиграфия, термолюминесцентный возраст и корреляция морен Белогорского Приобья // Четвертичные оледенения Западной Сибири и других областей Северного полушария. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 47 - 63.
- Архипов С.А., Гнибиденко З.Н., Зыкина В.С., Круковер А.А., Шелкопляс В.Н. Геологическое строение и общая стратегия хроностратиграфического изучения Куртаковского археологического района // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. - Красноярск: Зодиак, 1992. - С. 10 - 15.

Архипов С.А., Зыкина В.С., Круковер А.А., Гнибиденко З.Н., Шелкоплас В.Н. Стратиграфия и палеомагнетизм ледниковых и лессово-почвенных отложений Западно-Сибирской равнины // Геология и геофизика. - 1997. - № 6. - С. 1027 - 1048.

Архипов С.А., Куликов О.А. Стратиграфия и термолюминесцентный возраст раннего плейстоцена севера Западной Сибири // Плейстоцен Сибири: Стратиграфия и межрегиональные корреляции. - Новосибирск: Наука, 1989. - С. 31 - 40.

Архипов С.А., Левчук Л.К., Шелкоплас В.Н. Стратиграфия и геологическое строение четвертичного покрова нижнеобско-ямальско-тазовского региона Западной Сибири // Геология и геофизика. - 1994. - № 6. - С. 87 - 104.

Архипов С.А., Линке Г. Результаты ЭПР-датирования раковин *Corbicula tibetensis* из четвертичных отложений Западной Сибири // Новые данные по геохронологии четвертичного периода. - М.: Наука, 1987. - С. 229 - 236.

Архипов С.А., Фирсов Л.В., Паныхев В.А., Орлова Л.А. Новые данные по стратиграфии и геохронологии террас средней Оби // Плейстоцен Сибири и смежных областей. - М.: Наука, 1973. - С. 21 - 33.

Архипов С.А., Шелкоплас В.Н. Термолюминесцентный возраст западносибирских оледенений // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 10 - 17.

Былинский Е.Н. Влияние гляциостазии на развитие рельефа Земли в плейстоцене / Национальный геофизический комитет РАН. - М.: Производственно-издательский комбинат ВИНТИ, 1996. - 212 с.

Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской субарктике. - Новосибирск: Наука, 1996. - 246 с.

Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим). - М.: Наука, 1977. - 177 с.

Варущенко С.И. Эндогенные факторы и изменение некоторых климатических характеристик средних широт Северного полушария за последние 1500 лет // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1985. - № 5. - С. 15 - 26.

Величко А.А. Структура термических изменений палеоклиматов мезо-кайнозоя по материалам изучения Восточной Европы // Климаты Земли в геологическом прошлом. - М.: Наука, 1987. - С. 5 - 43.

Величко А.А., Морозова Т.Д., Нечаев В.П., Ударцев В.П., Цацкин А.И. Проблемы хроностратиграфии и корреляции лессово-почвенной формации Русской равнины // Стратиграфия и палеогеография четвертичного периода Восточной Европы. - М.: Ин-т географии РАН, 1992. - С. 115 - 140.

Волков И.А. Позднечетвертичная субаэральная формация. - М.: Наука, 1971. - 253 с.

Волков И.А. Роль эолового фактора в эволюции рельефа // Проблемы экзогенного рельефообразования. - М.: Наука, 1976. - Кн. 1. - С. 264 - 269.

Волков И.А. Состояние и перспективы развития стратиграфии четвертичных отложений // Геология и геофизика. - 1983. - № 2. - С. 30 - 33.

Волков И.А. Дистанционные методы и новейшие геологические образования центральной части Западной Сибири // Комплексные аэрокосмические исследования Сибири. - Новосибирск: Наука, 1984. - С. 79 - 85.

Волков И.А. Колебания климата и эволюция ландшафтов в сартанское похолодание и в голоцене по геологическим и геоморфологическим данным (на примере Верхнего Приобья) // Геология и геофизика. - 1994. - № 10. - С. 14 - 24.

Волков И.А. Пределы распространения сартанского ледника в Западной Сибири // Геология и геофизика. - 1997. - № 6. - С. 1049 - 1054.

Волков И.А., Волкова В.С. О позднеплейстоценовом озере-море на юге Западно-Сибирской низменности // Четвертичная геология, геоморфология и палеогеография Сибири. - Новосибирск: ИГГ СО АН СССР, 1964. - С. 109 - 129.

Волков И.А., Волкова В.С. Осадки трансгрессивных фаз плейстоценового Мансийского озера и великая система стока ледниковых вод Сибири // Четвертичные оледенения Западной Сибири и других областей Северного полушария. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 85 - 91.

Волков И.А., Гуртовая Е.Е., Фирсов Л.В., Паныхев В.А., Орлова Л.А. Строение, возраст и история формирования голоценового торфяника у с. Горно-Слинкино на Иртыше // Плейстоцен Сибири и смежных областей. - М.: Наука, 1973. - С. 34 - 39.

Волков И.А., Зыкина В.С. Ископаемые почвы в опорном разрезе покровных отложений Новосибирского Приобья // Геология и геофизика. - 1977. - № 7. - С. 83 - 94.

Волков И.А., Зыкина В.С. Стратиграфия четвертичной лессовой толщи Новосибирского Приобья // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 17 - 28.

Волков И.А., Зыкина В.С. Цикличность субаэральной толщи Западной Сибири и история климата в плейстоцене // Эволюция климата, биоты и среды обитания человека в позднем кайнозое Сибири. - Новосибирск: Изд-во ОИГГМ СО АН, 1991. - С. 40 - 51.

Волков И.А., Зыкина В.С. Южная часть Западно-Сибирской равнины (природные условия по данным изучения субаэральной толщи) // Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии: Поздний плейстоцен - голоцен; элементы прогноза. - М.: Наука, 1993. - Вып. 1. - С. 32 - 36.

Волков И.А., Зыкина В.С., Ким Ю.В., Круковер А.А. Уточнение схемы расчленения плейстоценовой субаэральной толщи Западной Сибири // Междунар. симпозиум "Четвертичная стратиграфия и события Евразии и Тихоокеанского региона": Тез. докл. - Якутск, 1990. - Ч. 1. - С. 41 - 43.

Волков И.А., Зыкина В.С., Семёнов В.В. Нижняя граница четвертичной системы в субаэральной толще Западной Сибири // Стратиграфия пограничных отложений неогена и антропогена Сибири. - Новосибирск: ИГГ СО РАН, 1984. - С. 72 - 84.

Волкова В.С. Четвертичные отложения низовьев Иртыша и их биостратиграфическая характеристика. - Новосибирск: Наука, 1966. - 175 с.

Волкова В.С. Стратиграфия и история развития растительности Западной Сибири в позднем кайнозое. - М.: Наука, 1977. - 283 с.

Волкова В.С. Стратиграфия четвертичных отложений полуострова Ямал // Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология. VII Всесоюз. совещ.: Тез. докл. - Таллинн, 1990. - Т. 1. - С. 126 - 127.

Волкова В.С. Колебания климата в Западной Сибири в позднеплиоценовое и четвертичное время // Эволюция

климата, биоты и человека в позднем кайнозое Сибири. - Новосибирск: Изд-во ОИГТМ СО РАН, 1991. - С. 30 - 40.

Волкова В.С., Бахарева В.А., Кулькова И.А., Николаева И.В. Палинологическая характеристика и стратиграфия кайнозойских отложений в районе Ханты-Мансийска // Микрофитофоссилии и стратиграфия мезозоя и кайнозоя Сибири. - Новосибирск: Наука, 1988. - С. 51 - 69.

Волкова В.С., Кулькова И.А. Изменение состава палинофлоры Сибири в позднем кайнозое // Среда и жизнь на рубежах эпох кайнозоя в Сибири и на Дальнем Востоке. - Новосибирск: Наука, 1984. - С. 54 - 62.

Гудина В.И. Фораминиферы, стратиграфия и палеогеография морского плейстоцена севера СССР. - Новосибирск: Наука, 1976. - 124 с.

Гуртовая Е.Е. Расчленение дозырянских четвертичных отложений Обского Севера. - Новосибирск: Наука, 1975. - 75 с.

Гуськов С.А., Левчук Л.К. Казанцевский палеобассейн на севере Сибири: экологические ассоциации фораминифер и палеобстановки // Геология и геофизика. - 1995. - № 3. - С. 25 - 30.

Девяткин Е.В. Меридиональный анализ экосистем плейстоцена Азии (основные проблемы) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. - 1993. - Т. 1, № 4. - С. 77 - 83.

Дергачёва М.И., Зыкина В.С. Органическое вещество ископаемых почв. - Новосибирск: Наука, 1988. - 128 с.

Додонов А.Е. Антропоген Южного Таджикистана. - М.: Наука, 1986. - 163 с.

Зажигин В.С. Грызуны позднего плиоцена и антропогена юга Западной Сибири. - М.: Наука, 1980. - 156 с.

Земцов А.А., Шацкий С.Б. К вопросу о геоморфологическом районировании северо-восточной части Западно-Сибирской низменности // Ледниковый период на территории европейской части СССР и Сибири. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1959. - С. 309 - 320.

Земцов А.А., Шацкий С.Б. К геологии и стратиграфии четвертичных отложений северо-восточной части Западно-Сибирской низменности // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - Т. 3. - С. 32 - 38.

Зольников И.Д. Принципы расчленения и корреляции моренных толщ покровного равнинного оледенения // Геология и геофизика. - 1991а. - № 1. - С. 86 - 91.

Зольников И.Д. Позднеплейстоценовые оледенения в низовьях Оби // Геология и геофизика. - 1991б. - № 11. - С. 110 - 117.

Зубаков В.А. Новейшие отложения Западно-Сибирской низменности. - Л.: Недра, 1972. - 312 с.

Зубаков В.А. Глобальные климатические события неогена. - Л.: Гидрометеоздат, 1990. - 223 с.

Зыкин В.С. Изменение климата в позднем миоцене и плиоцене на юге Западно-Сибирской равнины // Эволюция климата, биоты и человека в позднем кайнозое Сибири. - Новосибирск: Изд-во ОИГТМ СО АН СССР, 1991. - С. 5 - 17.

Зыкин В.С., Зажигин В.С., Зыкина В.С. Изменения природной среды и климата в раннем плиоцене юга Западно-Сибирской равнины // Геология и геофизика. - 1995. - № 8. - С. 40 - 50.

Зыкин В.С., Зажигин В.С., Присяжнюк В.А. Стратиграфия плиоценовых и эоплейстоценовых отложений в до-

лине р. Битеке (Северный Казахстан) // Геология и геофизика. - 1987. - № 3. - С. 12 - 19.

Зыкина В.С. Ископаемые почвы - основа расчленения четвертичных субаэриальных отложений Западной Сибири // Биостратиграфия и палеоклиматы плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Наука, 1986. - С. 115 - 121.

Зыкина В.С. Позднеплейстоценовые ископаемые почвы юга Средней Сибири (приенисейская часть) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. - Красноярск: Зодиак, 1992. - С. 102 - 105.

Зыкина В.С. Реконструкция природной среды позднего плейстоцена Сибири по палеопочвам // Геодинамика и эволюция земли. - Новосибирск: Изд-во СО РАН. НИЦ ОИГТМ. - 1996. - С. 222 - 224.

Зыкина В.С., Волков И.А., Дергачёва М.И. Верхне-четвертичные отложения и ископаемые почвы Новосибирского Приобья. - М.: Наука, 1981. - 203 с.

Зыкина В.С., Ким Ю.В. Почвообразование и лессонакопление в плейстоцене юго-восточной части Западной Сибири // Плейстоцен Сибири: Стратиграфия и межрегиональные корреляции. - Новосибирск: Наука, 1989. - С. 81 - 86.

Зыкина В.С., Круковер А.А. Новые данные по расчленению и корреляции четвертичных отложений Предалтайской равнины // Перспективы развития минерально-сырьевой базы Алтая. - Барнаул: Б.и., 1988. - Ч. 1. - С. 47 - 49.

Истомин В.Е., Панычев В.А., Шипицын Ю.Г. ЭПР-датирование раковин пресноводных *Corbicula tibetensis* из четвертичных отложений Западной Сибири. - Новосибирск, 1988. - 8 с. - (Препр. / ИГТ СО АН СССР; № 18).

История развития растительности внеледниковой зоны Западно-Сибирской низменности в позднелистоценовое и четвертичное время. - М.: Наука, 1970. - 363 с.

Казанский А.Ю., Зыкин В.С. Магнитостратиграфия опорного разреза плиоцена и эоплейстоцена в долине р. Битеке (Северный Казахстан) // Тез. докл. IV Всесоюз. съезда по геомагнетизму. - Владимир; Суздаль, 1991. - С. 76.

Казьмина Т.А. Остракоды кочковской свиты и ее аналогов // Кочковский горизонт Западной Сибири и его возрастные аналоги в смежных районах. - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 31 - 36.

Каплинская Ф.А., Тарноградский В.Д. Средний и нижний плейстоцен низовьев Иртыша. - Л.: Недра, 1974. - 159 с.

Каплинская Ф.А., Тарноградский В.Д. Западно-Сибирская равнина // Стратиграфия СССР. Четвертичная система. - М.: Недра, 1984. - Полутом 2. - С. 227 - 269.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. - М.: Наука, 1974. - 225 с.

Климанов В.А., Левина Т.П., Орлова Л.А., Панычев В.А. Изменение климата на территории Барабинской равнины в субатлантическом периоде голоцена по данным изучения торфяника Суминского займища // Региональная геохронология Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 143 - 149.

Кривоногов С.К. Стратиграфия и палеогеография Нижнего Прииртышья в эпоху последнего оледенения по карпологическим данным. - Новосибирск: Наука, 1988. - 232 с.

Лазуков Г.И. Антропоген северной половины Западной Сибири. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970. - 320 с.

Левина Т.П., Орлова Л.А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. - 1993. - № 3. - С. 38 - 55.

Левина Т.П., Орлова Л.А., Паньчев В.А., Пономарёва Е.А. Радиохронометрия и пылецевая стратиграфия голоценового торфяника Каякского заповища (Баранская лесостепь) // Региональная геохронология Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 136 - 143.

Левина Т.П., Орлова Л.А., Паньчев В.А., Скабичевская Н.А. Палеогеография и радиоуглеродная хронология на рубеже плейстоцена и голоцена Предалтайской равнины // Кайнозой Сибири и Северо-Востока СССР. - Новосибирск: Наука, 1989. - С. 129 - 138.

Левчук Л.К. Биостратиграфия верхнего плейстоцена севера Сибири по фораминиферам. - Новосибирск: Наука, 1984. - 128 с.

Мартынов В.А. Кочковский региональный горизонт // Кочковский региональный горизонт Западной Сибири и его возрастные аналоги в смежных районах. - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 6 - 15.

Мизеров Б.В. К вопросу о неоднократном оледенении северо-востока Западно-Сибирской равнины // Вопросы геологии Западно-Сибирской низменности. - Новосибирск: Кн. изд-во, 1956. - С. 175 - 189.

Мизеров Б.В. Основные этапы осадконакопления четвертичного периода аккумулятивных равнин Нарымского Приобья // Четвертичный период Сибири. - М.: Наука, 1966. - С. 245 - 258.

Монин А.С., Шишков Ю.А. О статистических характеристиках малого ледникового периода // Докл. Академии наук. - 1998. - Т. 358, № 2. - С. 252 - 255.

Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. - 404 с.

Нейштадт М.И. Мировой природный феномен - заболоченность Западно-Сибирской равнины // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1971. - № 1. - С. 21 - 34.

Нейштадт М.И. К вопросу о некоторых понятиях в разделении голоцена // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1983. - № 2. - С. 103 - 109.

Николаев С.А., Орлова Л.А. Отложения времени последнего ледникового в предгорном Алтае и их стратиграфические аналоги в Кузбассе // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: (Материалы междунар. симпоз.). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 242 - 248.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы: Стратиграфия и радиоуглеродная хронология. - Новосибирск: Наука, 1990. - 128 с.

Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднеледникового оледенения. - Новосибирск: Наука, 1980. - 107 с.

Паньчев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. - Новосибирск: Наука, 1979. - 103 с.

Последнее оледенение в Нижнем Приобье / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В.Н. Сакс. - Новосибирск: Наука, 1977. - 216 с.

Поспелова Г.А., Гнибиденко З.Н. Магнитостратиграфические разрезы неогеновых и четвертичных отложений Северной Азии и Юго-Восточной Европы и проблемы их корреляции // Геофизические методы в региональной геологии. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 76 - 94.

Решения и труды Межведомственного совещания по доработке и уточнению унифицированной и корреляцион-

ной стратиграфических схем Западно-Сибирской низменности. - Тюмень: Б.и., 1970. - Ч. 2. - 275 с.

Решения Межведомственного стратиграфического совещания по четвертичной системе Западно-Сибирской равнины (Новосибирск, 1988 г.): Объяснительная записка к региональной стратиграфической схеме четвертичных отложений Западно-Сибирской равнины. - Новосибирск: ИГГ СО РАН СССР, 1990. - 95 с.

Сакс В.Н. Четвертичный период в Советской Арктике. - Л.; М.: Водотрансиздат, 1953. - 627 с.

Сиренко Н.А., Турло С.И. Развитие почв и растительности Украины в плиocene и плейстоцене. - Киев: Наук. думка, 1986. - 186 с.

Скабичевская Н.А. Средне-позднечетвертичные диатомеи Приенисейского Севера. - М.: Наука, 1984. - 154 с.

Троицкий С.Л. Четвертичные отложения и рельеф равнинных побережий Енисейского залива и прилегающей части гор Бырранга. - М.: Наука, 1966. - 207 с.

Троицкий С.Л. Морской плейстоцен Сибирских равнин: Стратиграфия. - Новосибирск: Наука, 1979. - 293 с.

Фирсов Л.В., Волкова В.С., Левина Т.П., Николаева И.В., Орлова Л.А., Паньчев В.А., Волков И.А. Стратиграфия, геохронология и стандартная спорово-пыльцевая диаграмма голоценового торфяника Болото Гладкое в Новосибирске (Правые Чемы) // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 96 - 117.

Фирсов Л.В., Троицкий С.Л., Левина Т.П., Никитин В.П., Паньчев В.А. Абсолютный возраст и первая для севера Сибири стандартная пыльцевая диаграмма голоценового торфяника // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. - 1974. - № 41. - С. 121 - 127.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. - М.: Наука, 1977. - 198 с.

Хотинский Н.А. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. - М.: Наука, 1989. - С. 12 - 17.

Чепалыга А.Л. Фауна пресноводных моллюсков и палеоклиматы // Методы реконструкции палеоклиматов. - М.: Наука, 1985. - С. 145 - 149.

Чеха В.П. Ископаемые почвы // Куртаковский археологический район. - Красноярск: ПО "Сибирь", 1990. - Вып. 3. - С. 21 - 33.

Шацкий С.Б. Стратиграфия четвертичных отложений северо-восточной части Западно-Сибирской низменности // Материалы Западно-Сибирской комиссии по изучению четвертичного периода при Томском университете. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1956. - С. 115 - 123.

Berggren W.A., Hilgen F.J., Langereis C.G., Kent D.V., Obradovich J.D., Raffi I., Raymo M.E., Shackleton N.J. Late Neogene chronology: New perspectives in high-resolution stratigraphy // GSA Bulletin. - 1995. - Vol. 107, N 11. - P. 1272 - 1287.

Borisov B. Climatostratigraphic units of the Quaternary system: hierarchy, taxonomy and boundaries // Inter. Union Quarter. Res., XIV Inter. Congr., Abstracts. - Berlin: Freie Universität, 1995. - P. 32.

Bronger A., Heinkele Th. Micromorphology and genesis of paleosols in the Luochuan loess section, China: Pedostratigraphic and Environmental Implications // Geoderma. - 1989. - N 45. - P. 123 - 143.

Cowie T.W., Bassett M.G. Global stratigraphic chart with geochronometria and magnetostratigraphic calibration // Episodes. - 1989. - Vol. 12, N 2. - (Supplement).

Frechen M. Thermolumineszenz-Datierungen an Lössen des Mittelrheingebiets. - Köln: Sonderveroff Universität zu Köln, Geologisches Institut, 1991. - Bd. 79. - S. 1 - 137.

Genner H.A., Vaate A., bij de. Wordt de Asiatische mossel *Corbicula fluminea* een probleem in Nederland // Tijdschr. water voorz. en afvalwaterbehandel, 1991. - Vol. 24, N 4. - P. 101 - 103.

Gribbin J., Lamb H.H. Climatic change in historical time // Climatic Change. - Cambridge: Cambridge University Press, 1978. - P. 68 - 82.

Linke G., Katzenberger O., Grun R. Description and ESR dating of the Holsteinian interglaciation // Quaternary Sci. Rev. - 1986. - Vol. 4, N 4. - P. 319 - 331.

Nilsson T. Standartpollendiagramm and ^{14}C Datierungen aus dem Ageruds Mosse im mittleren Schonen // Lunds Universitets Arsskrift, N.F. - 1964. - Avd. 2, Bd 59, N 7. - S. 1 - 52.

Paeppe R., van Overloop E. River and soils cyclicities interfering with Sea Level changes // Greenhouse Effect, Sea Level and Drought. - Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1990. - P. 253 - 280.

Pecsi M. Stratigraphical Subdivision of Hungarian young and old Loess // Annales Universitatis Mariae Curie-Skladowska. Sectio B. - Lublin: Mariae Curie-Skladowska University, 1986. - Vol. 41. - P. 67 - 85.

Shackleton N. J., Opdyke N.D. Oxygen isotope and paleomagnetik stratigraphy of equatorial Pacific core V. 28 - 238: Oxygen isotope temperatures and ice volumes on a 10^5 and 10^6 year scale // Quatern. Res. - 1973. - Vol. 3. - P. 39 - 55.

Wintle A.G., Huntley D.J. Thermoluminescence dating of sediments // Quaternary Sci. Rev. - 1982. - Vol. 1, N 1. - P. 31 - 53.

Материал поступил в редколлегию 19.04.99 г.

УДК 902.2(571.15)

А.П. Деревянко¹, Д. Олсен², Д. Цэвээндорж³,
А.И. Кривошапкин¹, В.Т. Петрин¹, П.Д. Брантингхэм²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: shapkin@paleo.archaeology.nsc.ru

² Факультет антропологии, Аризонский университет, США, Department of Anthropology, University of Arizona,
Emil W. Haury Anthropology Building, 1009 East South Campus Drive, P.O. Box 210030, Tucson, Arizona 85721-0030,
U.S.A. E-mail: olsenj@u.arizona.edu

³ Институт истории АН Монголии, ул. Шуудангийнслбар, 19,
Улан-Батор, Республика Монголия
E-mail: jganbold@magicnet.mn

МНОГОСЛОЙНАЯ ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА ЦАГАН АГУЙ В ГОБИЙСКОМ АЛТАЕ (МОНГОЛИЯ)*

Введение

Территория Монголии представляет собой уникальный в археологическом плане район исследований. Географическое расположение региона вблизи древнейших центров расселения человека обусловило раннее проникновение на эту территорию человеческих популяций и появление ярких самобытных культур, как в каменном веке, так и в последующее время. Господство преимущественно аридных условий в плейстоцене, а также высокое положение значительной части Монголии над уровнем мирового океана препятствовали процессу активного осадконакопления, что наложило отпечаток на формирование и сохранность археологических объектов. В связи с этим изучение палеолита Монголии имеет свою специфику: значительное число местонахождений каменного века располагается на поверхности. Для того чтобы установить динамику и абсолютную хронологию палеолитических индустрий, необходимо тщательное изучение хорошо стратифицированных местонахождений. К сожалению, на территории Монголии известно лишь несколько палеолитических памятников, обладающих хорошей стратиграфией: стоянки на р. Орхон [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992], пещеры Цаган Агуй и Чихэн [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996, 1998]. В этой связи многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй, отложения которой фиксируют временной интервал от более чем 700 тыс. л. н. до современности,

имеет важное значение как для изучения эволюции культур каменного века, так и для реконструкции среды обитания древнего человека на протяжении значительной части четвертичного периода.

Пещера Цаган Агуй (44° 42' 43,3" с. ш., 101° 10' 13,4" в. д.) располагается в Баян-Хонгорском аймаке Республики Монголии в 40 км к северо-востоку от сомонного центра Баян Лиг, на южном макросклоне Гобийского Алтая, к юго-западу от хребта Дзуун-Ула (рис. 1 - 3, 1). Памятник был обнаружен Совместной советско-монгольской историко-культурной экспедицией в 1987 г. В 1988 - 1989 гг. культурные отложения стоянки исследовались советско-монгольским отрядом по изучению каменного века Монголии [Деревянко, Петрин, 1995]. С 1995 г. пещера Цаган Агуй изучается Совместной российско-монголо-американской археологической экспедицией [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996, 1998].

Вход в пещеру, имеющий юго-западную экспозицию, приурочен к восточному склону наиболее крупного каньона, прорезающего небольшой известняковый хребет с северо-востока на юго-запад. Пещера разделена на Нижний грот, предвходовую площадку, Входной грот, Большой грот и Малый грот (рис. 3, 2). Подавляющее количество каменных артефактов выполнено из местного кремнистого сырья, которое в изобилии имеется в 50 м выше пещеры. Его сильно выветрелые выходы имеют вид угловатых блоков размерами 10 - 40 см. Непосредственно на выходах сырья зафиксирована палеолитическая мастерская по добыче и первичной обработке каменного материала. Сырье представляет собой слоистый кремень

* Работа выполнена при поддержке фонда ИНТАС, проект INTAS 96-0079.

Рис. 1. Общий вид хребта с пещерой Цаган Агуй.

низкого качества, сформировавшийся в процессе диагенеза известняковой формации, включающей пещеру. В кремне многочисленны пустоты и крупные вторичные кристаллические включения, которые составляют до 5 - 10% объема материала. Каменная матрица на 95% состоит из кристаллического вещества со средним размером кристаллов примерно 10 мкм. Там, где во включениях присутствуют вторичные минералы, размер кристаллов, выполняющих пустоты, достигает 20 мкм.

Этапы осадконакопления и палеоэкология

Согласно анализу отложений (рис. 4), в пещере Цаган Агуй можно выделить четыре основных этапа осадконакопления [Деревянко, Олсен, Цэвэндорж и др., 1998] (см. таблицу).

Первый, наиболее ранний этап (слои 10, 11 предвходовой площадки, 6 - Нижнего грота, 13, 14 - Входного грота, 12, 13 - Большого грота) связан с теплым и влажным климатом. В палинологических спектрах преобладает пыль-

ца деревьев и кустарников (70 - 90 %). Среди деревьев доминируют ель, сосна, древесные формы берез, а также широколиственные породы: вяз, граб, клен, дуб, липа и др.; встречаются единичные зерна *Moraceae*, *Lonicera*, *Juglas*. Следовательно, в районе пещеры были распространены смешанно-широколиственные и хвойно-широколиственные леса. Соответственно можно говорить о том, что климат был значительно более влажный, чем современный, и относительно теплый. Количество осадков превышало 400 - 500 мм/год. Зимние температуры не опускались ниже -18 °С. Присутствие в палинокомплексах пыльцы *Ostrya* и *Myrica* говорит о раннеплейстоценовом возрасте растительных ассоциаций. Палеомагнитный анализ образцов из подошвы 11-го слоя предвходовой площадки [Гнибиденко, 1998] показал обратную полярность, что, вероятно, соответствует верхней части хрона Матуяма (более 730 тыс. л. н.). Согласно радиотермолуминесцентному датированию, 10-й слой предвходовой

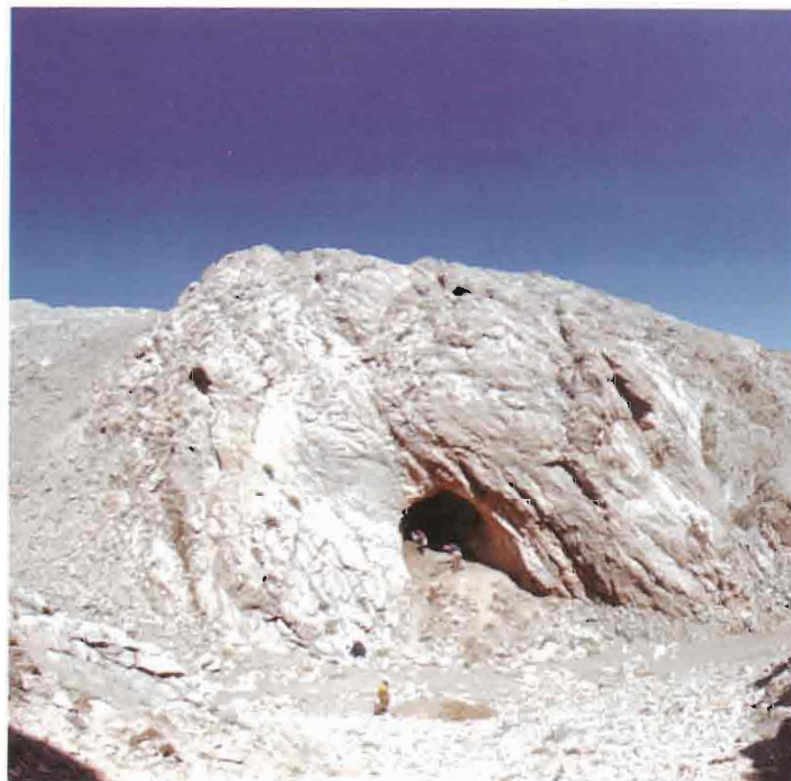

Рис. 2. Пещера Цаган Агуй.

площадки имеет возраст 470 ± 117 тыс. л. н. (РТЛ-800), а 12-й слой в Большом гроте - 520 ± 130 тыс. л. н. (РТЛ-805).

Второй этап осадконакопления (слои 6 - 11 Большого грота, 5 - Нижнего грота) происходил при относительно похолодании на фоне достаточно влажного климата. Для палинологических спектров характерно преобладание пыльцы деревьев (сосна, береза, ель). Отмечено присутствие пыльцы хвойных, ольхи, вяза, граба, клена, дуба, липы, жимолости. Процесс осадконакопления характеризуется формированием литологических горизонтов с включением песков, супесей, суглинков с мелко- и грубообломочным материалом, а также аллювиальными гальками. Почти во всех слоях прослеживаются следы ожелезнения. Учитывая наличие в спектрах пыльцы *Typha* и *Cyperaceae*, можно предполагать существование в пещере застойных кратковременных водоемов или слабо текущих вод. Для 11-го слоя Большого грота радиотермолуминесцентным методом получена дата 450 ± 123 тыс. л. н. (РТЛ-803).

Третий цикл осадконакопления (слои 4 (нижняя часть), 5 предвходовой площадки, 3 - 5 - Большого грота) происходил при усилении аридизации и похолодания климата по сравнению с предыдущим этапом. В регионе господствовали степные ценозы, а в горах, резко сократившись, еще сохранялись лесные пояса, состоявшие в основном из хвойно-мелколиственных пород. Палинологические спектры характеризуются преобладанием пыльцы трав и кустарников. Древесно-кустарниковая группа представлена малым количеством пыльцы *Picea*, *Pinus*, *Betula* и единичными зернами широколиственных пород. Для слоя 5 Большого грота радиотермолуминесцентным методом получена дата 227 ± 57 тыс. л. н. (РТЛ-804), для верхней части слоя 4 Большого грота методом ЭПР - 44 ± 5 тыс. л. н. (QT 40 & QT 41), а слой 3, согласно нескольким радиоуглеродным определениям, имеет возраст в диапазоне 30 - 33 тыс. л. н.

Четвертый этап осадконакопления (слой 2 предвходовой площадки, Входного и Большого гротов) характеризуется более сухим климатом. В осадконакоплении большую роль играли эоловые процессы.

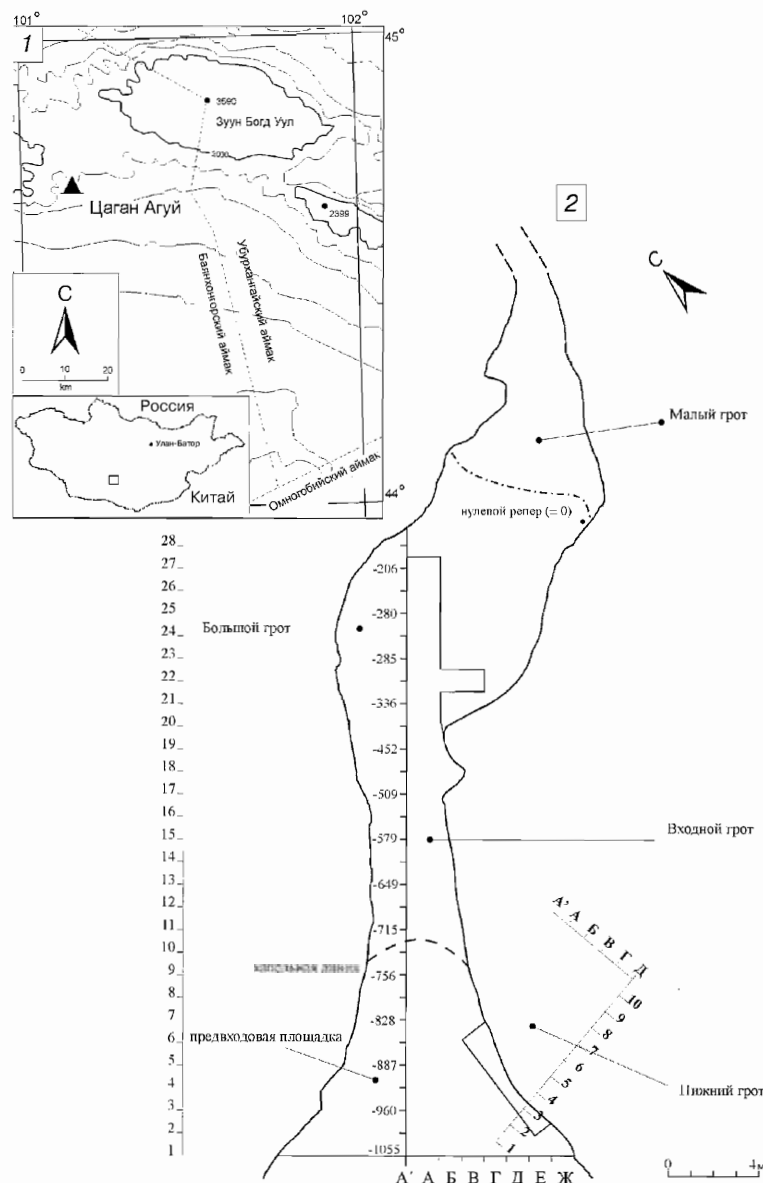

Рис. 3. Местоположение (1) и план (2) пещеры Цаган Агуй.

Значительное количество щебня, обломков известняка, кристаллов кальцита и их обломков в отложениях объясняется десквамационными и деллювиальными процессами.

Предполагается, что между окончанием формирования слоя 3 и началом отложения слоя 2 в Большом гроте был значительный перерыв, так как отсутствуют литологические горизонты финального (сартанского) этапа позднего плейстоцена. Последнее, видимо, объясняется специфическими палеоэкологическими условиями, характер и природа которых требуют дальнейшего изучения.

Формирование самых верхних отложений пещеры (слой 1 предвходовой площадки, Входного и Большого

гrotов) связано с эпохой средневековья, этнографическим временем и современностью. Об этом свидетельствуют как археологические находки (бронзовые изделия монгольского времени, китайская монета XI в., керамические штампы “цаца”, фрагменты бересты с буддистскими текстами и т. п.), так и данные абсолютного датирования. Для слоя 1 Большого грота имеется радиоуглеродная дата - 931 ± 65 л. н.

В силу того что формирование нижней части заполнения пещеры происходило в условиях достаточно влажного климата, фаунистические остатки присутствуют только в верхних отложениях (слои 1 - 5 Большого грота). В составе фауны доминируют обычные и для современной Монголии виды открытых ландшафтов и скальные: кулан, дзерэн, архар, сибирский козел. В плейстоценовых слоях найдены кости носорога (*Coelodonta antiquitatis*), пещерной гиены и оронго (*Pantholops hodgsoni*). Последний вид встречается в настоящее время в Тибете, но в плейстоцене, вероятно, существовал и в Монголии.

На основе имеющихся стратиграфических, палинологических [Симакова, 1998], палеопедологических [Дергачева, Феденева, 1998] и фаунистических [Барышников, 1998] данных можно говорить о том, что формирование отложений пещеры происходило в условиях более влажного и теплого климата по сравнению с современностью. По всему разрезу снизу вверх фиксируется направленная аридизация климата, усиление континентальности и обеднение состава растительных ассоциаций. Природно-экологические условия в целом были благоприятны для проживания древних популяций на протяжении всего плейстоцена.

Археологические коллекции

Наиболее ранние археологические комплексы, содержащиеся в отложениях пещеры Цаган Агуй, связанных с первым циклом осадконакопления

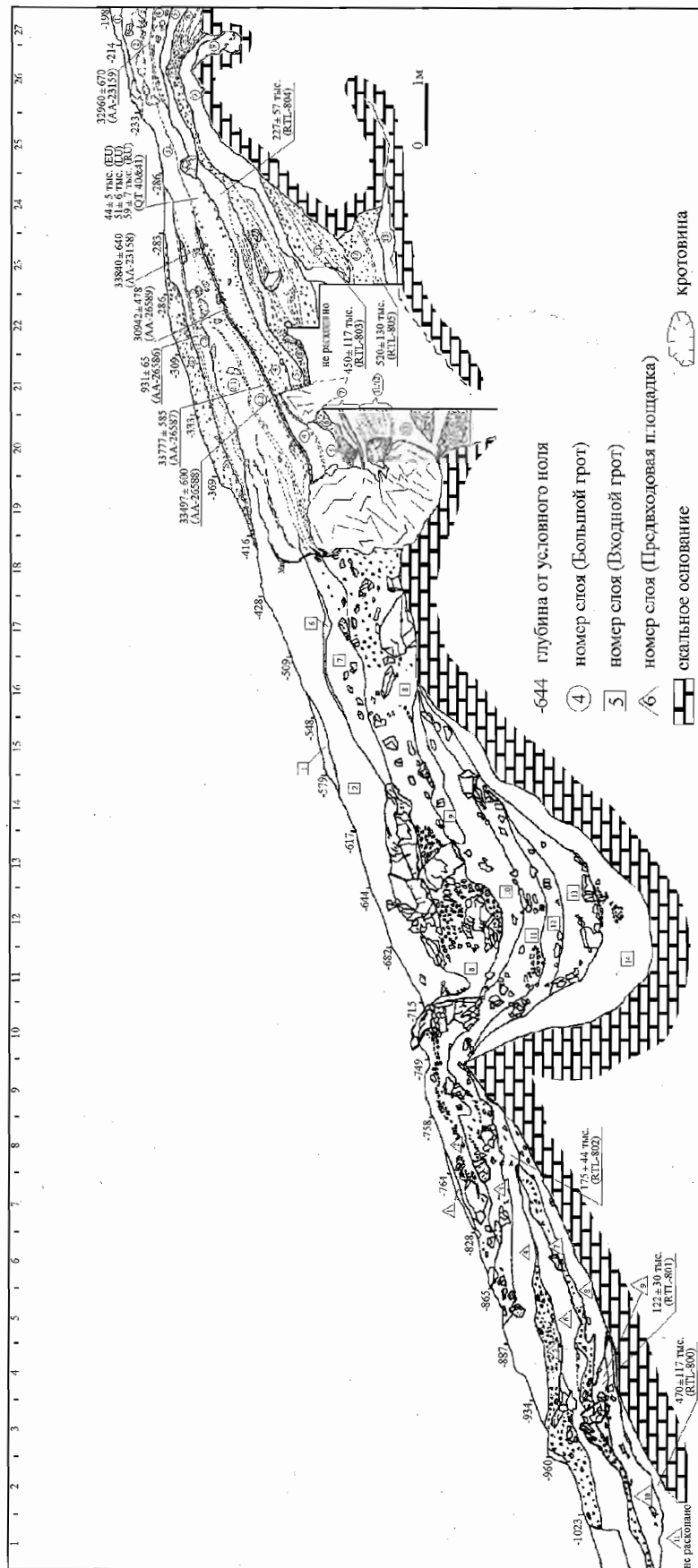

Рис. 4. Продольный разрез отложений пещеры Цаган Агуй по линии А' с указанием данных абсолютного датирования.

Предвходовая площадка				Большой грот			
Слой	Спорово-пыльцевые данные	Климат	Даты	Слой	Спорово-пыльцевые данные	Климат	Даты
0	Полупустынно-степные ландшафты	Современный; осадки: 112 - 133 мм/год	-	0	Полупустынно-степные ландшафты	Современный; осадки: 112 - 133 мм/год	-
4 (верх)	Деревья и кустарники - 67%; значительное увеличение широколиственных; большое количество березовых - до 54%; <i>Chenopodiaceae</i> - 36%, <i>Artemisia</i> - 8%. Лесостепные ландшафты	Более теплый и влажный, чем предшествующий и современный	-		-	-	931 ± 65 л. н. (AA-26586)
4 (низ)	Травы и кустарники - 68 - 92%; <i>Chenopodiaceae</i> - до 75%; <i>Compositae</i> - до 21%; Древесные: <i>Pinus</i> sg. <i>Diploxylon</i> - до 79%; широколиственные - единичны. Степные ландшафты	Усиление аризации; некоторое похолодание по сравнению с предшествующим	175 ± 44 тыс. л. (RTL-802)	2	Травы - 75%; доминируют <i>Gramineae</i> , <i>Compositae</i> , <i>Chenopodiaceae</i> , <i>Ephedra</i> , <i>Polygonaceae</i> ; древесно-кустарниковые: <i>Alnus</i> , <i>Fraxinus</i> , <i>Carpinus</i> , <i>Tilia</i> , <i>Picea</i> , <i>Pinus</i> , <i>Betula</i> .	Более холодный, чем предшествующий, с сильной аридизацией	Слой 3 32 960 ± 670 л. н. (AA-23159) 33 497 ± 600 л. н. (AA-26588) 33 777 ± 585 л. н. (AA-26587) 30 942 ± 478 л. н. (AA-26589) 33 840 ± 640 л. н. (AA-23158)
5				3			Слой 4 49 ± 6 тыс. л. н. (EU) (QT 40 & 41) 57 ± 7 тыс. л. н. (LU) (QT 40 & 41) 66 ± 9 тыс. л. н. (RU) (QT 40 & 41)
7	Травы - от 72 до 98%; древесно-кустарниковые: <i>Pinus</i> sg. <i>Diploxylon</i> , <i>Carpinus</i> , <i>Ostrya</i> sg. широколиственные - единичны; травы и кустарники: <i>Compositae</i> - до 85%, <i>Ephedra</i> - до 21%, <i>Chenopodiaceae</i> - 36%. Степные ландшафты	Более холодный и сухой, чем предшествующий; более влажный и теплый, чем современный	-	4			Слой 5 227 ± 57 тыс. л. н. (RTL-804)
8				6	Доминирование пыльцы деревьев: сосна - до 50%; ель - до 24%; береза - до 55%; широколиственные: вяз, граб, клен, дуб, липа. Исчезает <i>Moraceae</i> и <i>Juglans</i> . Среди трав преобладают сложноцветные и гречишные. Лесные и лесостепные ландшафты	Более холодный, чем предшествующий, но более влажный и теплый, чем современный	450 ± 123 тыс. л. н. (RTL-803)
10	Деревья и кустарники - 67% - 87%; <i>Carpinus</i> - до 39%; <i>Fraxinus</i> - до 14%; <i>Betula</i> sect. <i>Albae</i> - до 18%; хвойные: <i>Cedrus</i> , <i>Picea</i> , <i>Pinus</i> ; широколиственные: вяз, граб, клен, дуб, липа. Лесные и лесостепные ландшафты	Более влажный и теплый, чем современный; осадки: более 400 - 500 мм/год	470 ± 117 тыс. л. (RTL-800) Верхняя часть хрона Матуяма (>730 тыс. л. н.)	11			
				12	Деревья и кустарники - 75% - 90%. Ель - 25%, сосна - до 35%, березовые - до 28%; широколиственные: <i>Alnus</i> - до 15%, <i>Carpinus</i> - до 10%, <i>Ulmus</i> - до 6%; <i>Corylus</i> - до 8%, <i>Tilia</i> - до 22%; <i>Juglans</i> , <i>Moraceae</i> .	Более влажный и теплый, чем современный; осадки: более 400 - 500 мм/год	520 ± 130 тыс. л. н. (RTL-805)
				13	Лесные и лесостепные ландшафты		

(слой 13 Входного грота, слои 12 и 13 Большого грота), немногочисленны. *Первичное расщепление* представлено несколькими гальками, обломками сырья со сколами, аморфными отщепами, полученными с нуклеусов ортогонального принципа скалывания, и обломками породы. Определимые остаточные ударные площадки сколов отнесены к типу гладких (лишь в одном случае отмечено фасетирование прямой площадки).

Орудийный набор включает в себя бифасиальные орудия, комбинированные орудия, отщепы, обломки с ретушью. В первую очередь обращают на себя внимание *бифасиально обработанные изделия*. Одно из орудий (рис. 5, 3) имеет неправильно треугольную форму, выполнено на массивном куске породы. Оба слабовыпуклых фаса изделия покрыты негативами крупных сколов, полученных методом оббивки. В верхней половине орудия присутствует диагонально расположенный широкий естественный обушок, представляющий собой плоскость раскалывания обломка породы. Дистальный конец орудия, противолежащий обушку, имеет по обоим фасам дополнительную подправку более мелкими сколами. Другое орудие (рис. 5, 4) по своей морфологии может быть отнесено к категории рубил. Грубость и незавершенность обработки предполагают, что данное изделие является, скорее, заготовкой бифасиального орудия. Оно имеет удлинненно-овальную форму и двояковыпуклое линзовидное сечение. Отделка производилась крупными широкими сколами методом оббивки. Пятачная часть орудия оформлена широкими поперечными снятиями. *Комбинированные орудия* (рис. 5, 2) выполнялись на крупных массивных сколах и сочетают рабочие элементы выемчатого орудия и скребкового лезвия. Выемки оформлены на одной из продольных сторон заготовки дорсальным одинарным сколом и имеют дополнительную подправку в виде мелкой краевой ретуши. Скребок лезвие подготавливалось, как правило, на противолежащей стороне мелко- и среднефасеточной полукрутой дорсальной ретушью. У *отщепов и обломков с ретушью* (рис. 5, 1) вторичная обработка не имела модифицирующего характера. Нерегулярное дорсальное полукрутое мелко- и среднефасеточное ретуширование применялось с учетом морфологии выбранной заготовки.

В целом, несмотря на малочисленность коллекции, можно говорить о наличии заметных ашельских элементов в каменной индустрии, связанной с первым циклом осадконакопления пещеры Цаган Агуй. Об этом свидетельствуют техника ретуширования ударной площадки, а также наличие в орудийном наборе выразительных бифасиально оформленных изделий.

Для артефактов, обнаруженных в отложениях пещеры, связанных со вторым циклом осадконакопления (III археологический горизонт предвходовой пло-

щадки и Входного грота, Нижний грот, слои 6 - 11 Большого грота), характерна значительная архаичность и массивность. *Первичное расщепление* индустрии, относящейся к начальному этапу второго цикла осадконакопления (Нижний грот, слои 9 - 11 Большого грота), представлено различными типами нуклеусов и их преформами, нуклеидными обломками, пластинчатыми сколами, отщепами, обломками и осколками. Среди определяемых остаточных ударных площадок сколов преобладают гладкие. Подправленных площадок крайне немного, и лишь в одном случае зафиксирована фасетированная остаточная площадка. Судя по продуктам первичного расщепления, можно говорить о преобладании бессистемного (ортогонального) скалывания. Тем не менее представлены и классические *леваллуазские нуклеусы* как для отщепов, так и для удлинненных сколов. Леваллуазские нуклеусы для отщепов имеют округлую форму, подготовленные центростремительными снятиями выпуклые фронт скалывания и контрфронт и скошенную, тщательно подготовленную ударную площадку (рис. 6, 1). Нуклеусы для удлинненных сколов - подтреугольной формы, выпуклые фронт скалывания и контрфронт подготавливались центростремительными снятиями, скошенная к контрфронту широкая ударная площадка оформлялась, как правило, одним крупным сколом (рис. 6, 4). В коллекции есть небольшое количество *грубопризматических двухплощадочных нуклеусов* (рис. 7, 3). Ударные площадки подготавливались одним широким сколом с незначительной дополнительной подправкой дуги скалывания. Как правило, основное расщепление производилось с одной из площадок, в то время как противолежащая площадка использовалась для поддержания необходимой выпуклости фронта скалывания. Количество получаемых с нуклеусов данного типа заготовок обычно ограничивалось двумя-тремя сколами (удлинненными, с субпараллельными продольными краями). В коллекции представлен экземпляр "*протоклиновидного*" нуклеуса (см. рис. 6, 5). Клиновидность фронта скалывания задана естественной формой выбранного для расщепления обломка породы без дополнительной подготовки латералей. Широкая удлинненно-овальная ударная площадка, слабо скошенная от фронта скалывания, подготовлена крупными сколами. Получившиеся заготовки были удлинненными, конвергентной формы. Наиболее многочисленны *нуклеидные изделия*, демонстрирующие получение одной или нескольких заготовок методом торцового расщепления, без какой-либо предварительной подготовки нуклеуса. Как правило, для расщепления использовался кусок породы с ровным ребром, который выступал в роли естественного направляющего "ребра" (см. рис. 6, 8 - 10). В очень редких случаях непосредственно перед снятием скола подправлялась

дуга скалывания. В значительной степени, по нашему мнению, на преобладание подобной стратегии получения заготовок оказало влияние низкое качество доступного сырья. Многочисленные внутренние пустоты и вторичные кристаллические включения зачастую приводили к непредсказуемому расщеплению. Таким образом, предварительная подготовка ядрищ в большинстве случаев не увеличивала шансов на получение качественных заготовок. Тем не менее только лишь качеством исходного сырья нельзя объяснить грубость и архаичность древних комплексов пещеры. В коллекциях имеется небольшая серия нуклеусов, демонстрирующая более систематическую предварительную подготовку. Для оформления рабочих плоскостей этих изделий использовались вентральные поверхности или массивные латеральные и/или дистальные части крупных сколов. Некоторые из предварительно подготовленных ядрищ напоминают леваллуазские, но технология их оформления имеет свою специфику. Были выделены две основные категории нуклеусов: с широким фронтом скалывания и с узким (торцовые).

Фронт скалывания нуклеусов с широкой плоскостью расщепления оформлялся на вентральной поверхности крупного скола. Данная категория изделий может быть подразделена на одноплощадочные нуклеусы и одноплощадочные нуклеусы с дополнительно подправленной дистальной частью. В обоих случаях утилизация ядрищ была нацелена на получение конвергентных сколов. Обе формы нуклеусов, как правило, имеют фасетированные ударные площадки и умеренно подправленные латерали. В системе и степени подготовки этих изделий можно усмотреть параллели с классическими леваллуазскими нуклеусами для острий (см. [Bordes, 1980; Van Peer, 1992]). В равной степени они напоминают и нуклеусы на отщепках типа “комбева”, характерные для некоторых ашельских индустрий Африки и Западной Азии [Кларк, 1977; Inizan, Roche, Tixier, 1992, p. 57].

Подобно нуклеусам с широким фронтом, торцовые ядрища зачастую подготавливались на массивных отщепках. Для оформления фронта скалывания и параллельного снятия сколов использовались латеральные и/или дистальные части скола-заготовки. Торцовое расщепление проводилось преимущественно с двух противоположных ударных площадок. В ряде случаев подобная стратегия утилизации нуклеусов приводила к получению удлиненных микрозаготовок.

В **орудийном наборе** доминируют *оригинальные орудия*, для оформления которых использовались удлиненные угловатые обломки или массивные сколы. На одном из узких краев заготовки, по выпуклой стороне, производились высокие (порой субпараллельные) снятия или резцевидные сколы. Противоположная плоская сторона во многих случаях дополнительно

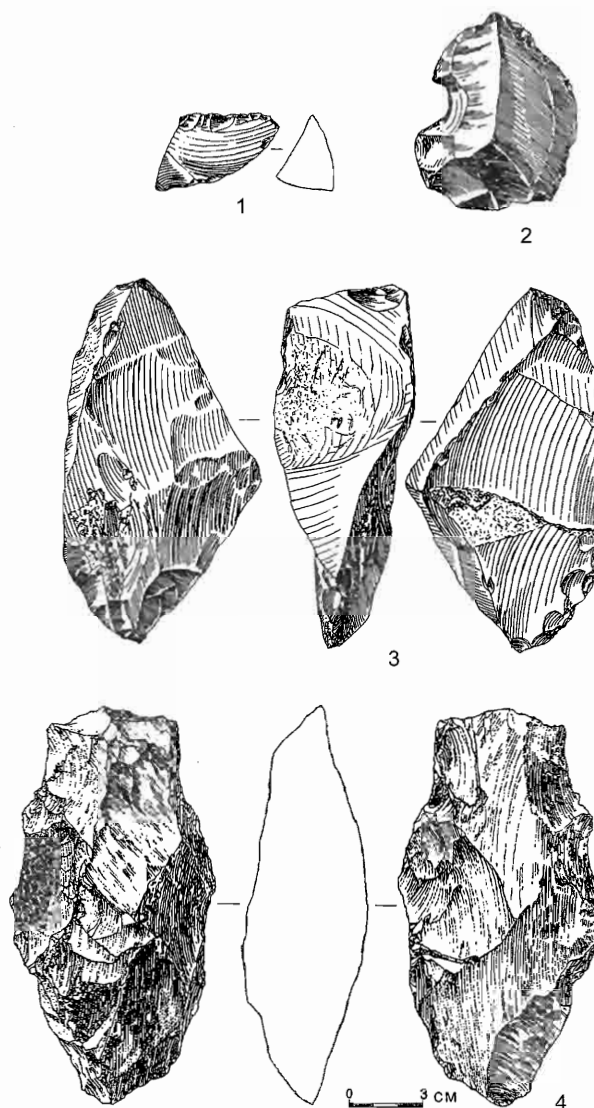

Рис. 5. Пещера Цаган Агуй. Артефакты из отложений, связанных с первым циклом осадконакопления.

уплощалась. Несмотря на одинаковый характер подготовки рабочего элемента, данная категория орудий может быть подразделена на две группы. Для первой (см. рис. 7, 4, 7 - 9) характерно оформление рабочего элемента в виде выраженного шипа (данный подтип, следовательно, можно отнести к категории шиповидных орудий), у второй группы (см. рис. 7, 1, 2, 5) вторичная подготовка была нацелена на оформление узкого прямого рабочего лезвия. Значительную часть орудийного набора древних комплексов составляют *скребла*, выполненные на массивных сколах или обломках породы преимущественно чешуйчато-ступенчатой крупнофасеточной ретушью (рис. 8, 5, 12). Среди них преобладают поперечные формы, рабочие лезвия которых подготовлены вентральной ретушью. В орудийном наборе также хорошо представлены

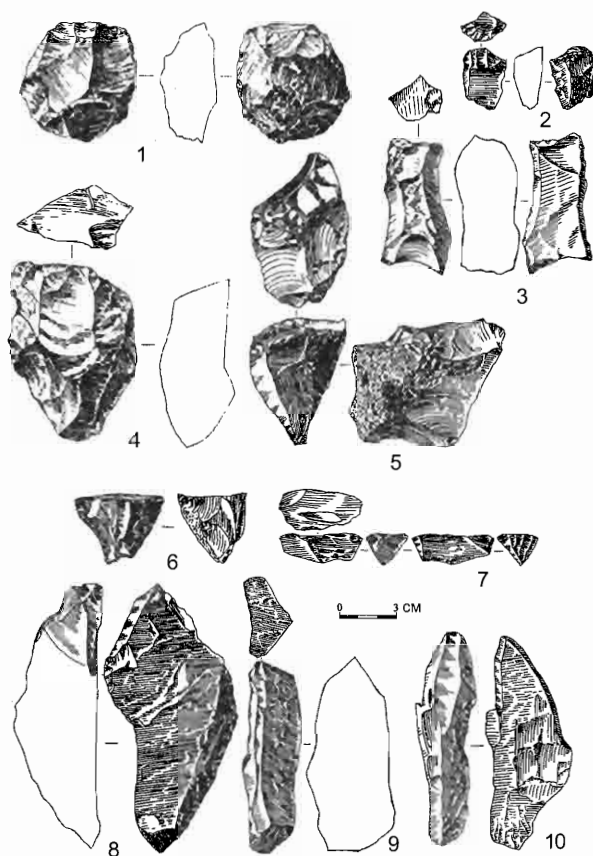
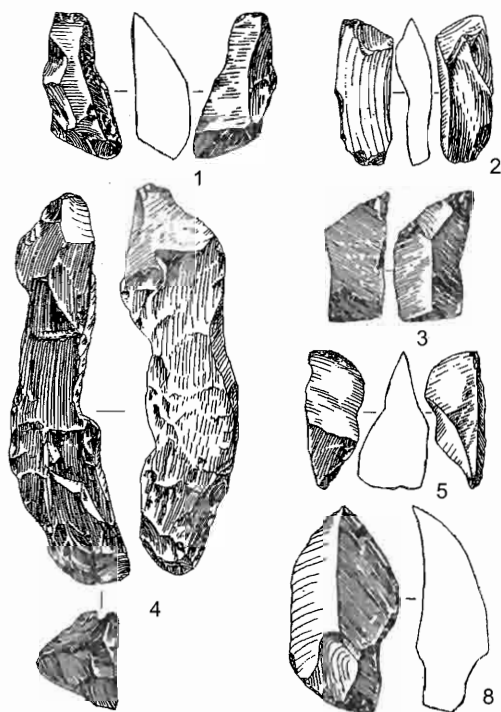

Рис. 6. Пещера Цаган Агуй. Артефакты из отложений, связанных со вторым циклом осадконакопления.

одинарные зубчато-выемчатые орудия на крупных сколах или обломках породы (рис. 8, 4). В небольшом количестве присутствуют архаичные скребки (рис. 8, 2, 3, 6, 7) на отщепках, рабочие лезвия которых оформлены как дорсальной, так и вентральной крутой мелко- и среднефасеточной ретушью. Немногочисленные комбинированные орудия (рис. 8, 13, 14) сочетают, как правило, рабочие элементы выемчатого орудия и скребка. Выемки оформлялись одинарными сколами без дополнительной краевой подправки. Оформление скребкового элемента проводилось мелкофасеточной крутой и полукрутой ретушью.

Первичное расщепление индустрии, связанной с поздним этапом второго цикла осадконакопления пещеры (III археологический горизонт предвходовой площадки и Входного грота, слои 6 - 8 Большого грота), представлено нуклеидными обломками, удлиненными сколами, отщепами и обломками. Некоторые нуклеидные обломки сохранили негативы снятия удлиненных микрозаготовок (см. рис. 6, 2, 6, 7). Определимые остаточные ударные площадки сколов гладкие.

В **орудийном наборе** значительное количество оригинальных орудий, оформление которых аналогично описанному для индустрии раннего этапа второго цикла осадконакопления (см. рис. 7, 3, 6). Немногочисленные скребла, выполненные на укороченных массивных отщепках, представлены обушковыми поперечными формами с дорсальной подготовкой рабочего края (см. рис. 8, 9). Единичные зубчато-выемчатые орудия оформлялись простыми анкошами без дополнительной подправки рабочего края (см. рис. 8, 1). Имеющиеся в коллекции резцеvidные изделия типологически невыразительны. В качестве заготовки избирались удлиненные отщепы (см. рис. 8, 8, 10, 11).

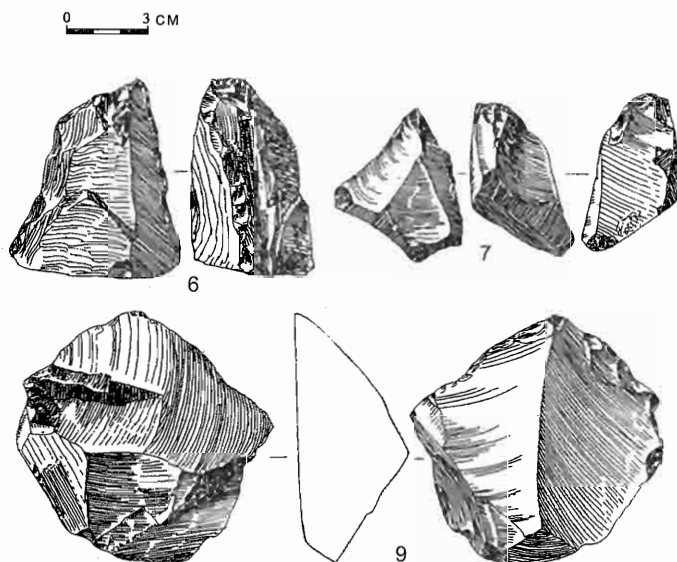

Рис. 7. Пещера Цаган Агуй. Артефакты из отложений, связанных со вторым циклом осадконакопления.

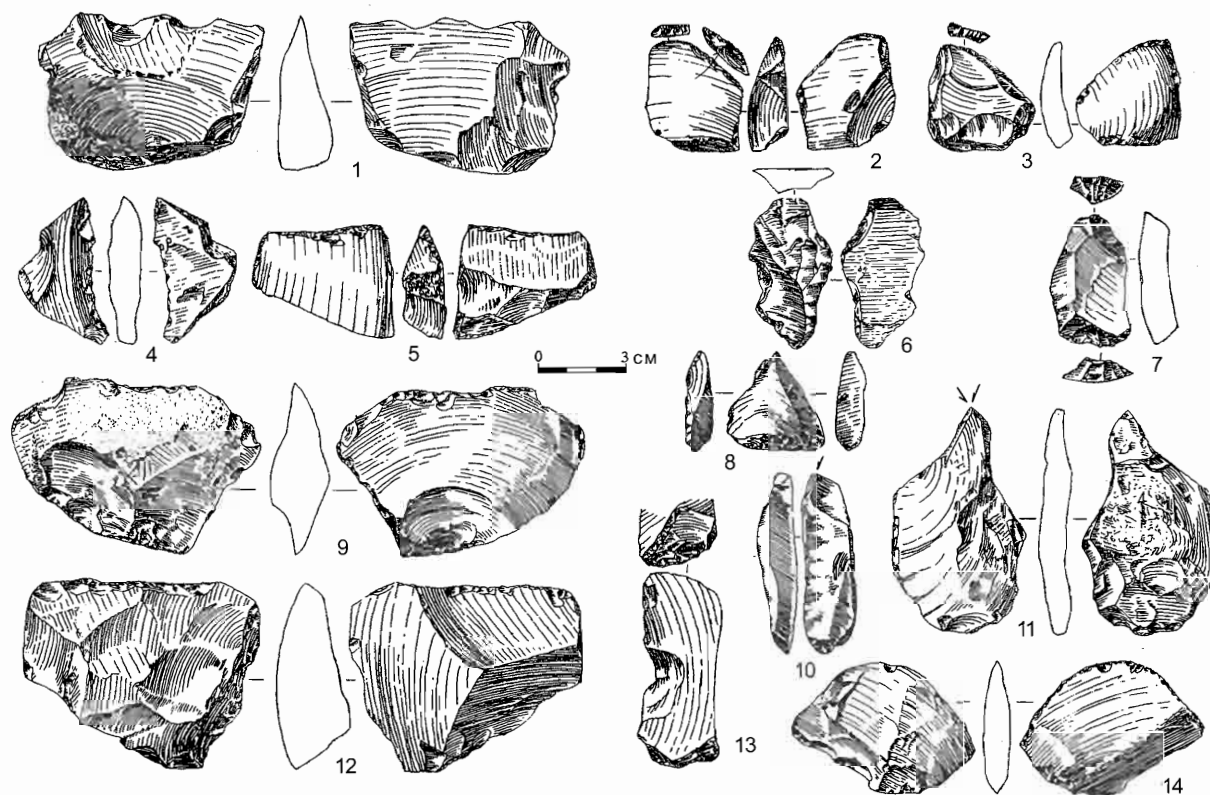

Рис. 8. Пещера Цаган Агуй. Артефакты из отложений, связанных со вторым циклом осадконакопления.

Таким образом, первичное расщепление индустрии, связанной со вторым циклом осадконакопления пещеры, характеризуется достаточно развитой леваллуазской технологией, специфика которой обусловлена адаптацией к качеству исходного сырья, ранним появлением (на начальном этапе цикла осадконакопления) протопризматической и протоклиновидной стратегий расщепления и использованием (на заключительном этапе цикла) техники получения микрозаготовок. Для орудийного набора характерно доминирование оригинальных (шиповидных) орудий, скребел различных модификаций и зубчато-выемчатых орудий. Отмечено появление во вторичной обработке техники резцового скалывания. В целом, эту каменную индустрию можно охарактеризовать как мустьерскую, генетически связанную с индустрией предшествующего этапа.

Артефакты, содержащиеся в отложениях третьего цикла осадконакопления (II археологический горизонт предвходовой площадки и Входного грота, слои 3 - 5 Большого грота), относятся к позднему мустье - началу верхнего палеолита. **Первичное расщепление** индустрии, связанной с начальным этапом третьего цикла осадконакопления (II археологический горизонт предвходовой площадки и Входного грота, слои 4, 5 Большого грота), представлено леваллуазскими нуклеусами для отщепов, преформами нуклеусов, нуклеидными обломками, проксимальным фрагментом

леваллуазской пластины, отщепами и обломками. *Леваллуазские нуклеусы для отщепов* (рис. 9, 4) имеют округлую форму. Выпуклый дистально и латерально фронт скалывания подготавливался центростремительными снятиями. Выпуклый контрфронт оформлялся, как правило, продольно-поперечными сколами. Ударные площадки, скошенные к контрфронту, подготавливались крупными чешуйчатыми снятиями. Снимаемые заготовки были укороченными. На некоторых *нуклеидных обломках* прослеживаются негативы микропластинчатых снятий, произведенных без предварительной подготовки ударной площадки и фронта скалывания. Среди определяемых остаточных ударных площадок сколов преобладают гладкие. Фасетированная ударная площадка отмечена лишь у леваллуазской пластины (рис. 10, 13).

В **орудийном наборе** доминируют *оригинальные орудия*, характер оформления которых аналогичен подготовке подобного рода орудий, обнаруженных в отложениях, связанных со вторым циклом осадконакопления (см. рис. 9, 3, 5, 6). В меньшей степени представлены *выемчатые орудия с естественным обушком* (см. рис. 9, 1), крайне немногочисленны *продольные скребла*, обработанные крутой средне- и крупнофасеточной дорсальной ретушью (см. рис. 10, 1), одинарные продольные *зубчато-выемчатые орудия*, оформленные преимущественно крупнофасеточной зубчатой ретушью (см. рис. 10, 2, 8), *скребки на*

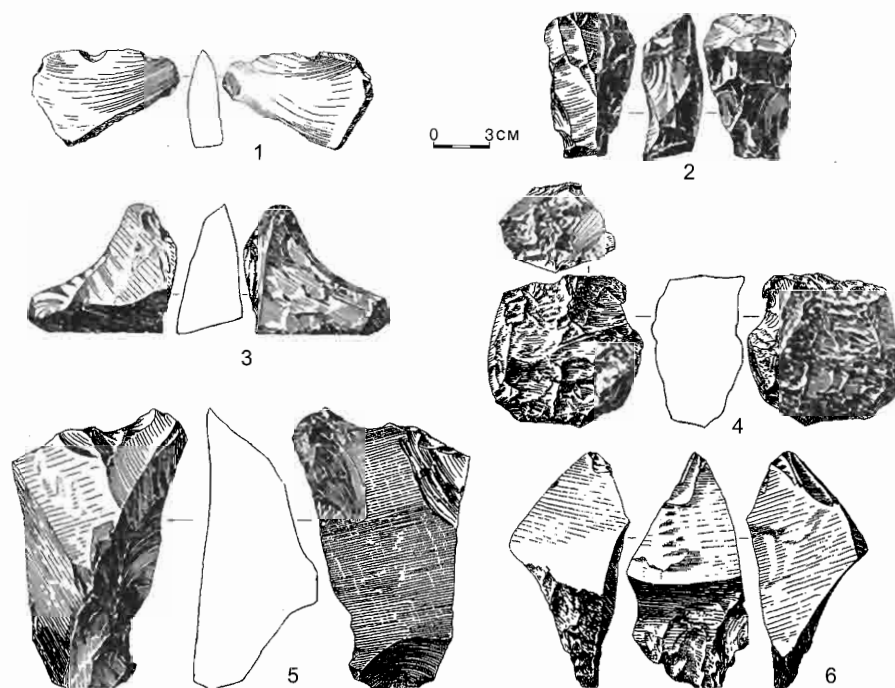

Рис. 9. Пещера Цаган Агуй. Артефакты из отложений, связанных с третьим циклом осадконакопления.

отщепах (см. рис. 10, 3, 9), *комбинированные орудия*, сочетающие, как правило, скребковое рабочее лезвие и подтеску (см. рис. 10, 4, 11), *пластины и отщепы с ретушью* (см. рис. 10, 6, 7, 12, 13).

Для индустрии позднего этапа третьего цикла осадконакопления (слой 3 Большого грота) характерна более значительная роль развитой леваллуазской стратегии утилизации нуклеусов. Наряду с линейным леваллуазским методом получения отщепов, представленным как преформами, так и готовыми нуклеусами, присутствует и метод рекуррентного получения леваллуазских пластин и удлиненных треугольных заготовок. *Леваллуазские рекуррентные нуклеусы* (см. рис. 9, 2) отличаются подтреугольностью очертаний. Дистально и латерально выпуклый фронт снятий подготовлен продольно-поперечными снятиями. Уплощенный контрфронт оформлен, как правило, центростремительными или поперечными сколами. Сильно скошенная к контрфронт ударная площадка подправлена серией сколов, произведенных как со стороны фронта, так и с обеих латералей нуклеуса. Характерной особенностью нуклеусов данного типа является тщательное бифасиальное оформление одной из латералей в виде ребра. С подобных нуклеусов в рамках одного редукционного этапа производилось до трех-четырех снятий удлиненных конвергентных заготовок. В коллекции присутствует незначительное количество нуклеусов, предназначенных для получения удлиненных микрозаготовок. Среди определяемых остаточных ударных площадок сколов преобладают

гладкие. Фасетированные площадки (как прямые, так и выпуклые) есть только у леваллуазских заготовок.

Орудийный набор включает в себя удлиненный ретушированный леваллуазский *остроконечник*, обе продольные стороны которого по всей длине интенсивно подправлены полукруглой дорсальной ретушью (см. рис. 10, 10), и боковой *резец* на удлиненном отщепе (см. рис. 10, 5). Стоит отметить, что леваллуазский *остроконечник* выполнен из импортного высококачественного сырья.

В целом, каменная индустрия, связанная с третьим циклом осадконакопления пещеры, обладает признаками, характерными для памятников финального мустье - начала верхнего палеолита. Ярко выраженная развитая леваллуазская технология нацелена преимущественно на получение пластин и удлиненных конвергентных сколов. Более заметно, по сравнению с предшествующим этапом, проявляется технология, ориентированная на производство микрозаготовок. В орудийном наборе, наряду с мустьерскими типами орудий (скребла, *остроконечники*) и зубчато-выемчатыми изделиями, значительную роль играют верхнепалеолитические типы орудий (скребки, *резцы*).

Как отмечалось, анализ отложений пещеры Цаган Агуй указывает на существование перерыва в осадконакоплении, имевшего место после формирования отложений, связанных с третьим этапом. Артефакты, обнаруженные в отложениях пещеры, связанных с четвертым циклом осадконакопления (I археологический горизонт предвходовой площадки и Входного

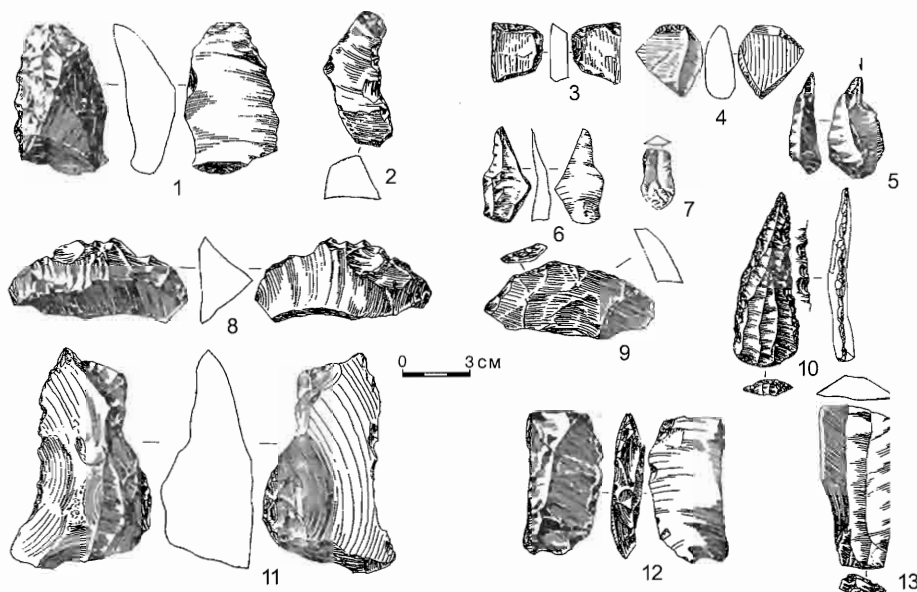

Рис. 10. Пещера Цаган Агуй. Артефакты из отложений, связанных с третьим циклом осадконакопления.

грота, слой 2 Большого грота), резко отличаются от нижележащих комплексов. При изготовлении типологически выраженных орудий и нуклеусов использовалось исключительно импортное высококачественное сырье. *Первичное расщепление* характеризуется преобладанием стратегий получения микрозаготовок.

В *орудийном наборе* наиболее выразительны орудия с подтеской, скребки на отщепе и *концевые скребки* на технических сколах. Представлены *ретушированные пластинки*, *резцеvidные* и *комбинированные орудия*, сочетающие скребковое лезвие с подтеской либо с выемчатым рабочим элементом. Обнаружены изделия, выполненные из кости, - *орудие* (шило?) и *украшения* (бусинки, подвеска). В целом, данную индустрию предварительно можно отнести к финальному этапу плейстоцена либо к раннему голоцену. Малочисленность коллекции и отсутствие абсолютных датировок препятствуют более точному определению возраста артефактов, связанных с четвертым циклом осадконакопления пещеры.

Культурные остатки, обнаруженные в самом верхнем слое пещеры Цаган Агуй (слой 1 Большого грота), относятся к хронологическому периоду от эпохи средневековья до современности. Этот вывод подтверждается как данными абсолютного датирования, так и наличием датирующих изделий (*китайская монета*, датируемая 1078 - 1085 гг., *бронзовые изделия* монгольского времени, *керамические штампы* "ца-ца" и т. д.).

Заключение

Пещера Цаган Агуй является одним из немногих в Монголии хорошо стратифицированных и датирован-

ных археологических памятников, содержащих культурные остатки всех этапов палеолита и более поздних эпох. Анализ отложений пещеры указывает на то, что климатические условия данного региона на протяжении большей части плейстоцена были благоприятны для проживания человеческих популяций. Благодаря палеомагнитному, термолюминесцентному и радиоуглеродному методам в настоящее время получены даты для различных археологических горизонтов в диапазоне от 730 тыс. л. н. до современности.

По основным технико-типологическим параметрам индустрия из самых нижних горизонтов пещеры (связанных с первым и вторым циклами осадконакопления) наиболее схожа с территориально близкими древнейшими комплексами Кремневой Долины (Южная Монголия) [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996, 1998; Зенин, 1996]. Для первичного расщепления ранних комплексов обоих памятников характерно использование наряду с ортогональным скалыванием леваллуазской технологии, адаптированной к количеству, качеству и форме исходного сырья. Весьма своеобразные и доминирующие в орудийном наборе, связанном с древними культурными отложениями пещеры Цаган Агуй, оригинальные (шпильвидные) орудия представлены и в Кремневой Долине. Как для древнейших отложений пещеры Цаган Агуй, так и для ранних комплексов Кремневой Долины (в большей степени) характерно присутствие серии хорошо выраженных бифасиальных орудий ашельского облика. Анализ артефактов из нижних горизонтов пещеры Цаган Агуй - с учетом имеющихся данных абсолютного датирования и материалов монгольских раннепалеолитических памятников с поверхностным залеганием материала

(Кремневая Долина, Ярх, Дно Гоби) - позволяет говорить о наличии в Монголии индустрии леваллуа-ашельского облика в хронологическом диапазоне 500 - 400 тыс. л. н. Появление подобной традиции в Центральной Азии связывается с непосредственным проникновением в глубь Азиатского материка из областей классической ашельской культуры носителей техники изготовления двусторонне обработанных орудий [Окладников 1986; Derev'anko, 1990]. Возможно, что носители леваллуа-ашельской традиции могли мигрировать на территорию Южной Монголии из Центрального Казахстана (Прибалхашье), продвигаясь через “Джунгарские ворота” и далее в широтном направлении на восток и юго-восток по естественному “коридору” вдоль южных склонов Монгольского и Гобийского Алтая.

Первым исследователем, обратившим внимание на раннее появление леваллуазской технологии в сочетании с ашельскими типами орудий в раннепалеолитических комплексах Казахстана (п-ов Мангышлак), был А.Г. Медоев [1982]. Наличие бифасиальных орудий в раннем палеолите Казахстана было подтверждено и результатами работ Х.А. Алпысбаева в южной части страны, в районе хребта Каратау (Танирказган, Бoryказган, Кемер) [1979]. Таким образом, наличие леваллуа-ашельской линии развития палеолита Казахстана в раннем и среднем плейстоцене, равно как и широкое пространственное распространение относящихся к ней индустрий, на наш взгляд, не вызывают сомнения. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты многолетних работ Совместной казахстано-российской археологической экспедиции в Центральном и Южном Казахстане (Семизбугу, Кызылтау I и т. д.) [Деревянко, Аубеке-ров, Петрин и др., 1993; Деревянко, Таймагамбетов, Бексеитов и др., 1996, 1998; Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 1997]. Кроме того, в недавнее время на Мангышлаке была открыта новая серия раннепалеолитических памятников, в индустрии которых присутствуют бифасиально оформленные орудия ашельского облика. К этой серии относится группа памятников Онежек, исследованная Ж.К. Таймагамбетовым [1996], а также Пункт 11, обнаруженный Совместной казахстано-российской экспедицией в 1998 г. на территории внутреннего Мангышлака восточнее Нового Узеня. Памятники с традицией двусторонне обработанных орудий известны и на сопредельной с Казахстаном территории Туркменистана. Прежде всего следует упомянуть раннепалеолитические памятники на Красноводском п-ове (Янгаджа II, Кара-Тенгир) [Окладников, 1953, 1966; Абрамова, 1984; Вишняцкий, 1996].

По ряду характеристик ранние комплексы пещер Цаган Агуй близки к палеолитическим памятникам Северного Китая, отнесенным к “традиции круп-

ных отщепов” Кэхэ - Динцунь [Paleoanthropology..., 1985; Jia Lanpo, Huang Weiwen, 1991; Кучера, 1996]. Для первичного расщепления индустрий данной линии развития наряду с преобладанием ортогонального скалывания характерно применение леваллуазской технологии. В качестве заготовок для изготовления значительной части орудий использовались массивные сколы аморфных очертаний. Ретуширование применялось, как правило, нерегулярное, адаптированное к морфологии заготовки. В орудийном наборе большую роль играли скребла различных модификаций, архаичные скребки, резцевидные изделия и орудия с выделенным острием [Окладников, Абрамова, 1994]. Большое внимание привлекает наличие в индустриях динцуньской культуры категории рубящих орудий, среди которых выделяются типологически выразительные двусторонне обработанные изделия. Несмотря на высказанные сомнения относительно “западного” происхождения динцуньских рубил и острокопечников [Окладников, 1972], наличие подобных орудий привело к выделению в палеолите Китая культуры “западного ареала” (горные районы лессового плато провинций Шаньси и Ордоса), которая сопоставлялась как с западноевропейскими памятниками леваллуа-мустье, так и с мустье Средней Азии, Казахстана и Алтая [Ларичев, 1977]. Однако после открытия в Китае ряда новых археологических объектов (таких как Сихоуду, Ланьтянь, Донгуютоу, Сяочаньлянь и т. д.), отодвинувших время расселения древних гоминид на территории Китая к раннему плейстоцену [Schick, Dong Zhuan, 1993; Huang Wanpo et al., 1995; Олсен, 1997], гипотеза о западном происхождении динцуньской культуры претерпела значительные изменения. Одним из наиболее интересных результатов изучения древнейших раннепалеолитических памятников Китая (Ланьтянь, Чжоукоудянь-13, Кэхэ) является выделение в их орудийном наборе категории двусторонне обработанных изделий (интерпретируемых как рубила или кливеры), равно как и техники двусторонней оббивки в целом. Таким образом, истоки бифасиальной техники в динцуньской культуре, возможно, следует искать среди местных нижнепалеолитических индустрий раннего плейстоцена [Ларичев, 1985]. То же, по мнению ряда исследователей, можно сказать и о леваллуазской технологии [Любин, 1970; Окладников, Абрамова, 1994]. Поддерживая точку зрения об эволюционном развитии китайского палеолита на местной основе, мы считаем, что не стоит все же возвращаться к идее об изолированности и замкнутости развития нижне- и среднепалеолитических культур Китая. Определенное “западное” влияние (имеется в виду с территории Монголии), бесспорно, имело место, особенно на более поздних

этапах эволюции палеолитических индустрий. В первую очередь это касается совершенствования леваллуазского расщепления и появления мустьерских элементов в орудийном наборе. В этом контексте детальное изучение ранне- и среднепалеолитических памятников Южной и Восточной Монголии, наряду с четким определением хронологии их существования, поможет более аргументированно говорить о характере эволюции культур Юго-Восточной, Центральной и Восточной Азии и роли миграций (по всей видимости, разнонаправленных) и/или автохтонности в этом процессе.

Несмотря на малочисленность коллекций, полученных из отложений, связанных с третьим циклом осадконакопления, можно уверенно говорить о формировании верхнепалеолитических индустрий на основе преимущественно местных среднепалеолитических комплексов леваллуазской традиции. По основным технико-типологическим показателям (равно как и хронологически) позднемустьерские - ранневерхнепалеолитические комплексы пещеры Цаган Агуй относятся к выделяемой для Монголии леваллуа-мустьерской "орок-норской" линии развития [Деревянко, Петрин, 1990], существовавшей в интервале 40 - 30 тыс. л. н. (Орок-Нор-1, 2, Орхон-1, яшмовые комплексы северо-восточного фаса Арц-Богдо, верхнепалеолитические комплексы Кремневой Долины, пещера Чихэн и т. д.). В более широком территориальном плане позднепалеолитические комплексы пещеры Цаган Агуй обнаруживают много схожих черт с индустриями "карабумовского пласта" Южной Сибири и Северной Монголии [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998], а также с рядом северокитайских памятников (Шуйдунгоу, Шарассогол и т. д.) [Paleoanthropology..., 1985; Yamanaka, 1995].

Хроностратиграфия пещеры Цаган Агуй, безусловно, требует дальнейшего уточнения (поскольку предполагаются перерывы в осадконакоплении), необходима тщательная корреляция литологических горизонтов предвходовой площадки и рыхлого заполнения Большого грота пещеры. Тем не менее технико-типологические схемы, разработанные на основе датированных палеолитических комплексов пещеры Цаган Агуй, позволяют привести в единую хронологическую и типологическую систему колоссальный археологический материал, собранный за последние 10 - 15 лет в Монголии.

Список литературы

Абрамова З.А. Ранний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. - М.: Наука, 1984. - Ч. 2, гл. 4. - С. 135 - 160.

Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1979. - 207 с.

Барышников Г.Ф. О предварительном определении ископаемого костного материала из пещер Монголии // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 309 - 310.

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. - СПб.: Европейский дом, 1996. - 213 с.

Гнибиденко З.Н. О палеомагнитных исследованиях плейстоценовых отложений пещеры Цаган Агуй // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 312 - 314.

Дергачева М.И., Феденева И.Н. Вещественный состав отложений пещер // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 316 - 325.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний - поздний палеолит). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. - 114 с.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. - 60 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. - 327 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 343 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Своеобразная каменная индустрия с северного побережья Долины Озер // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 3 - 38.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования пещерного комплекса Цаган Агуй на южном фесе Гобийского Алтая в Монголии. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. - 79 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 279 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Бексентов Г., Маркин С.В., Гладышев С.А., Рыбин Е.П. Изучение памятников открытого типа эпохи камня на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1997 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. - С. 76.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексентов Г., Петрин В.Т., Зенин А.Н. Исследование памятников каменного века с поверхностным залеганием артефактов на территории Южного Казахстана в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 75 - 77.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Петрин В.Т., Маркин С.В., Ефремов С.А. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. - С. 80 - 81.

Зенин А.Н. Палеолит южного фаса Гобийского Алтая (по материалам Кремневой Долины): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1996. - 22 с.

Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. - М.: Наука, 1977. - 254 с.

Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. - М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1996. - 431 с.

Ларичев В.Е. Открытие рубил на территории Восточной Азии и проблема локальных культур нижнего палеолита // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М.: Наука, 1977. - С. 22 - 35.

Ларичев В.Е. Новые материалы по нижнему палеолиту Китая // Древние культуры Китая: Палеолит, неолит и эпоха металла. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 10 - 40.

Любин В.П. Нижний палеолит // МИА. - 1970. - № 166. - С. 19 - 42.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. - Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. - 63 с.

Окладников А.П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова // Тр. ЮТАКЭ. - Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1953. - Т. 2. - С. 73 - 104.

Окладников А.П. Палеолит и мезолит в Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Л.: Наука, 1966. - Ч. 1. - С. 11 - 75.

Окладников А.П. К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии // Центральная Азия и Тибет. - Новосибирск: Наука, 1972. - С. 15 - 24.

Окладников А.П. Палеолит Монголии. - Новосибирск: Наука, 1986. - 231 с.

Окладников А.П., Абрамова З.А. Палеолит Центральной Азии - Монголии. - СПб.: Наука, 1994. - 214 с.

Олсен Д. Новые данные о самых ранних этапах заселения Восточной Азии // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. - М.: ИГ РАН, 1997. - С. 97 - 109.

Симакова А.Н. Палинологическая характеристика отложений пещеры Цаган Агуй // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 326 - 336.

Таймагамбетов Ж.К. К вопросу о палеолите Казахстана // К истокам древнекаменного века Средней Азии. - Ташкент: ФАН, 1996. - С. 53 - 60.

Bordes F. Le debitage Levallois et ses variantes // Bulletin De La Societe Prehistorique Francaise. - 1980. - N 77. - P. 45 - 49.

Derev'anko A.P. Paleolithic of North Asia and the problem of ancient migrations. - Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS, 1990. - 123 с.

Huang Wanpo, Chichon R., Yumin G., Larick R., Fang Qiren, Schwarcz H., Yonge C., Vos J.D., Rink W. Early Homo and associated artifacts from Asia // Nature. - 1995. - N 378. - P. 275 - 278.

Inizan M.L., Roche H., Tixier J. Technology of Knapped Stone. - Meudon: CREP, 1992. - 199 p.

Jia Lanpo, Huang Weiwen. The Paleolithic cultures of China // Quaternary Science Reviews. - 1991. - N 10. - P. 519 - 521.

Paleoanthropology and Paleolithic Archaeology in the People's Republic of China / Eds Rukang Wu, J.W. Olsen. - Orlando: Academic Press, 1985. - 265 p.

Schick K.D., Dong Zhuan. Early Paleolithic of China and eastern Asia // Evolutionary Anthropology. - 1993. - N 2. - P. 22 - 35.

Van Peer. The Levallois Reduction Strategy. - Madison: Prehistory Press, 1992. - 137 p.

Yamanaka I. L'industrie lithique du site de Shuidonggou (Choeitong-keou) dans l'Ordos en Chine // Research Summary, Kyoto University College of Literature. - 1995. - N 32. - P. 105 - 154.

Материал поступил в редколлегию 16.07.99 г.

УДК 902

О. Соффер¹, Дж.М. Адовасио², Д.С. Хайлэнд²¹ Факультет антропологии, Иллинойский университет, США, Department of Anthropology, 607 s. Matthews 10a D, University of Illinois, 109Davenport Hall Urbana, Ill 61801, U.S.A. E-mail: o-soffer@uiuc.edu² Мерсхерстский археологический институт, Мерсхерстский колледж, США, Mercyhurst Archaeological Institute, Mercyhurst College Erie, Pennsylvania 16546, U.S.A.

ОДЕЖДА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ “ВЕНЕР”: РЕАЛИИ И ГИПОТЕЗЫ*

“Венера из Виллендорфа”, в рамках ее культуры и в тот исторический период, а не в рамках нашей культуры, была богато и тщательно одета. На ней были тканые одежды, соответствующие ее культуре. Фактически она представляла собой нечто вроде справочной библиотеки и являлась многоликим и полифункциональным символом [Marshack, 1991, p. 29].

Введение

Проводимые нами совместно с чешскими коллегами исследования материалов граветтийского периода из таких хорошо известных памятников, как Долни Вестонице I и II, Павлов I, документально подтверждают существование весьма разнообразных и сложных текстильных технологий, которые включали производство веревок, вязание сетей, плетение корзин и изготовление тканей на станке [Adovasio et al., 1996, 1997, in press; Soffer et al., 1998, in press]. Свидетельством не сохраняющихся долго предметов являются 36 отпечатков ткани на маленьких фрагментах из обожженной и необожженной глины, найденных в Долни Вестонице I [Soffer et al., in press], один из Долни Вестонице II [Adovasio et al., 1997] и 42 со стоянки Павлов I [Adovasio et al., in press].

По исследованным образцам установлено, что ткани и веревки были изготовлены из волокон не животного, а растительного происхождения, которые использовались для производства различными методами чрезвычайно широкого круга изделий. Как показано в таблице, в набор предметов входят однорядные, многорядные крученые и плетеные веревки, вязаные узлами сети, корзинки, сплетенные из ивняка, а также разнообразные тканые образцы, изготовленные на ткацком станке без ремизной нити, включая простые и с диагональным переплетением, или саржевые. Некоторые изделия даже имеют структурный орнамент [Soffer et al., 1998].

Поскольку керамика из Моравии очень фрагментарна и отпечатки на ней слишком слабые, мы не можем с

уверенностью определить конфигурацию и размеры предметов, оставивших эти отпечатки. Все же мы знаем, что представлены тканые изделия и плетеные корзинки. Как мы утверждали в других работах [Adovasio et al., 1996, 1997, in press; Soffer et al., 1998, in press], плетеные предметы - это, весьма вероятно, корзинки или коврики, а относительно большое разнообразие размеров и образцов текстильных изделий говорит о том, что это коврики или, возможно, декоративные настенные ткани, одеяла и сумки, а также широкий набор предметов одежды, таких как накидки или шали, рубашки, юбки и пояса. Присутствие на некоторых отпечатках последовательно расположенных узлов свидетельствует об изготовлении сетей, а наличие швов, выполненных стежками через край, указывает на сшивание тканей для производства более сложных изделий - одежды и сумок.

Большое разнообразие образцов наряду с изяществом отделки многих из них указывает на то, что они были выполнены мастером и никоим образом не являются “первой пробой пера в ремесле”. Более того, высокий уровень стандартизированной обработки утка и основы ткани - признак значительного предшествовавшего развития как в области изготовления данных предметов, так и технологии производства изделий из растительных волокон.

Обсуждаемый материал получен из памятников верхнего палеолита, относимых к павловской культуре и твердо датированных 27 - 29 тыс. л. н. Он является пока самым ранним свидетельством существования текстильного производства и отражает технологию, которая ранее ассоциировалась с гораздо более поздним периодом неолита [Childe, 1936]. Тем не менее это не единственные палеолитические образцы такого рода. Например, А. Чейнир [Cheynier, 1967] писал, хотя и в несколько анекдотическом стиле, об

* Статья подготовлена для конференции “Локальные различия в культурах каменного века”, Музей антропологии и этнографии, Российская Академия наук, Санкт-Петербург, Россия, 25 - 30 апреля 1999 г.

Без разрешения авторов просьба не цитировать.

Образцы утраченных технологий производства изделий из растительных волокон
на территории Моравии верхнего палеолита, шт.

Класс	Тип	Место раскопок (стоянок)		
		Павлов I	Долни Вестонице I	Долни Вестонице II
Текстиль	Плетение:			
	открытое простое, Z-плетение утка	2	-	-
	закрытое простое, Z-плетение утка	2	1	-
	открытое простое, S-плетение утка	3	3	-
	закрытое диагональное, Z-плетение утка	1	-	-
	открытое диагональное, Z-плетение утка	4	-	-
	закрытое диагональное, S-плетение утка	2	-	-
	открытое диагональное, S-плетение утка	3	1	-
	закрытое простое, S-плетение утка	-	1	-
	закрытое простое, Z и S-плетение утка	-	1	-
	открытое и закрытое простое, Z и S-плетение утка	-	1	-
	закрытое простое, неизвестное плетение утка	2	-	-
	открытое неизвестное, Z-плетение утка	2	-	-
	неизвестное простое, S-плетение утка	1	-	-
	неизвестное	7	1	1
	Простое ткачество:			
	1/1 сплошное	-	5	-
Корзины	Плетение:			
	2/2 по диагонали	-	4	-
Веревки	неизвестное	-	6	-
	Одинарные, однородные, Z-кручение	1	-	-
	Сложные, двухрядные, S-кручение (?), Z-плетение	2	1	-
	Сложные, двухрядные, S-кручение, Z-плетение	-	1	-
	Сложные, двухрядные, Z-кручение, S-плетение	4	-	-
	Сложные, двухрядные, Z-кручение (?), S-плетение	-	3	-
	Составные, двухрядные, Z-кручение, S-плетение	1	-	-
	Оплетенные, в три пряди	1	1	-
	Z-плетение	3	-	-
	S-плетение	8	6	-
	Неизвестный	-	1	-
Сети с узелками	Вязание узлами	4	-	-

отпечатке текстильного материала времени культуры солотре, найденном в Бадегуль (Франция). Сообщалось об обнаружении остатков веревок и на несколько более поздних стоянках в Ляско (Франция), Огало II (Израиль) [Nadel et al., 1994]; Косоуцы (Молдова) и Межирич (Украина) [Adovasio et al., 1997, in press (с библиографией)]. Эти данные доказывают существование ткачества и плетения из растительного волокна в ряде регионов помимо Моравии.

Ранее мы указывали на то, что малочисленность данных об этих утраченных технологиях в позднем плейстоцене по сравнению с обилием артефактов из камня, оленьего рога, мамонтовой кости и костей других животных не представляется удивительной, более того, этого можно было ожидать, учитывая различия условий, необходимых для их сохранения, и несовершенство методик воссоздания утраченных предметов [Adovasio et al., in press; Soffer et al., in press].

Наши данные о том, что люди умели ткать и плести из растительного волокна уже, по меньшей мере, к граветтийскому периоду, а также следующее из этого предположение об изготовлении из полученных материалов различными способами более сложных изделий порож-

дают вопросы, которые можно объединить в два крупных, рассматриваемых в рамках данного исследования, а именно: 1) как предметы изготовлялись и использовались; 2) кто их изготовлял и использовал.

Хотя наше исследование орудий труда, которые могли быть использованы для изготовления текстильных материалов и изделий из них, находится только на начальной стадии, можно отметить одновременность появления палеолитического текстиля и инструментов для шитья, тканья и плетения сетей. В частности, иглы с ушком впервые появились в граветтийский период *sensu lato*, что наблюдалось по всей Европе от Франции до стоянки Сунгирь в России [Бадер, 1978; Позднепалеолитическое поселение..., 1998]. Возможно, некоторые из них, как, например, большая игла из Пржедмости [Klima, 1990, fig. 28], использовались скорее только на завершающем этапе изготовления сетей, однако ее последующие аналоги из мамонтовой кости, обнаруженные повсеместно на стоянках верхнего палеолита позднего периода, свидетельствуют о распространении шитья и, может быть, вышивания. Традиционно данные иглы связывают с изготовлением одежды из шкур и кожи [Позднепалеолитическое поселение..., 1998 (с библиографией)], мы же, учитывая

малые размеры многих из этих игл, полагаем, что их использовали для работы с тканью (для шитья или вышивания), а не для сшивания шкур. Инвентарь многих памятников указанного периода и более позднего времени включает орудия, которые рассматривались как предметы украшения или искусства, а на самом деле могли быть связаны с текстильным производством. Например, не исключено, что костяной “наконечник” из Пржедмости [Klima, 1990, fig. 33] - это сетевая распорка; человеческие фигурки из бивня мамонта, найденные в Пржедмости [Ibid, fig. 23, 24], и их аналоги из Авдеева могли служить противовесами для ткацкого станка; загадочные “рондо”, а также вырезанные из мамонтовой кости круглые предметы из Сунгири [Бадер, 1978, рис. 114] и перфорированные диски из мамонтовой кости из Межирича [Пидопличко, 1976, рис. 74], возможно, были блоками веретена.

Здесь представлены первые результаты нашего исследования относительно того, кто изготовлял и использовал хотя бы некоторые из утраченных предметов. В своих изысканиях мы обращались к данным иконографии, наиболее достоверным свидетельствам этноистории, современной этнографии и находкам из захоронений верхнего палеолита, связанным с погребальной одеждой.

Статуэтки “Венеры”: иконографические данные об одежде

Изображения человека в позднем плейстоцене

Один из соавторов ранее отмечал, что никакому предмету материальной культуры верхнего палеолита не уделяли столько внимания и любители, и профессионалы, сколько изображениям человека [Soffer, 1997; Soffer, Conkey, 1997]. Особый интерес в устных выступлениях, наглядных демонстрациях и публикациях проявлялся к палеолитическим изображениям женщины, в литературе их принято называть “Венерами”. Вообще говоря, в основном изучались определенные особенности, свойственные многим статуэткам, а именно изображение первичных и вторичных половых признаков: вульвы, груди, живота и ягодиц [Soffer, 1987, 1997; Soffer, Conkey, 1997]. Такое выборочное внимание лишь к некоторым чертам, которые без какой-либо аргументации определялись как половые признаки, привело к появлению неслучайного числа противоречивых интерпретаций семантики статуэток. Высказывались различные мнения, начиная с того, что эти статуэтки являются изображениями богини-матери, воплощением плодородия, гинекологическими букварями, автопортретами, представляют собой палеоэротiku, вплоть до предположений, что они отражают характерные для того времени представления о социальном статусе женщины (см., например, обсуждение существующих теорий в работах [Delporte, 1979; Dobres, 1992; Duhard, 1994; Marshack, 1991; McDermott, 1996]). Многие ученые высказывают серьезные возра-

жения против подобных однозначных толкований, основанных на неоправданных предположениях и выборочных особенностях без учета контекста и хронологии (например [Dobres, 1992; Soffer, 1987, 1997; Soffer, Conkey, 1997]).

Различные “Венеры”

Женские статуэтки, количество которых только для граветтийского периода составляет более 200 полностью или почти полностью сохранившихся фигурок, чаще всего представляют собой обнаженные тела, в изображении которых наблюдаются значительные вариации. Как указывает М.А. Добре [Dobres, 1992], существуют различия по используемому материалу и территориальные особенности в изображении женского тела, не зависящие от материала.

При изучении 100 статуэток и фрагментов, найденных на стоянках граветтийского периода на территории европейской части России, М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 1989б], тщательно проанализировав позу тела, морфологические особенности и украшения, пришла к заключению, что существует не менее четырех типов статуэток, обнаруженных в разное время на памятниках в Костенках и Авдеева. Это действительно первое настоящее археологическое исследование данной категории материальной культуры, включающее рассмотрение большого количества черт, и оно позволило автору сделать следующий вывод: разнообразие и многочисленность найденных статуэток дает основание предположить, что они были многофункциональными, причем разные типы статуэток выполняли разные функции в палеолитическом пантеоне и каждый тип имел свое собственное символическое значение, передаваемое через позу и акцент на тех или иных частях женского тела [Ibid, p. 89].

Внимательно изучив акценты и изменения анатомических черт, включив в исследование также женские статуэтки, найденные в Центральной и Западной Европе и датируемые примерно тем же временем - 20 - 26 тыс. л. н., М.Д. Гвоздовер отметила, что для Западной Европы характерен акцент на бедра, для Восточной - на грудь и живот, а статуэтки из Центральной Европы занимают промежуточное положение. Восточноевропейский тип изображений имеет внутренние различия (рис. 1; 2, а).

Характер “одежды Венер”

Беглый просмотр любой работы о женских статуэтках верхнего палеолита ясно показывает, что имеются как полностью обнаженные, так и частично одетые фигурки на территории всей Евразии от Атлантического океана до оз. Байкал (например [Абрамова, 1962; Delporte, 1979; Gvozdover, 1989б]). Это резко контрастирует со статуэтками палеолита (например, Брно II, возможно, Стадель; возможно, мужская статуэтка из Авдеева, фрагменты мужских фигурок из Долни Вестонице и со стоянки Павлов I), изображающими или совершенно

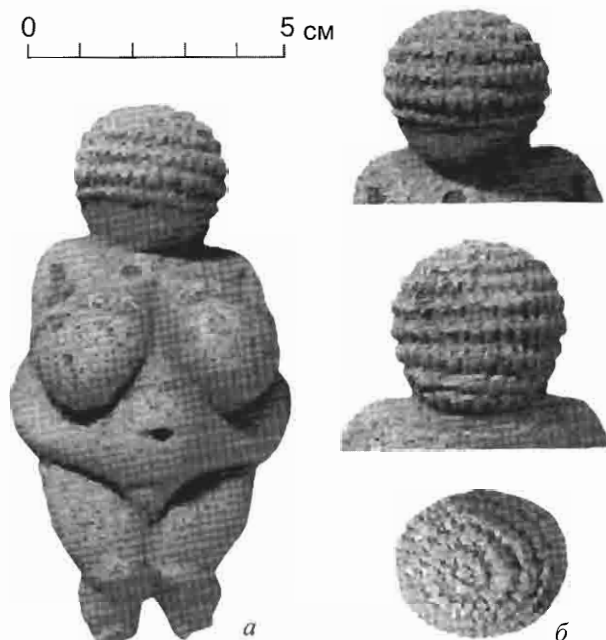

Рис. 1. "Венера" из Виллендорфа.

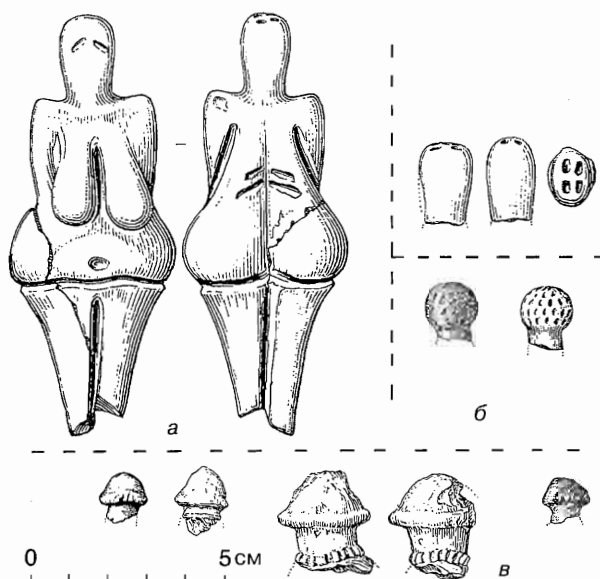

Рис. 2. "Венера" из Долни Вестонице I (а) и образцы женских головок различных типов (б - Долни Вестонице I и в - Павлов I).

нагих мужчин, или обнаженные фигуры без каких-либо признаков пола.

М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 19896] первой начала изучать характер украшений на "Венерах" и предположила, что некоторая их часть представляет одежду. Наше исследование, продолжая начатую ею работу, концентрируется на детальном анализе данных украшений и показывает, что они действительно представляют собой одежду. Мы считаем наши предположения верными, поскольку согласны с наблюдени-

ями Р.А. Джойс - специалиста по статуэткам древней Южной Мезоамерики. По ее мнению, изображение человека является одним из способов воплощения стереотипов естественного или обусловленного поведения людей и для понимания взаимосвязи между недоступными для нас представлениями создателей статуэток и общественными представлениями важно учитывать, что не существует случайных деталей, поскольку выбор атрибутов - лишь часть процесса воссоздания человеческой сущности [Joys, 1993, p. 256].

Мы обращаем на эти черты особое внимание, поскольку на украшенных (или одетых) таким образом статуэтках четко детализированы как предметы одежды, так и первичные и вторичные половые признаки, что хорошо видно на примере "Венеры" из Виллендорфа (см. рис. 1) и на многих других статуэтках и их фрагментах. Подобные детализация и акцент дают нам редкую возможность однозначно понять идеологию верхнего палеолита и помогут в дальнейшей расшифровке ролей, которые играли женщины в обществе позднего плейстоцена. Это действительно так, поскольку Р. Лежур в своей работе, посвященной изучению статуэток Нового Света, отмечал: "Если статуэтки действительно служили способом передачи социальной сущности, то стереотипы, отраженные в наборах статуэток, могут дать важный ключ к пониманию того, что говорилось или не говорилось по поводу социальной принадлежности... Изучая то, что отображено или не отображено в статуэтках, а также то, как они различаются по социальным признакам, можно выдвинуть гипотезы относительно предмета разговоров о социальных различиях" [Lesure, 1997, p. 229].

Немногие ученые, такие как А.П. Окладников [1941] и З.А. Абрамова [1960], ставившие вопрос о вероятности существования одежды в палеолите, считали, что она изготовлялась из меха и шкур животных. По нашему мнению, одежда на европейских "Венерах" представляет собой не что иное, как тканые и плетеные предметы, изготовленные из растительного волокна, т. е. мы подтверждаем теоретические предположения, сделанные нашими предшественниками [Barber, 1994; Gvozdover, 1989a, б; Marshack, 1991].

"Одевание Венер"

Далее мы более подробно остановимся на "одежде Венер", обнаруженной на статуэтках граветийского периода, датируемых 20 - 27 тыс. л. н. Мы выбрали этот период в связи с тем, что женские изображения данного временного отрезка на территории всей Европы представляются самыми реалистичными и детализированными из тех, какими мы располагаем. Более поздние в большей степени стилизованы, что затрудняет четкую идентификацию [Soffer, 1997]. Поскольку статуэтки из Центральной и Восточной Европы найдены на

памятниках, которые большинство ученых относят к единой культурной общности, условно называемой Павлов - Виллендорф - Костенки - Авдеево (ПВКА) [Ibid], и в связи с тем, что, как отметила М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 1989б], эти изображения имеют большее сходство между собой, чем с их аналогами из Западной Европы, мы рассматриваем их как одну группу и сравниваем ее с западноевропейской.

Головные уборы

Начнем с головы. М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 1989б] уже отмечала, что восточноевропейские статуэтки различаются наличием или отсутствием головного убора либо украшения на голове, то же самое можно сказать и о статуэтках из Центральной Европы. Рис. 2 (б, в) отражает именно такое различие. Мы считаем его не случайным, а закономерным, так как существует большое количество образцов каждого типа. К первой категории можно отнести статуэтки из обоих регионов, на которых совершенно отсутствуют какие-либо реальные детали (например, образец из Долни Вестонице I); ко второй - статуэтки с некоторыми деталями причесов и лица (например, голова из мамонтовой кости из Долни Вестонице I или голова из Костенок I). Более интересны в данном отношении головы с четким изображением головных уборов с разной степенью детализации шляпок и шапочек. Таковые обнаружены в Долни Вестонице, Павлове, Костенках, Авдееве и Гагарине, они изготовлены из различных материалов: мергеля, песчаника, обожженной глины и мамонтовой кости.

На самой известной из них, на голове статуэтки из Виллендорфа, четко видно изображение головного убора, который представляет собой шапочку или шляпку, сплетенную из растительного волокна, а не прическу (см. рис. 1, б). Тщательно изучив данный экземпляр, мы установили, что это спирально или радиально сплетенное вручную изделие, возможно, изготовлявшееся по типу плетения корзины, начиная с узелка в центре. Представлена двухэлементная структура, в которой, очевидно, горизонтальный элемент основы, идущий по спирали вокруг головы справа налево, обматывается вертикальным элементом попеременно в направлении сверху вниз и наоборот, между витками четко виден элемент основы. Вокруг головы сделано по меньшей мере семь кругов, и два дополнительных полукруга идут по задней части шеи. Край в виде валика просто завершает последний горизонтальный круг основы. На шапочке, по-видимому, есть места сплетений, где был добавлен дополнительный материал. Достаточно сказать, что подобная сложная конструкция не может быть придана растущим, т. е. закрепленным человеческим волосам, следовательно она (конструкция), несомненно, представляет собой головной убор, а не прическу. Такая детализация с разной степенью реалистичности и стилизации часто встречается на обширной территории,

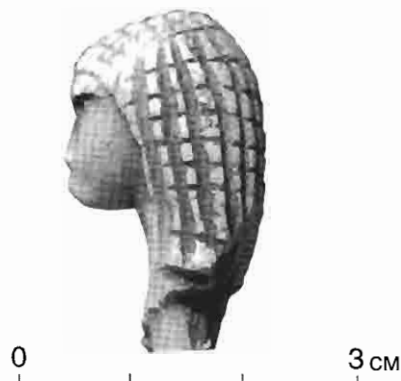

Рис. 3. “Венера” из Брасемпуи.

которую занимали группы, относимые к культурной общности ПВКА.

Западноевропейские образцы представляют иной стиль. Как в Центральной и Восточной Европе, некоторые женские головки лишены каких бы то ни было деталей, как, например, “Венера с рогом” из Лосселя или многочисленные фрагменты из Гримальди [Delporte, 1979; White, 1986]. Однако на других статуэтках обнаруживаются головные уборы, например, на “Венерах” из Брасемпуи (рис. 3) и Леспог, на голове “негроида” из Гримальди или “Венере с сеткообразной головой” из Лосселя. Хотя изучение данных объектов еще не закончено, мы предполагаем, что эти изображения представляют собой плетеные сетки для волос. Подобная гипотеза уже выдвигалась Ф. Мозером в 1997 - 1998 гг. относительно статуэтки из Брасемпуи. Интересно отметить, что такие же плетеные головные украшения были обнаружены в ряде доисторических женских захоронений, найденных в болотах Дании [Hald, 1980], хотя они значительно удалены и по времени, и территориально от рассматриваемого материала.

Наконец, если на статуэтках верхнего палеолита имеется украшение в виде головного убора, оно в большинстве случаев полностью закрывает лицо. Это, как мы предполагаем, указывает на семантическую значимость головного убора в идеологии палеолита, очевидно, большую, чем идентификация отдельной личности.

Лифы

М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 1989б] указала на наличие украшений в виде прямого клина с зигзагом в промежутке на верхней части тела у большого количества статуэток из Костенок и Авдеева и предположила, что они, возможно, представляют собой детали одежды. Новые находки, особенно из Костенок [Praslov, 1993, Abb. 8; Marshack, 1991, pl. 4, б, fig. 6], дают нам теперь возможность развить данную гипотезу. Четкая детализация на образце из Костенок показывает модель лифа на лямках и передает структуру, похожую на открытое плетение с каймой из рабочих петель по всему утку. Вдобавок мастер старательно отметил те места, где основная

Рис. 4. "Венера" из Леспюг
(вид сзади).

часть лифа соединяется с лямками, вероятно посредством сшивания. Каким бы особенным ни был способ прикрепления этих лямок, подобная гравировка указывает на ткань, а не кожу или шкуру.

Лифы, с лямками или в виде полосок без лямок на верхней части груди, имеются практически на всех восточноевропейских фигурках с изображением тканых головных украшений. В тех случаях, когда их нет, как, например, на статуэтке из Виллендорфа, руки изображены сложенными на груди.

Данные предметы одежды отсутствуют на западноевропейских статуэтках. Это служит подтверждением вывода М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 19896] о том, что для Восточной Европы характерен семантический акцент на живот и грудь, а для Западной - на бедра.

Пояса

Пояса являются следующим предметом одежды, который был обнаружен на статуэтках. Судя по изображениям, иногда они присоединялись к веревочным юбкам, иногда их просто носили на талии или низко на бедрах. В Восточной Европе, видимо, пояса всегда носили на талии, в одних случаях их изображения есть

только на задней части статуэток, в других - только на передней (например, большой мергелевый фрагмент из Костенок [Marshack, 1991, pl. 4]).

У статуэток из Центральной и Западной Европы пояса, если они изображались, были низко на бедрах (например, фрагменты глиняных статуэток из Долни Вестонице и Павлова [Ibid, pl. 4, a, b]). Одни из них являются вполне реалистическими изображениями поясов, изготовленных из растительного волокна, другие, как на "Венере" из Долни Вестонице I (см. рис. 2, a), представляют собой сильно выделенные горизонтальные полосы, опоясывающие тело на уровне бедер. Такое же низкое расположение пояса на бедрах видно на "Венере" из Леспюг (рис. 4). В этом случае пояс прикреплен к веревочной юбке. Наши предварительные исследования данной статуэтки, на которой четко видно первичное (S) и последующее (Z) направление вплетения полосок ткани, а также распушение некоторых веревочек по краю юбки, подтверждают замечание Е. Барбер [Barber, 1991, 1994], что изображенная одежда была сделана из ткани, изготовленной из растительного волокна.

Браслеты и ожерелья

Последним часто встречающимся элементом "одежды Венер" являются браслеты и ожерелья, изображения которых есть на многих статуэтках из Центральной и Восточной Европы, но отсутствуют на фигурках из Западной Европы. Однако данные элементы представлены гораздо схематичнее, чем головные уборы, лифы и пояса, что не дает возможности однозначно определить их как предметы, изготовленные из растительного волокна. Мы можем только отметить, что, когда эти элементы изображены на статуэтках из местонахождений ПВКА, они всегда сочетаются с тканой одеждой, о которой шла речь выше.

Территориальные различия в "одежде Венер"

Вышеприведенные размышления относительно того, что носила "хорошо одетая Венера", указывают на явные различия между Западной, Восточной и Центральной Европой (рис. 5). Мы признаем, что отсутствие достаточного количества женских статуэток граветтийского и перигордийского периодов из Западной Европы делает нашу реконструкцию западноевропейского "одежды Венер" очень вольной, но все же на основании имеющихся данных предполагаем, что оно как минимум состояло из плетеной сетки для волос в ансамбле с веревочной юбкой и поясом, который носили низко на бедрах. Изображение веревочных юбок, вопреки мнению Е. Барбер [Barber, 1994], есть только на статуэтках из Западной Европы. (Но Е. Барбер исследовала единственный образец - статуэтку из мамонтовой кости, найденную в Гагарине, которая не имеет украшений*.)

* Устное сообщение R. White, 1999 г.

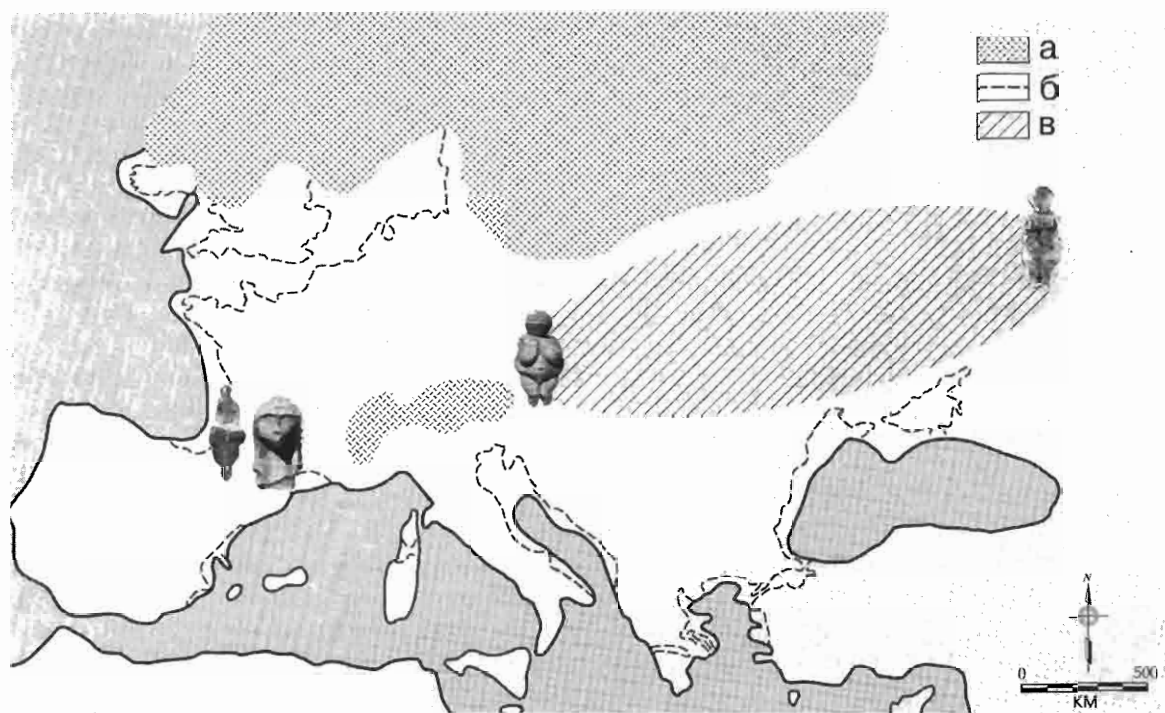

Рис. 5. Карта-схема расположения местонахождений “Венер” разных типов.
 а - площадь распространения ледника; б - границы береговой линии в период распространения ледникового покрова;
 в - ареал бытования палеолитических “Венер” в Центральной и Восточной Европе.

На статуэтках из Восточной и Центральной Европы всегда имеется плетеная шляпка, иногда в ансамбле с тканым лифом и поясом, а также браслетами и ожерельями. В соответствии с различиями семантического акцента между востоком и западом, отмеченными ранее, и промежуточным положением центральноевропейских статуэток, изображения поясов на статуэтках из Западной Европы располагаются низко на бедрах и по мере продвижения на восток они поднимаются выше на талию.

Мы уже говорили, что одежда обнаруживается только на женских статуэтках верхнего палеолита, тогда как редкие изображения мужчин и неидентифицируемые человеческие фигурки не имеют деталей подобного рода. Это позволяет явно связывать одежду только с женскими изображениями, причем лишь с некоторыми из них, так как не на всех женских статуэтках есть одежда. М.Д. Гвоздовер [Gvosdover, 1989a] показала также, что такая связь распространяется и на абстрактные украшения, разнообразные образцы которых были найдены в Костенках и Авдееве (рис. 6), и достоверно интерпретировала данные находки как синекдохи скульптурных изображений одетых женщин. Это в свою очередь дает нам возможность однозначно утверждать, используя терминологию Р. Лежур [Lesure, 1997], что именно тканая, плетеная одежда и головные уборы, изготовленные из растительных волокон, являлись теми важными предметами, о которых много “говорилось” на территории всей Европы около

25 тыс. л. н. и которые были связаны с определенной категорией женщин верхнего палеолита.

Значение “одежды Венер” для реконструкции трудовой деятельности, социальной организации и идеологии

Повседневная одежда, погребальная одежда, “одевание Венер”

Документально подтвердив “одевание Венер” граветийского периода, далее мы перейдем к рассмотрению вопроса о том, какого рода была данная одежда: повседневной, погребальной или некоторой комбинацией первого и второго. Рамки статьи не позволяют детально обсудить данный вопрос. Мы вряд ли когда-нибудь сможем представить одежду верхнего палеолита во всех деталях, но укажем на два исходных момента для таких реконструкций: 1) свидетельства из захоронений, 2) иконографическая информация.

По нашему мнению, иконографические данные, согласно которым мужчины изображались обнаженными и только часть женщин одетыми, но не полностью, не являются “фотографическими” свидетельствами того, что в верхнем палеолите в Европе носили очень мало одежды или ее вообще не носили. Это предположение подтверждается этнографическими сведениями: все охотники-собиратели, жившие в северных широтах, были одеты, что в первую очередь связано с климатическими условиями. Количество и

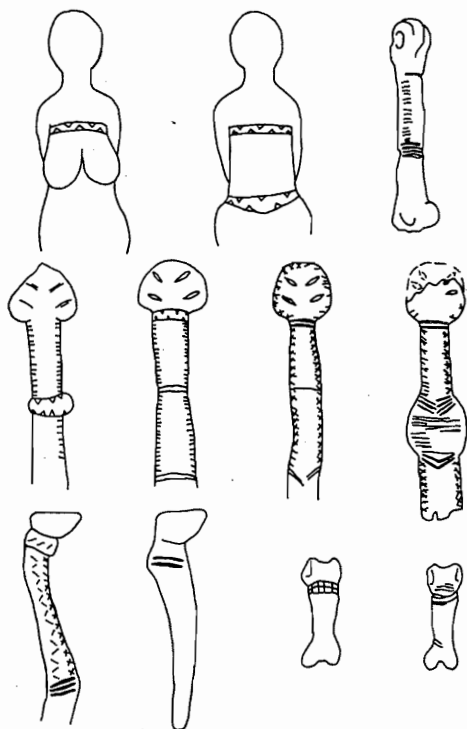

Рис. 6. Женские статуэтки из мамонтовой кости и костяные украшения из Костенок и Авдеева (по [Gvosdover, 19896, fig. 8]).

характер одежды, несомненно, менялись в зависимости от времени года и условий. Однако имеющиеся данные подтверждают наше предположение, что иконографию верхнего палеолита не следует принимать как достоверное однозначное отражение того, какую одежду носили в повседневной жизни.

Свидетельства из погребений верхнего палеолита, хотя и чрезвычайно скудные, все же показывают, что и женщин, и мужчин хоронили полностью одетыми. Например, при реконструкции одежды погребенных в трех наиболее полно сохранившихся захоронениях в Сунгире, датированных примерно 25 тыс. л. н., по расположению большого количества бусин, а также характеру их деформации удалось установить, что на умерших была верхняя одежда с капюшоном, брюки с прикрепленной к ним обувью, накидки и шапки или шляпы [Бадер, 1978; Позднепалеолитическое поселение..., 1998]. Три человека, захороненные там, - старик, молодая женщина и мальчик 7 - 9 лет - имели, помимо одежды, много браслетов, ожерелий и колец на руках, в том числе и выше локтей. Реконструкция одежды, которая была на погребенных в граветтийских захоронениях в Италии, также подтверждает наличие головных уборов и других предметов одежды [Mussi, 1990].

Уже отмечалось, что одежда верхнего палеолита, как предполагали ученые, изготавливалась из шкур или меха [Абрамова, 1960; Окладников, 1941]. Отсутствие в настоящее время свидетельств в пользу или против этой гипотезы не позволяет проверить данное пред-

положение. Однако мы все же можем утверждать и утверждаем, что иконографические свидетельства говорят в пользу того, что хотя бы часть одежды верхнего палеолита изготавливалась из растительного волокна. Вероятно, такая одежда была связана с определенной категорией женщин верхнего палеолита. Более того, эта связь имела достаточно важное значение, поскольку она нашла свое отражение в разнообразных предметах, от фигурок до булавок, шпилей и украшенных фаланг животных.

Родовое разделение

Вышеупомянутая связь дает нам возможность четко представить родовое разделение в граветтийском периоде. Поскольку, как отмечали Дж. Жеро и М. Конки [Engendering Archaeology, 1991], а также ряд других авторов, родовое разделение является способом группировки индивидуумов в разные социальные категории, вышеупомянутые верхнепалеолитические свидетельства позволяют нам изменить традиционный подход к тому, что раньше рассматривалось как единое целое - будь то "граветтийцы", "верхнепалеолитические группы" или "охотники ледникового периода", - и начать изучать вопрос, как в столь удаленное от нас время индивидуумы объединялись в устойчивые социальные группы. Эта связь также дает нам возможность перейти к исследованию орудий труда, самого труда и ценности этого труда.

Занимаясь данным вопросом, мы учли предупреждение Л. Костин [Costin, 1996] о том, что наличие родового разделения в прошлом не следует предполагать, его нужно доказать. Она подчеркивает, что для этого в археологии обычно используется метод этнографической аналогии, однако, как указывают Л. Костин [Ibid], а до нее М. Вобст [Wobst, 1978], опора на этнографическую аналогию чревата опасностью представить случайные факты как постоянные, особенно это касается социальных явлений, которые сильно зависят от конкретных условий. Доступные палеолитические данные изначально ограничивают нас только двумя источниками информации - свидетельствами из захоронений и иконографией, а поскольку первый из них крайне скуден, то на практике мы имеем только иконографию.

Вопросам родового разделения мало уделяется внимания в литературе по палеолиту, а то, что есть, представляет собой в основном теоретические размышления, а не эмпирические исследования. Следует отметить одно исключение - работу Л. Конрой [Conroy, 1993], которая изучала антропоморфные изображения и считала, что родовые различия в верхнем палеолите существовали, хотя и в другой форме, чем сейчас. Основываясь на наличии некоего стиля в изображении женщин и отсутствии такового в изображении мужчин, Л. Конрой утверждает, что женский образ уже был включен в культурную концепцию, а мужской нет. В свою очередь, М.Д. Гвоздовер [Gvosdover, 1989a, 6]

считает, что помимо деления по родам существовала дифференциация женщин на основе критериев, которые, по ее мнению, связаны не с возрастом, а скорее с некоторыми культурными представлениями.

Наше исследование “одеяния Венер” дополняет эти замечания, показывая связь тканых и плетеных изделий, используемых в качестве одежды, с одной социальной категорией женщин, которые, как обосновывается ниже, были вероятными изобретателями технологии их изготовления, производителями и пользователями данных изделий.

Доисторические ткачихи и вязальщицы

Как мы говорили выше, однозначное приписывание каких-либо технологий определенной социальной группе индивидуумов представляется крайне трудной задачей в археологии. Это особенно трудно, когда мы движемся назад во времени и не можем больше убедительно использовать аргументы исторической преемственности. В данном случае, когда нас отделяет по меньшей мере 25 тыс. лет от первых документальных свидетельств о тех, кто занимался ткачеством и плетением в доисторической Европе, в решении этой задачи мы вынуждены опираться на очень скудные сведения. Тем не менее все доступные нам данные иконографии и этнографические аналогии, которые обычно используются для разделения человеческих сообществ прошедших веков по родам, по нашему мнению, четко указывают на то, что именно женщины с наибольшей вероятностью были ткачихами и вязальщицами в граветтийский период.

Мы уже представили иконографические тому доказательства. Теперь кратко сошлемся на этнографические данные, которые документально свидетельствуют о том, что женщины занимались не только сбором растений и их обработкой [Murdock, 1937; Murdock, Provost, 1973; Owen, 1996; Watson, Kennedy, 1991], но и ткачеством и плетением из растительных волокон, а также изготовлением плетеных изделий из древесных материалов. Как отмечают многие ученые различных специальностей, это достоверно для всех примитивных обществ, в которых тканые и плетеные предметы изготавливаются для домашних и общественных нужд. Ситуация изменяется только тогда, когда такие недолговечные изделия попадают в сферу рыночного обмена [Barber, 1991, 1994; Hald, 1980; King, 1991; Scheider, Weiner, 1989].

Не следует думать, что мужчины не имели никакого отношения к утраченным технологиям, основанным на растительном волокне. Существует большое количество свидетельств того, что определенные категории предметов, такие как тканая обувь и некоторые виды сетей, часто изготавливались мужчинами. Однако, по нашему мнению, это было скорее исключением, а не нормой, о чем свидетельствуют этнографические документы относительно недавнего прошлого. Наверняка данное предпо-

ложение верно для ткачества и текстильного производства, где участие мужчин обычно бывает минимальным.

Ткани и корзины: труд и ценность

Наше обоснование того, что текстильное производство уже существовало в доисторической Европе и было связано с определенным полом, не только представляет важные новые знания о труде до сих пор не признаваемой группы людей верхнего палеолита — женщин, занимающихся только этим видом деятельности, но и позволяет говорить о высокой значимости данного труда.

Мы уже отмечали, что тонкой и трудоемкой детализации в изображении тканых одеяний на статуэтках одной группы “Венер” уделялось не меньше, а может быть и больше внимания, чем изображению признаков пола. Это явно указывает на то, что навыки ткачества и плетения, как и искусная готовая продукция, высоко ценились. Более того, они были настолько важны для людей верхнего палеолита, живших на территории Долни Вестониче, Павлова, Виллендорфа, Костенок, Авдеева и в других местах, где обнаружены стоянки людей, что превращались в трансцендентальные элементы культуры, запечатлявшиеся в камне и кости. Проще говоря, мы полагаем, что быть ткачихой, вязальщицей корзины или женщиной, которая могла носить подобные одеяния, означало занимать заметное положение в обществе, причем такой статус, по крайней мере в граветтийский период, имела только определенная категория женщин.

Последний вопрос, который мы хотим здесь рассмотреть, это вопрос о ценности труда. В данной работе и ранее мы уже отмечали тщательность и тонкость выделки тканых изделий, отпечатки которых были обнаружены на фрагментах керамики из Моравии, причем лучшие из них сравнимы по качеству не только с образцами неолита, но и с более поздними, а именно бронзового и железного веков, по сути, их можно сравнить даже с хлопчатобумажными и льняными изделиями нашего времени [Adovasio et al., 1996, 1997, in press; Soffer et al., 1998, in press]. Подобное совершенное ткачество представляется весьма трудоемким, следовательно, обнаружение свидетельств существования этого вида деятельности в верхнем палеолите, скорее всего, указывает на интенсификацию женского труда. Текстильную продукцию, запечатленную в древнейшей иконографии, можно определить, по образному выражению Г. Кларка [Clark, 1986], как “символ превосходства”. В частности, такая недолговечная продукция женского труда вполне могла служить “символом успеха” и была частью престижного хозяйства. Мы предлагаем данную гипотезу с учетом исследования Г. Кларка [Ibid] относительно доисторических ценностей, где отмечалось, что в примитивных обществах предметы, которые быстро подвергаются разрушению, очень часто имеют символическое значение. Данное наблюдение подтверждается

многочисленными иконографическими и археологическими данными (например, atush у айнов, ткани доисторической Мезоамерики и т. д.). Таким образом, мы добавляем еще одну категорию артефактов - тканые и плетеные - к ценным предметам из мамонтовой кости и ракушечника, которые Г. Кларк [Ibid] интерпретировал как социально значимые материалы верхнего палеолита. Однако в отличие от ценных предметов из мамонтовой кости и ракушечника, чьи создатели наверняка останутся неизвестными, в случае с текстильными и плетеными изделиями верхнего палеолита мы имеем дело с технологиями, которые связаны с определенным полом, т. е. производство ценностей прямо ассоциируется с женским трудом.

Выводы

Переходя от частного к общему, мы хотели бы закончить данную работу следующими выводами.

1. Разнообразные текстильные, плетеные и сетчатые изделия изготавливались в Европе верхнего палеолита, по крайней мере, уже около 27 тыс. л. н. Они, вероятно, использовались как в быту, так и для охоты. Согласно данным иконографии, такие изделия служили одеждой.

2. Иконографические свидетельства связывают ношение одежды с одной категорией женщин верхнего палеолита, чье одеяние включало плетеные шапочки, сетки для волос, лифы, веревочные юбки и пояса.

3. Данные о производстве уже в граветтийский период различных сложных тканых изделий указывают на то, что в верхнем палеолите было нечто большее, чем "веревочная революция" и ношение соблазнительных веревочных юбок (вопреки мнению Е. Барбер [Barber, 1991, 1994]). Скорее всего, женщины палеолита изготавливали и носили разнообразную одежду, включая плетеную и из простых тканей, выработанных на ткацком станке без ремизной нити.

4. Представленное "одеяние Венеры" явно не являлось повседневной одеждой. Вероятнее всего, оно было ритуальным. По своему стилю одежда на западе и востоке Европы различалась.

5. Этнография, этноистория и иконография верхнего палеолита четко связывают изготовление тканей и корзин с женщинами, тем самым указывают не только на наличие женского труда, но и на один из принципов дифференциации верхнепалеолитических сообществ.

6. Связь с изготовлением тканей и корзин только некоторой части "Венер" верхнего палеолита отражает тот факт, что женщины играли разнообразные роли в обществе; помимо предопределенных полом были и такие, которые ассоциировались с определенным статусом в обществе.

7. Как изящество отделки некоторых текстильных изделий, так и фиксация данной технологии в иконог-

рафии указывают на то, что изделия из растительного волокна имели определенную ценность.

8. Сохранение текстильных и плетеных изделий в иконографии говорит о том, что они, видимо, были "символами превосходства", выступая в качестве важных показателей престижного хозяйства и отличительных признаков занимаемого положения в обществе.

9. Наконец, замечание А. Маршака [Marchack, 1991, p. 29], что «"Венера из Виллендорфа"... была богато и тщательно одета», с которого мы начали данную статью, представляется верным не только в переносном, но и в совершенно буквальном смысле. Действительно, она и ее сестры были богато и тщательно одеты в тканые и плетеные наряды своего времени.

Благодарности

Мы считаем необходимым выразить свою благодарность доктору М.Д. Гвоздовер, чьи первые работы по исследуемому вопросу вдохновляли и будут вдохновлять нас. Мы также благодарны Марсии-Анне Добре, Нанси Фишер, Альме Готтлиб, Д. Джири Свобода и Рэнди Уайт за их глубокие комментарии и предложения, Матти Бунцель и его отцу за неоценимую помощь в наших исследованиях. Доктор Антл Вальпурга очень помог нам в изучении "Венеры" из Виллендорфа; Д. Джири Свобода и М. Ленка Джарасова помогли в изучении материалов из Моравии; Д. Француза Одуз оказала нам подобную помощь во Франции. Художественные работы в данной статье были выполнены Стивом Холландом. Джефф Иллингворт помог с выпуском статьи.

О. Соффер выражает огромную признательность Международному Совету по науке и обмену за финансовую поддержку ее исследований по верхнему палеолиту в Центральной и Восточной Европе, а также Госдепартаменту США (программа 8), Национальной Академии наук США, Национальному совету по гуманитарным наукам и Совету по научным исследованиям при Университете Иллинойса. Мнения и выводы, представленные в статье, а также возможные ошибки и неточности полностью остаются на совести авторов и никоим образом не могут быть связаны с любым из упомянутых выше учреждений или организаций, оказывавших авторам помощь.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека верхнего палеолита в Европе и Сибири // МИА. - 1960. - № 79. - С. 126 - 149.
- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. - М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - (САИ; Вып. А 4-3).
- Бадер Н.О.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. - М.: Наука, 1978. - 271 с.
- Окладников А.П.** Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.) // МИА. - 1941. - № 2.
- Пидопличко И.Г.** Межиричские жилища из костей мамонта. - Киев: Наук. думка, 1976.
- Позднепалеолитическое поселение Сунгирь.** - М.: Научный мир, 1998.
- Adovasio J.M., Soffer O., Klima B.** Paleolithic Fiber Technology: Data from Pavlov I, ca. 26,000 B.P. // Antiquity. - 1996. - N 70. - P. 526 - 534.

- Adovasio J.M., Hyland D.C., Soffer O.** Textiles and Cordage: Preliminary Assessment // Pavlov I 1957 Excavations / Ed. by J. Svoboda. - Brno: Archeologický Ústav AV ČR, 1997. - P. 403 - 424.
- Adovasio J.M., Hyland D.C., Klima B., Svoboda J., Soffer O.** Textiles, Basketry and Nets in Upper Paleolithic Moravia: Perishable Technology in the Pavlov Culture // *Archeologické rozhledy*. - (In press).
- Barber E.J.W.** Prehistoric Textiles. - Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Barber E.J.W.** Women's work: The first 20,000 Years. - N. Y.: W.W. Norton and Co, 1994.
- Cheynier A.** Comment Vivait l'Homme des Cavernes / Ed. by Robert Arnoux. - P., 1967.
- Childe V.G.** Man makes himself. - N. Y.: Mentor Books, 1936.
- Clark G.** Symbols of Excellence. - Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Conroy L.P.** Women in Archaeology // Women in Archaeology / Ed. by H. du Cross and L. Smith. - Canberra: The National University, 1993. - P. 153 - 160. - (Occasional Papers in Prehistory N 23. Dept of Prehistory, Research School of Pacific Studies).
- Costin L.** Exploring the Relationship between Gender and Craft in Complex Societies: Methodological and Theoretical Issues of Gender Attribution // Gender and Archaeology / Ed. by R.P. Wright. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. - P. 111 - 142.
- Delporte H.** L'Image de la Femme dans l'art préhistorique. - P.: Picard, 1979.
- Dobres M.A.** Re-considering Venus Figurines: A Feminist-Inspired Re-analysis // Ancient Images, Ancient Thought: The Archaeology of Ideology: Proceedings of the 1990 International Chacmool Conference / Ed. by A.S. Goldsmith, S. Garvie, D. Selin and J. Smith. - Calgary: University of Calgary, 1992. - P. 254 - 262.
- Duhard J.P.** L'identifité physiologique, un élément d'interprétation des figurations féminines paléolithiques // *Trabajos de prehistoria*. - 1994. - N 51.
- Engendering Archaeology** / Ed. by J.M. Gero and M. Conkey. - Oxford: Blackwell, 1991.
- Gvozdover M.D.** Ornamental Decoration on Artifacts of the Kostenki Culture // Soviet Anthropology and Archaeology. - 1989a. - N 27(4). - P. 8 - 31.
- Gvozdover M.D.** The Typology of Female Figurines of the Kostenki Paleolithic Culture // Soviet Anthropology and Archaeology. - 1989b. - N 27(4). - P. 32 - 94.
- Hald M.** Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. - Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1980.
- Joyce R.A.** Women's Work: Images of Production and Reproduction in Pre-Hispanic Southern Central America // Current Anthropology. - 1993. - Vol. 34. - P. 255 - 274.
- Kehoe A.B.** Points and Lines // The Powers of Observation: Alternative Views in Archaeology / Ed. by S.M. Nelson and A.B. Kehoe. - 1990. - N 2. - P. 23 - 27. - (Archaeological Papers of the American Anthropological Association).
- King M.E.** The Perishable Preserved: Ancient Textiles from the Old World with Comparisons from the New World // The review of Archaeology. - 1991. - Vol. 13(1). - P. 2 - 11.
- Klima B.** Lovci mammutů z Predmostí. - Praha: Academia, 1990.
- Leroi-Gourhan A., Allain J.** Lascaux Inconnu. - P.: CNRS, 1979.
- Lesure R.G.** Figurines and Social Identities in Early Sedentary Societies // Women in Prehistory / Ed. by C. Classen and A. Joyce. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. - P. 227 - 248.
- Marshack A.** The Female Image: A "Time-factored" Symbol. A Study in Style and Aspect of Image Use in the Upper Paleolithic // Proceedings of the Prehistoric Society. - 1991. - Vol. 57, part 1. - P. 17 - 31.
- McDermott L.** Self-Reproduction in the Upper Paleolithic Female Figurines // Current Anthropology. - 1996. - Vol. 37. - P. 227 - 276.
- Moser F.** Archeologie expérimentale historique et méthodologie // Annales des Journées Archeologiques de l'Association des Amis du Passé du St. C'ère. - France, 1997.
- Murdock G.P.** Comparative data on the Division of Labor by Sex // Social Forces. - 1937. - N 15. - P. 551 - 553.
- Murdock G.P., Provost C.** Factors in the Division of Labor by Sex. A Cross-Cultural Analysis // Ethnology. - 1973. - Vol. 12. - P. 203 - 226.
- Mussi M.** Continuity and Change in Italy at the Last Glacial Maximum // The World at 18,000 BP / Ed. by O. Soffer and C. Gamble. - L.: Unwin Hyman, 1990. - Vol. 1: High Latitudes. - P. 126 - 147.
- Nadel D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M.E., Stewart K.** 19000-Year-Old Twisted Fibers from Ohalo II // Current Anthropology. - 1994. - Vol. 35(4). - P. 451 - 457.
- Owen L.R.** Der Gebrauch von Pflanzen in Jungpaläolithikum Mitteleuropas // EAZ Ethnogr.-Archaeol. Z. - 1996. - Vol. 37. - P. 119 - 146.
- Praslov N.D.** Eine neue Frauentatue aus Kalkstein von Kostenki I (Don, Russland) // Archäologisches Korrespondenzblatt. - 1993. - Bd 23, H. 2. - S. 165 - 173.
- Schneider J., Weiner A.** Introduction // Cloth and Human Experience. - Wash.: Smithsonian Institution Press, 1989. - P. 1 - 15.
- Soffer O.** Upper Paleolithic Connubia, Refugia and Archaeological Record from Eastern Europe // Pleistocene Old World: Regional Perspectives / Ed. by O. Soffer. - N. Y.: Plenum Publishing Co., 1987. - P. 333 - 348.
- Soffer O.** The Mutability of Upper Paleolithic Art in Central and Eastern Europe: Patterning and Significance // Beyond Art / Ed. by M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann and N. Jablonski. - San Francisco: University of California Press, 1997. - P. 239 - 262.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C., Klima B., Svoboda J.** Perishable Technologies and the Genesis of the Eastern Gravettian // Anthropologie. - 1998. - Vol. 36, N 1/2. - P. 43 - 68.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C., Illingworth J.S., Klima B., Svoboda J.** Perishable Industries from Dolni Vestonice I: New Insights into the Nature and Origin of the Gravettian // Proceedings of the Masaryk University Conference. - (In press).
- Soffer O., Conkey M.** Studying Ancient Visual Culture // Beyond Art / Ed. by M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann and N. Jablonski. - San Francisco: University of California Press, 1997. - P. 1 - 16.
- Sterdeur-Yedid D.** Les Aiguilles à Chas au Paléolithique: XII Supplément à Gallia Préhistoire. - P.: CNRS, 1979.
- Watson P.J., Kennedy M.C.** The Development of Horticulture in the Eastern Woodlands of North America: Women's Role // Engendering Archaeology / Ed. by J.M. Gero and M.W. Conkey. - Oxford: Blackwell, 1991. - P. 255 - 275.
- White R.** Dark Caves, Bright Visions. - N. Y.: The American Museum of Natural History, 1986.
- Wobst M.** The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology // American Antiquity. - 1978. - Vol. 43. - P. 303 - 309.
- Yalon M.** A History of the Breast. - N. Y.: Knopf, 1997.

УДК 902

В.Д. Кубарев¹, Д. Цэвээндорж²

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: kubarev@paleo.archaeology.nsc.ru

² Институт истории АН Монголии, ул. Шуудангийнслбар, 19,
Улан-Батор, Республика Монголия
E-mail: jganbold@magicnet.mn

TERRA INCOGNITA В ЦЕНТРЕ АЗИИ

На пороге третьего тысячелетия на Земле, наверное, уже не осталось “белых пятен”, нет уже таких мест, где бы не побывал наш современник. Пожалуй, только отдельные труднодоступные области азиатских гор и пустынь до сих пор остаются неисследованными и ждут своих первооткрывателей. Такой загадочной и неизвестной землей можно назвать Монгольский Алтай (рис. 1). Его территория до сегодняшнего дня не только является естественным природным резерватом, но и остается малоизученным археологическим заповедником.

Для многих известных путешественников и ученых, стремившихся в глубинные районы Юго-Восточной Азии, суровые горы Монгольского Алтая служили как бы перевалочным пунктом, коротким эпизодом и началом их странствий. Вероятно, поэтому в обширных трудах, посвященных изучению различных регионов Азии, почти нет сведений о древних памятниках этого края. Особенно интересным в плане изучения древних культур Центральной Азии представляется Баян-Олгийский аймак - самая высокогорная часть Монголии (49° 19' с. ш. - 88° 26' в. д.). Вот уже в течение шести полевых сезонов здесь проводит исследования Восточно-Алтайский отряд Института археологии и этнографии СО РАН (рис. 2). Работы осуществлялись совместно с учеными Академии наук Монголии при финансовой поддержке Орегонского университета и Президиума Сибирского отделения Российской Академии наук.

К настоящему времени наконец удалось определить границы огромного петроглифического комплекса, расположенного в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур. Рисунки, выбитые на скалах (рис. 3) и на

отдельных глыбах моренных гряд, насчитываются многими тысячами и встречаются на протяжении 15 - 20 км вдоль южных склонов гор. По возрасту (от неолита до средневековья), стилю, разнообразию сюжетов и персонажей они являются уникальными, образуя самостоятельный историко-культурный регион не только в пределах Монгольского Алтая, но и во всей Центральной Азии.

В Баян-Олгийском аймаке известно еще несколько, менее крупных, пунктов с петроглифами: 1) в долине р. Хара-Яма, 2) Хара-Чулун, в долине р. Цагаан-Гол, 3) в долине р. Хара-Ус (правом притоке Цагаан-Гола), 4) на левом берегу Цагаан-Гола, ниже слияния рек Хара-Ус и Цагаан-Ус. На всех этих местонахождениях, отличающихся локальным своеобразием, проводились работы по копированию рисунков, фотографированию и определению координат памятников.

В 1998 г. у границы с Китаем, на западном берегу оз. Хотон, в местности Арал-Толгой (48° 20' с. ш. - 89° 30' в. д.) нами открыто небольшое (по площади и числу рисунков), но, без сомнения, выдающееся местонахождение петроглифов. Изображения различных животных и птиц выполнены в основном на горизонтальных плоскостях невысокой горной гряды в архаичной контурной технике, сильно выветрены и патинизированы. Петроглифы Арал-Толгой, возможно, самые древнейшие в Монгольском Алтае. Компактное скопление рисунков на Хотоне, даже судя по предварительному сравнительно-типологическому анализу изображений, имеет небольшой хронологический диапазон. Его можно датировать в пределах неолита - ранней бронзы, потому что для более ранней даты пока нет серьезных и убедительных данных. Здесь

Рис. 1. Карта Центральной Азии и Алтая.

также отсутствуют типичные для развитой и поздней бронзы Алтая изображения вооруженных мужчин, нет сцен охоты и войны, выпаса скота и т. д. Не найдено в Арал-Толгой и рисунков, выполненных в раннескифской изобразительной традиции.

В петроглифах Арал-Толгой также практически отсутствуют изображения человека, а фигуры животных не связаны в композиции или в какие-либо повествовательные сцены. Часто это крупные одиночные изображения промысловых животных: оленей, быков, козлов, баранов и кабанов (рис. 4, 1 - 9). В этот ряд традиционных для петроглифов Алтая образов мира диких зверей теперь следует включить и оригиналь-

ные рисунки птиц (рис. 4, 10 - 12), обнаруженные на уплощенной вершине гряды Арал-Толгой. Именно они придают своеобразие и новизну открытому нами комплексу. Вместе с тем петроглифы этого памятника своей изобразительной манерой, техникой исполнения и упомянутыми персонажами обнаруживают явные культурные связи не только с некоторыми пунктами наскального искусства внутри Монголии, но и с петроглифами Российского Алтая. На корреляционной таблице (см. рис. 4), как нам представляется, очень хорошо обозначена прямая связь между рисунками Арал-Толгой и изобразительными материалами Калбак-Таша [Kubarev, Jakobson, 1997] и Каракола

Рис. 2. Лагерь экспедиции в долине р. Цагаан-Гол.

Рис. 3. Наскальные изображения Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай).

[Кубарев, 1988]. Промежуточными звеньями этой культурной цепочки, наверное, логично назвать петроглифы Елангаша, Кок-Узека, Курмантау и Карашана в Чуйской степи [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 52 - 53; Кубарев, 1997, с. 95] и наскальные рисунки плато Укок [Молодин, Черемисин, 1995, с. 89 - 91]. Типично местными, монгольскими, надо назвать крупные изображения птиц, диких баранов и козлов, изображения которых находят параллели в росписях пещеры Хойт-Цэнкер. Но связь их не так очевидна, как представляется на первый взгляд. При формальном сходстве все же заметны и различия: стилизованные фигуры птиц Хойт-Цэнкера выглядят куда более реалистично, чем схематичные изображения птиц Арал-Толгоя (ср. рис. 4, 10 - 12 и 34, 35). Какие из них более древние? А может быть, они созданы в одну эпоху? Ответить на эти и другие вопросы, очевидно, помогут дальнейшие исследования нового петроглифического комплекса.

Среди других обследованных в процессе археологических разведок объектов, оставленных древними и средневековыми кочевниками, особое внимание уделялось монументальным памятникам: оленным

камням и тюркским изваяниям. Многие из них публикуются впервые, однако некоторые открыты задолго до нас, и было любопытно сравнить сведения предшественников с нашими наблюдениями. Так, Г.Н. Потанин во время своего путешествия в 1876 - 1877 гг. описал и зарисовал два археологических объекта: "Близ озера Даин-Гуль, на плоском перевале... находится группа разнообразных кэрэксуров; в стороне от них, к западу, находится кишачило; это - четырехгранный столб; на южной стороне его изображен круг, на восточной - лошадь, и над ним три косые черты... кроме того, вокруг столба над изображениями сделано двенадцать ямочек" [1881, с. 72].

Мы нашли этот камень в том же месте. Конечно, рисунок памятника, сделанный исследователем более 120 лет назад, не совсем точен (рис. 5, 1). Г.Н. Потанин не заметил или не понял изображений пояса, чекана, колчана и второго круга (серьги) на противоположной грани оленного камня (рис. 5, 2). Его данные также необходимо дополнить координатами ($48^{\circ} 19' \text{ с. ш.} - 88^{\circ} 55' \text{ в. д.}$) и размерами камня ($105 \times 25 \times 23 \text{ см.}$). Совершенно идентичные памятники найдены в Российском Алтае [Кубарев, 1979,

с. 107, табл. IX, 1 - 3], в Тыве [Грач, 1980, с. 192, рис. 54] и в Западной Монголии [Волков, 1981, с. 156, табл. 33, 1, 2; с. 192, табл. 69, 1 - 3; с. 226, табл. 103, 1 - 3; и т.д.].

В Арал-Толгое у южного подножия скальных выходов с петроглифами находится небольшой погребально-поминальный комплекс (48° 44' с. ш. - 88° 08' в. д.). Он включает три каменные насыпи (диаметром 10 м) курганов скифского времени, балбалы и поминальные каменные кольца. Рядом с ними установлен олений камень (240 x 40 x 25 см), вкопанный вверх ногами (рис. 6, 3). Только на его северной грани имеются рисунки: пояс, кинжал в натуральную величину (длина 39 см) и десять фигурок животных. На втором камне (50 x 35 x 3 см) неглубокой выбивкой обозначен пояс и на одной из граней кольцо-серьга. Третий камень (116 x 48 x 12 см) использован в качестве балбала и находится в 25 м на восток от насыпи кургана. На грани, обращенной к северу, изображены два щита и олень (?), на южной грани - две фигурки козлов и лук в горите, подвешенный к поясу (рис. 6, 2). Новые оленные камни Арал-Толгой органично входят в круг подобных мемориальных памятников раннескифской эпохи Саяно-Алтая и по реалиям могут быть датированы VII - VI вв. до н. э.

Еще около десяти оленных камней открыто в 1998 г. на территории Монгольского Алтая (рис. 7, 8). Половина их имеет только основные символы (триграммы, ожерелья, пояса и т.д.), присущие памятникам Западной Монголии, Российского Алтая и Тывы. Однако есть и исключения: на оленном камне (136 x 53 x 17 см), найденном на северном берегу оз. Хурган (48° 34' с. ш. - 88° 32' в. д.) изображены крупные фигуры лошадей и оленей (см. рис. 6, 1). Этот камень использован вторично в качестве балбала у кургана скифского времени и, возможно, является самым западным памятником классического монголо-забайкальского типа в пределах Монголии. Еще один камень аналогичного типа открыт у слияния рек Цагаан-Асгат и Хар-Чулуут. Здесь, в 2 км на север от русла реки, зафиксирован сложный ритуальный комплекс из трех огромных керексурсов и ряда стел, ориентированных с севера на юг. Он насчитывает около 40 камней, различных по высоте (от 0,4 до 2,5 м). Только на 14 из них различаются рисунки оленей, колец, желобков, серии неглубоких лунок и т. п. С одного камня, сохранившегося лучше других, снята копия (см. рис. 8). Этот олений камень, как и соседние в ряду стелы, находится в первоначальном месте установки. Ориента-

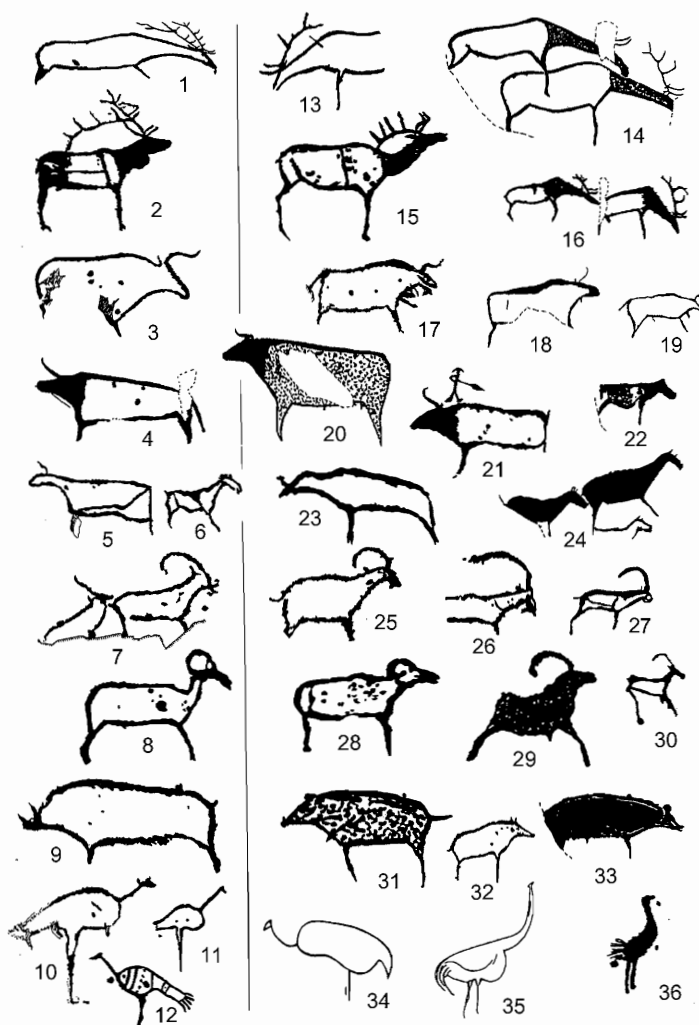

Рис. 4. Наскальные изображения Алтая.
1 - 12 - Арал-Толгой (Монгольский Алтай);
13 - 18, 20, 22 - 28, 31 - 33, 36 - Калбак-Таш (Российский Алтай);
19 - Джазатер (Российский Алтай);
21 - Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай);
29, 30 - Каракол (Российский Алтай);
34, 35 - Хойт-Цэнкер (Монгольский Алтай).

ция ряда и оленных камней в нем, наличие "жертвенных" каменных колец с восточной и западной сторон, - все это перекликается с порядком расположения оленных камней в Ушкийн-Увэр Галт сомона в Монголии [Волков, 1981, табл. 72, 85], в долине р. Юстыд [Кубарев, 1979, с. 14, рис. 3] и на плато Укок [Полосьмак, 1993, с. 21] в Российском Алтае.

Почти все открытые нами оленные камни, как и в Российском Алтае, переиспользованы в более поздних погребально-поминальных сооружениях. Некоторые из них (в долине р. Могой) послужили исходным материалом для изготовления древнетюркских изваяний. Эта традиция, очевидно, очень древняя, судя по оленному камню из долины р. Цагаан-Гол. Он был сделан из "чашечного" камня,

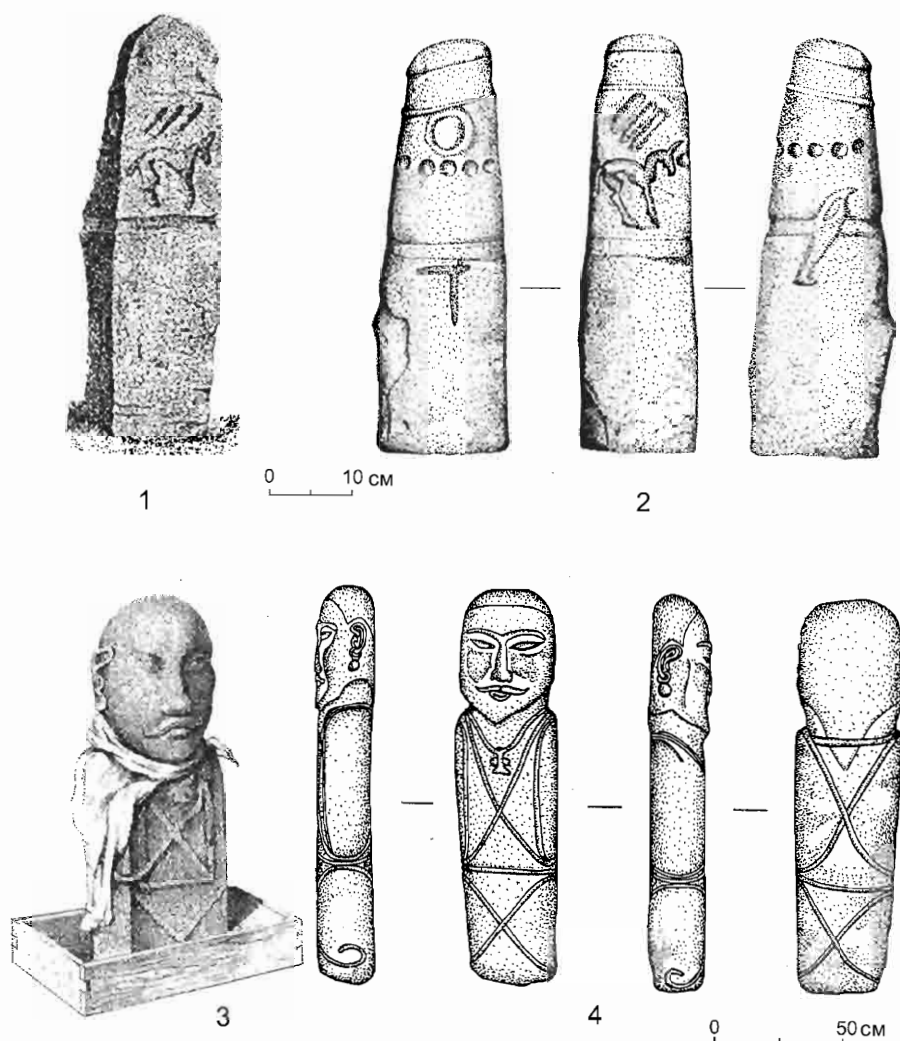

Рис. 5. Олений камень и тюркское изваяние у оз. Даян (Монгольский Алтай).

1, 3 - по Г.Н. Потанину, 2, 4 - прорисовка Г.В. Кубарева.

датируемого бронзовым веком (см. рис. 7, 1). На отдельных камнях выбиты всего один или два рисунка, а на стелах, установленных у подножия гор, часто встречаются рисунки, не характерные для оленних камней (см. рис. 7, 8). Ясно, что для таких стел были взяты плиты из разломов, уже с нанесенными и более древними рисунками.

Необычный камень найден на правом берегу р. Ховд, в 8 км вверх по течению от сомона Цэнгел ($48^{\circ} 53' \text{ с. ш.} - 89^{\circ} 04' \text{ в. д.}$). Он представляет собой темно-серый окатанный валун ($35 \times 27 \times 15 \text{ см}$), покрытый трещинами и изломами. На нем семь округлых лунок диаметром 3 - 4 см, нанесенных в определенном порядке (рис. 7, 7). Назначение камня неизвестно, но следует предположить, что он мог служить домашним алтарем. Ведь лунки, ямки и даже крупные чашевидные углубления на камнях многими исследователями интерпретируются как символы плодородия. А наличие еще одного такого

“чашечного” камня в насыпи огромного керексура у Цагаан-Нуура позволяет предположить, что эти древние раритеты могут относиться к бронзовому веку.

В местности Их Тургний Гол, напротив переправы-брода Сыргаль ($48^{\circ} 33' \text{ с. ш.} - 88^{\circ} 25' \text{ в. д.}$), сотрудниками экспедиции обследована целая серия (8 экз.) тюркских изваяний хорошей сохранности (рис. 9).

На юго-западном берегу оз. Даян ($48^{\circ} 19' \text{ с. ш.} - 88^{\circ} 55' \text{ в. д.}$) обнаружен небольшой комплекс, состоящий из двух древнетюркских оградок. У восточной стороны одной из них установлена стела, у другой каменное изваяние (см. рис. 5, 4). Оно также было открыто Г.Н. Потаниным [1881, с. 72 - 73, рис. 34]. И хотя рисунок, сделанный сибирским ученым, не является точной копией (см. рис. 5, 3), нам предоставлена возможность сравнить современное состояние изваяния и описание памятника, данное Г.Н. Потаниным.

“Близ озера Даинь-Гуля, на южном его берегу, между двумя малыми южными озерами, находится гранитный бюст, который киргизы называют Даинь-Батыр... Над Даинь-Батыром построен деревянный балаган в виде сруба с двускатной крышей и дверью; окон нет; дверь приходится против лица истукана; в пространстве между дверью и истуканом, стоящим у задней стены, протянута веревка, на которую навешаны во множестве шелковые лоскутья, конские волосы, а также связки из деревянных обрубок; эти обрубки четырехгранные, лукообразно изогнуты и оригинально покрашены; основание истукана окружено досками в виде ящика. По отделке частей и по степени сохранения кишачило Даинь-Батыр есть лучший из всех, какие мы видели в Северо-Западной Монголии” [1881, с. 72 - 73].

Конечно, от деревянного сооружения, возведенного над Даян-Батыром, в настоящее время ничего не осталось, но само изваяние сохранилось прекрасно и вызывает те же чувства, что и у Г.Н. Потанина. Он считал его самым лучшим в Северо-Западной Монголии по степени обработки и реалистичности. С таким заключением нужно согласиться. Однако следует добавить к описанию наши данные о памятнике. Изваяние выполнено на плите плотной мелкозернистой породы и представляет собой округлую скульптуру. Из монолита выделены голова, шея и плечи. С особой тщательностью проработаны детали лица: глаза, брови, нос, щеки и рот. Рельефно изображены уши и вдетые в них крупные серьги с шаровидными подвесками, а также волосы, собранные в наконсик (?), и гривна (или ожерелье) с подвесным украшением на шее. Пояс изображен в виде узкого рельефного валика. Такие же валики перекрещивают фигуру выше и ниже пояса. Изваяние установлено лицом на восток у задернованной каменной ограды (5 x 5 м).

Наше внимание привлекла еще одна особенность памятника - следы красной краски на губах изваяния. Подобный прием (раскраска губ) отмечен на другом миниатюрном изваянии (у него к тому же подкрашены брови черным цветом), находящемся в экспозиции музея Томского университета. Оно было вывезено Г.Н. Потаниным из Синьцзяна, возможно, из китайской части Монгольского Алтая. Не исключая позднего происхождения этого обычая, заметим, что

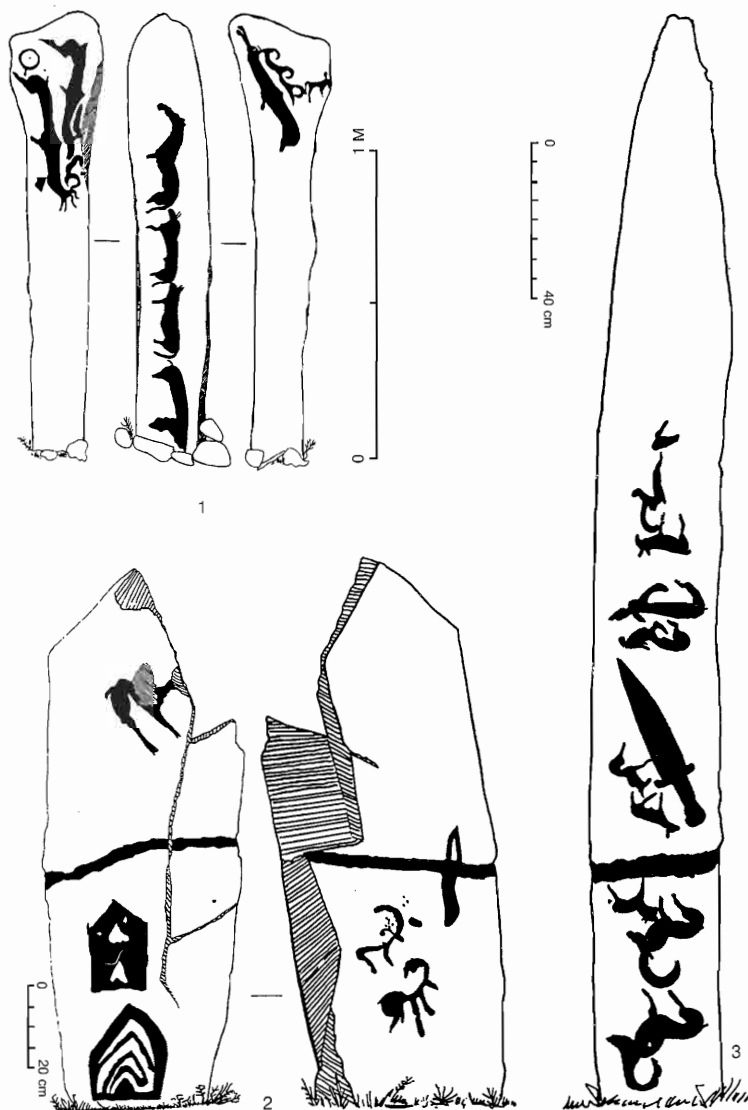

Рис. 6. Оленные камни Арал-Толгоя и у оз. Хурган (Монгольский Алтай).

подобная традиция была известна и половецким мастерам, применявшим для раскраски изваяний красную и черную краски [Плетнева, 1974, с. 58, рис. 28, а]. Отмеченные особенности алтайской скульптуры с оз. Даян подтверждают наше предположение о раскрашивании тюркских изваяний [Кубарев, 1984, с. 82]. Оно не кажется столь абсурдным, если учесть, что особенно реалистичные изваяния Центральной Азии выполнены из белого мрамора или известняка. Изображения предметов, деталей на них почти не различаются, сливаясь с фоном камня. Поэтому изваяния и раскрашивали, передавая всю цветовую гамму богатого костюма знатных тюрков.

Для датирования изваяния Даян-Батыр большое значение имеют реалии, изображенные на нем, но их немного. Кольчатые серьги с жемчужинами (?) - широко распространенное украшение в древнетюркском

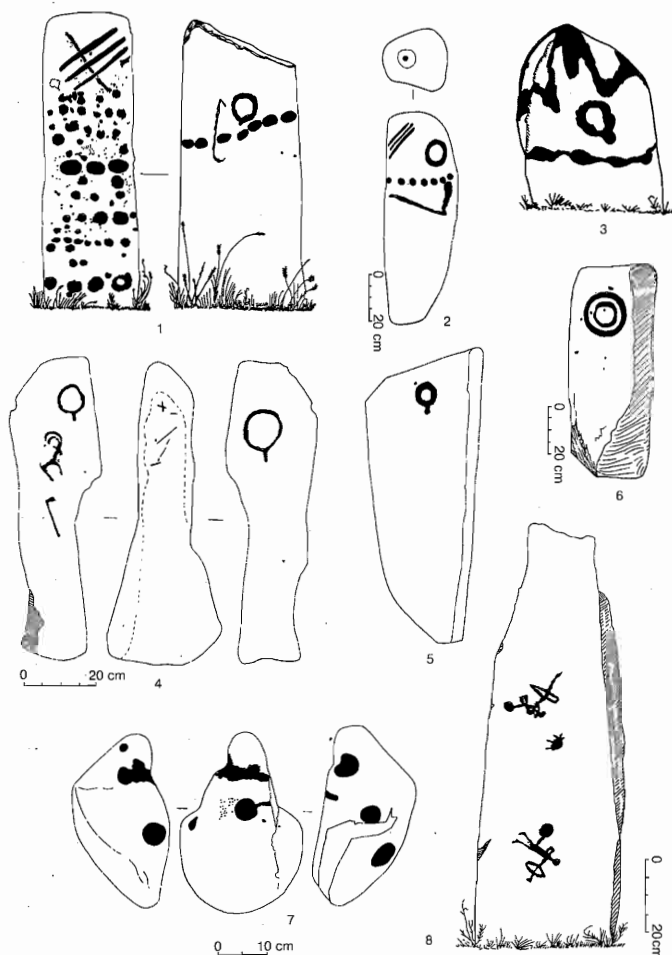

Рис. 7. Оленные камни и стелы Монгольского Алтая.
1, 3, 8 - Цагаан-Гол; 2, 5 - Могой; 4 - Хаалгат;
6 - Цагаан-Асгат; 7 - Ховд.

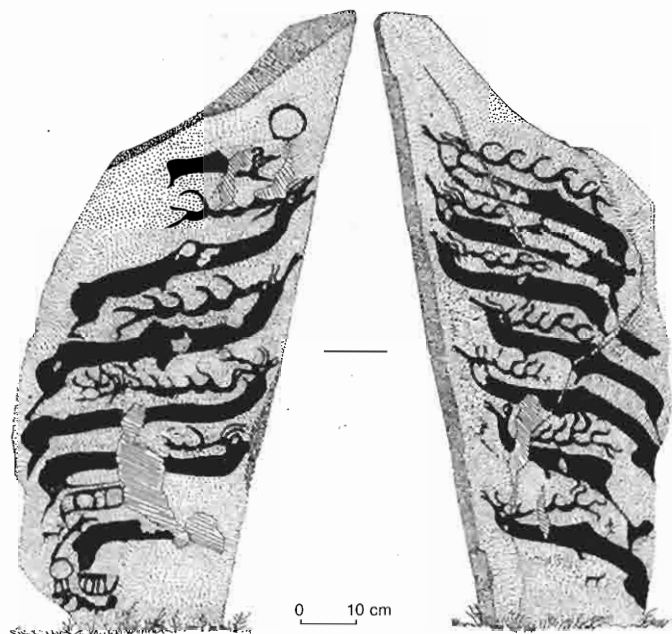

Рис. 8. Оленный камень из долины р. Цагаан-Асгат
(Монгольский Алтай).

мире. Они не могут быть узко датирующими предметами. Только изображение гривны или ожерелья с подвеской в виде трилистника наводит на отдаленные аналогии с каменными изваяниями Семиречья. Причем следует отметить, что подобное редкое, может быть престижное, украшение характерно в основном только для реалистичных изваяний, не имеющих пояса и оружия [Шер, 1966, с. 103, табл. XVII, изв. 72 - 75]. Витые и гладкие гривны, а также ожерелья с различными подвесками и амулетами показаны также на многих персонажах росписей Варахши, Афрасиаба и Пенджикента [Лобачева, 1979, с. 27, рис. 2, 5, 7; с. 31, рис. 3, 1 - 3; и т. д.]. У изваяния Даян-Батыр к тому же отсутствуют изображения рук и сосуда, что не типично для древнетюркской скульптуры. Рельефные перекрещивающиеся полосы на туловище фигуры (простеганные валики или жгуты, нашитые на одежду (?)) - деталь, не находящая прямых аналогий. Можно указать только на два изваяния из Российского Алтая, на лицевой стороне которых показаны перекрещивающиеся полосы [Кубарев, 1984, с. 206, изв. 164; с. 299, изв. 255]. Они могли обозначать и ремни, крест-накрест опоясывающие туловище. Ремни были необходимы, судя по более поздним половецким скульптурам [Плетнева, 1974, с. 26, рис. 6, 3, 14], для крепления нагрудного доспеха. Но на изваянии в Даян-Батыр нет изображений оружия, а перекрещивающиеся полосы есть и ниже пояса, т.е. на нижней части фигуры. Таким образом, аналогии не объясняют назначение этой непонятной детали, которая все-таки более всего напоминает незамысловатый орнамент на одежде в виде халата с широкими и длинными рукавами, как бы скрывающими руки. Таким же орнаментом (перекрещенные рельефные валики) украшены и головные уборы двух каменных изваяний из южной части Российского Алтая [Кубарев, 1984, с. 204, табл. XXV, изв. 151 и 153]. Они также приводятся Д. Баяром в качестве прямых аналогов головному убору изваяния из Баянцагаана Архангайского аймака [1997, с. 42, рис. 3, 3, 4]. Подобный головной убор также напоминает шапку с двумя жгутобразными валиками, изображенную на голове одного из самых реалистичных изваяний Чуйской долины в Киргизии [Шер, 1966, с. 99, табл. XIV, 57].

Итак, изваяние Даян-Батыр, очевидно, датируется в широких хронологических рамках VIII - X вв. и может быть включено в группу древнетюркской скульптуры, намеренно изображенной без оружия [Шер, 1966, с. 26; Кубарев, 1984, с. 20].

О длительном почитании древней каменной скульптуры под именем Даян-Батыр свидетельствуют и следы жира или масла, глубоко впитавшиеся в правое плечо фигуры. Обычай давать названия определенным каменным бабам повсеместно зафиксирован на Алтае и в Монголии. К примеру, самое реалистичное алтайское изваяние из долины р. Тото (Курайская степь) местное население называло Кезером [Евтюхова, 1952, с. 75], а изваяние под именем Акташ на холме Дьер-Тебе особо почиталось, о чем свидетельствует небольшое обо, сооруженное рядом с ним [Кубарев, 1984, с. 78]. В Монголии у лежащего каменного изваяния (на берегу р. Бурдэн-Гол в Ар жаргалант сомоне) также сооружено обо, в котором стоит "бронзовая курильница, в ней лежат конский волос и деньги. Хотя местность, где находится изваяние, малонаселенная, все же вокруг него протоптана глубокая тропинка. Очевидно, уже длительное время каменная баба и обо являются местом поклонения... это каменное изваяние называют Ловх, не объясняя смысла данного названия" [Сэр-Оджав, 1964, с. 98]. Еще одно изваяние, найденное в местности Баин дундуран говь Ар жаргалант сомона, называли Лам чулуу - Каменный монах. В Убурхангайском аймаке "около сомонного центра Уянга находится каменная баба Увшай" [Там же]. Последняя интересна тем, что над ней в XVIII в. был построен храм, где постоянно несли службу ламы. Им от хошуна каждый год отпускалось по 25 баранов.

Приведенные этнографические данные дают основания для утверждения, что древнетюркские изваяния, особенно те из них, которые представляют собой тщательно выполненные скульптуры, продолжали почитаться многими тюрко- и монголоязычными народами в последующие эпохи, вплоть до современности [Кубарев, Цэвээндорж, 1999]. И в настоящее время в Северо-Западной Монголии нами отмечено сохранение обычая повязывать пояс-хадак (изваяние у г. Улангом), полосы материи или платок на шею изваяний, как это наблюдал в свое время Г.Н. Потанин (см. рис. 5, 3). Особое внимание привлекает возведение над изваяниями храма или деревянного сооружения. У последнего есть все соответствующие признаки жилища: сруб, двускатная крыша, дверь, ориентированная на восток. И натянута перед изваянием веревка с шелковыми лоскутами, конскими волосами и связками из деревянных обручков позволяет провести прямую параллель с обычаем алтайцев привязывать такие же веревки с лоскутами в жилище или перед входом в него [Львова и др., 1988, с. 64].

Рис. 9. Древнетюркское изваяние из Их Тургний Гол (Монгольский Алтай).

Эти аналогии еще более усиливают позицию авторов в интерпретации древнетюркских поминальных сооружений как моделей храмов или символических жилищ [Кубарев, 1984, с. 61 - 66].

Итак, если подвести итог шестилетним исследованиям в малоизученном и труднодоступном регионе Западной Монголии, то можно прийти к выводу, что период накопления археологических материалов закончился. Впереди - изучение и осмысление новых сведений о ранее неизвестных исторических памятниках Центральной Азии.

Список литературы

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. - Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. - 253 с.
 Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. - М.: Наука, 1961. - 94 с.
 Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М.: Наука, 1980. - 250 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. - № 24. - С. 72 - 120.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. - Новосибирск: Наука, 1979. - 110 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. - 172 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск: Наука, 1984. - 230 с.

Кубарев В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. - Вып. 2. - С. 88 - 97.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. - 123 с.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и оз. Даян (Монгольский Алтай) // Изв. лаборатории археологии. - Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтай. гос. ун-та, 1999. - Вып. 4. - С. 169 - 173.

Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. - С. 18 - 48.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Юж-

ной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск: Наука, 1988. - 225 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие петроглифы Алтая // Обзорение 1993 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. - С. 89 - 91.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния - М.: Наука, 1974. - 200 с. - (САИ; Вып. Е4-2).

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Алтаика. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. - Вып. 3. - С. 21 - 31.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. - СПб., 1881. - Вып. 2. - 90 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М.; Л.: Наука, 1966. - 140 с.

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу. - Уланбаатар: ADMON, 1997. - 148 с.

Сэр-Оджав Н. Археологические разведки в Восточном аймаке МНР в 1962 году // Studia archaeologica. - Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1964. - Т. 3, Fast. 10. - P. 95 - 101.

Kubarev V.D., Jakobson E. Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). - P., 1996. - 256 p. - (Repertoire des petroglyphes d'asie centrale; T. 5; F. 3).

Материал поступил в редколлегию 15.04.99 г.

УДК 903+903.27

Э. Якобсон

Орегонский университет, Юджин, Орегон, США
Department of Art History, University of Oregon, Eugene OR 97403 - 5229, U.S.A.
E-mail: ejacobs@oregon.uoregon.edu

ПЕТРОГЛИФЫ И ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: ИСТОЧНИКИ РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

В этой статье рассматривается взаимосвязь петроглифов и естественной истории как средство реконструкции экологии доисторической культуры. В центре внимания находятся петроглифы в бассейнах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгор (далее ЦС/БО), которые описаны в другой работе моими коллегами по монгольскому проекту В.Д. Кубаревым и Д. Цэвэндоржем*. Благодаря необычным параметрам, глубокой древности этого памятника, количеству и качеству петроглифов, ЦС/БО предоставляет необыкновенную возможность пересмотреть наши предположения об экологии культур севера Монголии и прилегающих территорий, а также уточнить их хронологию**.

Основные хронологические рамки культур, документированные прежде всего петроглифами, были намечены много лет назад в новаторских работах А.П. Окладникова и его коллег. Позже эти рамки расширились и уточнялись такими специалистами, как Я.А. Шер, В.Д. Кубарев, Б.Н. Пяткин, А.И. Мартынов, А.Н. Марьяшев и А.П. Франкфорт. Однако пока отсутствуют публикации о раскопках в том районе, где мы работаем; нет надежной информации об орудийном комплексе и местах обитания, как нет и прямых археологических данных для датирования культур и выявления их динамики в западной части Баян-Олгийского аймака. В лучшем случае представляется возможным делать предположения, ссылаясь на аналогии петроглифов в датированных памятниках Республики Алтай и Тывы. Такая ситуация ставит нас перед необходимостью использовать косвенные данные - материалы палеоэкологии.

* См. их статью в этом номере журнала.

** Участники совместного Монгольско-Американско-Российского проекта "Алтай" работают на северо-западе Баян-Олгийского аймака с 1994 г. В настоящее время они заняты подготовкой полного издания о стоянке Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор, которое выйдет в серии "Repertoire des Petroglyphes d'Asie central" (Paris).

Современный ландшафт долин рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгор сформировался до 3,5 тыс. л. н. (рис. 1). В этой части Центральной Азии резко континентальный климат. Здесь очень короткое лето, длинная и необычайно холодная зима с умеренными осадками. В этой части Монголии совсем нет леса. Вдоль рек встречаются болота, небольшие озера и луга, покрытые густой травой. Эти плодородные пастбища позволяют содержать огромное количество скота.

Петроглифы рассматриваемого комплекса дают информацию о том, что по крайней мере в течение 10 тыс. лет эти долины были более населены, чем другие долины, которые мы исследовали в Баян-Олгий*. Количество и качество наскальных изображений, большое число памятников на поверхности (алтари, курганы, оленные камни) и часто встречающиеся ритуальные места по склонам гор позволяют предполагать наличие здесь в каменном и бронзовом веках культурного центра.

Здесь, как и везде в Северном полушарии, последний ледниковый период закончился к 12 тыс. л. н. [Correlation..., 1986]. Ледники заполняли долины ЦС/БО, распространялись до возвышений, где коренная порода сменяется галечно-гравийными. За собой они оставляли следовавшие друг за другом морены, покрытые гравием склоны гор и долины. Их хорошо видно сегодня, они отмечают движение ледников, по крайней мере, по двум направлениям (ЗЮЗ и З). Ступенчатый характер ландшафта от современных русел рек к основаниям склонов гор и затем выше по самим склонам хорошо маркирован. В этом ландшафте низкие места представлены преимущественно равнинными формами рельефа, изборожденными ледниками и сглаженными водой, а возвышенности - следующими друг за другом террасами. Это особенно заметно на участке

* Это долины рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгор, Хар-Яма, Их-Ойгор, верхний Цагаан-Гол и его притоков, Могойтин-Гол, нижний Цагаан-Ус и несколько долин в пределах верхнего стока Ховда.

Рис. 1. Вид на долину р. Цагаан-Салаа с западной стороны от хребта на правом берегу р. Бага-Ойгор.
Фото Гэри Тепфера.

БО I (рис. 2). Более низкие места с террасами - у рек и на подъемах от них - заполнены в основном маленькими валунами и гравием. На более высоких склонах с террасами среди сглаженных выходов коренной породы разбросаны валуны разных размеров.

Кроме пастбищ с обильным травостоем в этом регионе можно отметить другие природные особенности, позволяющие предположить наличие здесь значительных популяций в доисторические времена. Зимой постоянно дули ветры, сметавшие снег с высоких пастбищ, а морены и лощины создавали защитные ниши для животных и людей. Концентрация в таких защищенных местах петроглифов позднего бронзового и раннего железного веков указывает на то, что одни и те же места использовались для зим-

них укрытий тысячелетиями, и сейчас там можно увидеть загон для скота или зимние жилища.

Скалы в этом районе сложены в основном глинистыми песчаниками, видоизменявшимися в течение длительного периода регионального горообразования. Повсюду в долинах встречаются также гранитные валуны, принесенные с гор*. Обнаженная порода сама по себе очень древняя (1 - 2 млрд лет), ледники в последнее оледенение содрали с обнаженных поверхностей все ранее появившиеся пятна и налет. Они оставили следы мощных абразий: колеи, борозды, трещины и

* За анализ образцов, взятых из ЦС/БО, и за общие консультации по геологии этого района я благодарна Клиффорду Амберсу, научному сотруднику факультета геологии Орегонского университета.

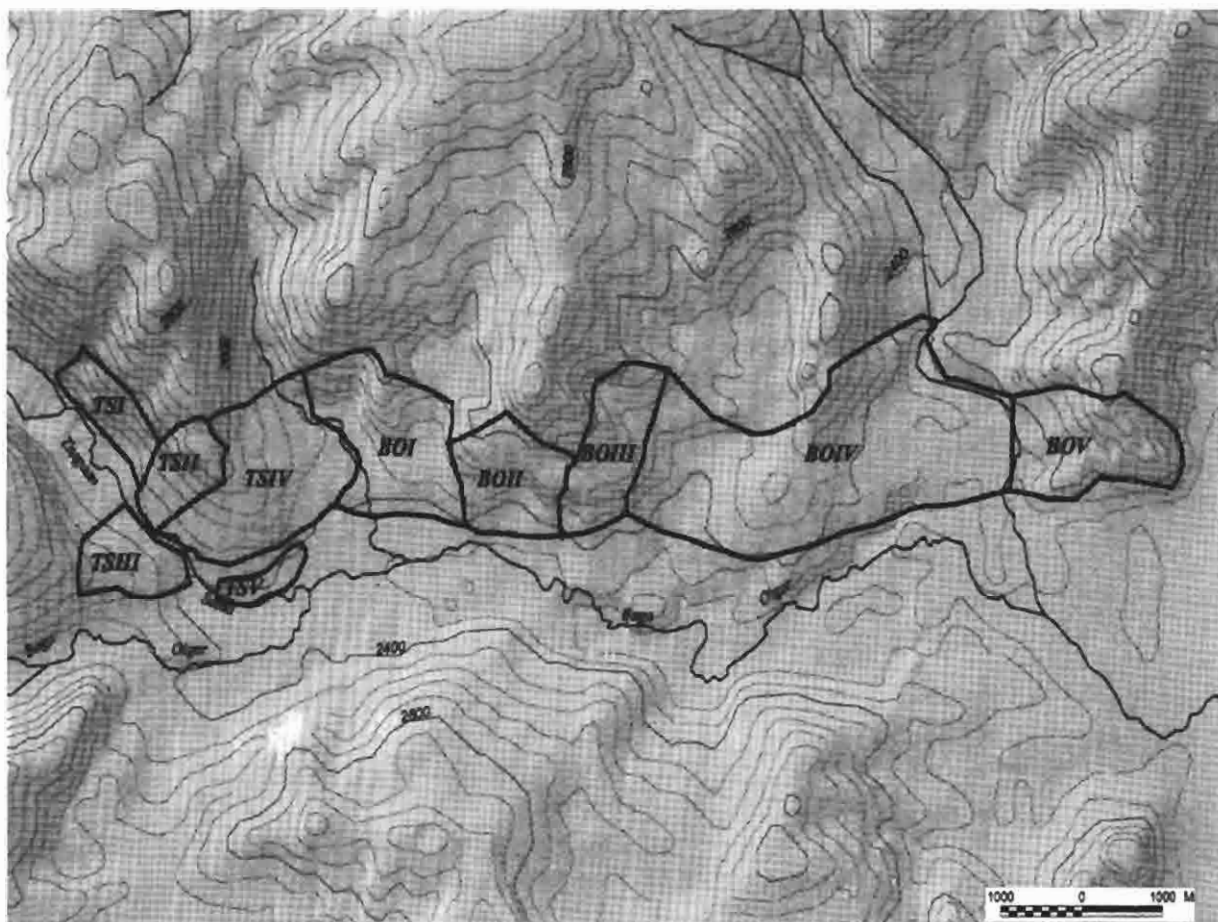

Рис. 2. Карта местности в районе рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгор, составленная в Лаборатории UO InfoGraphics Орегонского университета.

отшлифованную поверхность - и всюду демонстрируют меняющиеся направления разрушительного воздействия. Камни в этой долине, как коренная порода, так и валуны, имеют в основном ярко-розовую, темно-красную, красно-коричневую или коричневую окраску. В некоторых местах поверхности скал стали блестящими черными или даже черно-синими. Анализы образцов, взятых со всех участков ЦС/БО, показывают, что красноватые поверхности - это пятна железа, появившиеся в результате различных процессов, происходящих в железистых и марганцевых оксигидроксидах из камня*.

* Во многих случаях пятнистая поверхность образовала заметную корку, которую можно считать результатом поверхностной закалки, цементации [Dorn, 1988]. Корка особенно заметна в петроглифах-«призраках»: при нанесении изображения она была разрушена, и обнажился более мягкий камень, который со временем крошился, в результате чего первоначальный образ приобретал все более грубые очертания. В нескольких случаях мы обнаружили небольшие концентрации гроздевидного глянца в желобках и ямках на поверхности, т.е. в местах, которые могут служить защитой железо-марганцевым окисляющим колониям бактерий [Dorn, 1998; Liu, Dorn, 1996; Jacobson, Kubarev, Tseveendorj (in press)].

Одно из наиболее интересных мест в комплексе расположено на стыке БО II и БО III, в южной части. Если находиться на левом берегу реки, на дальнем плане слева виден выход скалы, где на одной из террас расположена ритуальная площадка. Поверхность более низкой части скального обнажения чрезвычайно черная и местами выделяется особым блеском, наиболее ярко выраженным внизу этого выхода. Одним из низко расположенных изображений является голова быка, сильно почерневшая и едва различимая на черной скале. Такой же блеск виден на части маленького валуна рядом со скалой; на нем выбиты два архаичных изображения лошадей (рис. 3). Немного выше этого скального обнажения есть несколько изображений диких животных. Они имеют разную степень сохранности, находятся на поверхности скалы, на которой начинает проявляться темный глянец. Местами он неровный, а сами рисунки темные, но не черные.

Четыре изображения мамонта непосредственно на почерневшем выходе скалы и рядом с ним свидетельствуют о том, что между БО II и БО III находится скопление наиболее древних петроглифов комплекса. Два мамонта изображены на темной и

Рис. 3. Маленький валун с изображениями лошадей.
Западный конец БО III. Фото Гэри Тепфера.

блестящей части обнажения; но поверхность здесь не такая черная, как на метр ниже, где выбита голова быка. Еще одна неясная фигура мамонта зафиксирована на валуне у основания скального выхода. А в нескольких метрах к востоку от почерневшего обнажения и немного выше изображения головы быка лежит еще один неравномерно почерневший валун с более темным изображением мамонта, различимым под современной надписью. Если двигаться вдоль относительно ровной террасы к востоку от почерневшего обнажения, то в более низких фасах коренной породы, поднимающейся от террасы, можно заметить темный блеск. Валуну менее ровно покрыты темным глянцем. Нельзя объяснить потемнение петроглифов только возрастом. Предположим, что все изображения мамонтов датируются периодом до голоцена, но более поздним, чем оледенение плейстоцена. Тогда можно ожидать, что похожие камни должны иметь одинаковую корку выветривания. Однако прекрасная фигура мамонта в южном конце ЦС IV - в еще одном месте скопления древних изображений - отчетливо видна на темно-красной скале. В одном и том же скоплении древних петроглифов стиль превосходного изображения быка (рис. 4) указывает на то, что оно почти такое же древнее, как и изображение мамонта, но на поверхности камня нет следов почернения. Таким образом, само почернение поверхности камня либо выдолбленных мест не может быть абсолютным показателем возраста.

Блестящая почерневшая поверхность не является обычной в ЦС/БО. Во всем комплексе наиболее стойкое почернение поверхности скал наблюдается в

современном русле нижнего течения Цагаан-Салаа до ее слияния с Бага-Ойгор и вдоль него (см. рис. 1). В Бага-Ойгор вода бесцветная, а в Цагаан-Салаа она имеет янтарный цвет, вероятно, из-за богатой растительности в ее нижней болотистой части. Галька, взятая из заболоченного места, примыкающего к Цагаан-Салаа, оказывается черной, как и валуны в русле реки. В тонком срезе гальки обнаруживается твердая черная корочка гидроокиси железа и марганца на поверхности с глубокими интрузиями в трещины камня. Предварительно можно заключить, что отчетливое потемнение является покрытием, появившимся в результате погружения в воду, богатую органическими веществами (см. [Dorn, 1998, Chap. 4])*. Этот вывод наводит на мысль о причине почернения поверхностей в БО II, III, но терраса там сейчас значительно выше, чем современное русло реки. Вероятно, в древности вода в этой долине была достаточно высокой и затопляла коренную породу, а также валуны на террасе. Юго-западный конец ЦС V предоставляет еще одну возможность обдумать эту проблему. Он находится в юго-западной части долины р. Бага-Ойгор. Если смотреть на восток с этого места, то можно заметить, что долина спускается вниз широкими террасами вплоть до современного уреза реки. Равнина, где расположен ЦС V, находится на несколько метров выше, чем современное заболоченное русло реки. Ближе к юго-западному концу этой равнины можно отметить несколько больших скальных выходов и необычно разбросанные валуны. На одном большом обнажении скалы в дальней западной и более высокой ее части на поверхности есть пятна черного глянца и несколько изображений эпохи камня. Другой скальный выход, далее на восток по равнине и ниже, выглядит темным и отполированным; на нем видно выветрившееся и потемневшее изображение лошади. К востоку от этой скалы находится ряд камней поменьше, некоторые имеют прекрасную красноватую окраску, на них обнаружены петроглифы в основном бронзового века (напр. рис. 5). Камни меньшего размера гладкие, как будто окатанные быстро текущей водой. Я бы предположила, что большой скальный выход с почерневшим изображением лошади находится на этом месте гораздо дольше, чем валуны с петроглифами бронзового века. Почерневшие поверхность скалы и изображение лошади свидетельствуют о том, что после появления здесь рисунка вода на равнине регулярно поднималась и затоплила этот скальный выход. Обнажение скалы, расположенное к западу от него и выше, не так часто затоплялось, но находилось под воздействием насыщенной органическими веществами воды вокруг него. Однако в

* Определение природы покрытий поверхности скал остается весьма дискуссионной проблемой.

то время никаких маленьких валунов там не было: они находились где-то выше по долине в пределах русла быстро текущей реки, которая формировала их сглаженные контуры. Но после того как большая часть воды отступила из долины, меньшие по размеру камни, вероятно, были перенесены в это место во время большого затопления, когда запруда немного выше по реке прорвалась и сильный поток устремился вниз. Этот сценарий кажется единственно возможным объяснением странной окраски скал и распределения окатанных валунов на этой низкой равнине.

Визуально единственным непосредственным свидетельством гипотетического наводнения на равнине являются валуны в ее юго-западной части. На востоке БО V ясно видны результаты этого мощного наводнения (см. рис. 2). Здесь границы предполагаемого бассейна расширяются вплоть до прорванной морены. На северо-западе бассейн окружен высокими скалами. Следы наводнения сохранились в серии небольших морен, которые демонстрируют мощность огромного потока воды. Этот поток перенес массивные обломки пород в восточную часть БО IV и далее в долину р. Бага-Ойгор. Вероятнее всего, наводнение произошло в начале голоцена, после завершения последнего оледенения, в результате которого сформировалась большая морена, способствовавшая образованию огромного озера. Ясно видимый “волновой” характер меньших морен в главной долине БО был бы сглажен, если бы такое событие произошло до последнего ледникового эпизода в этой части Монгольского Алтая. К тому же во всем огромном бассейне нет петроглифов, относящихся к периоду, предшествовавшему бронзовому веку. Вероятно, затопление основательно стерло все следы человеческой деятельности эпохи камня.

Изображения, выбитые на коренной породе и валунах в ЦС/БО, дают новый ориентир для дальнейшей реконструкции палеолитической окружающей среды, а материалы палеоэкологов позволяют установить те изменения среды обитания в доисторический период, которые нашли отражение в комплексе

Рис. 4. Дикий бык среди лошадей. Южный конец ЦС II, непосредственно над берегом р. Цагаан-Салаа. Фото Гэри Тепфера.

зооморфных изображений. Оба источника указывают на то, что петроглифы этого комплекса появились до бронзового века. Самые древние рисунки в ЦС/БО – это, конечно же, изображения мамонтов (по крайней мере пять зарегистрировано в ЦС IV, БО II, III) и быков (отмечено в тех же районах и в ЦС III). Изображения мамонтов очень важны, они указывают на конкретные природные условия, а следовательно, и на определенный период времени. Наиболее благоприятные для мамонтов природные условия были в плейстоцене. Ухудшение их в так называемой мамонтовой степи [Guthrie, 1982, p. 308] явилось первопричиной исчезновения мегафауны на рубеже плейстоцена и голоцена. Изменения в окружающей среде, а в результате и биологический сдвиг могут быть использованы для определения времени, не позже которого появились первые изображения мамонтов и некоторых других видов диких животных*.

* Эти комментарии относятся и к стоянке Арал-Толгой на западном побережье Хотон-Нуур (см. статью В.Д. Кубарева и Д. Цэвээндоржа в этом номере журнала). Мы начали делать полную документацию этой стоянки и будем публиковать результаты наших исследований [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj (in press)].

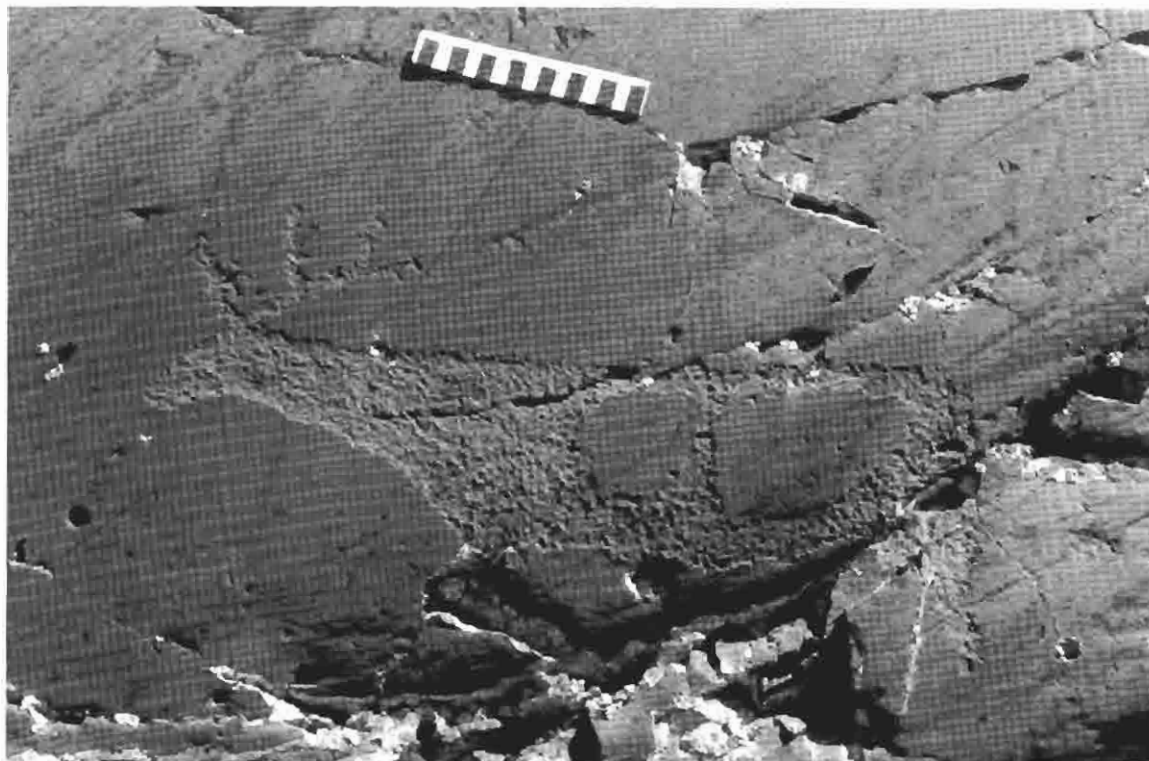

Рис. 5. Марал. Южный конец ЦС IV. Фото Гэри Тепфера.

Материалы из Северо-Западной Монголии, относящиеся к позднему плейстоцену и рубежу плейстоцена и голоцена, недостаточны для того, чтобы определить палеоэкологию этого района, поэтому необходимо рассматривать их в одном ряду с материалами с близлежащих территорий. В Северном Китае и на Цинхай-Тибетском плато мамонты (*Mammuthus primigenius*) и носороги (*Coelodonta*) обитали в плейстоцене. Между 35 и 18 тыс. л. н. мамонты были широко распространены в Северо-Восточном Китае, но они, по-видимому, исчезли не менее 18 тыс. л. н., т.е. к самому холодному времени последнего ледникового периода [Liu, Li, 1984; Huang, Hou, 1998]. Мамонты существовали гораздо дольше в мамонтовой степи в более северных областях. Самая поздняя плейстоценовая радиоуглеродная дата для мамонтов, обнаруженных на территории России, была определена по находке из населенного пункта Юрибей на Гыданском п-ове - $10\,000 \pm 70$ л. н. Все другие, более ранние, даты для Сибирского региона варьируют в интервале 10 370 - 13 900 л. н. Большинство ученых соглашается с тем, что вымирание мегафауны плейстоцена в Северо-Восточной Сибири произошло в результате экологической катастрофы - амелиорация климата привела к таянию льдов Арктического бассейна и стала причиной превращения богатой кормом тундры-степи во влажную, болотистую, покрытую мхом тундру [Vereshchagin, Baryshnikov, 1982, p. 492; 1984].

Условия сибирской степи в плейстоцене были благоприятными для животных, исчезнувших к настоящему времени в этом районе, но запечатленных в петроглифах в ЦС/БО и в других местах. В эпоху плейстоцена зимы были чрезвычайно холодными и малоснежными [Vereshchagin, Baryshnikov, 1982]. Мамонты и другие животные (например, носороги), вероятно, совершали сезонные миграции на большие расстояния в поисках пастбищ и источников воды. Они обитали в открытой местности с лугами и кустарниками в долинах рек. Несмотря на суровые природные условия в плейстоценовой мамонтовой степи, регион изобиловал необходимой этим животным пищей. Почвы были более засоленными, поэтому травы обладали высокими питательными качествами. Прибрежные зоны, богатые ивовыми зарослями и разнообразными травянистыми сообществами, были лучшими источниками пищи поздней весной и летом. Луга с их разнотравьем удовлетворяли потребность животных в пище [Olivier, 1982, p. 301]. Очень важно, что в этом оптимальном для обитания месте растительные сообщества позднего плейстоцена имели мозаичный характер (в голоцене господствовало зональное распределение растительности) [Ibid; Guthrie, 1982]. Сухой холодный климат позднего плейстоцена препятствовал развитию биомассы, почва промерзала в холодные месяцы и глубоко прогревалась в теплые, но при этом все-таки оставалась твердым субстратом для крупной фауны. Более теплые и влажные условия

на рубеже плейстоцена и голоцена способствовали более длительной вегетации растений, увеличению биомассы и почвенного покрова. Постепенно это должно было создать условия, способствовавшие чрезмерному увлажнению почвы, которая уже не могла выдерживать тяжелых животных [Guthrie, 1982].

Р. Оливье обобщил основные причины изменения окружающей среды, определившие разрушение мамонтовой степи и исчезновению мегафауны [Olivier, 1982, fig. 3]. Он считал, что глобальное потепление привело к серьезным последствиям для крупных животных позднего плейстоцена. Произошли изменения (1) поверхностно-почвенного слоя (под влиянием сезонного таяния, уменьшения мощности и продолжительности залегания снежного покрова, а также в химическом составе почв), (2) растительности, следствием чего явились (3) недостаток подходящей пищи в местах обитания и в результате (4) ослабление животных (см. также [Kubiak, 1982; Guthrie, 1982; Vereshchagin, Baryshnikov, 1982; Vereshchagin, 1972]).

Анализ изображений мамонтов и других диких животных в ЦС IV и БО II, III подтверждает, что в позднем плейстоцене после отступления оледенения этот район Монголии был частью огромной сибирской мамонтовой степи. Почернение скал на определенных участках комплекса, характер морен и террас, расположение озер, а также форма и текстура долины, свидетельствующие о наводнении, наводят на мысль об изменениях среды обитания, в результате которых мамонты либо совсем ушли из этих мест, либо, что более вероятно, погибли. Последний период существования мамонтов в ЦС/БО совпал по времени со стабилизацией популяций быков (*aurochs*) - животных, хорошо приспособившихся к разнообразным условиям плейстоценовой Евразии*. В противоположность мамонтам и носорогам, сохранению быков способствовали именно те условия, которые привели к гибели мегафауны: влажность климата с соответствующими изменениями растительности. В самом деле, увеличившееся количество растительности в некоторых зонах, прибрежных и лесных, могло обеспечить пищей стада менее активно мигрирующих диких животных. Принимая во внимание материалы, относящиеся к поверхности скал, геологии долин и

евразийской палеоэкологии, которые обсуждались выше, я бы предположила, что в ЦС/БО изображения мамонтов и самые древние изображения быков относятся к рубежу плейстоцена и голоцена, т.е. 12 - 10 тыс. л. н.

Я указывала, что представители мамонтовой фауны обитали в условиях открытого ландшафта с преобладанием сложного набора трав и многих травянистых растений и ветреной зимы, во время которой снежный покров сметался ветром и верхний слой почвы высыхал и выветривался [Guthrie, 1982, p. 311]. Они питались ксерофитами, т.е. растениями, приспособленными к сухому климату. Но животные последников периода, в первую очередь олени, избегают этой грубой пищи, ускоряющей износ зубов. Они предпочитают мезофитную растительность - верхушки молодых побегов, листья и лишайники [Ibid]. Сибирский марал (*Cervus elaphus sibiricus*) хорошо адаптируется к зимним условиям: может питаться сухой травой, а в местах, где лежит снег, - молодыми веточками. Но все-таки маралы меньше, чем лоси (*Alces alces*) и северные олени, приспособлены к добычанию пищи зимой [Ibid, p. 314 - 315]. В связи с недостатком корма олени (*Dama dama* и др.) исчезают с территорий, покрытых глубоким снегом. Быки также могли испытывать большие затруднения при добывании корма, когда толщина снега превышала 50 см [Heptner, Nasimovich, Bannikov, 1988, p. 544 - 545].

В местах необычного скопления самых древних петроглифов в ЦС/БО встречается большое количество превосходных изображений марала. Такие изображения отмечены на стыке БО II и БО III и на террасе к западу от него. Особенно хорошо представлены марал и лось наряду с лошадьми и другими дикими животными в скоплении изображений на южных окраинах ЦС II и ЦС IV. Как правило, одна или две фигуры оленей даны в профиль, с высоко поднятой головой, украшенной ветвистыми рогами, при этом изображение тела и головы часто выбито. В других местах, особенно на участках ЦС III около реки, имеется несколько перекрывающих друг друга фигур животных. Возможно, древний художник хотел запечатлеть быстро движущееся стадо. На краю участка ЦС III над рекой находится по крайней мере одно слабо читаемое изображение лося, которое по стилю, кажется, принадлежит к тому же культурному пласту, что и фигуры крупных маралов. Около этих фигур, а также в сценах с другими видами животных никогда не изображались люди. Большое количество маралов в данной группе изображений указывает на существование значительных их популяций в соответствующий период, а следовательно, на более высокую влажность, чем на рубеже плейстоцена и голоцена, обилие молодых побегов в прибрежных зонах, наличие лесных зон, служивших укрытием и источником пищи.

* Немногие исследователи палеоэкологии Сибири и севера Средней Азии изучали это животное, возможно, потому что его останки "относительно редки в отложениях плейстоцена, но очень распространены в постледниковых" [Kurtén, 1968, p. 188]. Это, вероятно, объясняется тем, что оно меньше мигрировало, чем мамонт или зубр (*B. bonasus*) и, таким образом, не могло пользоваться удаленными друг от друга в эпоху плейстоцена источниками пищи. Бык (*aurochs*) в плейстоцене обитал в Сибири, а на рубеже плейстоцена и голоцена - в Средней Азии [Vereshchagin, Baryshnikov, 1984].

Появление лося в таких же условиях свидетельствует о наличии снежного покрова, который не могли преодолеть крупные млекопитающие мамонтовой степи.

Датировка культурного слоя, на основе которой определяется время появления ранних изображений крупных животных с ветвистыми рогами и других представителей фауны, дискуссионна. Моя точка зрения основана на данных палеоэкологов, согласно которым условия, благоприятные для крупных животных с ветвистыми рогами, следует соотносить с ранним голоценом, точнее, с тем его периодом, когда уже установилась растительность, имевшая значительную биомассу, и появились лесные массивы. Наличие влажности, необходимой для такого изменения растительности, было документировано в ряде исследований осадочных пород со дна озер из соседних или близлежащих районов. На севере Китая на протяжении последних 18 тыс. лет самый теплый и наиболее влажный период - 8 - 3 тыс. л. н. Тогда, в оптимум голоцена, произошли изменения от тундро-степного ландшафта позднего плейстоцена до лесостепного, приведшие к преобладанию хвойных лесов [Liu, 1988]. Похожие изменения в растительности и увеличение уровня воды в озерах Северного Казахстана отмечены в течение сходного периода - 8 - 6,5 тыс. л. н. [Дорофеюк, Тарасов, 1998, с. 96]. А самый высокий уровень озер в Центральной Монголии был 7,5 - 4 тыс. л. н. [Там же, с. 81; Harrison, Yu, Tarasov, 1996]. На основании предварительных исследований осадочных пород со дна оз. Хотон-Нуур, которое территориально гораздо ближе к нашему комплексу ЦС/БО, П.Е. Тарасов и Н.Е. Дорофеюк выявляют изменения влажности и соответственно растительности [Дорофеюк, Тарасов, 1998]. До 10 тыс. л. н. среди растительности доминировали степные травы и полынь. К 9,5 тыс. л. н. началось быстрое развитие хвойных лесов, состоявших из ели, сосны и лиственницы. Распространение леса прекратилось 4,6 тыс. л. н., и началось наступление трав и кустарников*, произошел сдвиг в сторону природных условий, характерных для позднего голоцена.

Таким образом, можно предположить, что изображения одиночных или парных монументальных фигур маралов и лосей в ЦС/БО были сделаны в период самой высокой влажности и максимального уровня

* Участки этих древних лесов еще остались на северных склонах верхнего стока Хотон-Нуур и в нескольких высоких долинах Цагаан-Гола. По мнению Р. Гутри, в известных нам пыльцевых спектрах могут быть представлены не все основные источники пищи [Guthrie, 1982, p. 319]. За информацию о предварительных исследованиях в районе Хотон-Нуур я очень благодарна П.Е. Тарасову (Московский государственный университет) и Н.И. Дорофеюку (Институт экологических проблем и эволюции им. Н.А. Северцова РАН).

озер в Северо-Западной Монголии, т.е. приблизительно 9 - 4,6 тыс. л. н. Даже если поднять верхнюю границу - скажем, до 4 тыс. л. н., - все равно получится, что среда обитания маралов и лосей начала значительно ухудшаться к началу II тыс. до н. э. Поскольку среда обитания изменялась очень медленно, то определенные виды животных могли сохраняться в течение долгого времени. Это мнение легко подтверждается многочисленными петроглифами бронзового века с изображениями охотников, окружающих лосей или стоящих против маралов. Вместе с тем изображения лосей, относящиеся к концу бронзового века, мало численны и удалены друг от друга. Кроме того, ни на одном из них нет изображений охотников периода ранних кочевников (первая половина I тыс. до н. э.)*. То же можно сказать и об изображениях маралов, которые к I тыс. до н. э. из реалистичных трансформировались в стилизованные.

Вывод о том, что изображения животных и людей на поверхности скал во всей Центральной Азии и Сибири отражают реальные природные условия, реальную экономику и реальные социальные отношения, не требует доказательств. Сопоставление материалов, полученных при исследовании окружающей среды древности, т.е. естественной истории долин, и информации об отдельных видах млекопитающих, запечатленных в петроглифах, позволяет установить хронологию последних. Материалы из ЦС/БО дают основания датировать ранние петроглифы на скалах временем не позже рубежа плейстоцена и голоцена. Некоторые изображения крупных животных с ветвистыми рогами относятся к ранне-среднему голоцену, с которым в Сибири связаны разные культуры - от мезолитических до ранних неолитических [Tankersley, Kyzmin, 1998]. Следует предположить, что появлению петроглифов бронзового века в этом районе предшествовал длительный период, представленный в петроглифах преимущественно изображениями крупных животных.

Список литературы

Дорофеюк Н.И., Тарасов П.Е. Растительность и уровни озер в Северной Монголии за последние 12 000 лет по данным пыльцевого и диатомового анализов // Стратиграфия и геологические корреляции. - 1998. - Т. 6, № 1. - С. 70 - 83.

Correlation of Quarternary Glaciations in the Northern Hemisphere: Report of the International Geological Correlation Programme, Project 24 / Ed. by V. Sibrava, D.Q. Bowen, G.M. Richmond // Quarternary Science Reviews. - 1986. - Vol. 5.

Dorn R.I. Rock Varnish // American Scientist. - 1991. - Vol. 79, N 6. - P. 542 - 553.

* Лоси (*A. alces*) по-прежнему обитают в более лесистых горах Российского Алтая.

Dorn R. Rock Coatings // Developments in Earth Surface Processes. - Amsterdam: Elsevier, 1998. - Vol. 6.

Guthrie R. Mammals of the Mammoth Steppe as Paleoenvironmental Indicators // Hopkins M. et al. Paleocology of Beringia. - N. Y.: Academic Press, 1982. - P. 307 - 326.

Harrison S.P., Yu Ge, Tarasov P.E. Late Quaternary Lake-Level Records from Northern Eurasia // Quaternary Research. - 1996. - Vol. 45. - P. 138 - 159.

Heptner V.G., Nasimovich A.A., Bannikov F.G. Mammals of the Soviet Union. - Wash., D.C.: Smithsonian Institution Libraries and the National Science Foundation, 1988. - Vol. 1.

Huang Wei-Wen, Hou Ya-Mei. A Perspective on the Archeology of the Pleistocene-Holocene Transition in North China and the Qinghai-Tibetan Plateau // Quaternary International. - 1998. - Vol. 49, N 50. - P. 117 - 127.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. A New Petroglyphic Complex in the Altay Mountains, Bayan Olgiy Aimag, Mongolia // International Newsletter on Rock Art (in press).

Kubiak H. Morphological Characters of the Mammoth: an Adaptation to the Arctic-Steppe Environment // Hopkins D.M. et al. Paleocology of Beringia. - N. Y.: Academic Press, 1982. - P. 291 - 305.

Kurten B. Pleistocene Mammals of Europe. - Chicago: Aldine Publishing Co, 1968.

Liu Kam-biu. Quaternary History of the Temperate Forests of China // Quaternary Science Review. - 1988. - Vol. 7. - P. 1 - 20.

Liu T., Dorn R.I. Understanding the Spatial Variability of Environmental Change in Drylands with Rock Varnish Microlaminations // Annals of the Association of American Geographers. - 1996. - Vol. 86, N 2. - P. 187 - 212.

Liu Tung-sheng, Li Xing-guo. Mammoths in China // Quaternary Extinctions / Ed. by Paul S. Martin, Richard G. Klein. - Tuscon, Arizona: University of Arizona Press, 1984. - P. 517 - 527.

Olivier R.C.D. Ecology and Behavior of Living Elephants: Bases for Assumptions Concerning the Extinct Woolly Mammoths // Hopkins D.M. et al. Paleocology of Beringia. - N. Y.: Academic Press, 1982. - P. 291 - 305.

Tankersley K.B., Kuzmin Y.V. Patterns of Culture Change in Eastern Siberia during the Pleistocene-Holocene Transition // Quaternary International. - 1998. - Vol. 49, N 50. - P. 129 - 139.

Vereshchagin N.K., Baryshnikov G.F. Paleocology of the Mammoth Fauna in the Eurasian Arctic // Hopkins D. et al. Paleocology of Beringia. - N. Y.: Academic Press, 1982. - P. 267 - 279.

Vereshchagin N.K., Baryshnikov G.F. Quaternary Mammalian Extinctions in Northern Eurasia // Quaternary Extinctions / Ed. by Paul S. Martin, Richard G. Klein. - Tuscon, Arizona: University of Arizona Press, 1984. - P. 483 - 516.

Материал поступил в редколлегию 03.06.99 г.

Перевод с английского Н.К. Размахниной

УДК 903.27

Г. Парцингер

*Германский археологический институт, Берлин,
Deutsches Archäologisches Institut Podbielskallee, 69-71, D-14195 Berlin, die BRD
E-mail:eurasien@dainst.de*

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИЙ ФЕНОМЕН И ФОРМИРОВАНИЕ СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Сегодня ясно, что корни своеобразного искусства населения евразийских степей и соседних с ними южных регионов, которое мы часто обозначаем обобщенным названием “звериный стиль”, многочисленны и уходят во время, предшествовавшее I тыс. до н. э. В связи с этим необходимо учитывать зооморфную орнаментику из Китая и Монголии, а также орнаментированные стелы окуневской культуры в бассейне среднего течения Енисея. Скифский звериный стиль в Северном Причерноморье, нашедший свои новые формы выражения под влиянием греческого искусства, является всего лишь поздним проявлением развития феномена. В 1987 г. Г. Коссак писал: «...первые свидетельства “сибирского звериного стиля” в многочисленных композиционных чертах и формах - металлические изделия из понтийских провинций. Обе группы находок имеют столько общего, что науке необходимо искать связи и истоки скифо-иранского искусства» [Kossack, 1987, S. 24]. И сегодня эти вопросы ждут своего ответа.

Бронзовые изделия сейминско-турбинского типа являются частью знаменитых евроазиатских древностей. В 1912 г. в поле зрения исследователей почти одновременно попали два важных и связанных между собой памятника. Вблизи впадения Оки в Волгу был обнаружен могильник Сейма, на котором в 1912 - 1914 гг. проводились непрофессиональные раскопки. Был получен материал хорошей сохранности, но определить его принадлежность к конкретным погребениям не удалось. В то же время между Днестром и дельтой Дуная был найден Бородинский клад. Относящиеся к нему наконечник копья указывает на связь с сейминскими материалами, а булава с ромбическим навершием, украшенная спиральным орнаментом, - с микенскими шахтными гробницами [Кривцова-Гракова, 1949]. Обстоятельства обнаружения клада неясны, поэтому попытки отнести предметы из него к од-

ному комплексу, а следовательно, и датировать его, сейминские и близкие им материалы микенским временем в Греции вызывают споры. После второй мировой войны в Турбино неоднократно производились археологические исследования, материалы которых, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованы [Бадер, 1964]. Их сходство с сейминскими находками было столь велико, что некоторые специалисты заговорили о сейминско-турбинском феномене. К этому кругу предметов отнесли и материалы из Ресного, где О.Н. Бадер в 1970-х гг. вел раскопки [Chernykh, 1992, p. 217]. Больше данных имеется о могильнике Ростовка у Омска, но и их, к сожалению, не очень много. Кроме того, они не позволяют решить вопросы, касающиеся хронологии [Матющенко, Сеницына, 1988]. Имеются также многочисленные единичные находки, а также фрагменты вещей из комплексов других культур и регионов, которые считаются типичными для Сейма - Турбино [Chernykh, 1992; Черных, Кузьминых, 1989]. К сейминско-турбинским относят в первую очередь отлитые из высококачественных оловянистых бронз металлические изделия определенных форм. Почти половина артефактов найдена только в пяти могильниках. Некоторые так называемые единичные находки могут принадлежать кладам, содержащим один или несколько предметов. Сами захоронения не имели курганных насыпей, обычных для памятников степи и лесостепи, в них практически отсутствовала керамика. Человеческие скелеты *in situ* встречались очень редко. Инвентарь представлен в основном оружием, изредка украшениями. Литейные формы, хотя и встречаются, но скорее как исключение.

Комплексы и единичные находки, которые связываются исследователями с кругом форм Сейма - Турбино, встречаются на территории от Монгольского Алтая до Бессарабии (Бородино) и Восточной

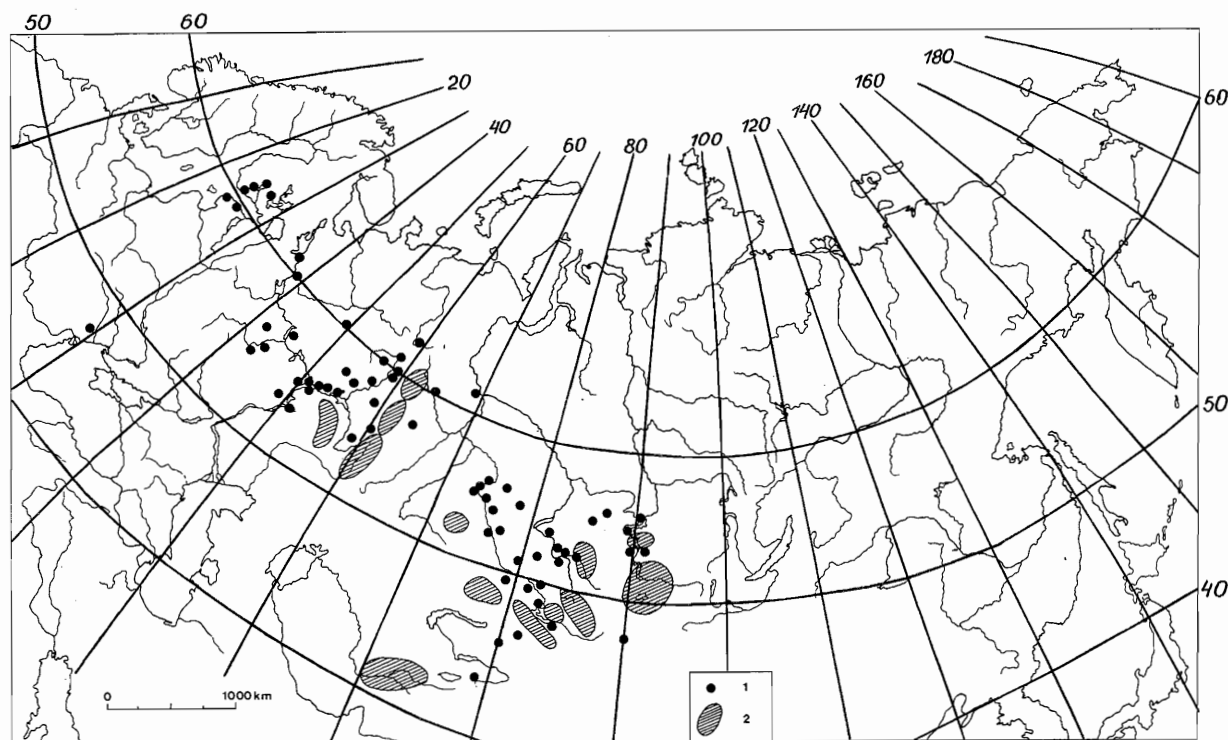

Рис. 1. Схема распространения бронз сейминско-турбинского типа (1) и важнейших медно-рудных месторождений (по: [Черных, Кузьминых, 1989; Chernykh, 1992]) (2).

Прибалтики (юг Финляндии и Эстония) [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 2]. Выделяются два отчетливых скопления - восточное (между средним Енисеем и Иртышом) и западное (районы Урала и всего Западного Приуралья) (рис. 1, 1). Особенно бросается в глаза, что в ареал находок сейминско-турбинского типа не входят степной и лесостепной поясы, правда, единичные артефакты были обнаружены на среднем и верхнем Иртыше и в Бессарабии. Подавляющее большинство находок - из лесистых горных областей Алтая и Западного Саяна, из лесной зоны, тянущейся от Балтики до Дальнего Востока. Таким образом, нельзя говорить об ограниченной территории распространения бронз сейминско-турбинского типа, они зафиксированы в основном в районах, занимаемых носителями разных культур. Восточное скопление (между средним Енисеем и Иртышом) находится в зоне бытования андроновской культуры, а западное (Урал и Приуралье) - ареале абашевской и срубной культур. Самые западные находки - из Бессарабии, Финляндии, Эстонии, где также были распространены совсем другие культуры. Это побудило Е.Н. Черных говорить о "транскультурном феномене" [Chernykh, 1992, p. 215]. Истоки его он ищет в лесостепи предгорий Алтая. Именно с территорией верхней Оби Е.Н. Черных связывает первую фазу "оформления" этого "транскультурного феномена". Вторая фаза - распространение по Восточной Европе и образование различных локальных групп этого феномена, что было сопряжено с раз-

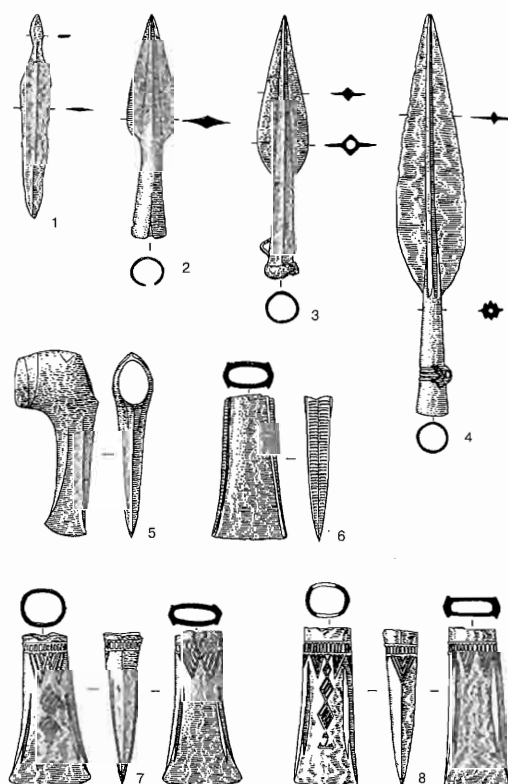

Рис. 2. Типичные бронзовые предметы сейминско-турбинского типа из памятников Ростовка (1), Сейма (2, 3, 5), Турбино (4, 6, 7), Соколовка (8) (по: [Эпоха бронзы..., 1987]).

личными передвижениями многочисленных сообществ [Ibid].

К сожалению, данная схема развития сейминско-турбинского феномена не подкреплена фактами. Ее детальный анализ не является задачей данной статьи и выходит за ее рамки. Но мы считаем необходимым сказать о ней несколько слов. Прежде всего отметим, что, говоря о сейминско-турбинском феномене, имеют в виду металлические изделия определенной формы. В ареале этого феномена почти полностью отсутствует керамика, а если она и есть, то связана с местными культурами [Эпоха бронзы..., 1987, рис. 44, 54 - 59; 46, 13 - 15]. Сейминско-турбинские поселения не известны. Поселения на территории распространения бронзовых предметов принадлежат к абашевской, андроновской или к восточному варианту срубной культуры. Металлические изделия обнаружены в погребениях, причем обстоятельства находки большинства предметов не фиксировались. Важно отметить, что культурная принадлежность археологических памятников Евразии в основном определяется по керамике. История культур эпохи бронзы между Днепром и Енисеем (и не только там) - это история керамических форм. Поскольку в погребениях с так называемыми сейминско-турбинскими бронзами почти никогда не было керамических сосудов, определение культурной принадлежности металлических находок было практически невозможным. Инвентарь не соответствовал культурной карте Евразии и был обобщен под "понятием Сейма - Турбино". Чтобы прояснить детали, попробуем выделить наиболее характерные для Сейма - Турбино формы и при этом выяснить, соответствует ли это действительности. Данная проблема может стать предметом специального изучения, поэтому мы остановимся только на некоторых основных моментах. Кинжалы с узкой рукоятью, расширяющейся в месте перехода к клинку (рис. 2, 1), втульчатые топоры (рис. 2, 5), наконечники копий с несомкнутой (прорезной) (рис. 2, 2) или сомкнутой втулкой, заканчивающейся валиком с петелькой (рис. 2, 3), широко распространены и встречаются почти во всех синхронных (андоновская, абашевская и срубная) культурах этой территории [Chernykh, 1992, рис. 68 - 71, 73 - 77]. Типично сейминско-турбинскими считаются наконечники копий с виллообразным валиком на втулке (рис. 2, 4). В могильниках Сейма, Турбино и Ростовка они встречаются очень редко, но известны в ареале андроновской, абашевской и срубной культур. Обнаружены они и в Бессарабии [Ibid, p. 218; Кузьмина, 1994, рис. 32, 6]. Обратимся к орнаментированным кельтам (рис. 2, 6 - 8). Как и украшенные изображениями животных ножи и кинжалы, эти топоры можно отнести к кругу предметов сейминско-турбинского типа, хотя их орнамента (штрихованные треугольники и ромбы) настолько напомина-

ет мотивы орнаментов на андроновской керамике, что исключить такую связь нельзя. Названные предметы очень малочисленны, и это не позволяет выделить их в самостоятельную категорию. Во всяком случае нужно признать, что "феномен Сейма - Турбино" является искусственной конструкцией. Когда незадолго до первой мировой войны стали известны находки из Сеймы, А. Талльгрэн, обративший на них внимание первым, из-за недостатка надежных параллелей с вещами других тогда известных культур эпохи бронзы на этой территории ввел формулу "круг Сейма" [Tallgrén, 1915, S. 73], из которой позднее возникло понятие "транскультурный феномен Сейма - Турбино" [Chernykh, 1992, p. 215]. Со временем и в других местах стали находить в большом количестве предметы столь типичной для Сейма - Турбино формы. Если места их обнаружения не содержали керамики, позволяющей определить культурную принадлежность, то они автоматически считались памятниками круга Сейма - Турбино. Если же вещи сейминско-турбинского облика были вместе с андроновскими, абашевскими или срубными сосудами, то их относили к этим культурам. Видимо, никто не обратил внимания на то, что основу "транскультурного феномена Сейма - Турбино" составляли лишь единичные находки (которые не сочетались с керамикой) и рассеянные на большой территории отдельные группы погребений, не содержавшие керамики. Нет сомнения, что "транскультурный феномен Сейма - Турбино" - искусственная конструкция, во всяком случае в его нынешней трактовке. Конечно, нельзя не видеть того, что так называемые находки типа Сейма - Турбино концентрируются в основном вблизи богатых рудных месторождений меди и олова на Алтае, в Западных Саянах и на Урале (см. рис. 1, 2). Эта связь, конечно, не случайна. Нельзя не вспомнить о погребении 21 в Ростовке [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 38] и о погребении 64 в кургане 25 на Сопке [Эпоха бронзы..., 1987, рис. 47], содержащих литейные формы сейминско-турбинского типа. Видимо, это были захоронения литейщиков, занимавших высокое положение в обществе, т.к. по инвентарю оба комплекса относятся к самым богатым среди известных сегодня захоронений сейминско-турбинского круга. Современный уровень изученности проблемы позволяет предположить, что так называемые сейминско-турбинские бронзы - результат деятельности ведущих в то время металлургических центров. В этих центрах получили развитие как старые традиции, так и новаторские идеи. Это объясняет, почему новые наработки, отличавшиеся от привычных и, вероятно, более древних андроновских, абашевских и срубных, иногда воспринимаются как чужие. Во всяком случае эти новации происходили в рамках этих культур и, пожалуй, на этапе их заката.

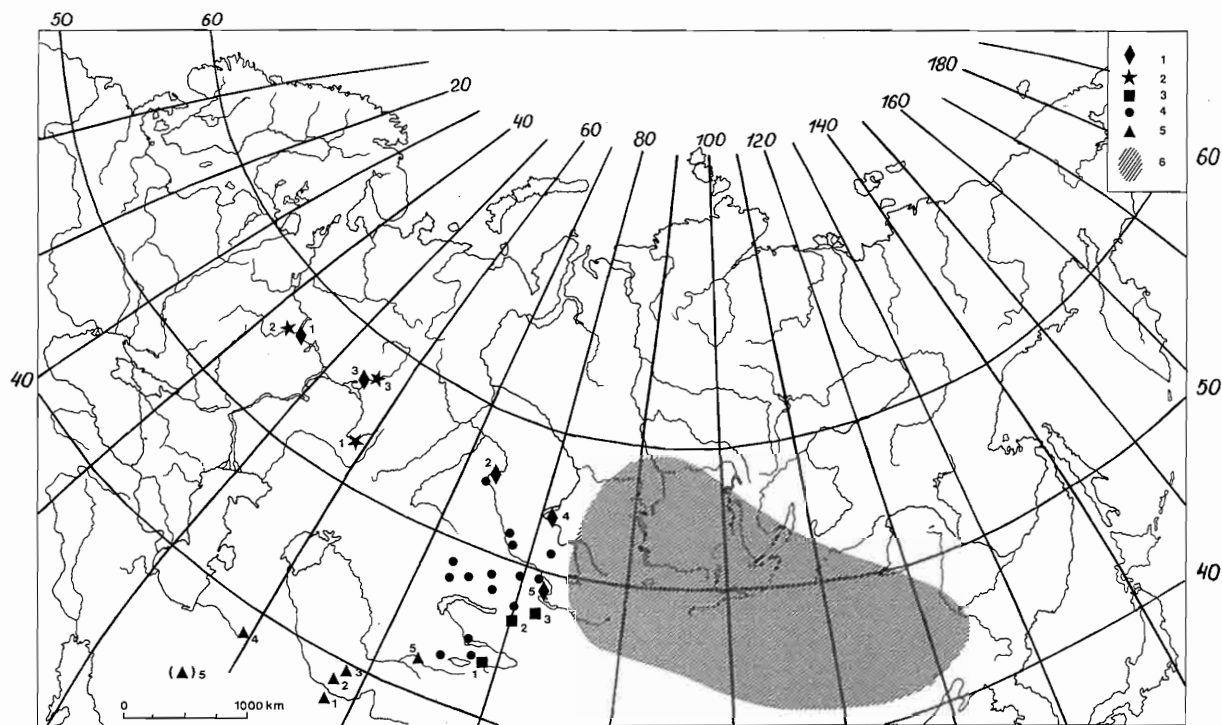

Рис. 3. Схема распространения ножей сейминско-турбинского (1), кинжалов галичского (2) и кенкольского (3) типов, ножей эпохи бронзы с кольцевым навершием из Ростовки (4), булавок с фигурками животных из Бактрии (5) и предметов карасукской культуры (6).

Остановимся подробнее на упомянутых выше кинжалах и ножах с рукоятями, украшенными изображениями животных, которые считаются одной из особенностей сейминско-турбинских форм. Они встречаются лишь на территории между Алтаем и Иртышом, а также на Урале и в Приуралье (рис. 3). На рукоятях или их концах имеются изображения животных, которые по форме и орнаменту делятся на три типа.

Наиболее часто встречаются вещи, по форме характерные для могильников Сейма и Турбино-2. Их можно объединить в сейминско-турбинский тип. К нему относятся пять предметов. Ножи с равномерно изогнутой спинкой (кончик лезвия может быть слегка отогнут (рис. 4, 2, 5)) и лезвием, переходящим в широкую плоскую рукоять. У ножа из Сеймы (рис. 4, 1) рукоять украшена трапециевидными прорезями, на ее плоском конце расположены две фигурки животных, в которых нетрудно распознать коней [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66, 1; Членова, 1972, табл. 69, 1; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 42, 1; Черных, 1970, рис. 42, 1; Бадер, 1970, рис. 3, 5]. Обе фигурки небольшие (чуть более 3 см), имеют индивидуальные особенности, что позволяет сделать вывод о высоком искусстве мастера-бронзолитейщика. У ножа из Турбино-2 кончик лезвия слегка отогнут (рис. 4, 2). На переходе от лезвия к рукояти имеется ряд треугольников [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66, 3; Членова, 1972, табл. 69, 2; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 43, 45; Бадер, 1970, рис. 113].

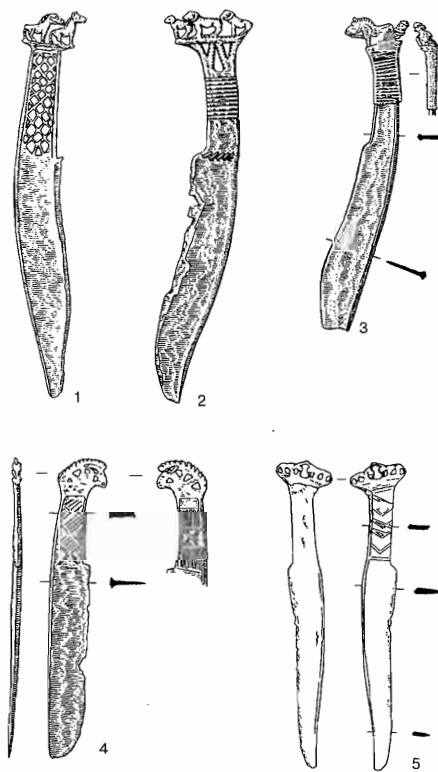

Рис. 4. Ножи сейминско-турбинского типа.
1 - Сейма, 2 - Турбино-2, 3 - Ростовка, 4 - Елунино-1,
5 - Джумба (по: [Эпоха бронзы..., 1987]).

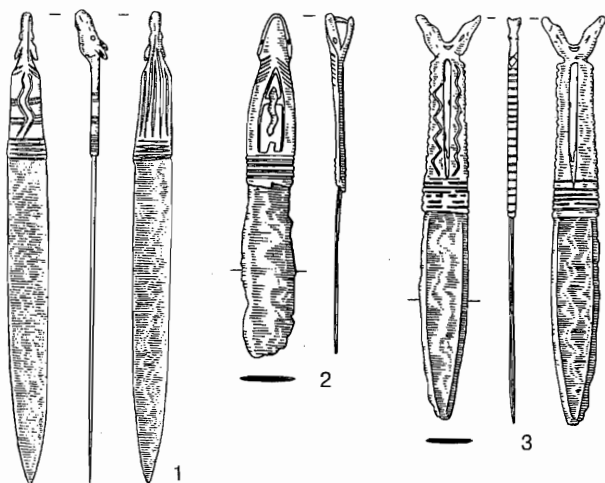

Рис. 5. Кинжалы галичского типа.
1 - Сейма, 2 - Галич, 3 - Пермь (по: [Эпоха бронзы..., 1987]).

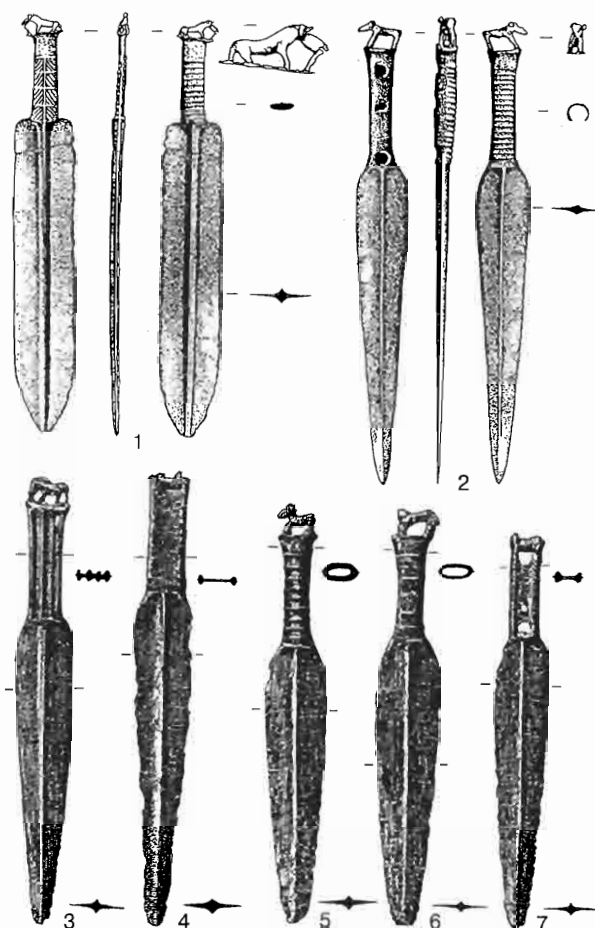

Рис. 6. Кинжалы кенкольского типа.
1 - Шемонаиха; 2 - Курчум; 3 - Кенколь.

Рукоять украшена в средней части семью валиками, ближе к концу - тремя прорезными треугольниками. На конце рукояти изображены три барана. Животные показаны очень натуралистично, они похожи, но не

лишены индивидуальности. Нож из Ростовки с рукоятью, верхняя часть которой (оформлена поперечными валиками), расширяясь, образует основу для фигурок коня с уздой и мужчины, пытающегося, видимо, удержать животное [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66, 2; Членова, 1972, табл. 69, 3; Матюшенко, Синицына, 1988, рис. 7, 17; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 46, 17; 100, 9]. Конь и человек изображены очень реалистично (рис. 4, 3). Описание подробностей можно опустить - изображение ножа многократно публиковалось, причем в деталях имеются расхождения, и судить, какой из рисунков наиболее точен, трудно*. Остальные предметы сейминско-турбинского типа по качеству ниже описанных образцов. Нож из Джумба имеет слегка отогнутый кончик [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 67, 3; Членова, 1972, табл. 69, 4]. Рукоять отделена от лезвия поперечной бороздкой и украшена угловым орнаментом из подобных же бороздок. На конце рукояти показаны фигурки обращенных друг к другу быков (рис. 4, 5). Изображения сильно стерты, вследствие чего детали различить невозможно. Нож из Елунино-1 имеет прямую спинку [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 67, 2; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 48, 1]. Рукоять украшена узором, образованным бороздками (рис. 4, 4). На одной стороне - три штрихованных ромба, на другой - два штрихованных квадрата и крестовидный орнамент. Конец рукояти выполнен в виде головы коня. Это изображение не столь удачно, как на ножах из Сеймы и Ростовки (рис. 4, 1, 3).

Предметы галичского типа четко отличаются от сейминско-турбинских. Это цельнолитые кинжалы, лезвия которых переходят непосредственно в рукоять, орнаментированную валиками, бороздками или прорезными фигурами. Один кинжал этого типа найден на Сейминском могильнике [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 62, 1; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 42, 2; Бадер, 1970, рис. 50]. Рукоять отделена от клинка пятью глубокими бороздками (рис. 5, 1). На одной стороне выгравирована зигзагообразная змея, на другой - продольные бороздки, идущие вплоть до головки животного, вероятно лошади, венчающей рукоять. Кинжал из Галичского клада (его название мы присвоили всему типу) имеет рукоять, отделенную от клинка пятью поперечными бороздками [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 62, 3; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 45, 40; Черных, 1970, рис. 59, 1]. В средней части рукояти - сквозной орнамент в виде змеи с широко разинутой пастью (рис. 5, 2). Кинжал из Перми очень похож на галичский [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 62, 2; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 45, 41]. Середина рукояти имеет продольную прорезь, по обеим сторонам которой нанесен змееобразный орнамент

* Это замечание относится и ко всем другим рассматриваемым здесь ножам.

(рис. 5, 3). Конец рукояти оформлен в виде двух головок животных.

Третий тип - кенкольский. Он представлен семью кинжалами из трех разных мест. Это длинные кинжалы с выраженным ребром посередине и относительно узкой рукоятью. У них, как и у образцов сейминско-турбинского типа, концы рукояти украшены фигурками животных (рис. 6, 1 - 6). Название этого типа дано по одному из пяти кинжалов из Кенкольского клада (Кыргызстан) [Samašev, Žumabekova, 1966, Abb. 2, 4 - 7]. Листовидный клинок переходит в узкую рукоять, плоскую (рис. 6, 3, 4, 7) или украшенную поперечными валиками (рис. 6, 5, 6). Оба варианта имеют в конце рукояти фигурки животного. В двух случаях это отчетливо различимое изображение лошади (рис. 6, 3, 5). У остальных кинжалов, хотя на двух фигурки отломаны, вероятно, также были изображения лошадей (см. рис. 6, 4, 6, 7). Очень близок к ним кинжал из Курчу-ма (Восточный Казахстан) [Ibid, Abb. 1, 4]. Узкая рукоять его с одной стороны украшена поперечными валиками, с другой - гладкая, имеет три отверстия (рис. 6, 2). На конце рукояти - фигурка животного, вероятно лошади. И наконец, кинжал из Шемонаихи (Восточный Казахстан) [Ibid, Abb. 1, 3]. Он несколько отличается от других кинжалов кенкольского типа формой клинка (см. рис. 6, 1). Узкая рукоять оформлена с одной стороны поперечными валиками, с другой - штрихованным орнаментом. На конце рукояти - изображение животного, видимо лошади.

Ножи и кинжалы с фигурками животных галичского типа представлены только на Урале и в бассейнах Волги и Оки (см. рис. 3, 2). Изделия кенкольского типа встречаются только в четко ограниченном районе - в северных отрогах Тянь-Шаня (см. рис. 3, 3). Ножи сейминско-турбинского типа найдены в ареале так называемых сейминско-турбинских бронз (см. рис. 1, 1), т. е. на Урале и между Иртышом и Алтаем. Тот факт, что два "западных" образца из Сеймы и Турбино особенно близки, не должен удивлять. То же самое относится и к восточным находкам из Джумбы и Елунино-1.

Наиболее сложным является вопрос датировки этих ножей и кинжалов. Хронологическая идентификация затруднена тем, что анализируемый материал - это или единичные образцы, или предметы из погребений, но обстоятельства их находки не известны. Только нож из Ростовки был в сочетании с другим инвентарем, но и его, к сожалению, недостаточно для решения вопросов о датировке. Все это неотвратимо ведет к проблемам II тыс. до н. э. на этих территориях, и проблемы эти еще далеки от решения. До сих пор не выделены четкие этапы в развитии эпохи бронзы, нет их синхронизации и надежной сети абсолютных дат. Усилия специалистов должны быть направлены на то, чтобы определить временную принадлежность этих изделий. Сегодня сейминско-тур-

бинские бронзы и соответственно рассматриваемые здесь ножи и кинжалы принято датировать серединой II тыс., т. е. между XVI и XIV вв. до н. э. [Chernykh, 1992, р. 217; Черных, Кузьминых, 1989, с. 256, 259]. Более поздняя дата (XI - VIII вв. до н. э.) базируется на сильном сходстве сейминско-турбинских, а также карасукских и раннетагарских ножей [Членова, 1972, с. 138; Samašev, Žumabekova, 1966, S. 229], но она отвергается большинством российских исследователей. Датирование ножей непосредственно предтагарским временем означает, что и остальные бронзы (наконечники копий, орнаментированные втульчатые топоры, маленькие кинжалы с рамчатыми рукоятями и др.), относимые к сейминско-турбинскому кругу (справедливо это или нет?), должны быть столь же поздними. Конечно, эти предметы пока не встречались вместе с рассматриваемыми здесь ножами и кинжалами сейминско-турбинского, галичского и кенкольского типов, но имеется ряд аргументов, позволяющих отнести их к одному времени. Нужно подчеркнуть, что все эти формы в могильниках (Сейма, Турбино, Ростовка) находятся всегда вместе. Находки из этих могильников очень похожи. Конечно, это еще не говорит об их одновременном существовании с другими сейминско-турбинскими бронзами, однако трудно представить, что украшенные фигурками животных ножи и кинжалы во всех этих местах должны датироваться по-разному. В погребении 21 из Ростовки были найдены многочисленные литейные формы, среди которых были и формы для орнаментированных кельтов и ножей, сходных с изделиями сейминско-турбинского типа [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 21]. В кв. Д-17 этого же могильника обнаружен подобный нож, но с кольцевым навершием и без фигурки животного. Он был найден вместе с орнаментированным кельтом [Там же, рис. 53, 54]. Видимо, мы имеем дело с символическим захоронением или с кладом. На рукояти ножа виден орнамент из заштрихованных ромбов, который известен по оформлению ножа из Елунино-1 (см. рис. 4, 4). Этот орнамент на рукояти ножа из Елунино-1 вообще характерен для кельтов [Эпоха бронзы..., 1987, рис. 42, 17, 22, 23; 43, 11; 46, 18; 48, 7, 13 и др.]. Необходимо также указать на наконечник копья с обломанной втулкой - случайную находку из района восточнее Омска. У конца втулки вместо обычной петельки имеется фигурка животного (видимо, медведя или другого хищника), которую можно отнести к одному ряду с фигурками животных на ножах сейминско-турбинского типа [Там же, рис. 48, 12].

В синхронности украшенных фигурками животных ножей и кинжалов с так называемыми сейминско-турбинскими изделиями со столь характерными наконечниками копий и орнаментированными кельтами не может быть никаких сомнений. Однако ни наконечники копий, ни орнаментированные топоры-кельты не

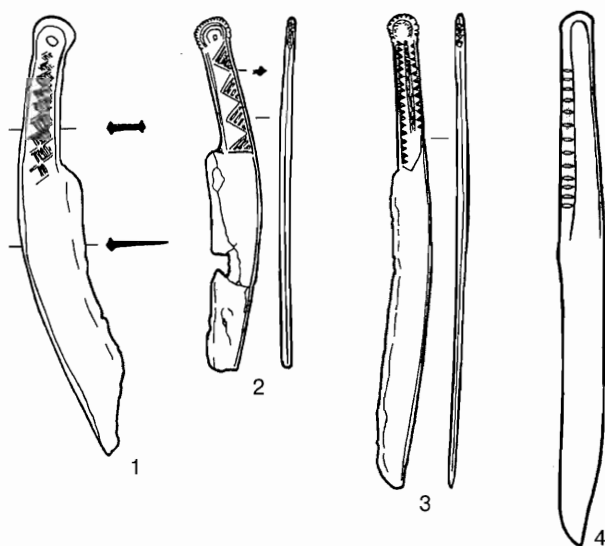

Рис. 7. Ножи с плоскими рукоятками и кольцевидными навершиями.

1 - Ростовка; 2, 3 - Цыганкова Сопка; 4 - Иртыш
(по: [Черных, Кузьминых, 1989]).

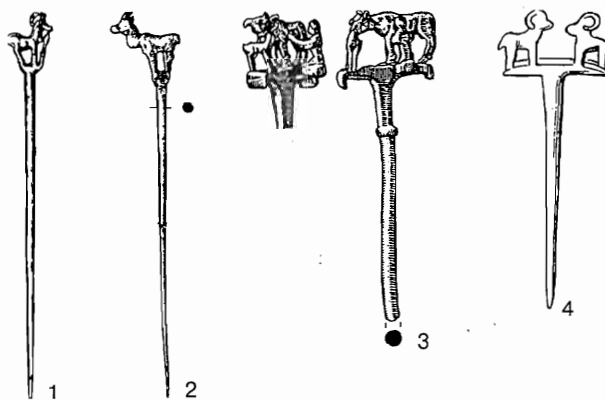

Рис. 8. Бактрийские булавки.

1 - Сапалли, 2 - Джаркутан, 3 - Чак, 4 - Иран
(по: [Аскаров, 1977; Кузьмина, 1966; Членова, 1972]).

дают более точной даты. Е.Е. Кузьмина относит обе формы ко времени между XVI и XIV - XIII вв. до н. э. [1994, рис. 31, 32].

С кинжалами галичского типа, имеющими рукоятки с прорезью, имеют сходство многочисленные изделия, относящиеся к поздней андроновской и срубной культурам, а также обнаруженные в горизонте с валиковой керамикой, который на территории восточнее Урала по времени следует за андроновской культурой [Chernykh, 1992, Fig. 69, 25; Аванесова, 1991, рис. 6, 41; 8, 21, 28]. В это время между Иртышом и Тянь-Шанем появились ножи, напоминающие по форме изделия сейминско-турбинского типа, но без фигурок животных. Эти ножи имеют "горбатую" спинку и широкую плоскую ручку без орнамента или с орнамен-

том из заштрихованных ромбов и треугольников, с рядами небольших отчеканенных треугольников и т.п. Ручки заканчиваются кольцом (рис. 7) [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 68, 1 - 4; Аванесова, 1991, рис. 32, 1 - 6; 33, 19, 20, 23 - 26]. Эти ножи встречаются на территории между Иссык-Кулем и Иртышом. Место концентрации таких находок - Восточный Казахстан, видимо, там находился один из металлургических центров позднего андроновского и следующего за ним времени. На территории между Тянь-Шанем и Иртышом были изучены многочисленные поселения металлургов с плавильными печами, литейными формами и т.п. [Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Жауымбаев, 1984, с. 113].

На основании всего вышеизложенного можно предположить, что в первой половине II тыс. до н. э. андроновские группы передвинулись из степной и лесостепной полосы между Уралом и Иртышом на юг, к Аральскому морю и пустыне Кызылкум, где возникла тазабагыяская культура - андроновская региональная группа, сложившаяся на поздней кельтерминарской основе и тяготеющая к богатым месторождениям меди и олова в предгорьях Тянь-Шаня, Алтая и района оз. Балхаш (так называемые кожумбердиевский, атасу и др. варианты). Интенсивная разработка этих месторождений, в частности медных, установлена многочисленными археологическими исследованиями [Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Жауымбаев, 1984, с. 113]. В этих металлургических центрах в Центральном и Восточном Казахстане не только перерабатывалось сырье, но и создавались металлические изделия, например, изогнутые ножи с плоскими рукоятками и кольцевидными навершиями. Наиболее ранние их образцы, относящиеся к середине II тыс. до н. э., концентрируются точно в этом районе и распространяются на север по течению Иртыша. На изделиях из Ростовки, Джумба и Елунино-1 вместо кольцевого навершия - фигурки животных. Появление таких фигурок означает формирование сейминско-турбинского типа. Отсюда они распространяются на Урал и в Западное Приуралье, где возникает новый, только там распространенный тип кинжалов, украшенных фигурами животных, - галичский (см. рис. 3, 1, 2). Все это могло происходить примерно в середине II тыс. до н. э., т.е. в XVI - XIV вв. до н. э., но не позднее. Таким образом, вопрос о появлении ножей сейминско-турбинского типа можно считать выясненным, но пока не выявлены истоки столь характерного для них орнамента в виде фигурок животных.

В восточных районах Урала и в Западной Сибири известна зооморфная пластика, которая может считаться местной. Стилистически она связана с изображениями животных на анализируемых нами ножах и кинжалах. Эти зооморфные предметы, изготовленные из разных материалов, представлены исключительно

единичными находками, датируемыми только на основании стилистического анализа. Особенно интересны маленькие деревянные фигурки коней из Шигирского и Горбуновского торфяников [Эпоха бронзы..., 1987, рис. 121, 13, 15 - 17], ясно выраженные головки которых обнаруживают четкое сходство с головкой коня на кинжале галичского типа из Сейминского могильника (см. рис. 5, 1). Длинный каменный жезл с оз. Иткуль увенчан головой медведя. По ее расположению относительно длинной оси жезла напоминает кинжалы галичского типа (см. рис. 5, 1 - 3). Из этого следует, что изображения животных на кинжалах галичского типа в своей основе имеют черты местного, уральского и приуральского искусства. Оно датируется периодом, предшествовавшим эпохе ранней бронзы [Там же, рис. 121, 14, 15, 17], но это нуждается в проверке. Аналоги фигуркам животных на ножах сейминско-турбинского типа и кинжалам кенкольского типа обнаруживаются в искусстве населения территории между Волго-Окским бассейном и Обью. Каменные скипетры в форме лошадиной головы из района Иртыша и из окрестностей Семипалатинска (Восточный Казахстан) [Там же, рис. 121, 11; Samašev, Žumabekova, 1966, Abb. 3, 1 - 3] в деталях моделирования головок имеют сходство с лошадьми на ножах сейминско-турбинского типа из Сеймы и Ростовки (см. рис. 4, 1, 3). У нас нет оснований предполагать, что эти ножи привозные, поэтому это сходство с предметами искусства Западно-Сибирско - Восточно-Казахстанского регионов не должно удивлять. Но мы считаем, что этого объяснения недостаточно, т.к. на ножах сейминско-турбинского и кенкольского типов животные изображены целиком. Они должны происходить из других территорий.

Если мы попытаемся найти сравнимые изображения животных в более далеком окружении ареала этих ножей и кинжалов, то обнаружим их, пожалуй, только в Бактрии. Среди коллекций средней и поздней бронзы периодов Намазга V/VI из Алтын-депе, Дашлы, Сапалли и Джаркутана есть бронзовые булавки, головки которых оформлены в виде фигурок животных. На булавках, как и на ножах и кинжалах сейминско-турбинского и кенкольского типов, основой, к которой крепятся фигурки животных, является узкая поперечная пластинка или брусок. В Бактрии распространены изображения стоящих или лежащих горных козлов, баранов, антилоп и других животных (рис. 8, 1 - 3). Похожий образец известен и в Иране, но без точного указания места находки (рис. 8, 4) [Аскаров, 1977, табл. 41, 1; 56, 5, 6; Кузьмина, 1966, рис. 16, 1; Членова, 1972, табл. 71, 10; Сарияниди, 1977, рис. 44, 1, 2]. Эти булавки из бассейна Амударьи датируются концом III - началом II тыс. до н. э. Следовательно, они значительно старше рассматриваемых нами ножей и кинжалов, что делает невозможным прямую их связь.

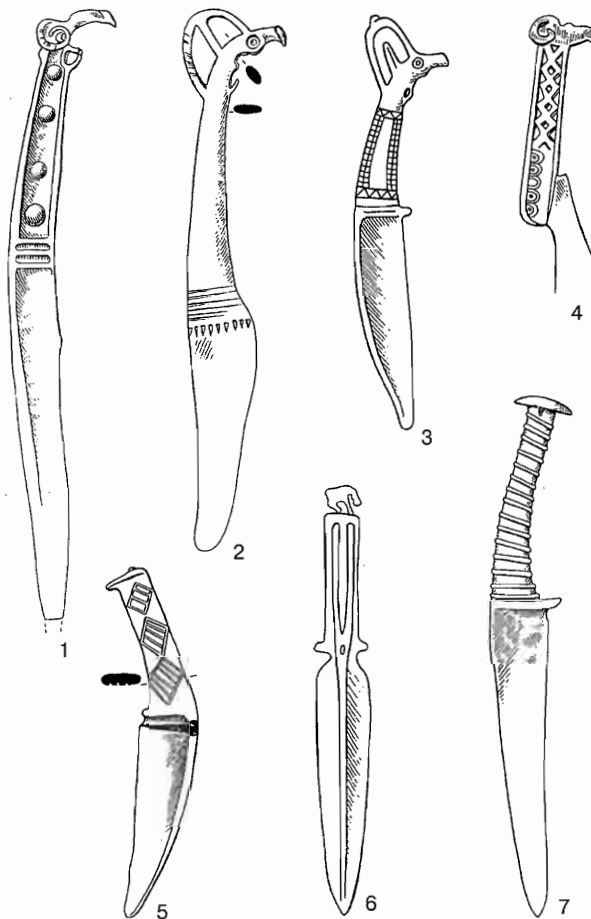

Рис. 9. Ножи и кинжалы карасукской культуры.
1 - Абакан, 2 - Красный Яр, 3 - Хаодоугоу, 4 - Синцзян,
5 - Улус Федоров, 6 - Внутренняя Монголия,
7 - Заимка Мурты (по: [Членова, 1972]).

Видимо, булавки могли служить лишь образцами для создания собственного искусства.

Что касается истоков стилистических особенностей изображения животных, то их или по крайней мере прообраз этих изображений следует искать среди южных традиций украшения фигурками животных ножей и кинжалов. При таких исследованиях "доказательства" можно встретить очень редко. Но наша идея имеет много общего с действительностью. Мы должны иметь в виду, что булавки относятся ко времени, когда усиливалась миграция андроновских групп из областей между Тянь-Шанем и Иртышом в Бактрию. Это доказывают материалы из могильников в Тандыриуле, Кангурт-туте и Кумсае, а также из поселений в Тошгузаре или Карим-Берды. Предметы характерных для Намазга VI форм встречаются вместе с керамикой или металлическими изделиями андроновской культуры [Vinogradova, 1991, p. 289]. Особое значение имеет тот факт, что носители андроновской культуры в Средней Азии выступают как металлурги.

В Кангурт-туте была найдена литейная форма для типично андроновского кинжала [Chernykh, 1992, Fig. 94], а в Тугае, в верховьях Зерафшана, совсем недалеко к северу от Бактрии, андроновцы основали поселение, в котором, судя по наличию плавильных печей, производилась переработка медной руды [Avanessova, 1996, p. 117]. Нельзя не указать на клад из Чака, расположенного на пути, который вел с севера, из Центрального и Восточного Казахстана, через западную оконечность Тянь-Шаня в Фергану. Не исключено, что клад принадлежал мастеру-металлургу, т.к. в сильно поврежденном металлическом сосуде находились предназначенные, видимо, для плавки старые изделия. Среди них была верхняя часть булавы бактрийского типа (рис. 8, 3). Головку булавы образует узкая пластинка, служащая основанием для фигурного, даже сценического, изображения коровы, нагнувшей голову к теленку. Корову доит сидящая сбоку женщина в платке [Кузьмина, 1966, рис. 16, 4; Brentjes, 1996, S. 7].

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что между населением Бактрии и северных предгорий Тянь-Шаня существовали контакты. Более того, доказано, что металлурги и мастера-литейщики из этого региона, в котором мы ищем истоки форм ножей и кинжалов сейминско-турбинского и кенкольского типов, имели прямые связи с носителями высокоразвитых культур Бактрии. Идея использования подобных фигурок на предметах для обозначения социального положения их носителя, возможно, была заимствована в искусстве Бактрии эпохи поздней бронзы.

Ножи и кинжалы с зооморфной орнаментикой известны также по материалам с территории восточнее Иртыша и Оби. Речь идет о так называемых карасукских и тагарских бронзах. Обе культуры образуют центры в Минусинской котловине и распространяются отсюда на юг и юго-восток до Монголии и Северного и Северо-Восточного Китая (см. рис. 3, 6) [Loer, 1956; Höllmann, Kossach, 1992; Членова, 1972]. По мнению исследователей, бронзы сейминско-турбинского типа синхронны андроновской культуре, за ней в последней трети II тыс. до н. э. следует карасукская, которая в начале I тыс. до н. э. сменяется тагарской [Loer, 1956, p. 112; Chernykh, 1992, Fig. 5]. Так ли все происходило в действительности или культуры, например, карасукская и андроновская, какое-то время сосуществовали - до конца не выяснено. Открытыми являются вопросы об абсолютных датах, в меньшей мере это касается андроновской культуры, принадлежность которой к первой половине II тыс. до н. э. все более очевидна, в большей - карасукской и начала тагарской культуры.

При сравнении кинжалов и ножей карасукской культуры (рис. 9) с сейминско-турбинскими (см. рис. 4), галичскими (см. рис. 5) и кенкольскими (см. рис. 6) устанавливаются соответствия в форме и орнаменте,

но не в изображении животных. Карасукские кинжалы украшены врезанными косо заштрихованными ромбами (см. рис. 9, 5), вертикальными (см. рис. 9, 6) или горизонтальными валиками (см. рис. 9, 7), а также прорезными ромбами (см. рис. 9, 4) на рукоятях. При этом концы рукоятей оформлены изображениями головок животных, которые формально и стилистически не имеют практически ничего общего с фигурками животных на сейминско-турбинских ножах (см. рис. 4, 1 - 3, 5). Даже если на рукоятях животные показаны полностью, то они выглядят совершенно иначе и очень похожи на изображенных на изделиях тагарских типов (см. рис. 9, 6). Сходство обнаруживает нож из Джумба, рукоятка которого заканчивается головкой животного (см. рис. 4, 4). Но поскольку он был найден в верховьях Иртыша, в непосредственной близости от области распространения карасукской культуры (см. рис. 3, 1, 6), то это сходство не должно удивлять.

Таким образом, при сравнении ножей и кинжалов сейминско-турбинского круга с карасукскими бронзами становится ясно, что они представляют две совершенно разные традиции ранних зооморфных изображений: западную, идущую из Бактрии и окончательно оформившуюся в металлообрабатывающих центрах Центрального и Восточного Казахстана, и восточную, связанную с карасукской культурой и охватывавшую Южную Сибирь, Монголию и Северный Китай. Таким образом, сейминско-турбинский феномен не происходит от карасукской культуры и наоборот. Видимо, под их влиянием формировался сибирский звериный стиль тагарской культуры скифского времени, по меньшей мере это относится к орнаментации кинжалов и ножей [Членова, 1967; Завитухина, 1983]. Это ставит вопросы хронологического порядка.

Зоны распространения ножей и кинжалов сейминско-турбинского, галичского и кенкольского типов, как и карасукские бронзы, совершенно не совпадают. То же самое относится и к андроновской культуре, которая входит в соприкосновение с карасукской культурой только на среднем Енисее в Минусинской котловине [Новгородова, 1970, рис. 1]. Отсюда возникает мысль: не могли ли оба феномена существовать одновременно? Большое сходство между сейминско-турбинскими ножами и кинжалами и карасукскими бронзами дало основание Н.Л. Членовой думать о их одновременности. Но к этому выводу исследовательница пришла, "омолодив" Сейма - Турбино и продлив существование его и карасукской культуры до начала тагарской, т.е. до XI - VIII вв. до н. э. [1972, с. 138]. Однако, если Бородинский клад и не может синхронизировать Сейма - Турбино с микенскими шахтными гробницами, то он никак не относится к XI - VIII вв. до н. э., а датируется не позже чем серединой II тыс. до н. э.

Мы видим решение проблемы в другом направлении и спрашиваем, не правильное ли будет датировать карасукскую культуру II тыс. до н. э. и предположить, что она одновременна, хотя и не полностью, поздней андроновской культуре и сейминско-турбинским бронзам? Наши раскопки на Суханихе, к северу от Минусинска, выявили погребения каменоложского этапа - конца в развитии карасукской культуры, который непосредственно предшествовал тагарской. Предположение подтверждается находками: формы каменоложского этапа очень сходны с ранними тагарскими. Радиоуглеродные даты этих погребений укладываются в последнюю треть II тыс. до н. э. [Leont'ev, Parzinger, Nagler, 1996, S. 175]. К этому же времени, между XIII в. и первой половиной XI в. до н. э., относятся, например, и карасукские бронзы из Ан-ян, столицы эпохи Шан [Loer, 1956, p. 112]. Заканчивается ли история карасукской культуры еще до конца II тыс. до н. э.? Сегодня мы еще далеки от полного решения этой проблемы. Требуется масштабное исследование имеющихся материалов, в том числе и из Северного Китая. Их необходимо дополнить серией данных радиоуглеродного датирования материалов из Сибири и Китая* (см. [Lin Yün, 1986, p. 237]). Если наше предположение о более ранней датировке карасукской культуры, а следовательно, о ее синхронности украшенным фигурками животных ножам и кинжалам сейминско-турбинского круга окажется верным, то это, безусловно, окажет влияние и на представления об истоках сибирского звериного стиля тагарского времени. То, что между Сейма - Турбино, с одной стороны, и ранней тагарской культурой - с другой, должен быть временной разрыв в 600 - 700 лет (в рамках традиционных представлений), представить трудно.

Список литературы

- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. - Ташкент: ФАН, 1991. - 200 с.
- Аскаров А.** Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент: ФАН, 1977. - 231 с.
- Бадер О.Н.** Древнейшие металлурги Приуралья. - М.: Наука, 1964. - 176 с.
- Бадер О.Н.** Бассейн Оки в эпоху бронзы. - М.: Наука, 1970. - 176 с.
- Жауымбаев С.У.** Древние медные рудники Центрального Казахстана // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1984. - 160 с.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее: Скифское время. Публикация одной коллекции. - Л.: Искусство, 1983. - 191 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.** Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. - Алма-Ата, 1992.
- Кривцова-Гракова О.А.** Бессарабский клад. - М.: Изд-во ГИМ, 1949. - 28 с.
- Кузьмина Е.Е.** Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. - М.: Наука, 1966. - 150 с.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? - М.: РАН, Рос. ин-т культурологии, 1994. - 463 с.
- Матюшенко В.И., Синицына Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. - 135 с.
- Новгородова Э.А.** Центральная Азия и карасукская проблема. - М.: Наука, 1970. - 191 с.
- Сарианиди В.И.** Древние земледельцы Афганистана. - М.: Наука, 1977. - 171 с.
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. - М.: Наука, 1970. - 179 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. - М.: Наука, 1989. - 320 с.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - 299 с.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников кураусукской культуры. - М.: Наука, 1972. - 248 с.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР.** - М.: Наука, 1987. - 470 с. - (Археология СССР).
- Avanessova N.** Pasteurs et agrikulteurs de la vallee du Zeravshan (Ouzbekistan) au debut de l'age du Bronze: relations et influences mutuelles // B. Lyonnet. Sarazm (Tadjikistan) ceramiques. - P., 1996. - P. 117 - 131. - (Mem-MAFAC 7).
- Brentjes B.** Der eurasiatische Tierstil und die Kunst des Waldlandes in Nordeurasien // Ural-Altaische Jb. N.F. - 1996. - Bd 14. - S. 7 - 39.
- Chernykh E.N.** Ancient Metallurgy in the USSR. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. - 335 p.
- Höllmann T., Kossack G.** Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). - Mainz/Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992. - 126 S. - (AVAmat. 50).
- Kossack G.** Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. Bayer. Akad. Wiss. Abh. N.F. - München, 1987. - Bd 98. - S. 24 - 86.
- Leont'ev N., Parzinger H., Nagler A.** Die russisch-deutschen Ausgrabungen beim Berg Suchanicha am mittleren Enisej. Vorbericht der Kampagne 1995 // EurAnt. - 1996. - Bd 2. - S. 175 - 204.
- Lin Yün.** A Reexamination of the Relationship between Bronzes of the Shang Culture and of the Northern Zone // Studies of Shang Archaeology. - New Haven; L., 1986. - P. 237 - 273.
- Loer M.** Chinese Bronze Age Weapons. - Michigan: The University of Michigan Press, Ann Arbor, 1956. - 233 p.
- Samašev Z., Žumabekova G.** Spätbronzezeitliche Waffen aus Kasachstan // EurAnt. - 1966. - Bd 2. - S. 229 - 239.
- Tallgren A.M.** Ett viktigt fornfund från mellersta Rusland. Abh. N.F. Finsk Museum. - 1915. - P. 73 - 95. - (Suomen Museo, 22).
- Vinogradova N.** Interrelation between farming and 'steppe' tribes in the Bronze Age South Tadjikistan // South Asian Archaeology. - 1991. - P. 289 - 301.

* По данным радиоуглеродного датирования, любезно предоставленным М. Вагнер, карасукская культура Северного Китая относится к концу II тыс. н. э.

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ САМУСЬСКО-СЕЙМИНСКОЙ ЭПОХИ ИЗ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В археологии Евразии ни один комплекс, создатели которого заметно повлияли на историко-культурное развитие обществ лесостепной и лесной ландшафтных зон, не вызвал столько дискуссий и гипотез, сколько сейминско-турбинский. В последние годы опубликованы обобщающие работы, которые аккумулируют в историко-археологическом аспекте существующие представления по основным вопросам сейминско-турбинской проблемы. В них собран полный корпус источников, реализован новый методологический подход типолого-морфологической характеристики, приводятся данные его технологического анализа во взаимосвязи с древними металлургическими центрами. Наконец, в них сформулирована концепция культурной принадлежности памятников и исторического развития их создателей (см. [Черных, Кузьминых, 1987, с. 84 - 105; 1989]). Основу комплекса составляют более 400 металлических изделий, распространенных на огромной территории Евразии.

На территории Кузнецко-Салаирской ландшафтной области до недавнего времени было найдено только два по типу таких же, как сейминские, кельта: на горе Арчекас, расположенной на правом берегу р. Кии около Мариинска [Баухник, 1970, с. 49 - 53] и в устье р. Тарсымы (см. *рисунок*, 3), левого притока Ини [Зотова, 1964, с. 59 - 63]. Первая находка географически связана с Ачинско-Мариинской лесостепью, вторая - с Кузнецкой котловиной.

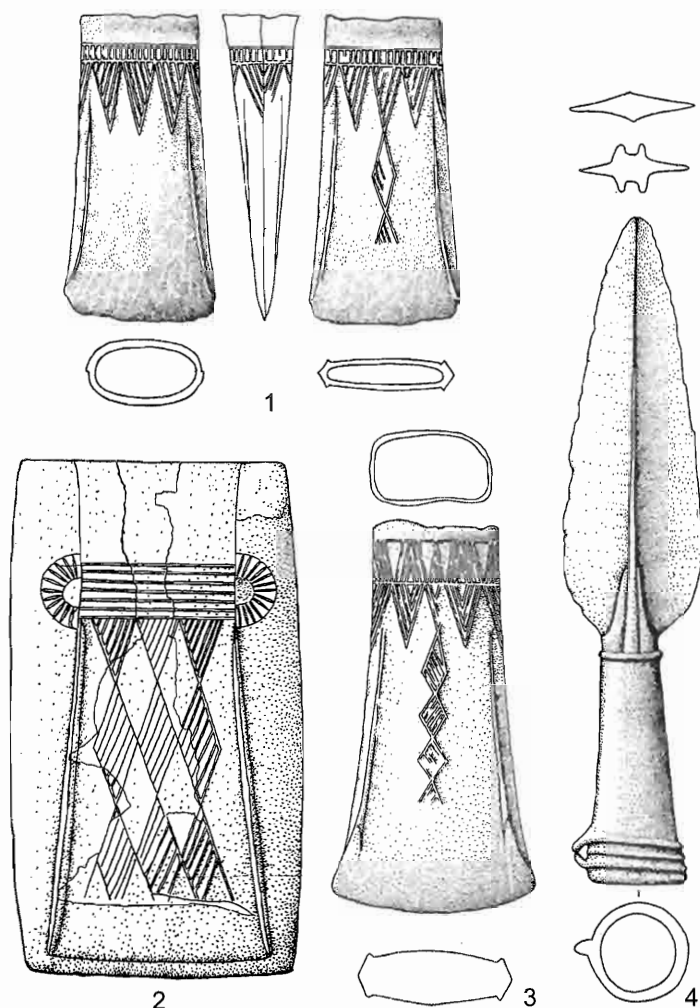
В 1992 г. при обследовании поселения Мундыбаш-1 на правом берегу р. Кондомы в южной горно-таежной части Кузбасса Ю.В. Шириным был обнаружен бронзовый кельт*. Он трапециевидный, в профиле имеет форму клина (см. *рисунок*, 1). Плоскость от боковых граней отделена "ребрами жесткости". Се-

чение овальное. Эти морфологические признаки типичны для сейминско-турбинских кельтов. Длина изделия 112 мм, размеры втулки 42 x 24 мм. Кельт орнаментирован по всему периметру. В 1 см ниже втулки имеется поясok ("лесенка"), который служит основанием заштрихованных треугольников, обращенных вершиной вниз. На каждой фаске по три треугольника. На одной из них от вершины центрального треугольника "свисают" ромб и треугольник (незавершенный ромб). На одной фаске штриховка треугольников и ромбов направлена в противоположные стороны. На другой фаске на двух треугольниках штриховка направлена в одном направлении, на третьем - в другом.

Мундыбашскому кельту аналогичны изделия, реконструируемые по литейным формам из Усть-Собакино, и из погребения литейщика на могильнике Сопка-2 [Черных, Кузьминых, 1987, с. 52, рис. 14, 1, 6; Молодин, 1983, рис. 8], а также кельт из могильника Ростовка [Матющенко, Синицина, 1988, рис. 54, 1]. По типологии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, они относятся к изделиям разряда К-18 [1987, с. 46, 49], которые были распространены в Западной Сибири и к западу от Урала. Близок им кельт из с. Николаевка Петропавловского р-на Алтайского края, орнаментированный поясом "лесенка" и цепочкой треугольников. На нем на одной фаске имеются "свисающие" ромбы. Кельт отличается наличием боковых петелек и характером заполнения поля треугольников - по принципу вписанных треугольников [Уманский, 1992, с. 21].

В 1985 г. при вскрышных работах под котлован у дер. Драченино (левый берег Ини) был найден бронзовый наконечник копья (передан на хранение в Ленинск-Кузнецкий краеведческий музей). Длина наконечника 243 мм, длина пера 150 мм. Наконечник изготовлен в двухстворчатой литейной форме (см. *рисунок*, 4). В основании втулки имеются четыре валика, в зоне которых сделано боковое ушко. Еще один

* Выражаем благодарность Ю.В. Ширину за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы поселения Мундыбаш-1.

Кельты с поселения Мундыбаш-1 (1), из устья р. Тарсьмы (3); литейная форма с поселения Танай-4 (2) и наконечник копья из дер. Драченино (4).

валик расположен чуть ниже основания пера. От него по плоскости пера тянутся два параллельных гребня. Это придает наконечнику сходство с вильчатыми образцами. Сечение пера ромбическое. По наибольшему количеству признаков изделию близок наконечник из окрестностей с. Устьянка на Алтае [Уманский, Демин, 1983, рис. 2], который отнесен Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых к разряду КД-24 [1987, с. 72 - 73, рис. 36, 1]. Абсолютно идентичный, но более крупный наконечник копья найден на Алтае у с. Парфеново [Кирюшин, 1992а, с. 43 - 44]. Но основу разряда составляют наконечники с плоским листовидным пером и нервюрой, формирующей третий гребень. У них также отсутствует валик в основании пера. Не исключено, что экземпляр из Кузнецкой котловины, как и находка из с. Парфеново, представляет собой вариант или тип в группе одноушковых вильчатых наконечников и демонстрирует эволюцию формы. Такого же мнения придерживается Ю.Ф. Кирюшин [Там же, с. 44].

В 1991 г. в ходе раскопок поселения Танай-4, расположенного на западном берегу озера, давшего название памятнику в предгорьях Салаирского кряжа, найдена каменная форма для отливки массивного кельта. Реконструируемое по матрице орудие имело лезвие трапецевидной формы и удлиненную, немного расширяющуюся овальную втулку (см. рисунок, 2). В сечении лезвие шестигранное. Боковые грани от фаски отделены слабовыраженными гребнями. Длина кельта 175 мм, размеры втулки 55 x 40 мм. На кельте в 35 мм ниже втулки имеется широкий пояс из семи горизонтальных валиков. В этой части изделия на боковых гранях расположены ложные петельки, украшенные поперечными валиками. Плоскость кельта орнаментирована тремя рядами соединенных треугольников и ромбов, заштрихованных в одном направлении.

Реконструируемый по матрице танайский кельт по типолого-морфологическим признакам идентичен

кельтам разряда К-50 самусьско-кижировского варианта [Черных, Кузьминых, 1987, с. 154]. По орнаменту ему аналогичны кельты из Кижирова, Косихи, Тенга, по литейной форме - с поселения Самусь IV [Матюшенко, 1973, рис. 6, 1; 15, 1, 3; Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 25, рис. 8]. Индивидуальность описываемому оружию придают семь удаленных друг от друга на равном расстоянии валиков. На самусьской литейной форме и на кельте из Косихи по четыре сдвоенных валика. Все эти находки локализуются в бассейне верхней Оби.

Не касаясь полемики по сейминско-турбинской проблеме, которая нашла отражение в обширной научной литературе, отметим отдельные сюжеты, связанные с новыми материалами. Изделия сейминско-турбинского типа, обнаруженные в культурном слое археологических памятников, требуют их сопоставления с материальным комплексом, в частности с керамикой. Это особенно актуально в связи с проблемой хронологической принадлежности сейминско-турбинских бронз и высказанным тезисом о том, что их происхождение в Сибири обусловлено влиянием носителей андроновской (федоровской) культуры [Кузьмина, 1992, с. 44 - 45]. В хронологическом аспекте эта идея близка взглядам Ю.Ф. Кирюшина. Самусьская и андроновская культуры, с его точки зрения, существовали одновременно и находились во взаимодействии [1992б, с. 69].

Если наличие кельта в культурном слое поселения Мундыбаш-1 не является случайностью, то его можно соотносить только с керамическим комплексом 2-й группы крохалевской культуры (к сожалению, памятник полностью не раскопан), который в горно-таежных районах представлен самостоятельно, а в лесостепных - вместе с псевдотекстильной керамикой. Поэтому нами посуда 2-й группы отнесена к крохалевской культуре условно [Бобров, 1992, с. 9]. По мнению исследователей, крохалевские и одиновские памятники относятся к одному хронологическому пласту. В относительной хронологической колонке кельт, как считает большинство специалистов, занимает позицию, предшествующую самусьско-сейминским древностям [Косарев, 1976, с. 12; Молодин, 1977, с. 67; 1985, с. 34], или датируется первой третью II тыс. до н. э. [Косарев, 1981, с. 62; Полосьмак, 1978, с. 46; Молодин, 1985, с. 34]. Л.Я. Крижевская датирует керамику одиновского типа первой половиной II тыс. до н. э. [1977, с. 92]. Иную точку зрения высказал И.Г. Глушков. Аргументируя концепцию развития текстильной и псевдотекстильной керамики на территории Западной Сибири, он рассматривает одиновскую и крохалевскую керамику не только как один хронологический пласт, но и как "одну археологическую культуру, распространяющуюся в процессе своего развития с запада на восток" [Глушков, Глушкова, 1992, с. 121].

Время ее существования - вторая треть II тыс. до н. э. [Там же, с. 114], т.е. она синхронна кротовской, самусьской и елунинской культурам, которые принадлежат самусьско-сейминской эпохе. На предварительном уровне этим же временем можно датировать керамический комплекс эпохи бронзы поселения Мундыбаш-1. Независимо от того, какие из предложенных хронологических рамок мы примем, он предшествовал появлению андроновской культуры в восточных районах ее ареала. В этой связи небезынтересна мысль Ю.Ф. Кирюшина о сложении и формировании феномена сейминско-турбинских бронз и их культур в предгорной зоне Алтая в начале II тыс. до н. э. [1992б, с. 68]. Географически поселение Мундыбаш-1 близко этой зоне, а ареал керамики 2-й группы включает ее.

Литейная форма с поселения Танай-4 сопоставима с керамическим комплексом самусьской культуры. Количественно он равнозначен комплексу керамики крохалевской культуры, орнаментированной псевдотекстильными отпечатками. Среди почти 10 тыс. находок нет ни одного фрагмента андроновской керамики. Не отвергая возможности контактов носителей культур самусьско-сейминского времени с андроновцами на начальном этапе миграции последних в восточные районы, вряд ли можно полагать, что эти связи были длительными и мирными. Исключение составляла периферия, где развитие культур происходило под воздействием интегративных процессов. Именно памятники, содержащие материалы андроновцев и культур самусьско-сейминского круга, из этих районов Сибири привлекает Ю.Ф. Кирюшин для подтверждения идеи сосуществования этих культур [Там же, с. 69]. Е.Е. Кузьмина объясняет появление части сейминско-турбинских бронз приходом сюда андроновских племен [1992, с. 44 - 45]. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в данном регионе известны памятники, которые не содержат такой взаимовстречаемости. Они должны быть учтены при решении вопросов хронологии сейминско-турбинской бронзы.

Список литературы

- Баухник И.И.** Археологические находки с горы Арчекас // ИЛИАИ. - Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. пед. ин-та, 1970. - Вып. 2. - С. 49 - 53.
- Бобров В.В.** Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1992. - 26 с.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н.** Текстильная керамика как исторический источник. - Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1992. - 130 с.

Зотова С.В. О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа // КСИА. - М.: Наука, 1964. - Вып. 101. - С. 59 - 63.

Кирюшин Ю.Ф. Наконечник копья сейминско-турбинского типа с Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1992а. - С. 43 - 44.

Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. - СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992б. - С. 66 - 69.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. - 182 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1976. - 59 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М.: Наука, 1981. - 278 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977. - 128 с.

Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Азия от древности до средневековья. - СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992. - С. 44 - 45.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. - Ч. 2: Самусьская культура. - 208 с. - (Из истории Сибири; Вып. 2).

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. - 135 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977. - 173 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. - С. 96 - 109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985. - 200 с.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохоловка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 36 - 46.

Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул: Гос. пед. ин-т, 1992. - С. 18 - 27.

Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. - Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. - С. 143 - 150.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука, 1987. - С. 84 - 105. - (Археология СССР).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. - М.: Наука, 1989. - 320 с.

Материал поступил в редколлегию 19.01.99 г.

А.Д. Пряхин

Воронежский государственный университет,
 Университетская пл., 1, 394693 Воронеж, Россия
 E-mail: rood@adm.wcu.ru

К ОЦЕНКЕ ПРЕСТИЖНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУРГАНА СЕЛЕЗНИ-2

Одним из достижений в изучении эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи явилось осмысление гигантских культурно-исторических образований, базирующихся не только на близкой этнической подоснове, но и на единстве, явившемся следствием конкретной исторической ситуации (пастушеско-скотоводческий уклад хозяйства, складывание пространственных систем, которые все более уверенно рассматриваются в рамках постпервобытности).

Одно из такого рода образований просматривается за массивами памятников абашевской культурно-исторической общности второй четверти II тыс. до н. э., распространенных на территории урало-волго-донской лесостепи и прилежащих пространствах степной зоны, а отчасти и в лесном Поволжье.

Масштабные исследования последнего времени целой серии памятников в Южном Зауралье, некогда относимых К.В. Сальниковым к абашевским [1967, с. 22 - 44], а ныне все чаще оцениваемых как отдельная синташтинская археологическая культура, привели к восприятию их как чуть ли не отправных в оценке тех процессов, которые имели место на степных и лесостепных пространствах не только Заволжско-Уральского, но и Приволжско-Донского региона. И если немногим более 20 лет назад К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина, выделяя на Южном Урале памятники новокумакского хронологического горизонта, подчеркивали мысль о роли западного (восточно-европейского) импульса в их формировании (культуры полтавчинская, абашевская, многоваликовой керамики) [1977, с. 38 и др.], то сейчас синташтинский импульс усматривается далеко за пределами Южно-Уральского региона, в том числе и на территориях к западу от Волги [Отрощенко, 1996, с. 14 - 16; 1998, с. 50 - 51]. О восточном компоненте в пласте престижных захоронений абашевского времени лесостепного Подонья пишет А.Т. Синюк, предлагая выделение покров-

ско-абашевской археологической культуры [1996, с. 202 - 208]. Нетрудно заметить, что это не согласуется с представлениями о значительной роли волго-донских абашевцев в становлении как абашевской культурно-исторической общности, так и в тех процессах, которые имели место в эпоху средней бронзы в евразийской степи и лесостепи, на что неоднократно обращали и продолжают обращать внимание многие исследователи.

Поэтому важно обеспечить полноценное введение в систему анализа еще не задействованных или мало задействованных, но обладающих наибольшими информационными возможностями памятников, прежде всего тех из них, которые исследованы в последнее время. К таковым относится курган 1 могильника Селезни-2 в бассейне р. Цны (Тамбовская обл.), исследованного в 1997 г. экспедицией Тамбовского областного краеведческого музея и Воронежского госуниверситета [Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 3 - 30].

Высота кургана на момент раскопок 1,6 м, диаметр 50 м. Высота в абашевское время, даже с учетом досыпки в срубное время, была несомненно большей - в пределах 2 м, при диаметре 30 м.

Под центром насыпи помимо разрушенного распашкой впускного захоронения срубной культурно-исторической общности оказались четыре располагавшиеся попарно по линии восток - запад могильные ямы и остатки девяти жертвоприношений абашевского времени (рис. 1).

Одна из пар могильных ям (1, 2) находится к югу от центра насыпи. Могильная яма 1 почти квадратной формы. Ее размеры 4,2 x 4,2 м при глубине от уровня погребенной почвы 1,7 м. Ближе к центру есть ямка от столба. На дне - органическая подстилка.

Инвентарь включает два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием

черешка (рис. 2, 1, 2). Один из них, скорее всего, с перекрытия, другой вместе с костями конечности мелкого животного был помещен на деревянное блюдо (?). В разных частях могильной ямы найдены четыре бронзовых жальца с притупленным краем (рис. 2, 3 - 6), некогда находившиеся в деревянной основе, и еще одно жальце, вставленное в деревянную рукоять, обрамленную костяным навершием (рис. 2, 7). Навершие имеет поперечный желобок со следами потертости поверхности.

Вблизи от юго-западного угла могильной ямы лежали два четырехшипных орнаментированных псаля с почти истлевшими щитками. Торцы вставных шипов украшены, в том числе и мальтийским крестом (рис. 2, 8, 9). В могильной яме есть части еще двух псаблей со вставными шипами (рис. 2, 10, 11). Один из них костяной, с орнаментированным щитком, другой был скорее деревянный. Найдены амулет из сильно заполированного клыка медведя (рис. 2, 12) и серия астрагалов, 25 из которых лежали кучкой. В могильной яме на разной глубине находились три ребра животных, два из них имели следы использования при копке грунта, одно ранее использовалось в кожанном производстве.

Из 14 найденных в могильной яме наконечников стрел 12 лежали компактно вблизи ее центра (рис. 2, 15 - 26). Почти все они треугольной формы, и только один несколько сужается к основанию. Наконечники стрел выполнены из цветного кремня, а один кварцитовый. Еще два, лежавших отдельно, наконечника стрел иволистной формы (рис. 2, 13, 14). Сделаны из качественного темного кремня.

В могильной яме также находились булава из мраморовидного известняка, относящаяся к разновидности грушевидных с бортиком (рис. 2, 27), и два каменных кузнечных орудия труда, одно из которых применялось и для растирания охры (рис. 2, 28, 29).

Тремя экземплярами представлены глиняные сосуды: два приземистых колоколовидных горшка (рис. 2, 30, 32) и один горшок с четко выделяющимся плечиком (рис. 2, 31). Два сосуда - с пола, части одного (рис. 2, 30) находились в заполнении могильной ямы. В тесте всех трех сосудов есть примесь ра-

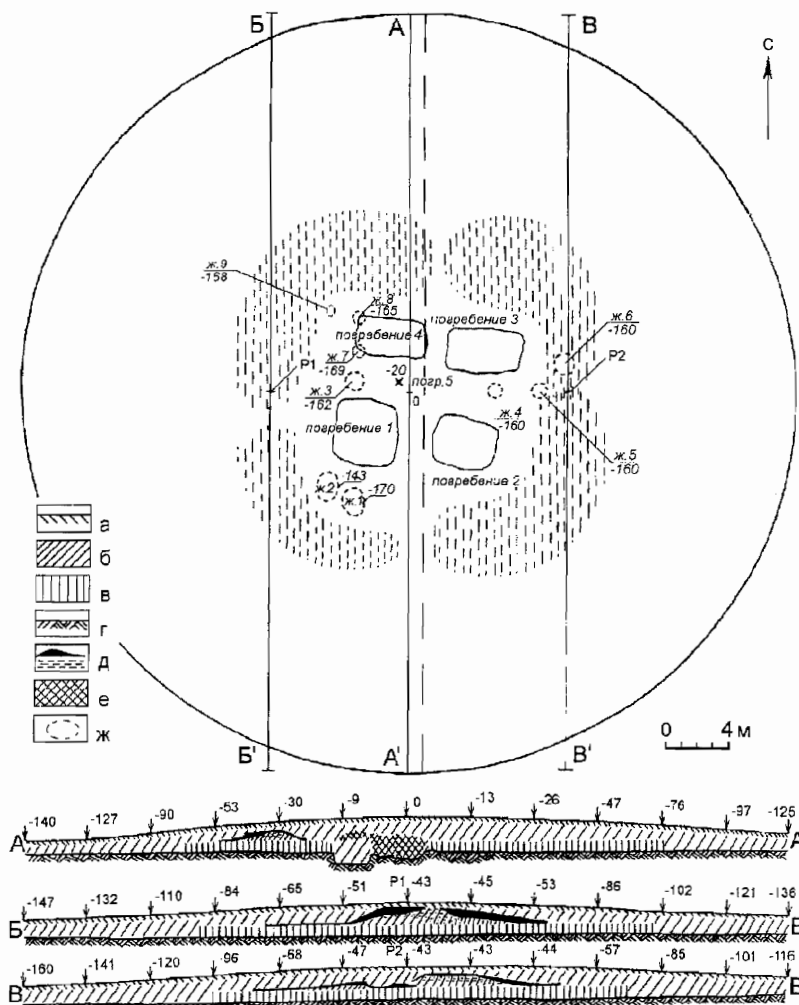

Рис. 1. План и профили кургана 1 могильника Селезни-2.

а - пахотный слой; б - чернозем; в - погребенная почва; г - материк;
д - глинистый выброс; е - нарушенные участки; ж - жертвенные места.

кушки и органики. Особенностью одного из сосудов (рис. 2, 32) является нанесение на его поверхность дополнительной подмазки, что для абашевской керамики не свойственно, но встречается на позднекатакомбной и многоваликовой керамике. Да и украшение этого сосуда рядом ногтевых защипов - это тоже заимствование. На двух других сосудах представлены широкие расчески, имеющие и орнаментальную нагрузку. А на одном из них в верхней части идут горизонтальная линия и зигзаг, выполненные оттиском шнура.

В центре могильной ямы найдены мелкие кости птицы (?).

Погребение 2 совершено в ориентированной почти по линии восток - запад могильной яме, имеющей размеры 3,05 x 4,1 м при глубине от уровня погребенной почвы 1,3 м. В ее основании фиксировались органическая подстилка, меловое пятно диаметром 20 см и древесный тлен, скорее всего от перекрытия.

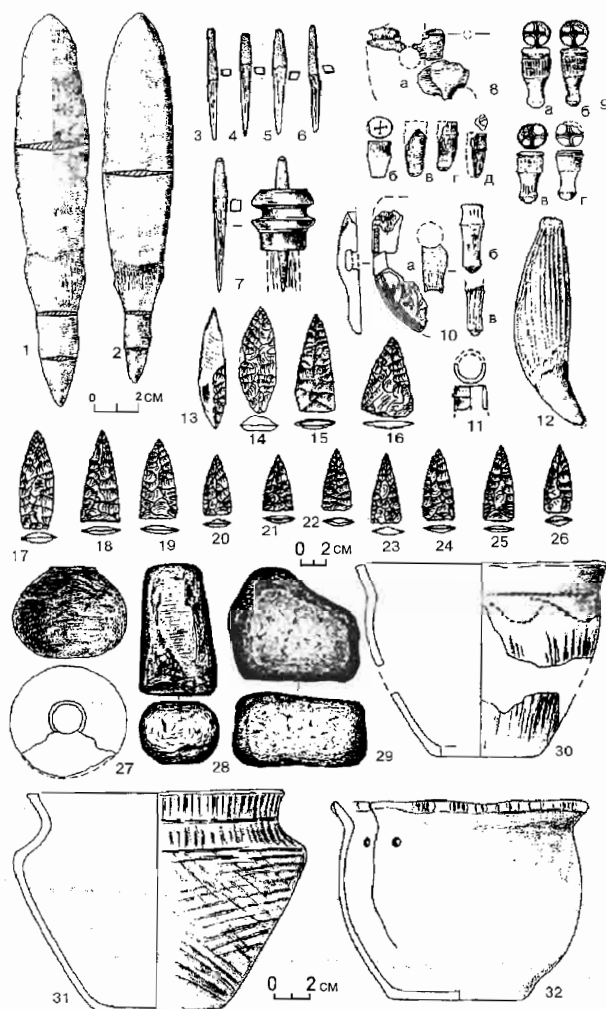

Рис. 2. Инвентарь погребения 1.

В могильной яме, также как и в первой, оказались два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черенка (рис. 3, 1, 2). Один из них лежал на полу, другой обнаружен в заполнении могильной ямы. Своеобразны найденные у восточной стены две близкие по функциональному назначению, имеющие сработанные боковые отверстия костяные втулки. Внутри втулок находились остатки дерева со вставленными в деревянную основу бронзовыми жальцами (рис. 3, 3, 4). В разных частях могильной ямы найдены обломки двух плоских в сечении бронзовых скоб (рис. 3, 5, 6) и бронзовая пронизка (рис. 3, 7).

В могиле обнаружены клык кабана и два вставных шипа дисковидного псалия, на одном из которых сохранилась орнаментация: вписанный в окружность мальтийский крест (рис. 3, 8a). На пространстве между центром могильной ямы и ее южным углом лежали четыре кремневых наконечника стрел той же формы, что и наконечники из колчана в погребении 1 (рис. 3,

9 - 12), а поблизости - два кремневых трапециевидных по форме орудия (рис. 3, 13, 14). У восточного угла могильной ямы находился кузнечный молоточек с охристым слоем на его поверхности (рис. 3, 15).

Два найденных в погребении сосуда - целые (рис. 3, 16, 17). Это колоколовидный горшок и маленький острореберный сосудик с крышечкой. Оба они украшены орнаментом, выполненным зубчатым штампом. Третий сосуд представлен незначительными обломками.

Еще одна пара могильных ям (3, 4) находится к северу от центра насыпи. Погребение 3 совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии восток - запад, размеры которой 2,8 x 4,8 м при глубине от уровня погребенной почвы 1,3 м. Остатков органической подстилки не зафиксировано.

У северо-восточного угла могильной ямы уже за ее пределами на уровне погребенной почвы найдены орнаментированный сосудик с двумя отверстиями для подвешивания (рис. 4, 13), кузнечный молоточек (рис. 4, 10) и псалий с четырьмя вставными шипами (рис. 4, 4). Псалий имеет округлый щиток с центральным отверстием для удил и двумя парами удлиненно-овальных отверстий для крепления наносного и нащечного ремней. Щиток и торцы шипов орнаментированы, в частности, вокруг центрального отверстия находится фигура в виде сегнера колеса с шестью заштрихованными лопастями и завитком спирали, а торцы всех шипов украшены четырьмя окружностями с точкой в центре.

В западную стенку могильной ямы был воткнут цельнолитой, имеющий боковое ушко бронзовый наконечник копья (рис. 4, 1). На полу могильной ямы найдены бронзовое обоюдоострое шило (рис. 4, 2) и жальце с притупленным краем (рис. 4, 3). Ближе к центру находились два вставных, разных по характеру изготовления и орнаментации шипа от псалиев (рис. 4, 5, 6) и округлая костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями (рис. 4, 7). В южной части могильной ямы встречены два астрагала. В разных частях могильной ямы находились два треугольных в плане кремневых наконечника стрел (рис. 4, 8, 9) и два сосуда. Один из них - крупный колоколовидный горшок, поверхность которого обработана широкими расчесами (рис. 4, 11), с внутренней стороны эти расчесы образуют желобчатость. Другой - небольшой неорнаментированный приземистый горшок с массивной донной частью (рис. 4, 12).

Погребение 4, так же как и третье, совершено в удлиненной прямоугольной, имеющей ту же ориентировку могильной яме. Да и размеры ее близкие (2,4 x 5 м при глубине от уровня погребенной почвы в пределах 1 м). На дне могильной ямы фиксируются остатки органической подстилки, небольшое охристое пятно и древесный тлен, скорее всего от перекрытия.

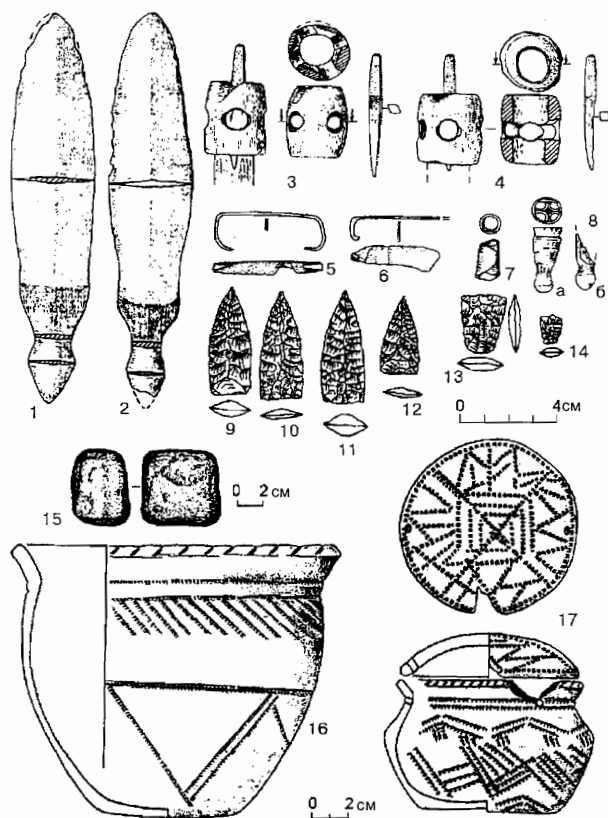

Рис. 3. Инвентарь погребения 2.

Инвентарь наиболее многочисленный. Изделия из бронзы включают нож-кинжал с намечающимся перекрестием и ромбовидным окончанием черешка, на котором сохранились отпечатки футляра (рис. 5, 1), жальце с притупленной рабочей частью с остатками берестяного футляра (рис. 5, 2), шило с остатками деревянной рукоятки (рис. 5, 3), три бронзовые скобки (рис. 5, 4, 5), две из которых, возможно, служили для скрепления берестяной коробки (?), и обломок обкладки.

В погребении найдены две пары псалиев и фрагменты еще одного. Щитки обнаруженных у северной стены могильной ямы псалиев фигурной восьмеркообразной формы, с четырьмя вставными шипами (рис. 5, 6, 7). Центральное и торцевое отверстия сработаны. Примыкающая планка имеет подтреугольную форму и отверстия для крепления наносного ремня. Внешняя поверхность псалиев орнаментирована.

Вторая пара псалиев, из центральной части могильной ямы, имеет щитки сегментовидной формы со вставными шипами, центральным и торцевым отверстиями, примыкающей неширокой планкой, на которой есть ряд отверстий (рис. 5, 8, 9). Орнаментация этой пары псалиев сходна, но не тождественна. У од-

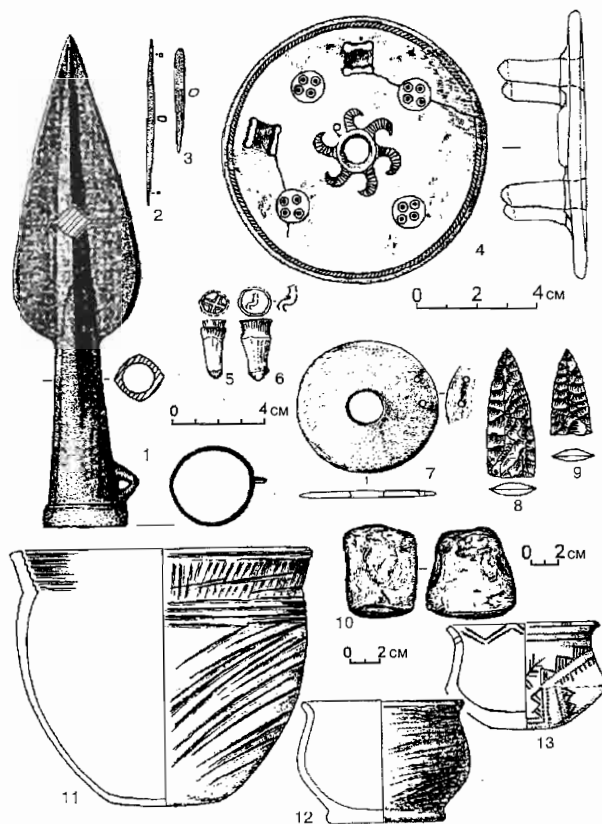

Рис. 4. Инвентарь, связываемый с погребением 3.

1 - 3, 5 - 9, 11, 12 - из могильной ямы;
4, 10, 13 - перекрытия могильной ямы.

ного псалия примыкающее к центральному отверстию пространство обрамлено шестилучевой (?) звездой с двумя Т-образными отростками у каждого луча. У другого - обрамление в виде сегнера колеса. Есть отличия и в орнаментации под планкой. Что же касается пятого, плохо сохранившегося псалия, то он с монолитными шипами (рис. 5, 10).

В центральной части могильной ямы найдены две округлые костяные пряжки с большим центральным и двумя боковыми отверстиями (рис. 5, 11, 12), одна из которых длительное время была в употреблении. Две костяные застежки (одна целая, другая сохранилась частично - рис. 5, 13, 14) находились у северной стены могильной ямы среди обломков керамики. В могильной яме оказались два скопления астрагалов и обломок ребра животного со следами употребления при рыллении грунта.

Многочисленна серия кремневых наконечников стрел все той же треугольной формы (рис. 5, 15 - 27), 11 из которых лежали компактно в центральной части могильной ямы вблизи от пары псалиев фигурной формы. В разных частях могильной ямы найдены кузнечный молоточек и молоточек - абразив по металлу (рис. 5, 28, 29).

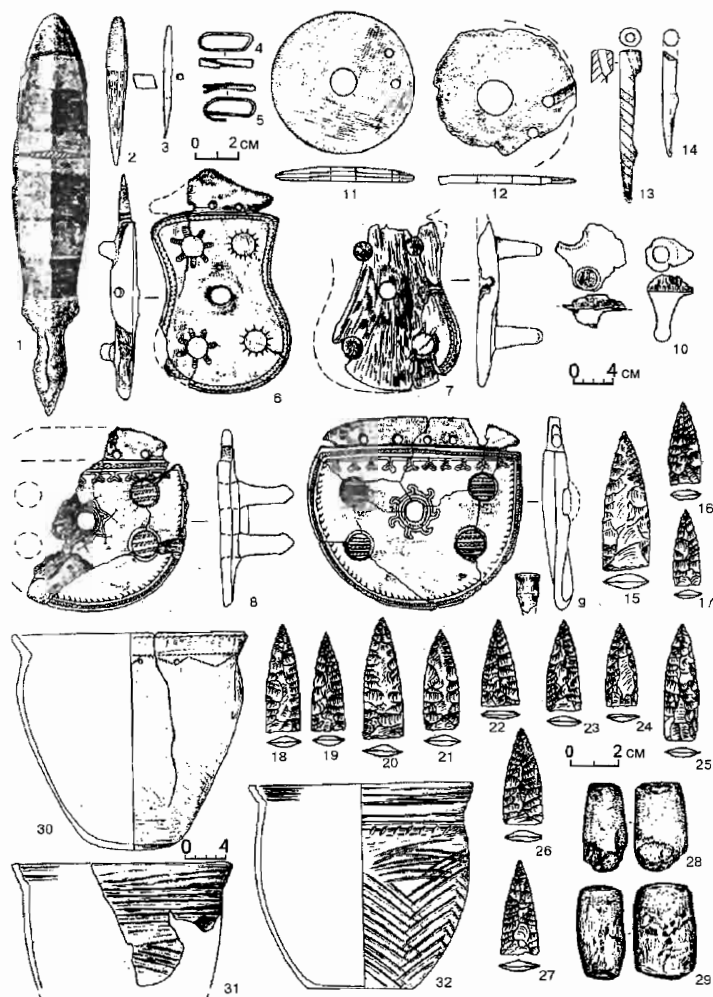

Рис. 5. Инвентарь погребения 4.

Обнаруженные в могильной яме сосуды - колоколовидные, вытянутые, с примесью ракушки и органики в тесте (рис. 5, 30 - 32). Все они значительных размеров.

Внешняя поверхность двух сосудов покрыта четко выраженными широкими расчесами. Поверху это каннелюры, которые фиксируются как с внешней, так и с внутренней стороны. В одном случае каннелюры завершаются горизонтальным рядом боковых вдавлений. Нижняя часть этого сосуда покрыта расчесами, образующими вертикальную "елочку", кстати сказать, достаточно широко представленную на керамике позднего этапа среднедонской катакомбной культуры.

Еще один сосуд, на котором расчесы были заглажены еще до обжига, украшен по срезу венчика рядом боковых вдавлений, а ниже - оттисками шнура, образующими горизонтальную линию и один ряд треугольников. Этот сосуд треснул и был впоследствии скреплен.

Отличительной чертой всех абашевских погребений селезневского кургана является отсутствие ко-

стяков. Поскольку сохранность костных остатков в кургане в общем удовлетворительная, по сути дела, это особенность погребального обряда.

Все четыре могильные ямы имели деревянные перекрытия, на которые помещались отдельные предметы.

С погребениями связываются девять жертвоприношений, представленных черепами и костями конечностей лошади. Два скопления костей (7 и 8), залегающие на уровне погребенной почвы в районе северо-западного и юго-западного углов могильной ямы 4, скорее всего, первоначально были на перекрытии. С этим же захоронением, надо думать, связаны и находившиеся в 2 м от могильной ямы залегающие на уровне погребенной почвы остатки жертвоприношения 9. Два скопления костей (1, 2), судя по расположению, относятся к погребению 1. Одно из них было на уровне погребенной почвы, а другое оказалось углубленным в слой погребенной почвы примерно на 30 см. Остатки жертвоприношения 6, залегающие на уровне погребенной почвы и перерезавшие могильный выкид из погребения 3, скорее всего, связаны с погребением 2.

Находящиеся на уровне погребенной почвы остатки жертвоприношения 3 - 5 как бы связывают в единое целое две пары абашевских захоронений в кургане.

Площадь, где расположены могильные ямы и жертвенные места, четко ограничена. Каждой из могильных ям соответствует свой, располагавшийся компактно выкид. Могильные выкиды образуют четко выраженную систему. Между ними есть три прохода. Такого рода прохода нет только с восточной стороны: выкид из могильной ямы 2 частично перекрывал выкид из могильной ямы 3.

Показательно, что выкиды из всех могильных ям лежат на уровне погребенной почвы. Это свидетельствует о возведении насыпи уже над всем комплексом абашевских захоронений и жертвенных мест.

Поскольку выкид из второй могильной ямы частично перекрывает выкид из третьей могильной ямы, погребение 2, очевидно, совершено позже погребения 3. То же можно предположить и относительно соответствующих пар захоронений (1, 2 и 3, 4), т.е. пары захоронений не одновременны. Но хронологический разрыв между ними вряд ли был значительным. Не случайна однотипность встреченных в погребениях ножей-кинжалов, наконечников стрел, костяных пряжек. Последние, кстати сказать, вообще свойственны для донского региона [Матвеев, 1996, с. 32,

рис. 3, 1, 2, 4, 8] и куда реже представлены на более восточных территориях.

Все находившиеся под курганом захоронения и отдельные жертвенные места - это, по сути дела, единая четырехчленная система, возникшая не одновременно, но заложенная заранее в саму идею погребального комплекса.

Судя по инвентарю, рассмотренные погребения - волго-донские абашевские. В этом отношении наиболее показательна керамика: как правило, это сосуды, в том числе и маленькие острореберные, достаточно обычные для комплексов именно данной абашевской культуры. Некоторым своеобразием отличаются лишь два сосуда. Один из них (см. рис. 2, 32), как уже говорилось, являясь абашевским, имеет черты, свойственные для позднекатакомбной и многоваликовой керамики. Своим обликом выделяется и неорнаментированный приземистый горшок из погребения 3 (см. рис. 4, 12), прямых аналогов которого в погребальных комплексах волго-донской абашевской культуры нами не обнаружено. Показательно и то, что в керамической серии нет сосудов, характерных для средневолжской, как, впрочем, и уральской, абашевских культур. Тем более здесь отсутствуют сколько-нибудь выраженные проявления, свойственные для керамических традиций зауральских "синташтинцев".

Особо следует сказать о дисковидных псалиях с шипами. Несмотря на разную конфигурацию щитков, они относятся к распространенному на территории Подонья и в смежных районах Поволжья так называемому волго-донскому (староюрьевскому) типу псалиев, для которых характерны крепление нащечного ремня к щитку, преобладание традиции изготовления вставных шипов и наличие орнаментации внешней поверхности щитка [Пряхин, Беседин, 1998, с. 24 - 29]. Определенным своеобразием отличается лишь псалий, найденный вблизи от северо-восточного угла третьей могильной ямы, который по форме щитка и способу прикрепления ремней оголовья близок псалию из Трахтемирова [Лесков, 1964, с. 299, рис. 1]. В представительной серии из данного кургана не оказалось псалиев южно-уральского (синташтинского) типа, ведущие отличительные признаки которых - крепление нащечного ремня на планке, преобладание монолитных шипов и неорнаментированность поверхности щитков. И это несмотря на то, что известны случаи взаимовстречаемости дисковидных псалиев обоих типов [Пряхин, Беседин, 1998, с. 33, рис. 8] что, кстати сказать, не позволяет признать последние более ранними, как это делает Е.Е. Кузьмина [1994, с. 171 - 180, рис. 37].

Все четыре захоронения - престижные. Не случайно наличие во всех них связываемых с упряжью колесниц псалиев с шипами. С управлением колесниц,

скорее всего, связаны и завершавшиеся костяными втулками с выступающим, воткнутым в деревянную основу жалцем "древки", выполнявшие, возможно, и функцию своего рода штандартов (особенно из погребения 2).

Во всех погребениях присутствуют предметы вооружения: бронзовое копье, ножи-кинжалы, наборы подтреугольных наконечников стрел. В двух случаях ножей-кинжалов было по два (погребения 1 и 2). Каждая из пар ножей-кинжалов, судя по характеру проковки, сделана одним мастером. Примечательно отсутствие ножей-кинжалов в погребении 3, где есть наконечник копья. Вряд ли случайно также наличие колчанов со стрелами в погребениях, где есть ножи-кинжалы, и их отсутствие в могильной яме 3, где есть наконечник копья.

Престижность захоронений подтверждается фактом обнаружения в одном из них каменной булавы. Вряд ли случайно и то, что в каждой из пар захоронений оказалось по одному ритуальному богато орнаментированному острореберному сосуду с четко выраженной календарной символикой. Особый статус умерших подчеркивает и наличие в одной из могил каждой пары мела и охры. Высокому статусу умерших не противоречит и факт обнаружения во всех захоронениях астрагалов (скорее всего кабаньих). Не отражение ли это своего рода престижных охот - развлечений элиты древних обществ? И конечно же, высокий социальный статус лиц, с которым связана система захоронений селезневского кургана, подчеркивается наличием системы жертвоприношений. В жертву было принесено не менее 12 коней.

Показательно присутствие во всех могильных ямах кузнечных каменных орудий труда, свидетельствующих о наделении захороненных и сакральными производственными функциями, реализуемыми через идею "кузнеца". Другим доводом в пользу сказанного является то, что одно из двух кузнечных орудий из погребения 1 применялось и для растирания охры, а на кузнечном молоточке из погребения 2 был охристый слой.

Весьма интересно и то, что, несмотря на высокий социальный статус захороненных, их сопровождают предметы, как правило, уже бывшие в употреблении, в том числе и в длительном.

Было бы уместным попытаться выявить закономерность в местонахождении отдельных предметов в каждой могильной яме. Но сколько-нибудь очевидной системности в их расположении не проявляется. Да и сама достоверность результатов такого анализа снижается наличием перекопов (норы грызунов).

Но как бы то ни было, перед нами представители военной знати - колесничие - аристократическая верхушка, выполнявшая и определенные сакральные функции.

Погребения селезневского кургана относятся к развитому этапу волго-донской абашевской культуры, соответствующему по времени уже сложившейся абашевской культурно-исторической общности. Обращает на себя внимание факт обнаружения в одном из погребений селезневского кургана бронзового наконечника копья с литой подромбической в районе пера втулкой. Вспомним, что близкий по пропорциям наконечник копья, но с несомкнутой втулкой происходит из погребения 1, относящегося к той же культуре, в Кондрашкинском кургане недалеко от Воронежа, где наряду с другим инвентарем представлен и дисковидный псалий со вставленными шипами [Пряхин и др., 1998, с. 16, рис. 4, 1]. Не лишним будет сказать, что такого рода наконечники копий есть в комплексах с дисковидными псалиями и на более восточных территориях, в том числе и в захоронениях синташтинского типа в Зауралье [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 176, рис. 88, 3; с. 195, рис. 100, 10, 11]. Присутствие в погребениях данного пласта подобных наконечников копий, ножей-кинжалов с намекающимся перекрестием, как, впрочем, и факт встречаемости к западу от Волги абашевских захоронений литейщиков, где в инвентаре представлены глиняные литейные формы для отливки вислообушковых топоров (Кондрашевка, Октябрьский, Пепкинский курган), подтверждает наличие у абашевского населения уже в это время сложившихся традиций металлообработки, кстати сказать, затем наследуемых представителями срубной культурно-исторической общности [Пряхин, Саврасов, 1997, с. 56 - 66].

Есть основания говорить о синхронизации селезневских погребений с той частью захоронений ныне широко известного Потаповского курганного могильника в Заволжье, в которой четко прослеживаются абашевско-синташтинские черты [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994], как, впрочем, и с самим Синташтинским комплексом памятников в Зауралье. Иными словами, получает дальнейшее подтверждение правомерность выделения хронологического пласта памятников второй четверти II тыс. до н. э., одним из характерных показателей которого является распространение дисковидных псалиев с шипами. Применительно к волго-донской абашевской культуре в него включаются памятники не только развитого, но и позднего этапа, в том числе так называемые покровские (памятники, переходные между волго-донской абашевской культурой и собственно срубными древностями). Причем на позднем этапе волго-донской абашевской культуры наряду с дисковидными псалиями, правда, уже видоизмененными, получают распространение и псалии из расколотой пополам кости, имеющие шипы.

Данный хронологический пласт предшествует мосоловскому горизонту памятников поздней

бронзы - древности срубно-алакульского мира [Пряхин, 1993, с. 147 - 160; 1997, с. 49 - 53]. Показательно, что на раннем этапе функционирования самого Мосоловского поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности еще фиксируются позднеабашевские ("покровские") черты.

Вряд ли случайно, что престижные захоронения, сопровождающиеся дисковидными псалиями с шипами, будучи достаточно широко представленными на лесостепных и прилегающих степных пространствах, до сих пор не найдены на основной территории распространения памятников средневожской абашевской культуры. В то же время их концентрация отмечается в цининско-воронежском междуречье (Волго-Донской регион) и в районе распространения укрепленных поселений синташтинского типа (Южное Зауралье). Причем ни о каком хронологическом "приоритете" последних говорить не приходится, особенно если иметь в виду факт наличия в Подонье стратиграфически выверенного пласта абашевских памятников предшествующего времени.

Размышляя над феноменом престижных захоронений абашевского мира, приходишь к мысли, что настало время акцентировать внимание не только на осмыслении отдельных абашевских культур, их вариантов, абашевских проявлений на других территориях. Не менее важно выйти на целостное восприятие этого мира. Только с таких позиций возможна оценка системы укрепленных поселков и составляющих с ними единое целое некрополей и курганов - святынь синташтинского типа в Зауралье; факта сосредоточения престижных абашевских захоронений в цининско-воронежском междуречье, оценка отстоящих на значительные расстояния друг от друга групп и отдельных курганных могильников лесного Поволжья. За этими фактами просматривается построенная на пространственном принципе система организации "единого целого", что, надо думать, является одним из показателей социально-экономического развития постпервобытных в своей основе пастушеских скотоводческих групп населения евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы. Выделяемая археологами абашевская культурно-историческая общность и мир культур, в которых проявляется абашевский компонент, - один из примеров такого рода.

Список литературы

- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. - Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1994. - 280 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. - Челябинск: Южно-Урал. изд-во, 1992. - Вып. 1. - 408 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М.: МГП "Калина", ВИНТИ РАН, 1994. - 464 с.

Лесков А.М. Древнейшие роговые псалмы из Трахтемирова // СА. - 1964. - № 1. - С. 299 - 303.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-волжского региона // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и мат-лы конф. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. - Вып. 1. - С. 27 - 33.

Отрошенко В.В. О происхождении и распространении склепов колесничих // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. - Вып. 2. - С. 14 - 16.

Отрошенко В.В. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА. - 1998. - № 1. - С. 43 - 48.

Пряхин А.Д. Мосоловский пласт памятников эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи // Культура народов евразийской степи и лесостепи в древности. - Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1993. - С. 146 - 160.

Пряхин А.Д. До виділення Мосолівського горизонту доби пізньої бронзи Евразійського степу та лісостепу // Археологія. - Київ, 1997. - № 3. - С. 49 - 56.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской степи и лесостепи // РА. - 1998. - № 3. - С. 22 - 35.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. - 20 с.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. - 44 с.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Развитие традиций производственной деятельности в абашевско-срубное время (памятники воронежского микрорайона) // Археологические памятники Среднего Поочья. - Рязань: НПЦ, 1997. - С. 56 - 67.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М.: Наука, 1967. - 48 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ин-та, 1996. - 252 с.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М.: Наука, 1977. - 82 с.

Материал поступил в редколлегию 01.04.99 г.

УДК 903.5

В.И. Гуляев, Е.И. СавченкоИнститут археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 Москва, В-36, Россия**НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ВОИНА СКИФСКОЙ ЭПОХИ
НА СРЕДНЕМ ДОНУ**

Летом 1998 г. Потуданская археологическая экспедиция Института археологии РАН продолжила свои исследования на среднем Дону. Как и в предыдущие полевые сезоны (1993 - 1997 гг.) основные усилия экспедиции были сосредоточены на раскопках интенсивно разрушаемого курганного могильника скифской эпохи между селами Терновое и Колбино (на границе Острогожского и Репьевского районов Воронежской обл.). Всего за полтора месяца (июль - середина августа) было вскрыто пять курганов - № 4 - 7 и 23 (рис. 1).

Четыре кургана (№ 4 - 6 и 23) имеют более или менее однотипное устройство. Под сильно деформированными от интенсивной ежегодной распахки насыпями высотой от 0,3 до 1 м внутри кольца желтой материковой глины (выкид из могильной ямы) находились могилы квадратной или прямоугольной формы с закругленными углами. Ориентированы они по линии либо запад - восток (№ 4 и 23), либо север - юг (№ 5 и 6). Размеры ям у дна от 3,8 x 3,1 м (№ 6) до 4,9 x 4,8 м (№ 4). Глубина от уровня погребенной почвы до 2,3 м (№ 4) (рис. 2).

Стены могильной ямы облицовывались вертикально стоящими деревянными плахами или досками, которые крепились в неглубоких желобках, выкопанных в дне могилы по ее периметру. Перекрытие (видимо, плоское, из плах или досок) поддерживалось девятью опорными столбами (восемь в углах и вдоль стен, один в центре) и своими краями опиралось также на деревянные стены и выкид желтой глины, окружавший могилу. Правда, в кургане № 5 опорных столбов было не девять (такая конструкция наиболее типична для среднедонских курганов скифской эпохи), а одиннадцать.

В двух случаях (курганы № 4 и 23) в могилу вел специальный коридор - "дромос" длиной до 5 м и шириной до 1,5 м. В заполнении и на дне "дромосов" ничего не обнаружено.

Все перечисленные выше курганы были разграблены еще в древности. Грабительские ямы отчетливо прослеживались при зачистке центральных бровок.

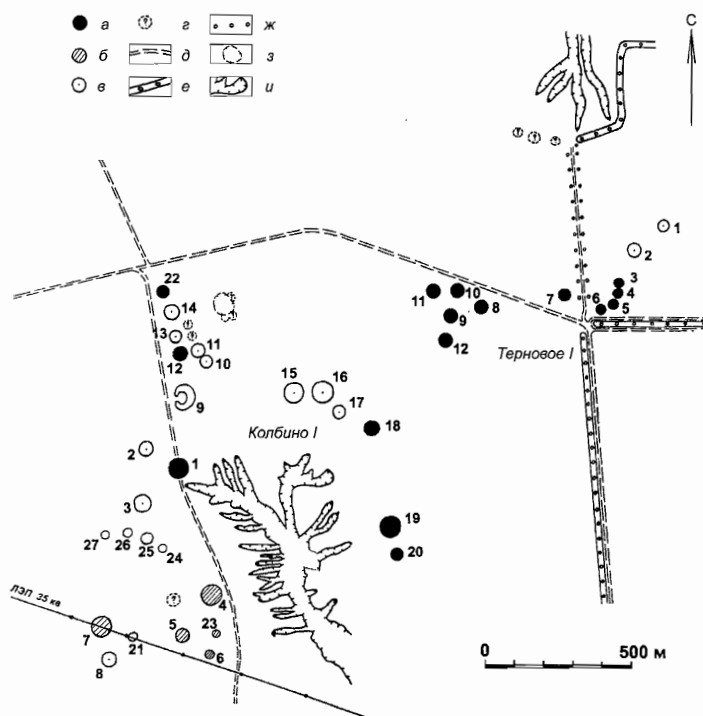

Рис. 1. План курганного могильника Колбино I и Терновое I.
а - курганы, раскопанные до 1998 г.; б - курганы, раскопанные в 1998 г.;
в - нераскопанные курганы; г - курганы, зафиксированные
аэрофотосъемкой; д - грунтовая дорога; е - шоссе;
ж - лесопосадки; з - западина; и - овраг.

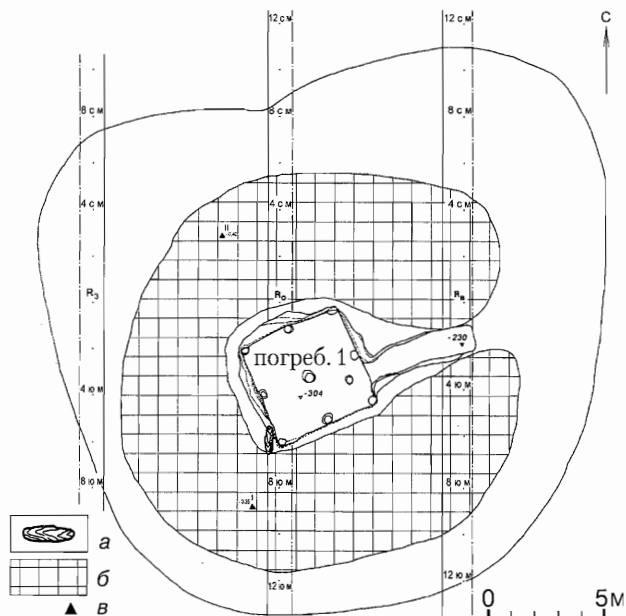

Рис. 2. План кургана № 4
могильника Колбино I.
а - дерево; б - материковый выкид;
в - кости животных.

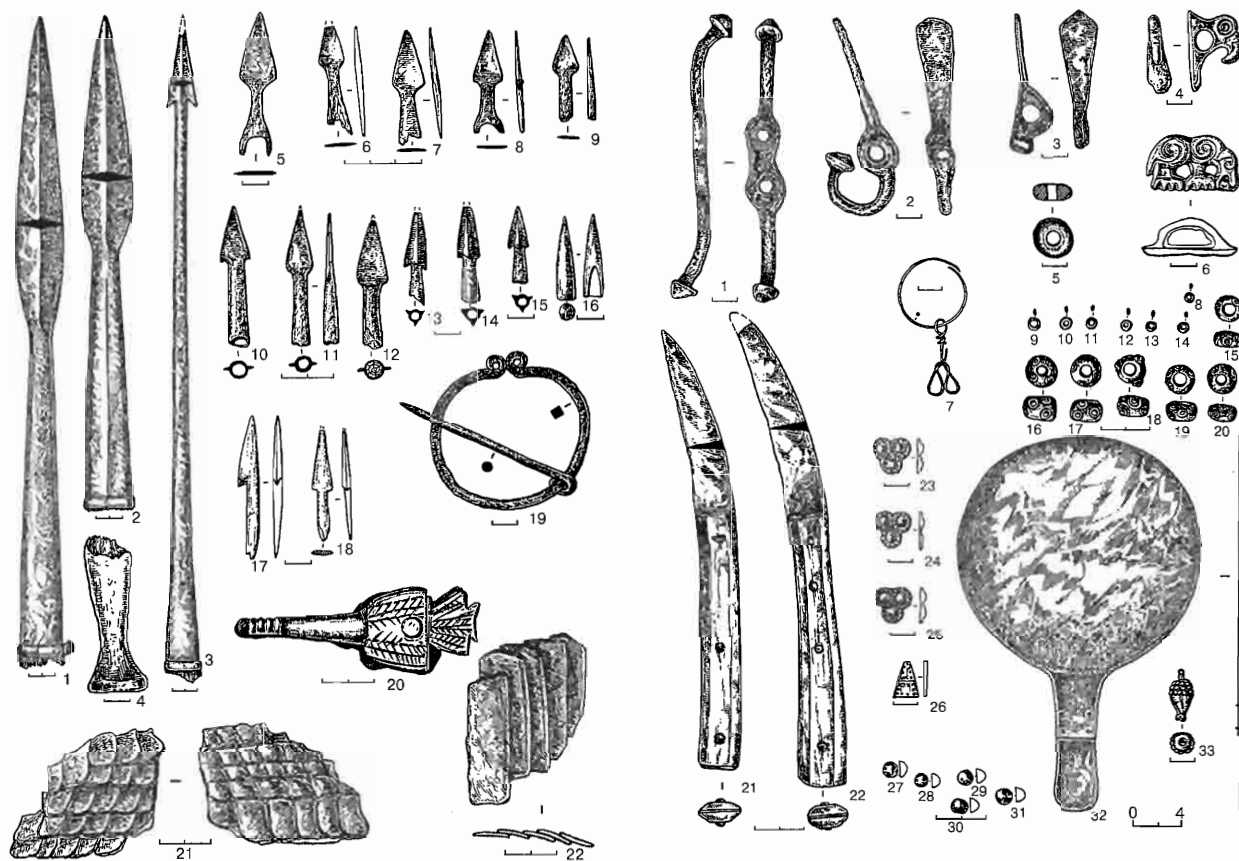

Рис. 3. Вооружение и предметы снаряжения
из курганов № 4 - 6 могильника Колбино I.
1, 2 - наконечники копий; 3, 4 - наконечник и вток дротика;
5 - 18 - наконечники стрел; 19 - пряжка "сюльгама";
20 - поясная пряжка; 21, 22 - обломки панцирей
(1 - кург. № 6; 2 - 15, 17 - 22 - кург. № 5; 16 - кург. № 4).
1 - 15, 19, 21 - 22 - железо; 16 - 18 - кость;
20 - железо, золото.

Рис. 4. Конское снаряжение, предметы быта и украшения
из курганов № 4 - 6 могильника Колбино I.
1 - псалии; 2 - 4 - налобники; 5 - ворворка; 6 - бляшка
узды; 7 - серьга; 8 - 14 - бисер; 15 - 20 - бусины;
21, 22 - ножи; 23 - 31 - нашивные бляшки; 32 - зеркало;
33 - подвеска (1, 2, 5, 7 - 21, 32 - кург. № 5;
3, 22 - кург. № 6; 4, 6, 23 - 31, 33 - кург. № 4).
1 - 3, 5 - железо; 4, 6, 32 - бронза; 7 - золото, серебро;
8 - 20 - стекло; 21, 22 - железо, кость; 23 - 31, 33 - золото.

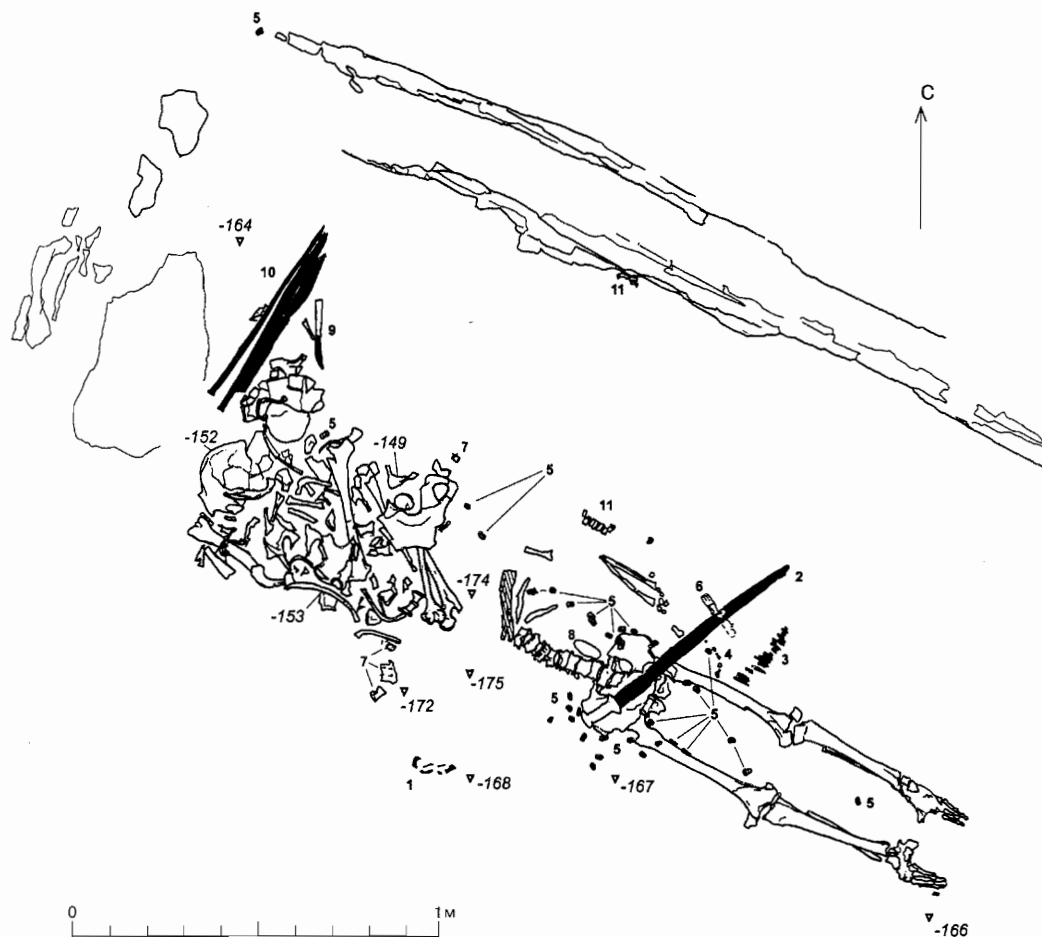

Рис. 5. План погр. 1 кургана № 7 могильника Колбино I (деталь).

1 - пряжка; 2 - меч; 3 - наконечники стрел; 4 - бусины и бисер; 5 - нашивные бляшки; 6 - обоймица; 7 - оковки с гвоздиками; 8 - раковина; 9 - нож; 10 - наконечники копья и дротиков; 11 - оплетка нагайки. 1, 3, 10 - железо; 2 - железо, золото; 4 - стекло; 5, 7, 11 - золото; 6 - серебро; 9 - железо, кость.

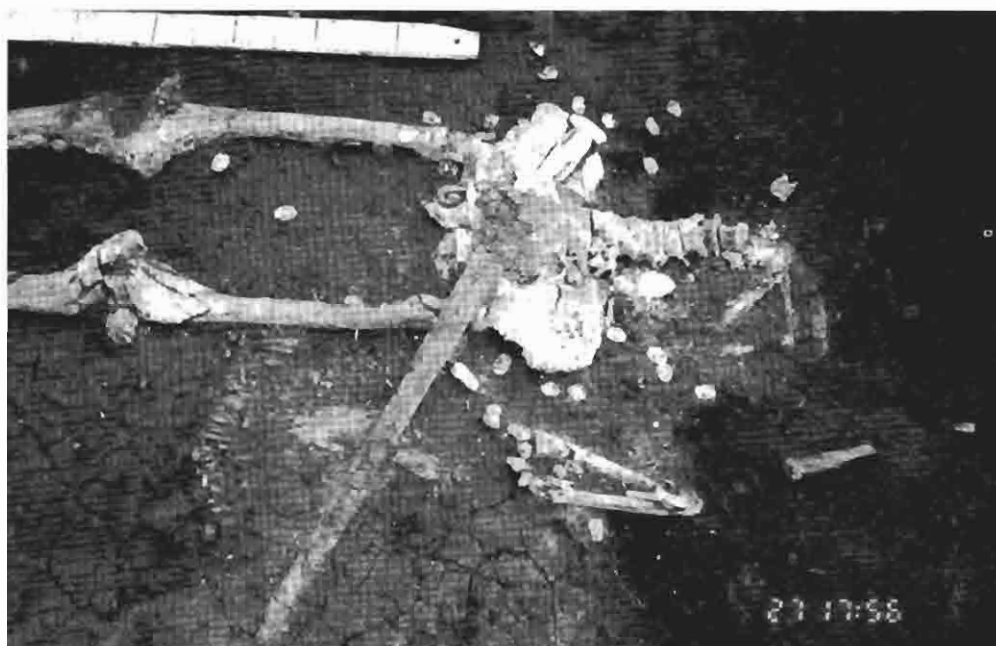

Рис. 6. Погребение 1 кургана № 7 могильника Колбино I (деталь). Вид с юго-востока.

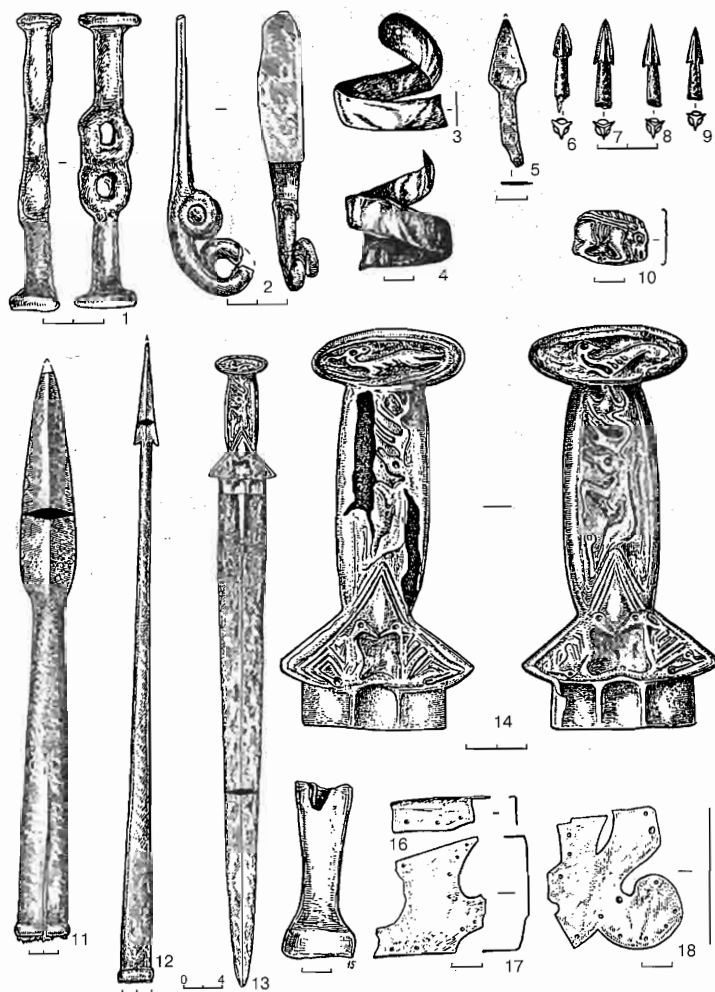

Рис. 7. Погребальный инвентарь из погр. 1 кургана № 7 могильника Колбино I.

- 1 - псалий; 2 - налобник; 3, 4 - оплетка нагайки; 5 - 9 - наконечники стрел; 10 - зооморфная нашивная бляшка; 11 - наконечник копья; 12 - наконечник дротика; 13 - меч; 14 - рукоять меча; 15 - вток дротика; 16, 17 - оковки ножен меча; 18 - оковка деревянной чаши. 1, 2, 5 - 9, 11, 12, 15 - железо; 3, 4, 10, 16 - 18 - золото; 13, 14 - железо, золото.

Тем не менее почти каждое обнаруженное погребение содержало интересные и разнообразные материалы. Уцелевший погребальный инвентарь состоит из предметов вооружения - железных наконечников копий (рис. 3, 1, 2), дротиков и втоков от них (рис. 3, 3, 4), железных, бронзовых и костяных наконечников стрел (рис. 3, 5 - 18), железных чешуйчатых панцирей (рис. 3, 21, 22); предметов конского убора - железных кольчатых удилищ, железных S-овидных и стержневидных двухдырчатых псалиев (рис. 4, 1), железных, бронзовых и костяных ворворок (рис. 4, 5), бронзовых (четырёхлепестковых и в виде фигуры медведя) блях узды (рис. 4, 6), бронзового конского налобника в виде стилизованной головки орла (рис. 4, 4), железных налобников (рис. 4, 2, 3); предметов быта и украшений -

бронзового зеркала с плоской ручкой и следами ремонта (рис. 4, 32), золотой серьги с серебряной проволочной подвеской (рис. 4, 7), костяной туалетной ложечки, стеклянных "глазчатых" бусин (рис. 4, 15 - 20) и мелкого бисера (рис. 4, 8 - 14), золотых "тройничков" (рис. 4, 23 - 25), полусферических (рис. 4, 27 - 31) и плоских подтреугольных (рис. 4, 26) нашивных бляшек, подвески от головного убора типа "калафа" или серьги (рис. 4, 33), железных пряжек типа "сюльгамы" (см. рис. 3, 19) и железной поясной пряжки, обтянутой тонким золотым листом, в виде летящей птицы (см. рис. 3, 20). Весьма странным представляется тот факт, что ни в одном захоронении не было обнаружено ни местной лепной, ни привозной греческой керамики (мелкие обломки той и другой керамики встречались в насыпи курганов), хотя в предыдущие сезоны почти каждый курган содержал одну-две греческие амфоры.

К большой радости антропологов все четыре упомянутых кургана дали обильный костный материал: в могилах курганов № 4 и 5 были парные захоронения мужчин (35 - 40 лет) и женщин (30 - 35 лет), а в курганах № 6 и 23 находились останки четырех мужчин в возрасте до 45 лет (по два в каждом).

Во всех могильных ямах обнаружены остатки заупокойной пищи - кости лошади, сопровождаемые железным ножом с костяной рукояткой (см. рис. 4, 21, 22).

Особое место среди других погребальных комплексов, исследованных в 1998 г., занимает курган № 7 - самый дальний (с юго-запада) в курганной группе. Он представлял собой сильно распаханную овальную в плане насыпь размером 40 x 30 м и высотой до

1,9 м. Под насыпью, на уровне древнего горизонта, была сооружена почти квадратная (7,8 x 7,6 м) деревянная конструкция (типа помоста, на 20 вертикальных опорных столбах) площадью свыше 50 м² с трехметровым "дромосом", вертикальными стенами из горизонтально уложенных брусьев и перекрытием из бревен шатрового типа. После завершения обряда похорон это деревянное сооружение было подожжено, а затем засыпано землей. Внутри, в северо-западном углу погребальной камеры, обнаружены лежащие беспорядочной грудой кости женского скелета и верхней части мужского - явные следы ограбления (рис. 5). Однако остальная часть мужского скелета (примерно от уровня тазовых костей и ниже) сохранилась *in situ* (рис. 6). Погребенный был ориентирован

Рис. 9. Золотые штампованные бляшки из кургана № 7 могильника Колбино I.

Рис. 8. Железный меч с рукоятью, обложенной золотым листом, из кургана № 7 могильника Колбино I.
1 - рукоять, 2 - наверхие, 3 - перекрестье.

Рис. 10. Золотая нашивная штампованная бляшка с изображением лошади (?). Могильник Колбино I, курган № 7.

Рис. 11. Оплетка нагайки из золотой фольги. Могильник Колбино I, курган № 7.

головой на запад с небольшим отклонением к северу. Поперек тазовых костей лежал довольно длинный железный меч с рукоятью, обложенной тонким золотым листом со штампованными изображениями (рис. 7, 13, 14; 8). Вокруг скелета и на нем было найдено свыше 50 тонких штампованных зооморфных золотых бляшек неправильно-овальной формы с изображением лошади или кулана (они, видимо, украшали погребальный полог) (см. рис. 7, 10; 9; 10). Неподалеку от меча, справа, обнаружена распавшаяся на части спиральная оплетка нагайки из толстой золотой фольги (см. рис. 7, 3, 4; 11) и несколько ажурно вырезанных золотых оковок с миниатюрными золотыми гвоздиками, принадлежавших обкладкам исчезнувшего деревянного сосуда (см. рис. 7, 18) и украшению несохранившихся ножен меча (см. рис. 7, 16, 17). Слева от позвоночника погребенного, у тазовой кости, находилась массивная овальная раковина речного моллюска. Вплотную к западной стенке бревенчатой камеры лежало несколько железных наконечников дротиков, копий и втоков общескифского типа (см. рис. 7, 11, 12, 15). Кроме того, обнаружены колчан с 95 железными трехлопастными втульчатыми (см. рис. 7, 6 - 9) и двумя плоскими черешковыми (см. рис. 7, 5) наконечниками стрел, железные кольчатые удила со стержневидными железными псалиями (см. рис. 7, 1), железные конские налобники (см. рис. 7, 2), стеклянные "глазчатые" бусины и бисер из пасты. Присутствовали и обычные в таких случаях остатки заупокойной пищи: кости лошади с двумя железными ножами.

Среди находок из этого кургана наибольший интерес представляет, безусловно, меч. По орнаментации (штампованные фигуры по золотому листу), общей форме рукоятки (овальное, клиновидное в сечении навершие и сильно стилизованное бабочковидное, почти уже треугольное, перекрестье, "манжета", закрывающая верхнюю часть лезвия) и технике изготовления лезвия он аналогичен мечу и кинжалу из Чертомлыка [Ростовцев, 1914, табл. V, 4, 6]. И там и здесь на навершии меча изображен какой-то бегущий зверь с повернутой назад головой (олень? лань?), на треугольном перекрестье отчетливо видны крылатые орлиноголовые грифоны, стоящие друг перед другом в геральдической позе, вдоль рукоятки с обеих сторон помещена фигура оленя со странно трактованными устремленными вперед ветвистыми рогами и, наконец, лезвие изготовлено из двух параллельных полос

с зазором в верхней части. Совпадение всех деталей оформления рукоятей и одинаковая техника изготовления лезвия мечей из Чертомлыка и кургана № 7 у с. Колбина позволяют говорить о полной их идентичности. Не исключено, что они были выкованы одним и тем же кузнецом и украшены одним и тем же мастером.

Очень близки к ним, хотя и различаются в трактовке деталей оформления, рукояти мечей с золотой обкладкой из кургана Мирзы Кекуватского (там другая форма перекрестья и на нем вместо грифонов помещена фигура бегущего зверя) [Ростовцев, 1914, табл. V, 3] и из кургана № 3 группы "Частых курганов" близ г. Воронежа (на его навершии две бегущие лани, а на рукояти процессия идущих друг за другом сильно стилизованных зверей; перекрестье же украшено теми же орлиноголовыми грифонами в геральдической позе) [Либеров, 1965, с. 73, табл. 17, 2].

Здесь следует особо подчеркнуть, что все приведенные выше аналоги колбинского меча относятся к наиболее богатым вещевым комплексам из курганов высшей скифской знати (Чертомлык, несомненно, "царский" курган, приписываемый рядом исследователей царю Атею). Это заметно облегчает для нас решение вопросов хронологии. Согласно последним исследованиям, центральное погребение Чертомлыка (с мечом) можно отнести к середине третьей четверти IV в. до н. э. [Алексеев, 1992, с. 151 - 152]. А если это действительно могила Атея, то дата его смерти хорошо известна из античных письменных источников - 339 г. до н. э., т.е. та же третья четверть IV в. до н. э. [Болтрик, Фіалко, 1995, с. 3 - 13].

Список литературы

Алексеев А.Ю. Скифская хроника: (Скифы в VII - IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). - СПб.: Б.и., 1992. - 206 с.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Е. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н. е. (пошук історичних реалій) // Археологія. - 1995. - № 2. - С. 3 - 31.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на среднем Дону. - М.: Наука, 1965. - 112 с. - (САИ; Вып. Д1-31).

Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // Материалы по археологии России. - СПб., 1914. - Вып. 34. - С. 78 - 93.

Материал поступил в редколлегию 01.04.99 г.

УДК 903.27(571.15)

Н.В. Полосьмак

Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru

ПАЗЫРЫКСКИЕ ВОЙЛОКИ: УКОКСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Введение

До 1990 г. войлочные пазырыкские изделия были известны только по находкам из “царских” курганов, исследованных С.И. Руденко [1953, 1960, 1968] и М.П. Грязновым [1950]. Новая коллекция пазырыкских войлоков была собрана в 1990 - 1995 гг. в “замерзших” могилах Укока.

Коллекция включает куски неорнаментированного темного войлока, который служил покрытием пола в погребальных камерах (рис. 1), подстилкой на дне колоды или ложе, подушкой и потником, а также одежду (чулки и головные уборы), сумочку для зеркала, покрытия седел с фигурными подвесками, подставки под сосуды*.

В погребальную камеру пазырыкцы помещали, как правило, вещи, служившие своему хозяину много лет и составлявшие его привычное окружение. По обнаруженным в могиле предметам можно судить об убранстве пазырыкского жилища. Так, войлок, который покрывал весь пол погребальной камеры, кроме места, на котором стояла колода, в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3, ранее мог использоваться как полог (занавес) в доме. Возможно, как и сейчас в юртах, его за большие войлочные петли, имеющиеся на одном крае, подвешивали к потолку, чтобы отгородить кровать. У южных алтайцев такой занавес (*көжө*), сделанный специально ко дню свадьбы, становился оберегом семьи. Его не меняли из опасения, что из дома уйдет счастье. В случае смерти одного из супругов *көжө* делили на две части и использовали в качестве подстилки при погребении [Ситникова, 1986, с. 89].

* Войлочные изделия из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1, исследованного в 1990 г., были опубликованы ранее [Полосьмак, 1994], поэтому в настоящей статье речь пойдет о наиболее ярких находках 1993 - 1995 гг.

Характеристика укокских войлочных изделий

В кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 сохранились войлочные покрытия трех седел, украшенные аппликацией. За время пребывания в могиле они сильно поблекли, а местами даже обесцветились. Тем не менее и сегодня видно, что все войлочные изделия расцвечены красками, в основном белой, черной, красной, желтой, синей (зеленой).

Покрытие седла второго коня было ярко-красным. На нем нашиты четыре вырезанные из войлока фигурки фантастических “крылатых” хищников - львиных грифонов, похожих на веселых собак, с рогами, ушами, кисточкой на хвосте (рис. 2; 3, 1). Они то ли летят, то ли растянулись в прыжке. Туловища животных ярко-зеленые, крылья, кисточки на хвосте и морды желтые. Все фигуры по краю обшиты тонким, скрученным из шерстяных ниток шнурком, желтым на туловище и крыле, коричневым на голове и кончике хвоста. Глаза вышиты коричневыми нитками. Эта аппликация - воспроизведение забытого образа, запечатленного, например, в сцене терзания на одной из войлочных седельных покрывал из Первого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. СХ, 1].

На другом войлочном покрытии седла желто-коричневого цвета в технике аппликации изображены два львиных грифона (см. рис. 3, 2; 4). Туловище, рога и гривы у них красные, морды белые, уши и кисточки на хвосте желтые. На крыльях показаны чередующиеся красные и желтые перья. По контуру туловища обшиты желтым шнуром, часть перьев - коричневым. Морды и глаза подчеркнуты красным шнуром. На крупах вырезаны знаки “точка в скобках”, они желтого цвета. Животные похожи на львиного грифона, представленного на конском головном уборе из Первого Пазырыкского кургана [Там же, с. 220, рис. 134]. Край этого покрытия седла был фестончатым: с каждой

Рис. 1. Расчистка войлока, лежавшего на дне погребальной камеры.

Рис. 2. Войлочное покрытие седла второго коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3.

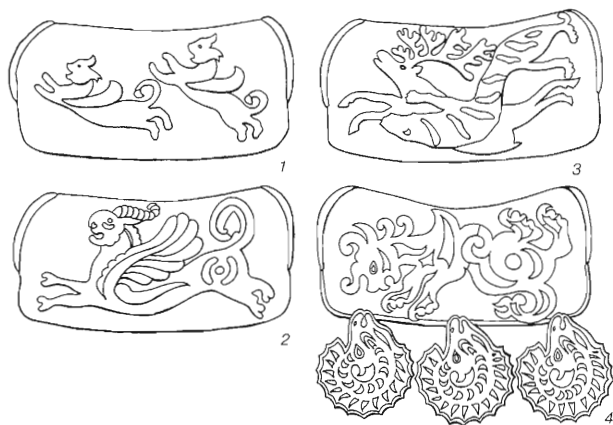

Рис. 3. Прорисовка войлочных аппликаций на покрытиях седел из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (1 - 3) и кургана 1 могильника Ак-Алаха-5 (4).

Рис. 4. Войлочное покрытие седла третьего коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3.

Рис. 5. Детали войлочного покрытия седла одного из коней в кургане 1 могильника Ак-Алаха-5.

Рис. 6. Войлочная подвеска в виде головы барана с покрытия седла коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5.

стороны пришито по четыре треугольных фестона. Одна сторона у них гладкая, другая - ступенчатая. Так же оформлены запечатленное на войлочном ковре покрытие седла всадника, вытканые на ворсовом ковре ковровые чепраки на лошадях и войлочный чепрак из Пятого Пазырыкского кургана [Там же, табл. СІ; Руденко, 1968, с. 47, 60]; чепрак на коне, выгравированном на костяной пластине, из кургана Куль-Оба [Руденко, 1960, с. 224, рис. 121]; чепраки на конях персов в мозаичной композиции "Битва Александра с Дарием при Иссах" (копия картины конца IV в. до н. э., Помпей) [Всемирная история, 1956, т. 2, с. 216] и др. Украшение краев чепраков и покрытий седел зубчатыми фестонами было характерно для иранского мира.

На последнем из сохранившихся в кургане покрытий седел нашиты две аппликации, изображающие сцену терзания оленя тигром (см. рис. 3, 3). Цвета практически не сохранились, но хорошо видны фигуры сцепившихся животных. В одном случае фигура оленя по контуру обшита желтым шнурком, а тигра - красным; в другом - наоборот, и тигр, и олень изображены с вывернутым туловищем. Глаза у них показаны вышивкой. Аналог этого изображения имеется на покрытии седла из Первого Пазырыкского кургана. Только там вся композиция вырезана из кожи. Фигура тигра - из кожи желтого цвета с прорисовкой деталей коричневой краской [Руденко, 1953, с. 274, рис. 158]. На ак-алахинской находке на войлочном туловище животного нашиты детали, обшитые по контуру желтым шнурком, который подчеркивает характерные для тигра полосы. Можно предположить, что при создании в виде войлочных аппликаций канонических сцен с участием животных пазырыкцы пользовались кожными трафаретами. Аппликации же в виде львиных грифонов на покрытиях седел из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 выглядят как копии, сделанные по памяти, когда уже утеряна четкость изображения оригинала.

Покрытие седла, обнаруженное на коне в женском погребении кургана 1 могильника Ак-Алаха-5, по краю обшито тесьмой из шерстяной трехцветной ткани с орнаментом (рис. 5). На основу из желтого (коричневого в настоящее время) войлока частыми стежками через край пришиты две большие, вырезанные из тонкого войлока фигурки фантастических хищников. Зверь зафиксирован с перекрученным туловищем. На одном изображении его голова и передняя часть туловища выкроены из красного, а задняя часть - из желтого войлока. На втором изображении у животного светлая передняя и красная задняя части туловища. Фантастический зверь увенчан закрученными внутрь рогами с шариками на концах. У него острое ухо, два завитка на загривке, небольшое острое крыло, оскаленная пасть, задранный нос и миндалевидный глаз, лапы на мягких подушечках с одним боль-

шим острым когтем, небольшой закрученный на спину хвост оканчивается стилизованной головкой грифона. На крупе вырезан традиционный знак - "точка в скобках". Особый колорит изображению этого зверя придают рога, показанные анфас. Прием изображения рогов анфас, а самого животного в профиль особенно характерен для искусства Египта. Он известен также по росписям на мидийских сосудах (Тепе-Сиялка) начала I тыс. до н. э. [Всемирная история, 1956, т. 1, с. 592], а также на кафелях в Сузах (VI в. до н. э.), где сохранилось изображение львиного грифона с рогами барана анфас [Руденко, 1968, с. 80, рис. 69]. Возможно, такая манера передачи рогов была заимствована пазырыкцами из переднеазиатского искусства*. Изображенный на рассматриваемом покрытии седла зверь соответствует образу волка в пазырыкском искусстве - достаточно взглянуть на его вздернутый нос, оскаленную пасть, острое ухо, выделенный завитками загривок и короткий хвост (см. рис. 3, 4). Дополнением к нарядному покрытию седла служат шесть войлочных изображений головок баранов, пришитых по три с каждой стороны. Ажурную головку барана вырезали из тонкого красного войлока и затем пришили к желтой войлочной основе, сшитой из многих кусочков (см. рис. 3, 4; 6). Войлочное изображение головы барана имеет прямые аналоги среди находок из Первого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. CVII, 3; CXII].

Особенности анализируемых войлоков

Укокские войлоки в отличие от обнаруженных ранее в больших курганах (Пазырыкских, Втором Башадарском, Туэктинских) делали с использованием верблюжьей шерсти. По этнографическим материалам известно, что сырьем для изготовления войлоков была в основном шерсть овец. "Шерсть верблюдов, коз, сарлыков, конский волос, - пишет Н.Л. Жуковская о традиционных занятиях монголов, - для этой цели не годятся, т.к. не содержат клейкого слизистого фермента, позволяющего сбить ее в плотную массу" [1989, с. 254]. Алтайцы при производстве войлоков использовали козью и верблюжью шерсть. Верблюжьей шерсти приписывали особые магические свойства. Например, согласно поверьям узбеков Хорезма, шерсть верблюда отгоняла злых духов [Соколова, 1972, с. 180]. Надо полагать, верблюды входили в состав стада южных пазырыкцев. Это подтверждают петроглифы Укока скифского времени, среди которых встречаются изображения двугорбых верблюдов с наездником и без него [Черемисин, Слюсаренко, 1994,

* Такой же прием изображения рогов животных известен на петроглифах бронзового века - на плите, обнаруженной у пос. Озерное (см. [Молодин, Погожева, 1990, с. 167 - 177]).

с. 57, рис. 42 - 44; с. 61, рис. 52]. Кроме того, верблюды запечатлены на деревянной диадеме из кургана 1 могильника Уландрык-1 [Кубарев, 1987, с. 115, рис. 45, 4], на бронзовых зеркалах из кургана 16 могильника Малтагу IV (Юго-Восточный Алтай) [Кубарев, 1992, с. 89, рис. 27, 1], кургана 3 могильника Узунтал III [Савинов, 1978, с. 52, рис. 2], кургана 2 могильника Тыткескен VI.

Одна из разновидностей дикого верблюда (*Camelus bactrianus bevus*) была открыта Н.М. Пржевальским. Его родиной, по мнению путешественника, была пустыня Кум-тау, область распространения - низовья р. Тарим, оз. Лобнор, пустыни Хами и Цайдам [1948, с. 49 - 51]. Пазырыкцы могли знать как дикого, так и одомашненного верблюда. Юг Алтая, примыкающий к Монголии, Синьцзяну, Казахстану, был традиционно верблюдоводческим районом. Русские исторические документы засвидетельствовали верблюдоводство у алтайцев в XVIII в. Теленгиты изображали верблюдов даже на шаманских бубнах [Потапов, 1949, с. 130]. Территория Кош-Агачского р-на Республики Алтай и в настоящее время является местом разведения верблюдов. Значение верблюдов в жизни южных пазырыкцев в древности было огромным; ведь только благодаря этим двугорбым животным они осуществляли переходы по безводным пустыням Центральной Азии, в частности, по тому отрезку Шелкового пути, который связывал Джунгарию и Южную Сибирь [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 246]. Имея верблюдов, пазырыкцы могли участвовать в торговых караванных маршрутах как в северо-западные районы Китая, так и в Среднюю Азию.

Судя по находкам из пазырыкских курганов, древние кочевники Алтая изготавливали разный по качеству войлок: от толстого и рыхлого до похожего на современный фетр. Пазырыкцы находили ему самое неожиданное применение: из него делали кольца-подставки под круглодонную посуду, женщины укладывали войлок в прическу и парик, им буквально устилали погребальные камеры. Образно говоря, кочевник рождался на войлоке, жил в его теплом окружении, умирал и уходил на нем же в иной мир.

Значение войлоков в древней и традиционных культурах кочевых народов

Войлок пазырыкцы использовали чрезвычайно экономно и бережно, не допуская потерь: практически все вещи, большие (покрытия стен и пола камер, дна колоды и т.п.) и маленькие (чулки, покрытия седел, подвески к седлам и т.п.), сшиты из нескольких кусков или кусочков. Все обрезки собирали и утилизировали. Например, при шитье сумочки для зеркала, сохранившейся в женском погребении кургана 1 могильника Ак-Алаха-3, были использованы обрезки

зубчатого фестона от покрытия одного из седел, обнаруженных на этом же памятнике. А украшением этой сумочки стал кусочек войлока - часть аппликации, которая была пришита к верхнему краю чулок этой же женщины.

Традиция изготовления войлоков не менялась веками*. Вот что пишет о их выделке в Ордосе Г.Н. Потанин: "...смоченную горячей водой шерсть раскладывают по готовому войлоку, свертывают последний в трубку, обвязывают трубку веревкой и потом, приподнимая трубку на воздух, бросают ее на землю, повторив это много раз; вновь разворачивают трубку, sprыскивают слежавшуюся шерсть горячей водой и катают ее как бы стирая" [1950, с. 132]. Так же, скорее всего, выглядел процесс производства войлока у пазырыкцев.

В культурах кочевников процесс кошмоваания символизировал новое рождение. У алтайцев старая кошма, на которой раскладывали предназначенную для валяния шерсть, называлась *эне-кис* - мать-войлок, а новый войлок - *бала-кис*, т.е. дитя-войлок [Львова и др., 1998, с. 118 - 119]. Как считали алтайцы, верховные божества, вырезая и сшивая, создавали обитаемый мир [Там же, с. 107 - 108]. Женщины в процессе кроя войлока и тканей повторяли работу демиурга в масштабах собственного домашнего мирка. Большое значение придавалось шерстобитной палочке, которой женщины сбивали тщательно очищенную шерсть. О чудесных свойствах шерстобитного прутка существует бурятский миф, суть которого сводится к тому, что бабушка дает пруттик герою сказания и тот забывает им до смерти чудовище, которое нельзя было победить ни мечом, ни стрелами [Уланов, 1975, с. 112]. Для изготовления лучших сакральных вещей отбиралась белая шерсть. Процесс ее сбивания специальными палочками напоминал взбивание молока. Оба эти действия в мифологии тюркских народов связывались с космогоническим актом, в котором использовались мешалки [Сагалаев, 1992, с. 41].

Войлок (преимущественно белый) был одним из важнейших атрибутов существовавшего у кочевников древнего обряда вознесения на войлоке при возведении на престол нового государя. «Провозглашенного ханом султана сажали на белый тонкий войлок, который должен был символизировать чистоту его намерения, происхождения и богатства его рода, и наиболее влиятельные лица ханства из султанов и биев трижды приподнимали его за концы, провозглашая: "Хан! Хан! Хан!". Едва белый войлок с ханом касался степной травы, как он снова подхватывался подбегающей толпой, которая вновь поднимала и опускала

* Подробнее об этом см. статью И.В. Октябрьской, Д.В. Черемисина в этом номере журнала.

войлок на землю. Затем войлок, служивший как бы треном, разрывали на мелкие части, и всякий старался унести лоскуток на память того, что он был участником торжественного провозглашения хана» [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 353].

Пользовались войлоком и в том случае, когда хотели с кем-то расправиться. Марко Поло, рассказывая о казни монгольского князя Наяна, сообщает, что его завернули в войлок, «да так плотно свили, что он умер» [1997, с. 247].

В культуре монголов и других скотоводческих народов магическая символика шерсти связана с плодородием и богатством. Ярким выражением этой связи стали войлочные идола - охранители стад древних монголов. «...У них есть какие-то идола из войлока, сделанные по образу человеческого, - писал Плано Карпини, - и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота... Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного!» [1997, с. 35] Это едва ли не единственное упоминание о бесследно исчезнувшей войлочной скульптуре у скотоводческих народов, которая была, вероятно, чрезвычайно значимым атрибутом их жизни. В Пятом Пазырыкском кургане найдены объемные фигурки лебедей из войлока. Вероятно, изделия такого рода были обычны для пазырыкцев, но они редко попадали в могилы.

Пазырыкские войлоки - это прежде всего аппликации. Традиции их изготовления сохранились у современных казахов и киргизов [Муканов, 1981, с. 35; Джанибеков, 1990, с. 149] и некоторых народов Кавказа - карачаевцев, карангайцев, балкарцев [Студеницкая, 1978, с. 109]. Пазырыкцы знали разные способы украшения войлочных изделий: аппликацию из войлока и кожи, технику мозаики (инкрустации), вышивку, обшивание каждой аппликации по контуру шнуром (как на казахских сырмаках). При этом они никогда не использовали такие приемы, как вваливание рисунка из окрашенной шерсти в подготовленную основу и накладывание узоров на нескатанную шерсть. Эти способы нанесения рисунка, получившие много позже распространение у туркмен и других народов, не позволяли получать четкий контур и создавать сложные композиции и поэтому, вероятно, не вошли в практику пазырыкцев, чья художественная манера основывалась на выразительном и детализированном изображении. Казахам, киргизам, алтайцам, а также карачаевцам, балкарцам, нагайцам называют наследниками пазырыкцев, сохранившими до настоящего времени традицию изготовления аппликаций из войлоков [Там же, с. 111]. Возможно, что «островки» этого производства в Средней Азии

и на Кавказе - часть индоиранского наследия в тюркском мире.

Собственно тюркским может быть назван орнамент, созданный путем наложения шнура. Впервые этот уже отработанный прием украшения войлоков был зафиксирован у сюнну на войлочных коврах из 6 и 25-го Ноинулинских курганов [Руденко, 1962, с. 56]. Ковры украшены с помощью простегивания - приема, который ранее не использовался пазырыкцами. Эти способы орнаментации войлока были позже широко распространены у тюркских и монгольских народов (калмыков, монголов, бурят, тувинцев, казахов, карангайцев).

К настоящему времени войлочные аппликации полностью утратили одно из своих назначений, которое в древности было их сутью, - войлок использовался как поверхность для изображения мировоззренческих и мифологических представлений в сюжетных композициях (с фигурами людей, фантастических и реальных зверей, птиц и рыб). Растительный и зооморфный орнаменты, часто воспроизводившиеся пазырыкцами на таких панно, играли как бы вспомогательную роль.

В XIII в. Г. де Рубрук, путешествуя по казахским степям, был поражен большим количеством войлочных повозок, украшенных «красивой и разнообразной живописью» (надо полагать, так смотрелись войлочные аппликации). «Они сшивают, - отмечал он, - цветной войлок или другой, составляя лозы и деревья, птиц и зверей» (цит. по: [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 207]). Но под влиянием ислама, запрещавшего изображать живые существа, в искусстве тюркских народов (киргизов, казахов, татар, узбеков) сюжетные композиции постепенно были полностью вытеснены орнаментальными. Современные цветные аппликации из войлока покрыты зооморфными изображениями, главным образом стилизованных рогов, растительным или геометрическим орнаментом. Эти декоративные панно, хотя каждый элемент рисунка имеет глубокий смысл, не несут той семантической нагрузки, которой обладали древние войлоки.

Наиболее древние войлоки, которым около 4 тыс. лет, найдены в Синьцзяне, в погребениях могильника Гу-му-гоу в районе оз. Лобнор. Там обнаружены также войлочные шапки конической формы [Wang, 1996, p. 64]. Головные уборы, чулки, куклы из войлока были распространены у европеоидного населения оазисов Восточного Туркестана и позднее [Литвинский, Лубо-Лесниченко, 1995, с. 271 - 275 и др.]. Они сохранились благодаря сухому климату, особенностям почвы этого района, а также специфике погребального обряда. Менее древние (VI - II вв. до н. э.) войлочные изделия пазырыкцев настолько совершенны в художественном отношении, разнообразны по качеству выделки и способам декорирования, что не позволяют

сомневаться в длительной, уходящей в эпоху бронзы истории развития. Кажется вполне вероятным, что валяные кошмы появились в бронзовом веке в среде скотоводов Евразии. Сегодня войлочные изделия - принадлежность главным образом тюркских и монгольских народов. В древности же их производство впервые было освоено, вероятно, скотоводческими племенами индоиранцев. В греческих письменных источниках упоминаются войлочные плащи всадников-кас, закрывавшие голову почти целиком, и тиары мидийцев и персов [Ксенофонт, 1993, VIII, III, 6, 13].

Очень похожие на пазырыкские войлочные изделия (ковры с аппликациями и одежда) найдены в принадлежавших высшей хуннской знати Ноинулинских курганах I в. н. э. [Руденко, 1962, с. 40 - 44, 56 - 57]. Это не удивительно, поскольку прототюрки, как известно, долгое время находились в непосредственной близости к ираноязычным племенам и могли усвоить от них традицию украшать войлочные изделия аппликацией.

Заключение

Войлочные изделия были неотъемлемой частью повседневной жизни скотоводов, обеспечивали ее возможным комфортом. Из войлока изготавливали огромное количество разных вещей: покрытия для переносных жилищ, ковры, которыми покрывали пол и стены, матрасы, подушки, сумки, мешочки, коврики, одежду (шапки, плащи, кафтаны, чулки), потники и покрытия седел. О монголах Г. де Рубрук писал: "Из более грубой шерсти они делают войлок для покрытия своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также с примесью третьей части конского волоса они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя, таким образом они издерживают много шерсти" [1997, с. 98].

Коллекция войлоков из курганов Укока подтвердила высокий профессионализм пазырыкцев в изготовлении шерстяных валяных кошм и в искусстве их украшения. Сохранившаяся малая часть пазырыкских войлоков - свидетельство достигнутого совершенства, некий итог, которому предшествовал период становления и развития этого производства, не связанный с пазырыкской культурой. Вполне возможно, что на таком же высоком уровне находилось изготовление войлоков и в раннескифскую эпоху. Древнее производство войлоков не оставило никаких следов. Оно, как известно, не нуждается в специальных инструментах, а сами войлоки, как и изделия из них, - вещи очень недолговечные. Иногда они чудом сохранялись в древних могилах. И эти находки подтверждают вывод исследователей - изобретение войлоков - дости-

жение древней культуры скотоводов [Хлопин, 1980, с. 35 - 36].

Значение пазырыкских войлоков в том, что они являются "верхней видимой частью айсберга", по которой можно судить о бесследно исчезнувшем пласте культуры скотоводов Евразии. Чудом сохранившиеся пазырыкские войлоки дают нам представление о кочевом мире, каким он был в свои лучшие времена.

Список литературы

- Всемирная история.** - М.: Госполитиздат, 1956. - Т. 1. - 887 с.
Всемирная история. - М.: Госполитиздат, 1956. - Т. 2. - 738 с.
Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. - М.: Мысль, 1997. - С. 88 - 188.
Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. - Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. - 89 с.
Джанибеков У. Эхо... - Алма-Ата: Онер, 1990. - 304 с.
Жуковская Н.Л. Монголы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. - М.: Наука, 1989. - С. 233 - 261.
Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. - Алма-Ата: Рауан, 1992. - 373 с.
Книга Марко Поло. - М.: Мысль, 1977. - С. 192 - 379.
Ксенофонт. Киропедия. - М.: Науч.-изд. центр "Ладомир"; Наука, 1993. - 329 с.
Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск: Наука, 1987. - 300 с.
Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск: Наука, 1992. - 141 с.
Литвинский Б.А., Лубо-Лесниченко Е.И. Погребальные памятники // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М.: Изд. фирма "Восточная литература", 1995. - С. 255 - 359.
Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. - М.: Изд. фирма "Восточная литература", 1994. - 322 с.
Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск: Наука, 1988. - 224 с.
Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. - 1990. - № 1. - С. 167 - 177.
Муканов М.С. Казахская юрта. - Алма-Ата: Кайнар, 1981. - 223 с.
Плано Карпини. История монголов. - М.: Мысль, 1977. - С. 30 - 85.
Полосьмак Н.В. "Стережущие золото грифы". - Новосибирск: Наука, 1994. - 122 с.
Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральной Монголии. - М.: Географгиз, 1950. - 649 с.
Потапов Л.П. Героический эпос алтайцев // СЭ. - 1949. - № 1. - С. 130.
Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет. - М.: Географгиз, 1948. - 403 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. - 349 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - 203 с.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. - М.: Искусство, 1968. - 121 с.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. - 1978. - Вып. 154. - С. 48 - 55.

Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. - Новосибирск: Наука, 1992. - 175 с.

Ситникова Е.Е. О некоторых предметах быта в традиционной обрядности южных алтайцев // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. - Препринт. - Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1986. - С. 84 - 94.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. - М.: Наука, 1972. - 213 с.

Студеницкая Е.Н. Узорные войлоки Кавказа (в свете исторических связей народов Кавказа и Азии) // СЭ. - 1978. - № 1. - С. 105 - 111.

Уланов А.И. Об этапах развития бурятского фольклора // Фольклористика Российской Федерации. - Л.: Наука, 1975. - С. 72 - 150.

Хлопин И.Н. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. - 1980. - Вып. 161. - С. 31 - 36.

Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бертекская писаница // Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск: Наука, 1994. - С. 49 - 60.

Wang B.-H. Excavation and preliminary studies of the ancient mummies of Xinjiang in China // Human mummies. - Wein; N.Y., 1996. - P. 59 - 69.

Материал поступил в редколлегию 15.02.99 г.

В.И. Молодин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: bronz@iug.nsc.ru*

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХ-КАЛЬДЖИН I И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ПОТЕПЛЕНИЯ КЛИМАТА

Циклические изменения климата на планете, имевшие место в голоцене [Хотинский, 1977], неизбежно накладывали отпечаток как на природные условия, так и на жизнедеятельность человека. Привлечение знаний об этих изменениях в ходе археологических исследований способствует правильному пониманию природно-климатической ситуации в регионе, на фоне которой существовала та или иная культура, а также позволяет объяснить некоторые социальные и экономические процессы, характерные для того или иного сообщества. Примером такого анализа культур Западно-Сибирского региона являются исследования М.Ф. Косарева [1971, с. 39 - 50].

В настоящей статье речь пойдет не столько о циклическости климата в прошлом, сколько о ее проявлении в настоящем и будущем.

Комплексные исследования голоценовых отложений демонстрируют десять ритмов колебаний климата по 1 тыс. лет каждый. В свою очередь, каждый такой ритм включает два интервала продолжительностью по 500 - 600 лет, каждый интервал включает две фазы: тепло-сухой, тепло-влажной и холодно-влажной, холодно-сухой [Левина, Орлова, 1993]. По историческим сведениям в позднем голоцене выявлена следующая последовательность: с середины V до IX - X вв. - холодный климат, с IX - X - до середины XVI в. - климатический оптимум средневековья, во время которого средняя температура повысилась на 1,3 - 1,6 °C [Варущенко, 1985, с. 15], с середины XVI до конца XIX в. - похолодание [Монин, Шишков, 1998, с. 252 - 255]. После началось последнее потепление климата, близкое по термическим параметрам к потеплению периода раннего средневековья*. О глобальном потеплении свидетельствуют записи темпе-

ратуры, которые ведутся в различных точках Земного шара с 1860 г. Анализ этих данных показал, что средняя температура на планете за этот период повысилась примерно на 0,5 - 0,7 °C [Титлянова, 1999, с. 6]. Об этом же свидетельствуют данные мониторинга, демонстрирующие широкое распространение современной деградации криолитозоны, что вызвано повышением температуры воздуха и возрастанием снегоотложений. Согласно прогнозам, к 2020 г. возможно умеренное потепление климата, а к 2050 г. деградация криолитозоны может стать повсеместной [Павлов, 1999, с. 28].

Изучение динамики климатических колебаний в голоцене не только представляет чисто научный интерес, но и приобретает сегодня большую практическую значимость [Архипов и др., 1998, с. 26], поскольку на планете наблюдается глобальное потепление климата. Проведенные исследования показывают, что есть все основания предполагать возможность значительного потепления климата при увеличении концентрации парниковых газов в атмосфере Земли [Балобаев, 1997, с. 90]. Государства, территории которых расположены в зоне высоких широт, весьма обеспокоены этой проблемой. Анализом вероятных последствий потепления на планете занимаются научные коллективы разных стран, в том числе России. По данным С.Е. Гречищева, глобальное потепление климата приведет в зоне вечной мерзлоты к изменению теплообмена на земной поверхности и к сдвигке физико-химического равновесия во всей толще многолетнемерзлых пород [1997, с. 59]. В ближайшие 25 лет полное оттаивание вечной мерзлоты со всеми вытекающими отсюда последствиями ожидается в зоне шириной порядка 100 км [Там же, с. 65]. Причем глобальное потепление будет происходить очень быстро. Ожидаемый темп изменения температуры на 4 - 5 °C за 100 лет может привести к катастрофическим

* Подробнее об этом см. статью В.С. Зыкина, В.С. Зыкиной, Л.А. Орловой в этом номере журнала.

изменениям [Балобаев, 1997, с. 88]. Нетрудно представить, что в таком случае может произойти со значительным количеством “замерзших” курганов: лед в них растает, а все хранившиеся в погребениях более 2 тыс. лет уникальные предметы погибнут.

Подобное явление, когда лед, находившийся в погребальной камере, в силу определенных обстоятельств растаял и большинство предметов подверглось разрушению, мы имели возможность наблюдать при раскопках на Укоке. Судя по слою промороженной почвы и чудом сохранившимся деревянным украшениям, “замерзшим” был и курган Кутургунтас, исследованный Н.В. Полосьмак [1994б]. В связи с проблемами потепления, изменения состояния некогда “замерзших” курганов и опасностью утраты хранившихся там уникальных и высокохудожественных изделий очень интересен памятник Верх-Кальджин I.

В 1994 г. возглавляемый нами Западносибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН продолжил планомерные исследования разновременных и разнокультурных памятников в северной части плоскогорья Укок (Кош-Агачский р-н, Республика Алтай). Одним из объектов, исследованных в этот полевой сезон, был одиночный курган пазырыкской культуры Верх-Кальджин I, расположенный на правом берегу р. Кальджин в 4 км к юго-западу от места ее впадения в р. Ак-Алаху. Курган находился на высоте около 2 400 м над уровнем моря и гармонично вписывался в обычный для Укока ландшафт высокогорной тундры. Края насыпи были довольно сильно задернованы, что делало объект слабо приметным каменным всхолмлением. После удаления дерна выяснилось, что ширина конструкции по линии север - юг составляет 13,48 м, а по линии запад - восток - 13,1 м. Высота кургана над уровнем современной дневной поверхности достигала 17 см. Освобожденная от почвенного слоя каменная конструкция в плане имела неправильную геометрическую форму (рис. 1) и маркировалась камнями ограды, более крупными, чем камни собственно насыпи. Таким образом, сооружение в виде неправильного шестиугольника шириной 1,4 м, вероятно, повторяло по форме деревянную срубную конструкцию, бытовавшую в домостроительстве у пазырыкцев. Отметим, что сооружения геометрической в плане формы уже находили в пазырыкских комплексах не только на Укоке [Кубарев, 1987, с. 230].

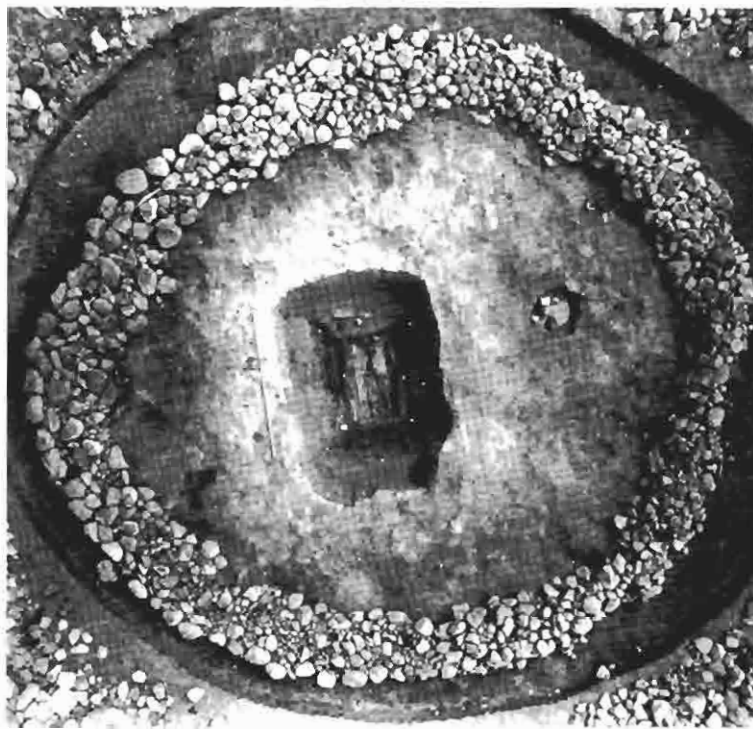

Рис. 1. Вид на ограду кургана и частично расчищенное захоронение кургана № 1 памятника Верх-Кальджин I.

Исследованный памятник примечателен не столько обнаруженными здесь интересными предметами из дерева и ткани, сколько особенностями мерзлоты в погребальной камере. Дело в том, что феномен образования мерзлотных линз в отдельных погребальных памятниках Укока пока полностью не разгадан, хотя уже сделаны ценные наблюдения и установлены определенные закономерности.

Полученные при изучении погребального комплекса Верх-Кальджин I источники достаточно специфичны. Рассматриваемый памятник представляет собой одиночный курган без сопутствующих балбалов и ритуальных выкладок. Сооружение каменного панциря осуществлялось по принципу, зафиксированному нами при исследовании других памятников пазырыкской культуры на Укоке [Молодин, 1992, с. 103 - 106]. Прослежена трехслойная насыпь. Ее нижний слой, состоящий из крупных каменных валунов, находится в специально подготовленном котловане, который образовался в результате удаления погребенной почвы внутри о контуренной каменной оградой кургана. Средний слой состоял из мелкого галечника, а верхний - из валунов средних размеров. Погребальная камера размерами 4,05 x 3,18 м расположена в центральной части конструкции. Она подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами, ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Важно подчеркнуть, что могила сооружена в слое плотного суглинка, несомненно способствовавшего аккумуляции влаги в

Рис. 2. Процесс расчистки погребальной камеры.

Рис. 3. Погребальная камера после расчистки.

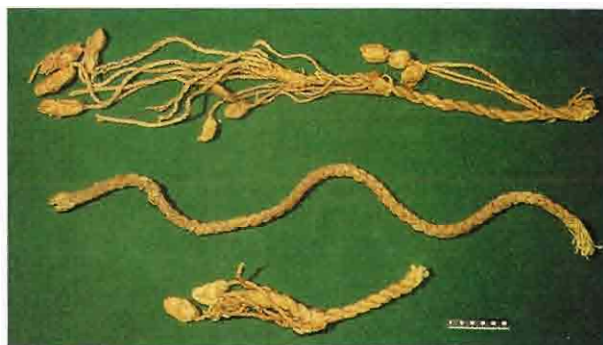

Рис. 4. Украшение лошади (вверху), фрагменты опояски (в центре и снизу).

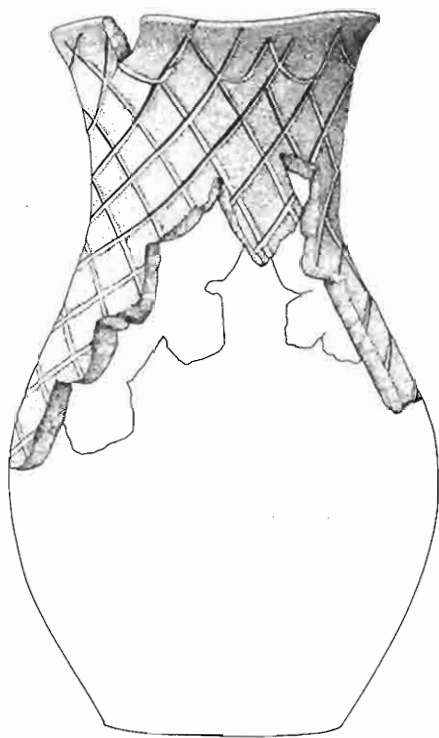

Рис. 5. Сосуд из погребения памятника
Верх-Кальджин I.

погребальной камере. Могильная яма заполнена рыхлым, местами промерзшим суглинком с включением крупных валунов. По мере углубления в погребальную камеру отмечалось усиление влажности грунта. Его оттаивание происходило в условиях естественного прогревания почвы без применения какого-либо дополнительного воздействия. На дне погребальной камеры обнаружен бревенчатый сруб с примыкающей к нему с севера деревянной конструкцией, в которой находился труп лошади. Грунт на дне оказался переувлажненным, сильно промерзшим, при оттаивании он превращался в жидкую грязь.

Трехвенцовый сруб сохранился очень плохо. Особенно пострадали плахи перекрытия и верхнего венца. Они были сильно деформированы, а часть древесины просто разложилась (рис. 2). Хорошее состояние нижнего венца позволяет уверенно говорить, что сруб был сооружен из расколотых повдоль полубревен. Пол камеры полностью выстлан мощными плахами. Можно сделать вывод, что основание сруба было размерами 280 x 190 см. Очень плохая сохранность верхней части погребального сруба и вполне удовлетворительная нижней объясняется тем, что смерзшийся грунт, некогда сковывавший всю погребальную камеру, постепенно оттаивал и по существу сохранялся только на уровне пола. По мере оттаивания грунта изделия из дерева (в том числе сруб), ткани, войлока и т.д. разлагались и превращались в прах. Более того,

периодические перепады температуры от плюсовой к минусовой явились причиной того, что даже сохранившиеся до наших дней вещи, кости человека и отдельные детали сруба были разорваны льдом, а некоторые вообще погибли.

Что же дошло до нашего времени из заполнения погребальной камеры? У южной ее стенки обнаружен скелет человека очень плохой сохранности (рис. 3). В ходе мерзлотных процессов кости человека, ставшие в результате длительного пребывания в воде темно-коричневыми, сильно деформировались и сместились. Частично сохранились мягкие ткани ног с фрагментами кожи. Под погребенным выявлены фрагменты меха (скорее всего остатки подстилки), куски ткани малинового цвета (остатки юбки?). У северо-западной и южной стенок могилы, примерно на уровне пояса, обнаружены куски плетеного жгута - возможно опояска (рис. 4). По определению антрополога Т.А. Чикишевой, в могиле была похоронена женщина в возрасте 35 - 40 лет. Умершая была положена на правый бок в слабо скорченном положении, головой на запад. По обеим сторонам от нее обнаружены неплохо сохранившиеся деревянные брусья (см. рис. 3), подпрямоугольные в разрезе, длиной около 170 см. Предположительно это остатки погребальных носилок, на которых и покоилось тело. Брусья носилок были скреплены, вероятно, куском ткани или войлока, который не сохранился. Брусья не могли быть основой деревянного помоста, типичного для пазырыкских комплексов рядовых членов сообщества, поскольку от них осталась хотя бы древесная труха. В северо-западном углу погребальной камеры обнаружен раздавленный на мелкие кусочки глиняный сосуд. Керамическое тесто было пропитано влагой и крошилось даже при прикосновении (реставратору института О.Л. Швецу удалось склеить верхнюю часть сосуда, рис. 5). Это был типичный для пазырыкской культуры образец горшковидной формы с плоским дном, плавно изогнутым венчиком, выраженной шейкой и широким туловом. Вся поверхность сосуда покрыта сетчатым узором, прочерченным палочкой по сырой глине. Край венчика оконтурен волнообразным бордюром, нанесенным тем же способом. Сосуды аналогичной формы являются типичными для погребальных памятников пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, с. 42 - 48], представлены они и в исследованных памятниках Укока [Полосьмак, 1994б, рис. 100]. Достаточно типичен для культуры пазырыкцев и отмеченный способ нанесения орнамента [Кубарев, 1990, табл. VI]; он представлен на сосудах с плоского-рья Укок [Молодин и др., 1993, с. 21 - 49]. Любопытно, что орнаментальные композиции или отдельные изображения животных и птиц, нанесенные способом прочерчивания по сырой глине, практически не повторяются и являются, таким образом, единичными

Рис. 6. Железные удила и остатки деревянных псалий.

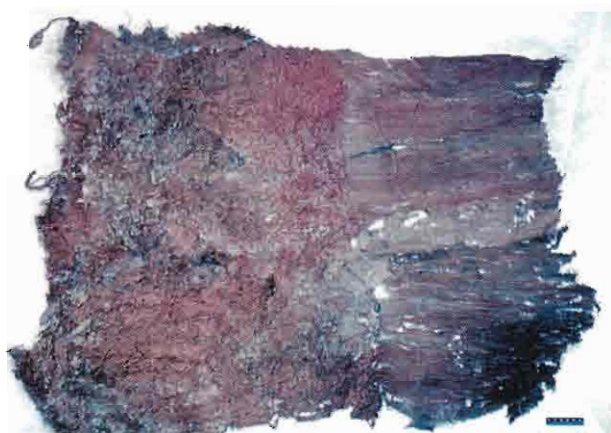

Рис. 8. Попона.

Рис. 9. Подпружный ремень с роговой пряжкой.

Рис. 7. Деревянные дощечки с отверстиями.

Рис. 10. Деревянные застёжки для пут.

образцами декоративно-прикладного искусства, семантический смысл которых еще предстоит объяснить.

В северной части погребальной камеры между плахами пола обнаружены сильно деформированные части деревянного блюда. Изделие, видимо, имело овальную в плане форму, невысокий бортик и четыре вставные ножки. На блюде имеются следы от ножа, которым резали мясо. Аналогичные предметы были обнаружены и в других погребальных комплексах пазырыкской культуры, причем не только в “замерзших”, однако фрагменты изделия между плахами пола зафиксированы, пожалуй, впервые. Рядом с фрагмента-

ми блюда находились косточки, относящиеся к курдючной части барана, которую пазырыкцы традиционно оставляли в качестве ритуальной сопроводительной пищи. В нижней части погребальной камеры было найдено несколько деревянных миниатюрных шпилек клиновидной формы с небольшим пазиком в торцевой части. Этими шпильками, вероятно, закреплялся войлок, покрывавший пол в погребальной камере (по крайней мере в южной части). К северной стенке погребальной камеры был пристроен отсек, перекрытый бревенчатым накатом. Под ним находился труп лошади, сопровождавшей умершего всадника (см. рис. 3). В данном отсеке температура была значительно ниже,

Рис. 11. Деревянная перевязь in situ.

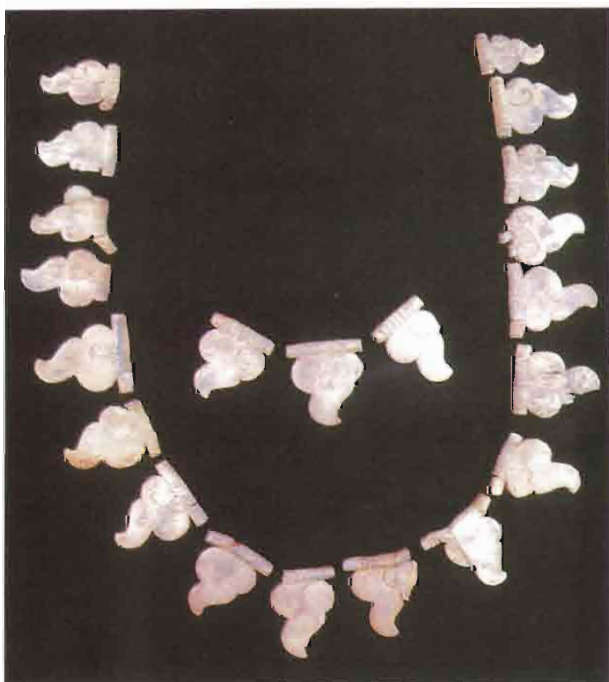

Рис. 12. Деревянные бляхи перевязи.

Рис. 13. Подвеска в виде клыка кабана.

чем в срубe, поскольку эта часть камеры находилась в тени. Здесь значительно лучше, чем в других местах погребения, сохранились изделия из дерева и ткани; обнаружены также остатки шерсти, внутренностей, копыт и заплетенный в косу хвост лошади. Все это свидетельствует о том, что рассматриваемая погребальная камера находилась в замерзшем состоянии, очевидно, до недавнего времени. Причину ее размораживания правильнее всего связывать с последним глобальным потеплением климата на планете [Hohghton, Ienkons, Ephranm, 1990; Будыко, Ефимова, Лучинина, 1993, с. 26 - 28]. Совершенно очевидно, что если бы наши раскопки состоялись позже, то мы никогда не увидели бы предметов из дерева и ткани не только в основной погребальной камере, но и в отсеке, где была похоронена лошадь. Аргументом в пользу данного вывода является степень сохранности деревянных псалий, обнаруженных вместе с железными удилами в пасти лошади (рис. 6). Псалии сохранились лишь частично, одна их часть уже разложилась и полностью утрачена. Деревянные бляхи, украшавшие грудь лошади, также различаются по степени сохранности, некоторые из них сильно изменились в размерах и деформировались. Состояние этих находок наглядно свидетельствует о губительном влиянии глобального потепления климата на сохранность погребальных комплексов с мерзлотой и наличии реальной угрозы их утраты.

Итак, благодаря мерзлоте в отсеке с лошастью были обнаружены наиболее впечатляющие находки. Как отмечалось, в пасти лошади находились железные кольчатые удила - типичное изделие для погребального инвентаря пазырыкских памятников [Кубарев, 1987, с. 31 - 32]. Два частично сохранившихся деревянных псалия украшены с одной из сторон изображением сильно стилизованной головки грифона (см. рис. 6). Аналоги данным предметам мы находим в погребальном комплексе памятника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 1994б, рис. 64]. Под черепом животного найдены три деревянные дощечки подчетыреугольной формы с отверстиями (рис. 7). Назначение предметов неясно. На голове лошади некогда было оригинальное изделие из плетеных веревок с характерными шариками малинового цвета на концах (см. рис. 4). Украшение прекрасно сохранилось, и его почти полностью удалось извлечь из погребения. Аналогичное изделие, правда, значительно более сложное и несомненно более эффектное, обнаружено Н.В. Полосьмак здесь же, на Укоке, в погребении комплекса Ак-Алаха-3 [1994а, с. 3 - 8]. При захоронении спина лошади была покрыта попоной из ткани в виде четырехугольника (рис. 8). Одна ее половина изготовлена обычным способом, другая выполнена так называемым петельчатым плетением, благодаря чему покрывало выглядит красиво и оригинально. Край по-

поны, расположенный у хвоста, обшит шерстяной веревочкой с шариками на концах. Именно в этой части попоны, к сожалению, пострадала более всего. Изделие уникально и не имеет аналогов в пазырыкских комплексах. Что же касается петельчатого плетения, то оно достаточно типично для пазырыкских тканей [Руденко, 1968, рис. 44, с. 62]. Попона частично перекрывала войлочное седло, представленное растительной набивкой в виде травяной трухи. Прекрасно сохранился подпружный ремень, сплетенный из толстых шерстяных нитей (рис. 9). На одном конце ремня имелась костяная пряжка, на другом - узел. Подпруга при погребении была распущена. Пряжка имеет аналоги среди находок из пазырыкских комплексов [Полосьмак, 1994б, рис. 68] и является классическим образцом подобных изделий, характерных для эпохи в целом. Под остатками содержимого брюшной полости животного обнаружена пара деревянных креплений пут, также типичных для пазырыкских комплексов (рис. 10). Грудь лошади при погребении была украшена перевязью (рис. 11), состоящей из массивных деревянных подвесок в виде стилизованного изображения головы грифона (рис. 12). Аналоги таким бляхам известны в ряде комплексов пазырыкской культуры [Руденко, 1960, табл. LXXI, 7, 2]. Интересно, что костяные аналоги этих подвесок обнаружены в погребениях большереченской культуры [Троицкая, Бородавский, 1994, табл. XXV, 8, 10]. Примерно в центре перевязи была помещена массивная черная подвеска в виде клыка кабана (рис. 13). Данное украшение также типично для пазырыкских комплексов. Между стеной сруба и лошастью на уровне седла найдена деревянная рукоять плети. Плеть была атрибутом погребальной практики пазырыкцев.

В рассматриваемом комплексе выявлена конструктивная особенность, в общем-то не характерная для пазырыкских захоронений. Речь идет о сооружении из бревен, примыкающем к западной части сруба. После снятия навала хорошо сохранившихся бревен была обнаружена полость, заполненная льдом. Лед лежал на куске войлока черного цвета. Здесь же находилась деревянная шпилька. Назначение этого отсека неизвестно, но очевидно, что он был создан преднамеренно. Это единственная часть погребальной камеры, где сохранилась линза льда, поскольку и в летнее время эта часть могилы была наиболее затенена.

Какие выводы можно сделать из всего сказанного? Во-первых, перед нами классический погребальный комплекс пазырыкской культуры; об этом свидетельствуют погребальный обряд и вещественный набор. Очевидно, что это погребение рядового члена пазырыкского сообщества - в нем достаточно тривиальный инвентарь, отсутствуют металлические изделия и фрагменты золотой фольги, обкладки

деревянных предметов. Если бы не мерзлота, то мы обнаружили бы в захоронении только два предмета - железные удила и глиняный сосуд. Наиболее яркой находкой является несомненно попона (см. рис. 8). Благодаря мерзлоте этот в общем-то рядовой археологический объект познакомил нас с замечательными и даже уникальными изделиями из дерева и ткани, возраст которых составляет 2,5 тыс. лет. Во-вторых, перед нами комплекс, который наглядно демонстрирует разрушительное влияние глобального потепления климата на памятники с мерзлотой [Молодин, 1998, с. 156 - 158]. Напомним, что повышение температуры на планете приведет к серьезным экологическим изменениям в регионе и площадь мерзлоты в России, по оценкам отдельных специалистов, сократится более чем вдвое [Anisimov, 1989, p. 285 - 293]. В этих условиях целый ряд погребальных комплексов с мерзлотой, например, на Алтае (и не только на Укоке), будет безвозвратно утерян для науки и человечества вообще. Яркое и наглядное свидетельство тому - публикуемый в данной статье комплекс. Если бы раскопки его проводились лет 10 - 15 назад, то мы обнаружили бы и другие замечательные предметы из войлока, ткани или дерева. Опоздай мы еще лет на десять - вряд ли успели бы найти еще что-либо, кроме сосуда и железных удила.

Таким образом, очевидно, что изучение пазырыкских древностей со льдом на Укоке в высшей степени актуально не только в плане получения исключительно информативного материала, но и с точки зрения необходимости охранных раскопок, спасения для науки и человечества уникальных памятников древней культуры.

Список литературы

- Архипов С.А., Волкова В.С., Букреева Г.Ф., Форонина И.В., Круковер А.А., Дергачева М.И., Зыкина В.С., Гнибиденко З.Н., Сухорукова С.С., Деревянко А.П., Маркин С.В., Орлова Л.А. Реконструкция климата в плейстоцене и голоцене Сибири: методы и перспективы // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - С. 10 - 32.
- Балобаев В.Т. Глобальные изменения климата земли и мерзлота // Наука и образование. - 1997. - № 2(6). - С. 87 - 94.
- Будыко М.И., Ефимова Н.А., Лучинина К.М. Современное потепление // Метрология и гидрология. - 1993. - № 7. - С. 26 - 28.
- Варущенко С.И. Эндогенные факторы и изменения некоторых климатических характеристик средних широт Северного полушария за последние 1500 лет // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1985. - № 5. - С. 15 - 26.
- Гречищев С.Е. Прогноз оттаивания и распределения вечной мерзлоты и изменения криогенного растрескивания грунтов на территории России при потеплении климата // Криосфера Земли. - Тюмень, 1997. - Т. 1, № 1. - С. 62 - 71.
- Косарев М.Ф. Некоторые особенности истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии // СА. - 1971. - № 2. - С. 39 - 50.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск: Наука, 1987. - 299 с.
- Кубарев В.Д. Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск: Изд-во НИИИЯиЛ, 1990. - С. 31 - 35.
- Левина Т.П., Орлова Л.А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. - 1993. - Т. 34, № 3. - С. 36 - 55.
- Молодин В.И. Надмогильные сооружения пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребальной обрядности) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. - Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1992. - С. 103 - 106.
- Молодин В.И. "Замерзшие" погребальные комплексы Сибири и глобальное потепление климата. Вероятные последствия // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. - СПб.: Культинформпресс, 1998. - С. 156 - 158.
- Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Майнак-2 на плоскогорье Укок // Altaica. - Новосибирск, 1993. - № 2. - С. 21 - 49.
- Монин А.С., Шишков Ю.А. О статистических характеристиках малого ледникового периода // Докл. Академии наук. - 1998. - Т. 358, № 2. - С. 252 - 255.
- Павлов А.В. Мониторинг современных изменений криолитозоны // Климаты и циклы углерода: прошлое и современность. - М.: ГЕОС, 1999. - С. 27 - 28.
- Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок // Altaica. - Новосибирск, 1994а. - № 4. - С. 3 - 8.
- Полосьмак Н.В. "Стережущие золото грифы". - Новосибирск: Наука, 1994б. - 183 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. - 351 с.
- Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. - М.: Искусство, 1968. - 132 с.
- Титлянова А.А. Запутанная климатическая история // Наука в Сибири. - Новосибирск, 1999. - № 10. - С. 6.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большебереченская культура лесостепного Приобья. - Новосибирск: Наука, 1994. - 181 с.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. - М.: Наука, 1977. - 200 с.
- Anisimov O.A. Changing Climate and Permafrost Distribution in the Soviet Arctic // Physical Geography. - 1989. - N 10(3). - P. 285 - 293.
- Houghton I.T., Jenkyns G.I., Ephraim I.I. Climate Change. - Cambridge, 1990. - 490 p.

УДК 391.984 (571.15)

И.В. Октябрьская, Д.В. Черемисин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

УЗОРНЫЕ ВОЙЛОКИ АЛТАЯ*

*Алмағаштын гүліндей-ау,
Словно цветок яблони,
Текеметтің түріндей-ау,
Словно вид текемет'а,
Отір дәурен бара жатыр
Проходит время
Сіз бен бізге білінбей-ау
Для вас и для нас незаметно
(фольклор казахов Чуйской степи)*

Около трех тысячелетий назад в степях Евразии началось формирование кочевой цивилизации. К началу I тыс. н. э. сложились основные культурные стандарты, определяющие специфику жизнедеятельности скотоводов и воинов Центральной Азии. Отвечая задачам экологической адаптации и социальной стратегии, технические и технологические параметры номадизма, служившего базой для формирования военно-потестарных структур, были близки к оптимуму. Они имели ареальный характер и оставались актуальными на протяжении столетий. Кочевые сообщества аридной зоны отличались консервативностью. В культуре современных скотоводов горно-степного пояса Азии сохранились элементы, близкие образцам прошлого.

Одним из древнейших изобретений скотоводов является технология изготовления нетканого материала - войлока. Первые в Азии войлоки, в том числе узорные, известны по материалам из Пазырыкских курганов V - IV вв. до н. э. Их отличает высокое качество, широкий спектр использования и совершенство эстетического канона. Ноинулинские курганы рубежа эр демонстрируют все многообразие способов декорирования войлоков. Простегивание, наложение шнура, аппликация, инкрустация - эти приемы, хорошо известные центральноазиатским хунну, и по сей день используются в традиционной ковроделии скотово-

дов. Современный ареал распространения войлоков охватывает Центральную и Среднюю Азию, Ближний Восток и Северный Кавказ.

Монголы называют войлок *эсгий*, буряты - *һэзэ*, калмыки - *шикя* [Бадмаев, 1988, с. 102]. В тюркских языках существуют два термина - *käcä* и *kidiz*. Этимология их неясна. Полагают, что первоначально они обозначали похожие, но не идентичные материалы (ср. др.-тюрк. *кесаб*, *cajdam*). *Käcä* квалифицируется как ареальное слово, характерное для языков юго-западной группы, содержащих огузские элементы [Этимологический словарь..., 1997, с. 60]. Тюркское слово *кеча* используют кавказские этносы (армяне, курды, тушины), испытавшие сильное влияние сельджуков и турков; хотя у них сохраняется собственная номинация войлоков (*тагик* у армян, *калав* у курдов, *теке* и *набдур* у тушин и т.д.) [Студенецкая, 1979, с. 113]. В юго-восточной кыпчакской группе тюркских языков распространено слово *kidiz*. Оно также известно у народов Кавказа - аварцев, карачаевцев, балкарцев, ногайцев, кумыков, в сложении которых участвовали кыпчакские элементы [Этимологический словарь..., 1997, с. 67].

Для большинства скотоводческих народов Азии, в том числе для тюркских и монгольских этносов, производство войлока вплоть до конца XIX - XX вв. было жизненно важным. Войлоки использовались для обустройства и оформления жилья, для изготовления одежды и утвари.

* Работы по теме осуществлены в рамках исследовательских программ РГНФ, проекты № 98-01-00414, ФЦП "Интеграция" № 806.

Рис. 1. Обработка шерсти.

Рис. 2. Битье шерсти.

Рис. 3. Катание войлока.

Рис. 4. Текемер.

Рис. 5. Изготовление узорного войлока (190 x 270 мм).

Рис. 6. Окрашенный войлок - заготовки для узорных сырмаков.

Рис. 7. Разметка узоров.

Рис. 8. Узорные войлоки.

Рис. 9. Одночастные войлоки.

Рис. 10. Пятичастный войлок.

Рис. 11. Узорный войлок со шнуровой вязью.

БУРМАША
("curled")

СЫНАР МУЙІЗ
("a half of pared horns")

ИТ ҚҰЙРЫҚ ОЮ
("dog's tail")

ҚОС МУЙІЗ
("doubled horns")

ПЫЧАҚ УШ ОЮ
("knife-like")

АЛТАЙ ОЮ
("Altai pattern")

ҚҰС МҰРЫН ОЮ
("bird's beak")

Рис. 12. Узоры А. Океевой - род саргалдак, с. Джанаул Кош-Агачского р-на Республики Алтай.

Рис. 13. Тускииз К. Нурсулкановой - род уак, с. Джазатор Кош-Агачского р-на Республики Алтай.

Одной из групп, сохранивших до наших дней этот вид домашних промыслов, являются казахи Южного Алтая (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Их появление в долинах рек Чуи, Джазатора, Ак-Алахи относится к концу XIX в. Согласно народным преданиям, казахи, пришедшие на Чую, попросили покровительства у теленгитских зайсанов. С собой они принесли все самое дорогое: серебряные украшения, упряжь, подковы, стремяна, узорные войлоки. "Все ли вы делаете сами?" - спросили их зайсаны и, получив утвердительный ответ, позволили перекочевать на Алтай сорока аилам, которые славились мастерами-кузнецами, лекарями, ювелирами, ковроделами. В конце XX в. (в 1993 г.) казахи Южного Алтая (Кош-Агачский р-н Республики Алтай) насчитывали 6377 чел. (чуть менее 50% от населения района). За вековой период существования на землях теленгитов в относительном отрыве от основного этнического массива различные родовые подразделения казахов - выходцы из Монголии, Китая и Восточного Казахстана - сложились в единую общность. Фактом ее существования стало иноэтническое окружение. Принцип противопоставления "мы - они", "свое - чужое", актуальный для обыденного сознания полиэтничного сообщества этого региона, придал отдельным элементам традиционных культур соседствующих народов этнически значимый характер. В число национальных символов вошли узорные войлоки [Коновалов, 1986, с. 62 - 66].

Начало их изготовления у казахов, как и у всех скотоводческих народов Азии, связано с подготовкой сырья. Обычно для производства нетканых материалов используют овечье руно, к которому при необходимости добавляют другие виды шерсти. Казахи Алтая предпочитают шерсть молодняка осенней стрижки - *тири жун* - "живую шерсть", которая хотя и грубее весенней, но хорошо скатывается и обладает необходимой прочностью.

Обработка сырья начинается летом. Это целиком женское занятие. Сегодня оно не выходит за рамки домашнего рукоделия. Хотя прежде, когда одним из основных видов жилища казахов (наряду с саманными конструкциями) являлась войлочная юрта, производство кошм требовало больших затрат труда и предполагало кооперацию усилий [Вайнштейн, 1974, с. 135 - 137; Кочешков, 1979, с. 135; Студенецкая, 1979, с. 106]. За год в доме обычно накапливаются большие запасы шерсти. В один из погожих летних дней ее промывают в теплой воде и просушивают на ветру и солнце (рис. 1).

Освобождая от сора, шерсть теребят, разбирают по цвету и качеству. Для изготовления войлока (*кииз*) казахи используют и белое, и темное руно. Приступая к производству, его выкладывают на высушенную шкуру и начинают взбивать. Женщины работают парами. Хозяйка и ее взрослые дочери, свекровь и

невестка и т.д. усаживаются напротив друг друга с ивовыми прутьями *саба* в обеих руках. Показателем унифицированности технологий обработки шерсти в кочевом сообществе Центральной Азии является единство орудийной терминологии: палка для битья шерсти - *саба* (алт., казах. Алтая), *шабактау* (казах.), *сабау* (кирг.), *хаба* (бурят.), *саваа* (монг.), *саба* (калм.), *сау* (др.-тюрк.); бить - *шавар* (тув.), *сабаа* (якут.) и т.д. [Бадмаев, 1998, с. 102].

С помощью прутьев кочевники, в том числе казахи Алтая, ритмично бьют шерсть, противоположно чередуя удары справа и слева. Это продолжается до тех пор, пока она не достигнет однородной пышности. Затем ее прядями, равномерно распределяя, раскладывают на камышовой циновке, слегка уминают, сбрызгивают теплой водой и сворачивают вместе с основой. Так начинается производство войлока (рис. 2).

Рефлексируя по поводу технологий, традиционное мировоззрение, с присущим ему целостным подходом к миру, постулирует единство созидательного начала во Вселенной и принципиально связывает орудийную и космологическую сферы. В нарративах Центральной Азии начало мира описывается как процесс пахтания, взбалтывания, скручивания, сбивания. Инструментами глобального созидания, изоморфными мировой оси, наряду с посохом, ковшом, мутовкой, веретеном, являются шерстобитные палки. В древнем фольклоре бурят известен образ Гурмен-бабушки - праматери светлых божеств. Повелевающая Солнцем, Луной и дождем, она является хозяйкой шерстобитных палок, наделенных всепобеждающей силой [Октябрьская, 1974, с. 43 - 48; Уланов, 1974, с. 6, 7].

В современных традициях ритуальные аспекты технологий проявлены слабо; хотя в ряде регионов Центральной Азии различные этапы обработки шерсти и изготовления войлока сопровождаются благопожеланиями и имеют прогностический характер. Мастерицы Алтая по-прежнему следят за тем, как при взбивании ложатся волокна; если шерсть скатывается комками - это предвещает несчастливую семейную жизнь или (что гораздо чаще) близкую беременность. В рамках первичного универсализма традиционных культур Центральной Азии интимная и текстильная сферы перекодировали друг друга. В тюркских языках термин *йай* - "творить" и производные от него имели широкий спектр значений: *йай* - создавать, даровать, умножать (о потомстве); пахтать, разливать, расстилать, развертывать, рассказывать, пасти; *йай* - лето, весна; *йайан* - природа, создание [Октябрьская, 1974, с. 46]. Равнозначность процессов, реализующих творческий импульс, закреплялась на вербальном и акциональном уровнях. У коренного населения Горного Алтая существовал осенний праздник "катания войлока". Сопровождавшийся добрачными (эротическими) играми молодежи, он, как и все календарные ритуалы, был

направлен на восстановление гармонии в космосе и социуме [Сатлаев, 1997, с. 85]. Технологическая акция включалась в культурный универсум с присущим для него единством макро- и микроструктур.

Изготовление войлока у казахов Алтая представляет собой длительный, трудоемкий процесс. Маленькие пластины катают, сидя на земле, руками - перемещая рулон от локтя к ладони. Если будущее изделие достигает больших размеров, его обвязывают веревками и волочат за лошадь (рис. 3).

В процессе валяния войлок поливают горячей водой, добиваясь усадки. Полуготовый материал разворачивают с тем, чтобы выровнять края. Затем процедура повторяется, при этом войлок сворачивают то лицевой, то тыльной стороной внутрь, добиваясь ровной поверхности и необходимой плотности.

При всех нюансах технология изготовления нетканого материала в рамках тюрко-монгольского и шире скотоводческого сообщества Азии имеет практически универсальный характер. Различия связаны с качеством и количеством сырья, с возможностью привлечения к работе мужчин; помимо катания руками или с помощью лошади, в отдельных регионах практиковалось катание ногами, с горы и т. д. Этнически показательным является производство многослойных (двухслойных) катанных войлоков, более характерное для монголоязычных народов. Столь же типично для них простегивание как основной способ декорирования войлочных ковров [Бадмаев, 1998, с. 102; Вайнштейн, 1974, с. 135, 136].

Записи путешественников средневековья и исследователей нового и новейшего времени сохранили упоминания о цветных войлоках тувинцев, монголов и бурят. Но к концу XIX - XX в. этот вид узорного ковроделия не был распространен так широко, как стеганные войлоки.

Шердеки калмыков, бурят, монголов и тяготеющих к их культуре тувинцев представляют собой полотно из двух (или нескольких) слоев войлока, соединенных вместе шерстяными нитками декоративной строчкой, создающей раппортный, чаще геометрический узор.

Традиции в оформлении войлоков, сложившиеся у народов Евразии к концу минувшего столетия, имеют, по мнению специалистов, дифференцирующий характер и позволяют говорить о характере их этно- и культурогенетических связей. Так, по заключению Е.Н. Студенецкой, среди тюркоязычных этносов Кавказа войлок простегивали только карангайцы, в формировании которых принимали участие монгольские племена. Арсенал технических и художественных приемов изготовления войлочных ковров этого народа (до конца XIX в. сохранявшего кочевой образ жизни) отличался наибольшим разнообразием в Кавказском регионе. Помимо простегивания, карангай-

цы практиковали аппликацию, инкрустацию, а также вкатывание узоров [Студенецкая, 1979, с. 107].

Широкий сравнительный анализ показывает, что приоритеты в приемах декорирования определились достаточно поздно. Техника простегивания, в частности, широко использовалась и в тюркской среде. Древние технологии отличались большей вариативностью и, вероятно, имели не этнический, а ареальный характер.

В наши дни среди народов Азии непревзойденными мастерами декорирования войлоков являются казахский и киргизский этносы. Одной из древнейших, по всей видимости, техник, которую используют эти народы, является техника вкатывания. Ее различные модификации известны в Средней Азии, в Сибири, на Ближнем Востоке и на Кавказе.

В технике вкатывания выполняются *текеметы* казахов Алтая. Это однослойные большие ковры (2 x 4 м, 3 x 4 м), которые традиционно использовались как постельная принадлежность. Для их изготовления выбирали белую или темную шерсть хорошего качества. Разложив на циновке, ее выравнивали и уплотняли. И уже на эту основу выкладывали цветную (окрашенную) шерсть, создавая орнаментальные композиции преимущественно по ромбической сетке. В результате катания узоры "впрессовывались" в войлок; их "размытый" контур определял художественное своеобразие текеметов. "Импровизационный" характер декора этих ковров заключал в себе особое обаяние. Сегодня этот вид узорных войлоков, утратив практическую целесообразность, стал редкостью, в том числе и в домах кош-агачских казахов. Хотя еще совсем недавно подобные ковры бытовали на всем протяжении казахского ареала [Культура и быт..., 1967, с. 147 - 160] (рис. 4).

Технику вкатывания использовали соседствующие с казахами Алтая теленгиты. При этом алтайские узорные войлоки (*кебис*) не отличались большими размерами и были предельно лаконичны в оформлении; их, как правило, украшал простой геометрический орнамент (линия, зигзаг, точки). В различных вариантах этот способ декорирования - вкатанный узор (двусторонний или односторонний) из шерсти или вырезанных заготовок полускатанного войлока - был также известен балкарцам, карачаевцам, кабардинцам, аварцам, лакцам, ногайцам, тушинам, адыгейцам, каралпакам, курдам, армянам, иранцам, азербайджанцам, возможно, туркам, туркменам. Столь широкое его распространение исследователи склонны связывать со сложными этногенетическими процессами и культурными контактами в регионе, в том числе с участием кипчакского и огузского компонентов в этнокультурной истории ряда народов Кавказа, Ближнего Востока и Центральной Азии [Студенецкая, 1979, с. 105 - 115].

В то время как текеметы сегодня повсеместно выходят из употребления, превращаясь в культурные

раритеты, по-прежнему престижными среди казахов, в том числе среди казахов Алтая, остаются *сырмаки*. Эти войлочные ковры изготавливаются в сложной, чаще всего комплексной, технике. При всех различиях, их разновидности объединяет то, что все они создаются на основе простегивания - *сыру*, отсюда их название. О широком распространении этой техники в границах кочевой ойкумены свидетельствует универсальность терминов: казахский - *сырмак (сырдак)*, *сырдамал*; киргизский - *шырдак*, *шырдамал*; алтайский - *сырмаг*; тувинский - *ширток*, *ширтег*; монгольский - *ширдэг*, бурятский - *ширдыг*, калмыцкий - *ширдэг* [Алимбай, Муканов, Аргынбаев, 1998, с. 139, 140].

Сегодня войлок - это довольно дорогой материал; его нередко заменяют тканью - шерстью или вельветом. Комбинированные ковры, с сочетанием различных текстильных материалов, чаще всего оформляются в технике нашивной аппликации. У казахов Алтая известны образцы, в которых соединяются все возможные формы декорирования: аппликация, шнуровая вышивка и декоративная простежка.

В пределах казахского этнического ареала производство мозаичных войлочных ковров типа *сырмак* охватывает территории Алматинской, Талды-Корганской, Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областей, а также восточные зоны Акмолинской, Карагандинской и Жамбылской областей [Там же, с. 139, 140]. Историко-культурные контакты с районами Восточного Казахстана - районами исхода - имели большое значение для казахов Алтая.

Древнейшим среди казахских *сырмаков* являлась *кошма*. Это плотный одноцветный войлок, который декорируется фигурной стежкой с использованием двойной нити. На Алтае он практически неизвестен сегодня. Казахи владеют техникой простегивания, но чаще всего она имеет вспомогательный характер. Простегивание используется при изготовлении войлочных матрасов - *тозок*, представляющих собой кусок войлока, обшитый тканью с вышивкой или аппликацией. Они являются частью приданого и обязательным элементом убранства супружеской постели. Функционально необходимым простегивание становится при конструировании мозаичных (с аппликацией и инкрустацией) войлоков. Они традиционно состоят из двух слоев. Нижний - основу (*астар*) делают из белого рыхлого (плохо прокатанного) войлока; верхний - из плотного цветного. В наши дни заготовки для *сырмаков* казахи Алтая окрашивают анилиновыми красителями. Но старшее поколение помнит, как еще несколько десятилетий назад для этого использовали кору, корни и листья деревьев (черемухи, березы), минералы.

В казахской традиции существует классификация узорных войлоков по цвету: одноцветные *сырмаки* называют *ак-сырмак*, сделанные из обрезков белого и черного войлоков - *карала сырмак*, *сырмаки* с

преобладанием бордового и малинового тонов - *кызыл сырмак* или *кызыл-ала сырмак* [Культура и быт..., 1967, с. 156] (рис. 5).

Особенно ценятся у казахов яркие насыщенные цвета, образующие контрастные сочетания. Все краски Алтая заключены в мозаичных войлоках, причудливые узоры которых отражают красоту и гармонию изменчивого, но вечного мира. Глухие тона менее престижны. В зеленый, синий, бордовый цвета окрашивают войлок из темной шерсти. Все подготовительные операции стараются закончить к осени. Хозяйки собирают цветные пластины и раскраивают их, чтобы с наступлением ненастной поры взяться за рукоделие. На составление одного ковра средних размеров уходит от одного до двух месяцев.

Вначале подбирают цветные пластины-заготовки (рис. 6). Иногда узоры вырезают по трафарету. Но хорошие мастерицы размечают их от руки, руководствуясь опытом и чувством ритма (рис. 7).

Орнаментальный строй казахских ковров имеет раппортный характер, он основан на повторе мотивов и их симметрии. Вначале мастерица складывает две цветные полосы, например красную и зеленую, и по намеченному контуру прорезает их ножом. Образуются две равные части: зеленый узор по красному фону на одной и красный узор по зеленому фону на другой.

Детали собираются по принципу инкрустации и идеально подходят друг к другу. Их сшивают встык шерстяными, а чаще обыкновенными нитками. Готовые фрагменты пришивают к основе. Верхний и нижний слой прошивают фигурной строчкой, усиливающей декоративный эффект. Мастерицы "составляют" войлоки, словно играют в цветную мозаику. Сверху швы закрывают витыми или плетеными шерстяными шнурами - *жибек*; шнуровые нити кладут в два ряда, причем одну из них скручивают вправо, а другую - влево, из-за чего возникает узор в елочку (рис. 8).

Казахи Южного Алтая изготавливают прямоугольные и круглые ковры. Полагают, что прямоугольные являются традиционными. Круглые появились совсем недавно - с 50-х гг. XX в., возможно, под влиянием соседнего Китая. Прямоугольные *сырмаки* представлены двумя основными типами: двухцветными с одночастной композицией и полихромными с пятичастной композицией. Одночастные войлоки, и прямоугольные, и круглые, изготавливаются попарно по одному трафарету; иногда торцовые стороны прямоугольных войлоков оформляются узкими бордюрами. Орнаментация одночастных *сырмаков* строится по принципам осевой симметрии с возможным использованием квадратных или ромбических структур (рис. 9).

Пятичастные *сырмаки* состоят из центрального поля - одного или двух прямоугольников - и двух пар противоположающихся бордюров с одинаковыми орнаментами [Коновалов, 1986, с. 62 - 64] (рис. 10).

Показателем профессионализма и художественного вкуса казахи Алтая считают яркие, “сияющие” золотым и красным цветом ковры с дробным, хорошо проработанным узором. Крупные орнаментальные мотивы в сочетании с холодными, естественными тонами более характерны для монгольских казахов, давно освоивших кустарное (фабричное) производство мозаичных войлоков.

Нередко мозаика в оформлении войлочных ковров сочетается с узорами из нашитого на цветную основу плетеного шерстяного шнура. Как правило, шнуровая вязь окаймляет центральное поле. Эти ковры относятся к самой сложной категории – *бипнес* – “нескончаемый”; их отличает особая изысканность и соразмерность (рис. 11). “Казахскому орнаменту, – считают специалисты, – присуще одно поистине удивительное свойство – принцип равновесия. Являясь высшей формой обобщения, типизации явлений, этот принцип, отражая особенности пространственно-временной ориентации кочевника-скотовода, свидетельствует об органичной взаимосвязи мира человека и мира Вселенной” [Нурланова, 1994, с. 38].

В выборе узора мастерицы руководствуются личными пристрастиями. Казахи Алтая используют в оформлении войлоков около двух десятков орнаментальных мотивов. Они имеют традиционное обозначение и служат напоминанием о многообразии живого. Известны узоры: *кошкар муйиз* (рога барана), *кос муйиз* (двойные рога), *сынар муйиз* (одинарные рога), *бурмаша* (закрученный), *бес бас* (пять голов), *тумар муйиз* (рога-амулет), *журек муйиз* (рога-сердце), *донголек муйиз* (рога, заключенные в круг) и т. д.; их основной элемент – рогообразные завитки в различных вариантах и сочетаниях. Распространение геометрических, меандровых мотивов в ковроделии казахи Алтая объясняют влиянием монгольской и теленгитской декоративных традиций; хотя эти узоры имеют глубокие истоки в национальном искусстве [Коновалов, 1986, с. 62 – 64] (рис. 12).

Попытки генетического и семантического прочтения орнаментики скотоводческих народов Центральной Азии приводят исследователей к выделению: докочевнического пласта (пунктир, треугольники, косая сетка, шевроны, пояски ромбов, Г-образный меандр, свастика и др.); раннекочевнического слоя (розетки, спирали, S-образные фигуры, арочные мотивы, некоторые роговидные мотивы и т. д.); позднекочевнического комплекса (роговидные мотивы, кресты и ромбы с рогообразными ответвлениями, четырехлепестковая розетка, круг с пальметами и т. д.), распространение отдельных фигур (например, крестообразно рассеченная розетка с роговидными окончаниями) в рамках этого комплекса связывается с кыпчакской этнической средой [Вайнштейн, 1974, с. 154 – 159]. При этом, рассматривая мотив рога в искусстве скотоводов Евразии,

специалисты полагают, что он, по всей видимости, восходит к изображениям рогатых копытных (животных по сторонам дерева, голов баранов и т. д.) в памятниках эпохи ранних кочевников. Орнаментальные мотивы, подобные казахскому *кошкар муйиз* и известные практически всем современнымномадам Центральной Азии, соотносятся с мифологическими концепциями мироздания и трактуются как символическое обозначение мировой оси – космического центра, заключающего в себе идею вечности и плодородия [Вайнштейн, 1974, с. 157 – 159; Галиев, 1997, с. 20 – 21].

Стилизованные узоры современных традиций далеки от первоначальных образцов. В ходе тысячелетий некогда реалистические образы превратились в знаки. Ныне орнаментальные символы будят воображение мусульман, вера которых связывает изображение земных существ с пороками язычества. “Бесконечность и гармоничность отношений “человек и мир” таинственным образом запечатлел казахский орнамент, – постулируют идеологи современной национальной парадигмы Казахстана. – Орнаментальные узоры грандиозны, словно эпос, требуют высокого воображения, словно кюи (сказания. – И.О.), спокойно умиротворяют, как горизонт в степи. Как песня, так и орнаментальный узор был постоянным аккомпанементом всей жизни казахов... Мир, окружающий кочевника, опозитизирован в узор” [Нурланова, 1994, с. 38].

Прихотливость орнаментального строя узоров рождает среди поэтически одаренных обитателей Алтая ассоциации с узорами ритмически организованных слов.

*Кара аттын-ай үкі тактым, кесте тіктім тоқымына
Тұлпардын кокым салдым тоқымына-ай-ау!
Кара олен-ей бір озімде-ау толып жатыр
Берген сон олен менін твқымыма-ай-ау!*
На потник черного коня приколола я перо филина
и пришила вышивку,

Наложил я всякой всячины на потник коня.
Простых песен у меня полным-полно,
Раз уж дал [Бог] искусство петь моему роду!

Соотнесенность рифмы и орнамента в фольклоре кош-агачских казахов предопределена синкретичным строем традиционных кочевых культур Центральной Азии. Известно, что у ряда народов этого региона обработка шерсти, изготовление войлоков и ковров сопровождалась исполнением поэтических текстов (благопожеланиями и пением). Анализ интонационных аспектов ковроделия позволяет исследователям допускать возможность мнемонического характера текстов, сопровождающих технологический процесс, и проецировать эту гипотезу на культуры ранних кочевников Алтая [Балонов, 1991, с. 107].

Искусство, явленное в виртуозности рифмы и изысканности ковра, во все времена возвышало человеческую жизнь над банальной обыденностью.

Сегодня, как и раньше, узорные войлоки казахи Алтая используют в оформлении интерьеров – их каче-

ство и количество служит показателем достатка и благополучия семьи. В казахских домах в глаза бросается горка этих ярких ковров, аккуратно сложенных на подставке из двух сундуков в парадной части жилища. Сырмаки разворачиваются в дни семейных торжеств. На них рассаживаются гости вокруг праздничных дастарханов. В кочевых культурах войлок традиционно обозначает социально значимое (сакрально маркированное) пространство. Мифопоэтическое сознание уподобляет этот нетканый материал космическим структурам - земле и небу, - посредством вещи включая человеческую жизнь в единый строй мироздания [Галиев, 1997, с. 100, 101; Октябрьская, 1992, с. 45, 47].

Узорные войлоки у казахов Алтая играют роль церемониального подарка. Ими обмениваются семьи, заключившие брачный союз. Сырмаки - обязательная часть приданого к свадьбе. Они используются в погребальном обряде и по-прежнему являются престижным элементом культуры.

Существование столь яркой традиции в регионе активизирует творческие искания контактирующих с казахами алтайского и теленгитского этносов. Изготавливая узорные войлоки, теленгиты ориентируются на технику аппликации, при этом используют собственные орнаментальные мотивы, порой сочетая их с сюжетами, характерными для традиционного искусства Алтая.

Под влиянием казахов среди коренного населения Кош-Агачского района (а возможно и шире) получили распространение гобелены над брачной постелью. В традиционной культуре казахов такой гобелен - *тускииз* - представляет собой оформленное вышивкой или аппликацией войлочное или матерчатое полотнище [Культура и быт..., 1967, с. 160 - 161]. У казахов Алтая тускииз состоит из двух слоев - войлочной (суконной) основы и матерчатого верха. Такой ковер готовит мать для каждой своей дочери, чтобы повесить его над свадебной постелью (рис. 13).

Тускииз никогда не отдадут из семьи, передавая его по наследству. Он имеет прямоугольную форму, с трех сторон окаймлен широким орнаментальным бордюром и плисовой (бархатной) каймой, его внутреннее пространство заполнено вышивкой. Сохранившиеся в домах редкие, унаследованные от бабушек, тускиизы давних лет выполнены в технике аппликации в сочетании с декоративной строчкой.

Центральное поле современного ковра, как правило, украшает вышивка, выполненная тамбурным швом (*бис кесте*) с использованием крючка и прямоугольных пальцев (*кергиш*). Прежде в оформлении тускиизов преобладали рогаобразные мотивы. Сегодня модными стали яркие цветочные букеты, вышитые гладью. Жизнь изменчива и недавние новации незаметно превращаются в новые традиции. Меняются каноны, но остается вечным искусство, выражающее

радость человека, однажды открывшего для себя красоту многоцветного мира.

Несмотря на изменение технических и эстетических стандартов и унификацию быта, казахи Алтая сохраняют многие элементы традиционной жизнедеятельности, в том числе технику изготовления узорных войлоков; особенности производства и оформления современных казахских сырмаков свидетельствуют о преемственности в развитии кочевой культуры на протяжении тысячелетий, начиная с эпохи ранних кочевников.

Благодарности

В публикации использованы полевые материалы 1994 - 1997 гг. Авторы выражают сердечную благодарность жителям сел Джазатор, Ортолык, Тобелер, Кош-Агач, Джанаул Кош-Агачского района Республики Алтай, семьям Нурсулкановых, Манаспаевых, Абдурмановых и многим другим за гостеприимство и помощь. Хочется также отметить мастериц, чьи ковры и узоры были использованы в работе, - А. Окееву, Б. Манаспаеву, Н. Нурсулканову, З. Маусумканову, Д. Клубекову и др.

Список литературы

- Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х.** Традиционная культура жизнеобеспечения казахов: Очерки теории и истории. - Алматы: Гылым, 1998. - 236 с.
- Бадмаев А.А.** Обработка войлока у бурят // Гуманитарные науки в Сибири. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. - № 3. - С. 98 - 109.
- Балонов Ф.Р.** Ворсовый пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. - М.: Наука, 1991. - С. 88 - 121.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. - М.: Наука, 1974. - 223 с.
- Галиев А.А.** Традиционное мировоззрение казахов. - Алматы: Фонд Евразии, 1997. - 168 с.
- Коновалов А.В.** Казахи Южного Алтая: (Проблемы формирования этнической группы). - Алма-Ата: Наука, 1986. - 178 с.
- Кочешков Н.В.** Декоративное искусство монголоязычных народов XIX - середины XX века. - М.: Наука, 1979. - 206 с.
- Культура и быт казахского колхозного аула.** - Алма-Ата: Наука, 1967. - 304 с.
- Нурланова К.** Человек и мир: Казахская национальная идея. - Алматы: Каржы-каражат, 1994. - 48 с.
- Октябрьская И.В.** Текстильная тема в традиционной мифологии тюркоязычных народов Сибири // Изв. СО РАН. Сер. ист., филол., филос. - 1992. - № 3. - С. 43 - 48.
- Сатлаев Ф.А.** Алтайцы // Народы России: Энциклопедия. - М.: Большая Рос. энцикл., 1997. - С. 82 - 85.
- Студенецкая Е.Н.** Узорные войлоки Кавказа // СЭ. - 1979. - 1. - С. 105 - 115.
- Уланов А.И.** Древний фольклор бурят. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. - 176 с.
- Этимологический словарь тюркских языков.** - М.: Наука, 1997. - 363 с.

УДК 391(571.63)

Тэцу Масумото

Отдел образования администрации префектуры, Осака, Япония,
 Cultural Property Preservation Division,
 Board of Education of Osaka Prefectural Government, Japan
 E-mail: tetsu@gs4.so-net.ne.jp

ШАМАНСКИЙ ПОЯС РОДА УЛЬЧЕЙ АЙНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С НИЖНЕГО АМУРА*

Данная работа - результат путешествий по Сибири и Дальнему Востоку. Осенью 1996 г. мы познакомились с коллекциями Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭт СО РАН), в музее которого хранится шаманский кожаный пояс (рис. 1, 1), приобретенный в 1977 г. в с. Булава у ульчей - одного из малочисленных народов нижнего Амура. Он привлек внимание, поскольку предметом наших интересов является шаманская атрибутика.

В марте 1990 г. мы, впервые оказавшись в Сибири, посетили несколько населенных пунктов, в том числе с. Булава, расположенное на Амуре, примерно в 880 км ниже Хабаровска. В этом селе живут в основном ульчи - представители тунгусо-маньчжурской общности, а также нанайцы и нивхи, говорящие на языках соответственно маньчжурской и палеоазиатской языковых групп. На территории Российской Федерации проживает всего 3 173 ульчей, из них 2 733 - в Ульчском р-не Хабаровского края и около 980 чел. - в с. Булава. Они называют себя *нани*. *На* означает земля, а *ни* - народ; слово *нани* переводится как местные люди. Большинство жителей села занимается рыболовством.

В с. Булава нас представили одному из стариков рода Куйсали айнского происхождения, и мы имели возможность расспросить его о прошлом этого рода. Как стало известно позже, один из шаманских поясов, принадлежавших этому роду, был передан в Новосибирск в ИАЭт СО РАН. В научном паспорте о нем написано: "Пояс шаманский. К широкому кожаному ремню пришиты металлические подвески (трубки, бляхи, замок), а также два деревянных бурханчика в виде человека. Материал: кожа, железо, алюминий, медь, бронза, дерево. Техника изготовления: ковка, литье, резьба, шитье. Время и место изготовления: 90-е гг.

* Выражаем благодарность доктору исторических наук В.Д. Кубареву, который сообщил нам о существовании этого пояса.

XIX в., с. Удан, нижний Амур. Местное название: ямпа. Назначение предмета: для шаманских камланий. Куплен у жителя с. Булава Куйсали Алексея Семеновича. Степень сохранности: хорошая. Место сбора: с. Булава, Ульчский р-н, Хабаровский край. Сбор Куйсали О.А. *".

Такие пояса у народов Дальнего Востока называются *ямпа*. У орочей под таким названием известны шаманские пояса, у ульчей - металлические подвески на поясах шаманов, у нанайцев - погремушки на женских халатах, у нивхов - пояс из кожи сивучей с металлическими подвесками [Смоляк, 1991, с. 225]. Если иметь в виду, что существительное *ямпа* происходит от глагола *j нгу* (шуметь), то нетрудно догадаться о значении слова *ямпа* [Сравнительный словарь..., 1977]. В начале XX в. к таким поясам подвешивали детали сельскохозяйственных машин, мясорубок, велосипедов, замков и т.д., поэтому их общий вес составлял не менее 4 - 5 кг. В качестве шумящих подвесок вместо утерянных могли использоваться любые металлические предметы.

При работе в ИАЭт СО РАН с этнографическими материалами ульчей нас особенно заинтересовал тот факт, что шаманский пояс раньше принадлежал роду Куйсали, проживающему на нижнем Амуре. Изображения поясов этого типа опубликованы в ряде исследований и в каталогах. По легенде, приведенной в научном паспорте, пояс был изготовлен в 90-х гг. прошлого века; возможно, речь идет только о том, что в это время подвешенные вещи были собраны в единый комплект.

Среди подвесок на поясе обращают на себя внимание две латунные гарды. Такие гарды известны на мечах из Японии, но они были характерны не для японских, а для так называемых айнских мечей (рис. 1, 2). В XV - XVII вв., в период расцвета айнской культуры,

* В конце 1970-х гг. О.А. Куйсали готовил по материалу изучения пояса публикацию, однако смерть помешала ему завершить работу. - *Примеч. ред.*

Рис. 1. Шаманский пояс рода Куйсали (1) и гарды так называемого айнского меча (2).

между населением Хоккайдо и нижнего Амура существовали устойчивые торговые связи. Учитывая это, нетрудно понять, откуда на Амуре появились такие гарды. Согласно легендам, предки ульчей рода Куйсали при переселении с острова могли принести на Амур и некоторые имевшие особую ценность вещи. Если это так, то, возможно, ульчи относились к гардам с “айнских мечей” как к символам своего происхождения, поэтому прикрепили их к шаманскому поясу. У ульчей принято из поколения в поколение передавать ценные вещи - ткани, украшения, одежду и т.д. Среди таких семейных реликвий мы встречали даже *айдзомэ* - уникальные образцы ткачества с о-ва Хонсю. Очевидно, и “айнские гарды” считались рари-

тетами. Подчеркнем, что в культуре айнов мечи были атрибутами разных обрядов и праздников, их очень берегли и со временем даже заменили железные клинки бамбуковыми [Фудзимото, 1998]. Айны приобретали мечи у японцев, которые, очевидно, из боязни вооруженных восстаний, делали не железные, а латунные гарды.

На поясе мы отметили еще одну характерную вещь - бронзовое зеркало (рис. 2, 1). На его тыльной стороне запечатлена сцена встречи некоего Лю И с дочерью хозяина драконов - хозяина озера Дунтинху - самого прекрасного озера в Китае. В рисунке получил отражение хорошо известный мифологический сюжет [Морохаси, 1974]. Справа от центра показано дерево,

1

2

3

Рис. 2. Тыльная сторона зеркала рода Куйсали (1),
держатель зеркала из Минусинского музея (2) и из могильника Бертек-20 (3).

под деревом - мужчина, Лю И, слева - дочь хозяина озера, за ней следует мальчик. Изображены и второстепенные персонажи. Все они стоят у реки на траве среди цветов. Зеркала с фигурой Лю И широко представлены среди зеркал с сюжетными изображениями. Их начали изготавливать в эпоху Цзинь (1115 - 1234).

Сюжетные зеркала различаются по форме поперечного сечения бортика. Встречаются образцы с бортиком треугольным и трапециевидным в сечении. Отмечены особенности и ряда деталей изображения.

Нами рассматриваются зеркала с трапециевидным в поперечнике бортиком, к которым относится зеркало с анализируемого пояса. Местом появления подобных зеркал считают Северо-Восточный Китай. Как известно, государство Цзинь было основано в начале XII в. чжурчжэнями (одна из ветвей тунгусо-маньчжурских народов). Они господствовали на обширном пространстве от северо-востока Китая до Внешней Монголии, включающем бассейн Амура. На территории России и бывшей Маньчжурии раскопано много

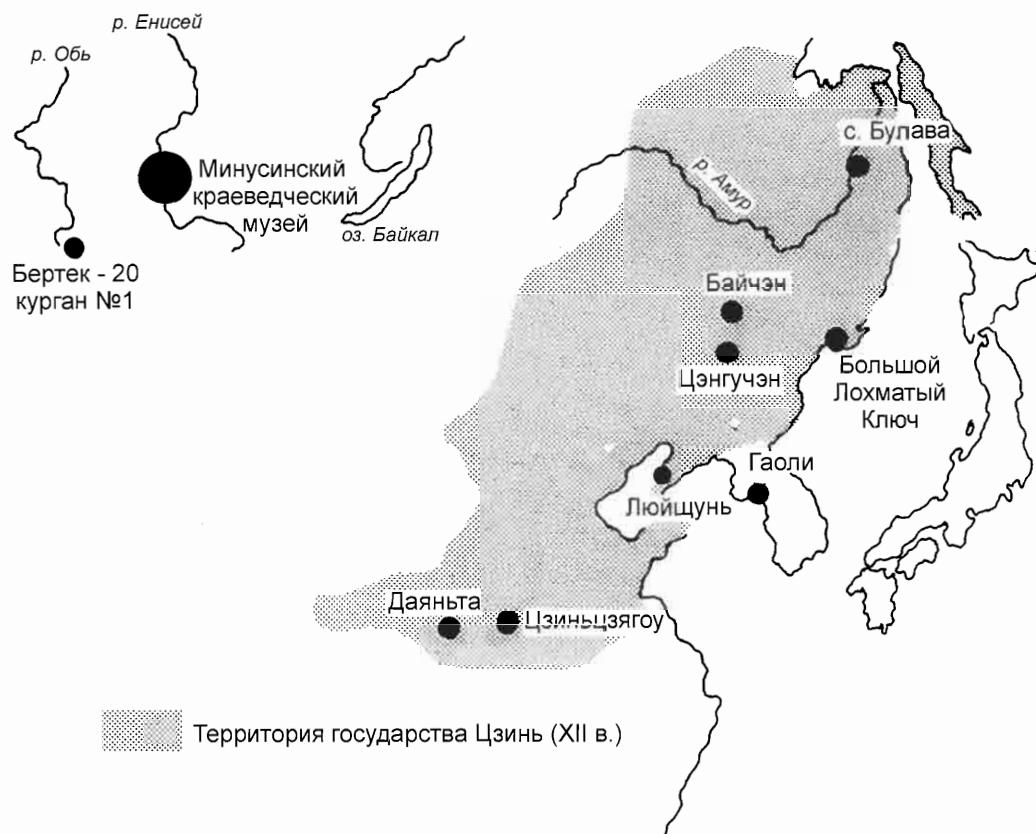

Рис. 3. Схема распространения зеркал с изображением сюжета легенды о Лю И.

поселений и захоронений эпохи Цзинь, в которых найдены зеркала, похожие на то, что было подвешено к поясу рода Куйсали. Обнаружены они и на территории, принадлежавшей государству Цзинь.

В музеях Сибири нам неоднократно приходилось видеть китайские зеркала, в том числе рассматриваемого здесь типа. Например, образцы с изображением сюжета легенды о Лю И имеются в коллекции Минусинского музея (рис. 2, 2), которая опубликована Лубо-Лесниченко [1975]. Подобное зеркало (рис. 2, 3) недавно было обнаружено в погребении могильника Бертек-20 на Алтае [Древние культуры..., 1994, с. 127, рис. 124]. Таким образом, китайские зеркала встречаются за пределами Дальнего Востока; граница их ареала расширяется до Минусинска и Алтая на западе (рис. 3).

По диаметру и весу все известные зеркала анализируемого типа можно разделить на две группы (см. таблицу). Группа I - зеркала диаметром 9,9 - 10,1 см, весом 142 - 167 г. Группа II - зеркала диаметром 9,6 - 9,8 см, весом 108 - 130 г. О весе находок из могильника Гаоли в Корее, с городища Цэнгучэн, из окрестностей Даяньта в районе г. Синань в Китае ничего неизвестно (нет описаний), но по диаметру их можно включить в группу I. Зеркала из Сыцзяцзы и Байчэн по диаметру гораздо больше других, возможно, они

отличаются и по форме сечения бортика. Следовательно, эти зеркала представляют другой тип.

Все зеркала различаются по степени четкости изображения на оборотной стороне. Так, у зеркал группы II такие детали, как одежда персонажей, силуэт дерева, рисунок волны, расплывчатые, а у зеркал группы I - относительно четкие. Неодинаковы и полусферические выступы держателя зеркала: группа I - края квадратного или полукруглого отверстия острые, вершина выступа утолщенная; группа II - подпрямоугольное по форме отверстие особенностей не имеет.

На зеркалах, хранящихся в музеях Минусинска и Томского госуниверситета, а также на обнаруженном в памятнике Бертек-20 по обеим сторонам от держателя, напротив отверстия, имеются два округлых углубления диаметром 0,2 - 0,3 см. Таких углублений нет на других зеркалах, которые нам приходилось осматривать. Возможно, эта особенность характерна для отливки зеркал рассматриваемого типа. Интересно, что на зеркале, принадлежавшем роду Куйсали, подобные углубления отсутствуют, хотя оно относится к типу II.

На краях бортиков зеркал иногда имеются вырезанные надписи - свидетельства того, что изделия были подвергнуты проверке. Такие особенности характерны для зеркал эпохи Цзинь. Например, у находки

Зеркала с изображением сюжета легенды о Лю И

Место находки или хранения	Диаметр, мм	Вес, г	Диаметр держателя, мм	Высота держателя, мм	Форма отверстия в держателе	Ширина бортика, мм	Высота бортика, мм	Место находки или сбора
Минусинский музей, № 5028	96,49	123,9	13,50	9,33	Круглая	7,08	5,13	Минусинская котловина
" № 5029	95,94	120,2	13,94	7,37	"	6,14	3,97	Там же, дер. Табат
" № 5030	99,41	145,3	14,61	8,08	Полукруглая	6,84	3,94	Там же, дер. Восточное
" № 5031	97,43	124,9	14,77	7,15	Квадратная	7,52	3,36	Там же, дер. Субботина
" № 5032	97,97	108,1	14,25	7,09	Круглая	6,74	3,88	Там же, дер. Бекасова
" № 5033	95,80	116,9	14,48	7,40	"	6,14	3,72	Там же, дер. Салба
" № 5175	96,56	111,1	14,31	6,76	"	7,3 - 6,4	3,13	Там же, дер. Узунжуп
" № 5206	97,54	129,6	14,58	7,14	Полукруглая	6,07	3,54	Там же, дер. Табат
Музей ТГУ, № 3308	100,04	166,9	15,08	8,00	Квадратная	6,00	4,58	Минусинская котловина
Род Куйсали	98,02	123,2	14,31	6,89	Полукруглая	4,88 - 5,95	2,84 - 3,30	Село Булава, Ульяновский р-н
Бертек-20, кург. 1	99,72	142,8	14,65	8,50	"	6,36	4,50	Юг Алтая
Большой Лохматый Ключ-5	96,00	-	-	-	-	-	-	Село Сучан, Приморский край
Музей Приморского края, б/н	-	-	-	-	-	-	-	Приморский край
Музей г. Люйшунь, № 1.778	99,00	161,0	14,00	10,0	-	6,00	4,00	Провинция Ляонин
Цэнгучэн	99,00	-	-	-	-	-	-	Нуньань, пров. Цзилинь
Сыцзяцзы	109,00	-	-	-	-	-	-	Таонань, пров. Цзилинь
Цзиньцзяоу	96,00	120,0	-	-	-	-	-	Лоян, пров. Хэнань
Гаоли	101,00	-	-	-	-	-	-	Корейский п-ов
Даяньта	101,00	-	-	-	-	-	-	Сиань, пров. Шэньси
Байчэн	109,00	-	-	-	-	-	-	Эчэн, пров. Хэйлунцзян

с городища Цэнгучэн вырезана чжурчжэньская надпись. Поскольку подобные зеркала можно точно (по размеру и по наличию надписи) отнести к группе I, они датируются эпохой Цзинь (после XII в.) и могут быть оригиналами. Не исключено, что зеркала группы II уменьшились в размерах в результате повторной отливки.

Для выявления археологических параллелей зеркалам в шаманской атрибутике важно рассмотреть клад, обнаруженный в долине Большого Лохматого Ключа в окрестностях дер. Хмельницкой в Приморье. Он включает 9 зеркал эпохи Цзинь (с изображением играющего на кото; красавицы, любующейся рыбами; двух мальчиков, собирающих цветы лотоса; Лю И; двух карпов и т. д.), 23 железные конусообразные подвески, 4 монеты Северного Сун (три *чуннин чжунбао* и одна *чуннин тунбао*) [Шавкунов, 1960]. В коллекции есть подвески, подобные прикрепленным к поясу, принадлежавшему роду Куйсали. Обращает на себя внимание зеркало, имеющее общие элементы с описанным выше образцом. Оно отличается от других зеркал коллекции тем, что за персонажем, изображенным справа от полусферического выступа держателя, показан прямоугольник, внутри которого вписаны два иероглифа, в том числе *гун* - государственная служба. Такой же иероглиф есть и на бортике зеркала с изображением рыб. Эти надписи характерны для эпохи Цзинь. Наличие в кладе северосунских монет (начало их отливки датировано 1102 - 1103 гг.) позволяет, исходя из установленной выше аналогии между зеркалами, отнести некоторые элементы с пояса из музея ИАЭТ СО РАН к эпохе формирования империи Цзинь. Возможно, не только

зеркала такого типа, но и сам пояс мог появиться в средневековье. В свете вышеизложенного логично предположить, что зеркало с анализируемого пояса было поздней имитацией зеркал группы I. Об этом свидетельствуют уменьшенные размеры, нечеткость изображения, отсутствие острого края, а также характерных углублений с боков от полусферического выступа, грубая выделка песчаного фона на тыльной стороне и т.д.

Специалистами высказано несколько идей по поводу функционального назначения зеркал. Зеркала дисковидной формы, которые прикреплялись к шаманским костюмам и использовались при камлании [Смоляк, 1991], у народов Монголии, Кореи, северо-востока Китая, Южной Сибири и даже у нганасан, проживающих на п-ове Таймыр, называются *толи*. Пока трудно определить причины широкого распространения этого слова среди народов Азии. Говоря о сфере использования *толи* соседями ульчей, отметим, что нанайцы медные подвески *толи* (зеркала) прикрепляют ремешками на спину или на пояс, чтобы предвидеть будущее или защититься от стрел врагов. У этого народа все элементы в шаманском костюме связаны с идеей Мирового дерева, его листья - это зеркала *толи*, а цветы - колокольчики *конгокут*. Подобное зафиксировано и у удэгейцев Приморья. У нивхов бронзовые шаманские зеркала являются атрибутами проводов души в загробный мир. *Толи* и трубчатые подвески (колокольчики) известны и у негидальцев [Прокофьева, 1971]. Что значит слово *толи*? А.В. Смоляк предложила трактовку, основанную на материалах своих полевых исследований. Нанайцы используют это слово как метафору при

обозначении гладкой ровной поверхности. Однако это не характерно для других тунгусо-маньчжурских народов. У ульчей и нанайцев *толи* ассоциируется со щитом шаманов от злых духов, предвидением будущего, отражением добра и зла. Считалось, что эти зеркала могли служить вместилищами разных духов-помощников.

В культуре народов нижнего Амура зеркала имели особое значение. Основываясь на археологических и этнографических материалах, можно сделать вывод, что зеркало, подвешенное на пояс, принадлежавший роду Куйсали, - традиционная вещь.

Знакомство с культурой ульчей очень обогатило нас. От жителей сел Булава и Удаган мы узнали родословные ульческих родов айнского происхождения Куйсали и Дуван. Об этом написал в своей статье руководитель нашей экспедиции сотрудник Исторического музея Хоккайдо Ицуки Накамура [1992]. Согласно родословным, предки рода Куйсали прибыли на Амур с Хоккайдо и вступили в брачный союз с ульчами, поэтому их потомков называют ульчами айнского происхождения. Российские ученые, изучавшие тунгусо-маньчжурскую общность, также выявили влияние айнского компонента на народы Дальнего Востока. Японские исследования последних лет показывают, что все жители нижнего Амура и Сахалина были включены в податную систему государства Цин [Мацура, 1987].

Представители рода Куйсали, рассказывая о своем прошлом, расходились в деталях, но единодушно выражали гордость за свое айское происхождение. "Наши предки, - говорили они, - переехали с Хоккайдо на Сахалин, с Сахалина перебрались на Амур через Маго. Было три брата. Один остался на Сахалине, другой отправился в Нижнюю Гавань выше Тахты, третий поднялся по Амуру в Удан, что у Мариинска. Когда обосновались в Удане, по морю на лодке плавали на Сахалин в гости к Куям (Куйсали). В 1927 - 1928 гг. переехали в Булаву из-за наводнения в Удане". На карте показан этот маршрут Хоккайдо - Сахалин - нижний Амур (рис. 4). А.В. Смоляк по поводу переселения айнов пишет: «Котон (Котан) по-айнски означает "селение"; таких названий с добавлением определенных на карте Южного Сахалина встречается много. Можно думать, что название "котон" около озера Кизи появилось в результате поселения здесь группы айнов (о том, что тут жили айны-куи, хорошо известно и из литературы, и по данным переписи 1926 г., и по другим источникам). В 1926 г. эти айны, по существу уже ульчи айнского происхождения, жили все там же, у озера Кизи, в сел. Удан. <...> В 1872 г. иеромонах Валериан рапортовал своему начальству (епископу Вениамину) о том, что из крещеных гиляков (ульчей) Софийского прихода некоторая часть переехала на Сахалин, другие в Императорскую Гавань. Причина

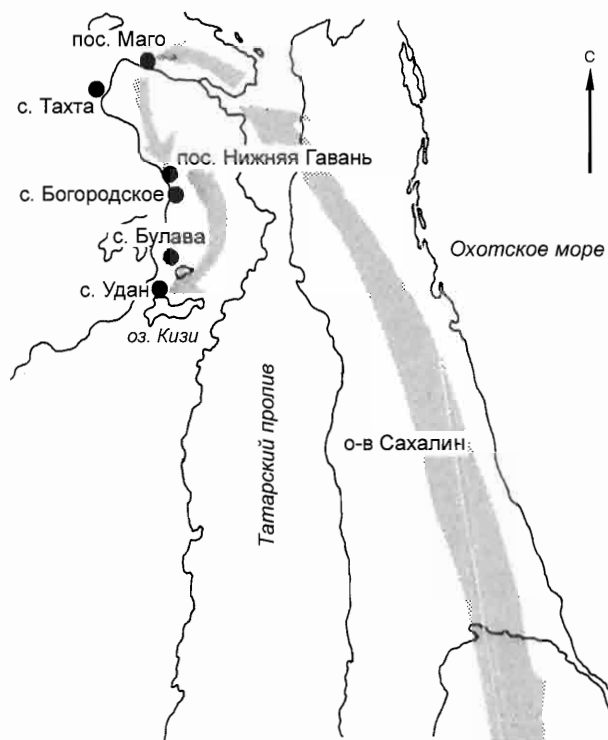

Рис. 4. Направление миграции предков рода Куйсали в конце XIX в.

переселений, по его данным, - наводнение 1858 г., затопившее многие селения по Амуру близ озера Кизи» [1975, с. 30 - 31].

Сравнивая родословную рода Куйсали с описаниями А.В. Смоляк, можно сделать вывод, что в 1926 г. в с. Удан у оз. Кизи жили ульчи айнского происхождения, а в 1927 - 1928 гг. после наводнения они переехали в Булаву. По мнению И. Накамура, их предки приплыли на континент с Хоккайдо около 1850 г. [1992]. Восстанавливая родовой состав ульчей с 1850 по 1920 г., А.В. Смоляк подчеркивает, что в Удане вместе с такими родами, как Дечули, Сулаки, Удзял, Ыгдымсели, Тумали, Холгой, жил род Куйсали [1975, с. 96]. Этот факт не противоречит родословной рода Куйсали. Христианизация народов нижнего Амура началась в 1860-х гг., а в 1870 - 1880-е и особенно в 1890-е гг. она активизировалась среди нанайцев, ульчей, орочей и негидальцев. В миссионерских школах местные народы получили знания о христианском вероучении, но они не восприняли христианскую религию. Деятельность шаманов не прекратилась, а стала более скрытой [Там же, с. 215 - 217].

Подытоживая сказанное, отметим, что пояс рода Куйсали, восходящий по стилю к средневековью, был изготовлен в 1890-х гг. Он был дополнен зеркалом, традиционный тип которого получил распространение в основном на северо-востоке Китая, в Приморье и

на Амуре, т.е. на бывшей территории государства Цзинь. На пояс его владельца прикрепили также типичные гарды айнского меча - возможно, чтобы подчеркнуть свое отличие от других "инородцев", проживающих на континенте, в этом отразилось духовное слияние двух культур: с одной стороны, айнской, а с другой - континентальной дальневосточной.

Список литературы

Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск: Наука, 1994. - 223 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. - М.: Наука, 1975. - 167 с.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. - Л., 1971. - Вып. 27. - С. 5 - 100.

Смоляк А.В. Этнические процессы у народов нижнего Амура и Сахалина середины XIX - начала XX в. - М.: Наука, 1975. - 232 с.

Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы нижнего Амура). - М.: Наука, 1991. - 279 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. - Л.: Наука, 1977. - Т. 2. - 992 с.

Шавкунов Э.В. Клад чжурчжэньских зеркал // МИА. - 1960. - Вып. 86. - С. 231 - 237.

Мацура Сигэру. Сложение контрольной системы о жителях на нижнем Амуре и Сахалине под государством Цин // Си-Лин. - Киото, 1987. - Т. 70, № 4. - С. 1 - 38 (на яп. яз.).

Морохаси Тэцудзи. Дай Тюва дзитэн (Большой китайско-японский словарь). - Токио, 1974. - Т. 6. - 1196 с.

Накамура Ицуки. О существовании ульчей айнского происхождения на нижнем Амуре // Хоккайдо рэкиси хакубуцукансю (Сборник исторического музея Хоккайдо). - Саппоро, 1992. - № 1. - С. 17 - 29 (на яп. яз.).

Фудзимото Хидэо. Некий старик Васигороу Васидзука // Бункадзай (Культурные ценности). - Токио, 1998. - № 415. - С. 16 - 20 (на яп. яз.).

*Материал поступил в редколлегию 24.03.99 г.
Перевод с японского автора*

УДК 903.5(571.15)

Е.Г. Шпакова, А.П. Деревянко

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОДОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ НАХОДОК ИЗ ПЕЩЕР АЛТАЯ*

Введение

На территории России Алтайский горный массив расположен между 49° - 53° с. ш. и 83° - 90° в. д., он входит в систему горных образований, ограничивающих с юга пространства Северной Азии, и занимает ее западные регионы [Деревянко, Агаджанян, Барышников и др., 1998, с. 7]. В 1984 г. в низкогорной зоне Северо-Западного Алтая были найдены уникальные антропологические образцы - зубы и фрагменты посткраниального скелета, датируемые поздним периодом среднего плейстоцена - верхним плейстоценом.

Это единственные в Сибири столь древние одонтологические образцы. Их обнаружили в двух пещерах, расположенных в долине р. Ануй (Денисова пещера - слои 12, 22(1) и пещера им. Окладникова - слои 2, 3, 7).

Как археологический памятник Денисова пещера была открыта в 1977 г. Н.Д. Оводовым. Пещера относится к горизонтальному типу и состоит из центрального зала и трех галерей, вход в нее находится на высоте 28 м от современного уровня реки. С 1982 г. в пещере проводятся стационарные раскопки в центральном зале и на предвходовой площадке (рис. 1). Разрез плейстоценовой толщи в центральном зале (сектор IV) состоит из 14 плейстоценовых слоев (9 - 22). Антропологические находки принадлежат 22-му и 12-му слоям. Первоначальные хронологические данные, полученные радиоуглеродным методом по гуминовым кислотам и кости, - для 11-го слоя - бо-

лее 37235 лет и для 21-го слоя - 39360 ± 1310 лет - не были поддержаны другими хроностратиграфическими показателями (литолого-стратиграфическими, биостратиграфическими и археологическими). Возраст плейстоценовых отложений, установленный физическими методами, для 14-го слоя составил 69 ± 17 тыс. лет, а для 22(1)-го была определена серия дат - от 171 ± 43 тыс. до 224 ± 45 тыс. л. н. Результаты, полученные радиотермолуминесцентным методом, нашли косвенное подтверждение в данных палинологического анализа, проведенного Е.М. Малаевой [Деревянко, Гнибиденко, Шуньков, 1998, с. 512], и в палеомагнитных характеристиках разреза. Однако комплекс биостратиграфических особенностей (в основном морфологические и эволюционные показатели, касающиеся мелких млекопитающих) не позволяет датировать 22-й слой временем ранее финала среднего плейстоцена. Палеогеографические данные отражают существование в это время тепло-го и умеренно влажного климата со стабильной природной обстановкой. Нижняя граница 12-го слоя несет следы чередований влажного и прохладного климата с более сухим и теплым. Археологический инвентарь 22-го и 21-го слоев относят к индустрии позднего ашеля. Каменные артефакты 20 - 12-го слоев характеризуются мустьерским комплексом технико-типологических особенностей. Орудия 11-го слоя и сопутствующие им костяные изделия (инвентарь и украшения) в целом более соответствуют начальной поре верхнего палеолита. Особенностью этой индустрии является присутствие в ней и мустьерских, и верхнепалеолитических форм [Деревянко, Агаджанян, Барышников и др., 1998, с. 24, 25, 38, 39, 41].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 98-06-80022.

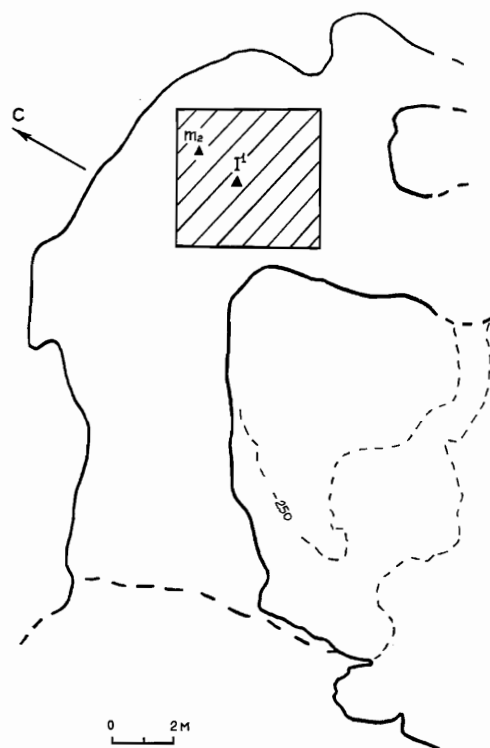

Рис. 1. План Денисовой пещеры с расположением одонтологических находок.

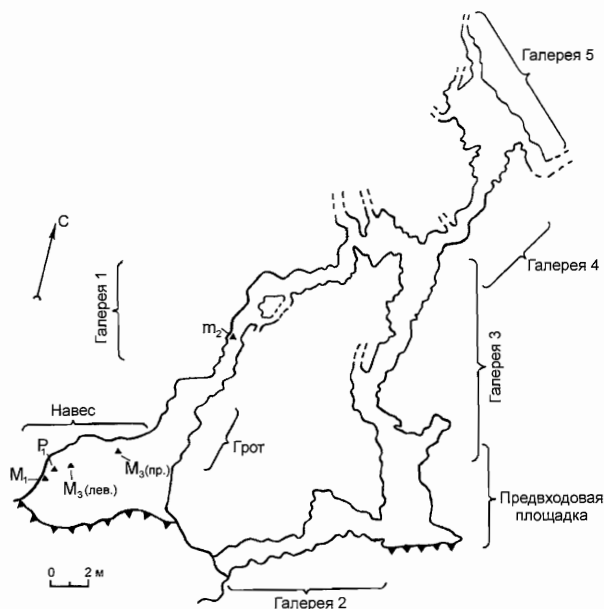

Рис. 2. План пещеры им. Окладникова с расположением одонтологических находок.

Пещера им. Окладникова (прежнее условное название Сибирячиха) в качестве археологического объекта была открыта в 1984 г. А.П. Деревянко и В.И. Молодиным, археологические исследования в ней проводились с 1984 по 1987 г. Пещера обращена входом (высота от уровня реки 14 м) на долину р. Сибирячихи - левого притока р. Ануя и состоит из наве-

са, грота, пяти галерей и трех залов (рис. 2). В 1984 г. были найдены пять зубов человека, основное количество которых оказалось сосредоточенным в отложениях навеса, площадь его составляет 8 x 4,2 м, мощность рыхлого материала не превышает 1 м. Реконструкция природных особенностей времени образования 2, 3 и 7-го слоев, содержавших антропологические образцы, свидетельствует, что слои формировались в условиях теплого климата при развитии лугово-степной растительности, по радиометрическим данным они относятся к каргинскому циклу осадконакоплений. Диапазон абсолютных дат этих слоев - 37750 ± 750 - 44800 ± 400 л. н. [Там же, с. 68, 75, 76].

Мустьерские археологические памятники Сибири концентрируются преимущественно на Алтае, где открыты пещерные многослойные стоянки и местонахождения. Типологические особенности орудийного материала пещеры им. Окладникова имеют аналогии с некоторыми мустьерскими комплексами Ближнего Востока, Восточной Европы и южных регионов европейской части России [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 193, 196].

Предварительный анализ антропологического материала из пещер Алтая (фрагменты посткраниального скелета и семь зубов) был проведен В.П. Алексеевым [Alekseev, 1998] и американским антропологом Кристи Тернером (у которого, к сожалению, было очень ограниченное время для просмотра коллекции зубов). Работа российского ученого включает знакомство с древними антропологическими находками Сибири и широкий сравнительный морфогенетический анализ особенностей одонтологических и остеологических образцов. К. Тернером было написано две статьи, посвященные анализу алтайских одонтологических образцов мустьерского времени [Turner, 1988, 1990]. В последней работе им представлена метрическая и морфологическая характеристика зубов, а также предложена модель реконструкции эволюционного и расового положения, занимаемого древними обитателями Алтая. Автор определил три основных вопроса, касающихся принадлежности этого населения неандертальским группам или анатомически современным сапиенсам, расовой одонтологической характеристики и возможной связи алтайских мустьерцев с первыми поселенцами Северо-Восточной Сибири и Америки. К. Тернером были высказаны предположения о том, что исследованные зубы, скорее всего, принадлежали людям неандертальского вида, что древние обитатели Алтая имели большее сходство с синхронным европеоидным населением, чем с азиатскими группами, и что не существовало реальной линии развития от палеолитического алтайского человека к современным монголоидам.

Необходимость тщательного повторного исследования имеющихся палеоантропологических образцов была вызвана несколькими причинами:

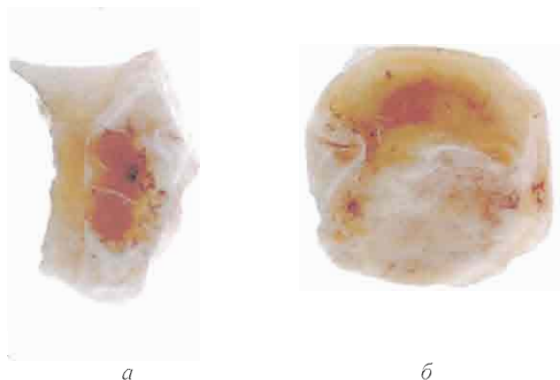

Рис. 3. Второй нижний левый молочный моляр из Денисовой пещеры.
а - вестибулярная норма, б - вертикальная норма.

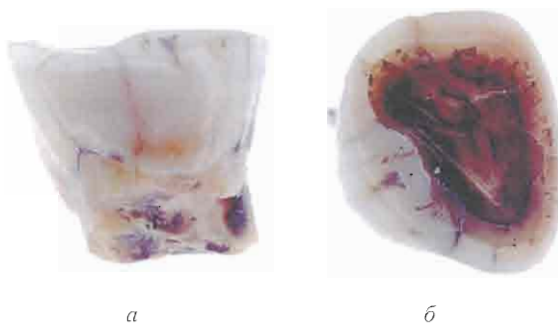

Рис. 4. Первый верхний левый постоянный резец из Денисовой пещеры.
а - лингвальная норма, б - вертикальная норма.

Рис. 5. Второй нижний правый молочный моляр из пещеры им. Окладникова.
а - вестибулярная норма, б - вертикальная норма.

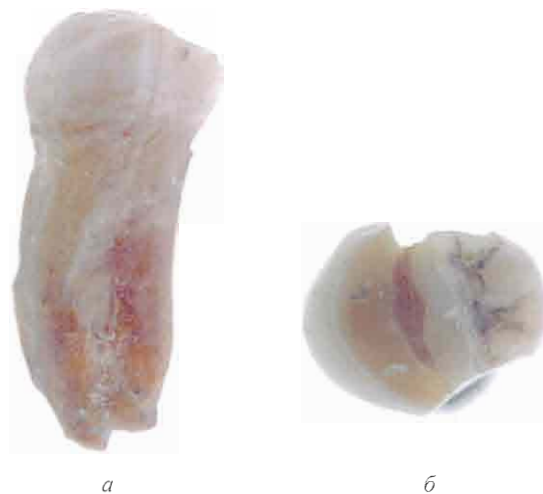

Рис. 6. Первый нижний левый премоляр из пещеры им. Окладникова.
а - дистальная норма, б - вертикальная норма.

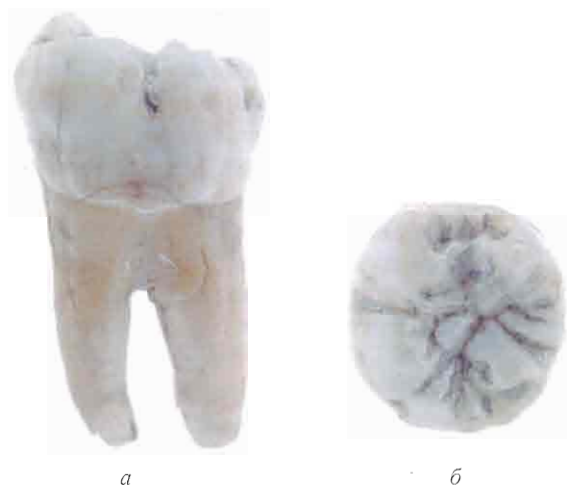

Рис. 7. Первый нижний левый постоянный моляр из пещеры им. Окладникова.
а - вестибулярная норма, б - вертикальная норма.

Рис. 8. Третьи правый и левый нижние моляры - мезиальная и дистальная нормы.

Рис. 9. Третьи правый и левый нижние моляры - вертикальная норма.

несоответствием измерительных методик (препятствующих проведению широкого сравнительного анализа одонтологических образцов), возникшими сомнениями в определении позиции молочного и постоянного моляров и полным отсутствием в работе К. Тернера одонтоглифических признаков, играющих важную роль в эпохальной и расовой диагностике.

В настоящее время вся алтайская одонтологическая коллекция находится в музее Института археологии и этнографии СО РАН. Почти все зубы из пещеры им. Окладникова имеют хорошую сохранность, пришлось частично реконструировать только корень нижнего премоляра. Коронки характеризуются небольшой стертой эмали, отсутствием кариеса, следов искусственной деформации и механических повреждений. На всех коронках постоянной смены видны следы гипоплазии эмали. Зубы из Денисовой пещеры по внешнему виду значительно отличаются от зубов из пещеры им. Окладникова - это коронки с очень сильной стертой эмали и дентина, на молочном моляре присутствуют еще и четкие следы механических повреждений. Гипоплазии эмали нет.

В связи с тем, что все зубы, найденные в 1984 г. в обеих пещерах, извлечены из позднеашельских и мустьерских культурных слоев, при анализе антропологического материала возникает несколько ключевых вопросов: 1) являются ли представленные зубы образцами древних предковых форм, 2) с какими группами - *H. sapiens* или *H. neanderthalensis* можно их соотнести, 3) к восточному или западному одонтологическим стволам могут быть отнесены представители этого древнего населения, 4) в чем выражаются особенности каждого одонтологического типа.

Первым этапом работы было определение позиционной принадлежности каждого зуба коллекции. После уточнений выяснилось, что в Денисовой пещере были найдены постоянный верхний центральный резец и второй нижний молочный моляр, а в пещере им. Окладникова - пять зубов нижнего ряда: второй молочный моляр, первый премоляр, первый или второй постоянный моляр и две коронки третьих моляров. Одонтологические особенности всех зубов и сравнительные данные представлены в табл. 1 - 4 и на рис. 3 - 9.

Денисова пещера

Наиболее необычными и архаическими выглядят находки из этой пещеры. Верхний центральный резец и молочный нижний моляр имеют очень сильную сошлифованность коронок горизонтального типа - подобный характер стертости типичен, в частности, и для неандертальских зубов.

m₂ лев. - сектор IV, кв. В8, слой 21(1).

Хронологический диапазон 21(1)-го слоя, к которому относится молочный моляр, - от 171 тыс. до

224 тыс. л. н. (метод РТЛ). Коронка почти стерта до основания (балл 5 - 6), корни отсутствуют. Подобные изменения в структуре зуба в современных популяциях характерны для возраста 10 лет $\pm$ 2,5 года. Окклюзивная поверхность имеет две площадки стертости: переднюю, меньшую по размерам (1/3 S), с наклоном к мезиальному краю коронки, и заднюю (2/3 S), с заметным снижением уровня к дистальному краю и небольшим чашеобразным углублением в дисто-лингвальном отделе. Поясок эмали достигает в высоту 1 - 2 мм, сохранилась также шейка и часть цервикального отдела мезиального корня. На вестибулярной поверхности коронки имеются крупные сколы эмали, более мелкие - на дисто-лингвальном углу коронки. Передняя площадка стертости жевательной поверхности с наружной стороны ограничена небольшим сохранившимся отрезком I борозды. Значительная по размерам, широкая и очень низко расположенная дистальная контактная фасетка свидетельствует о достаточно длительном и сильном воздействии коронки первого постоянного моляра, не достигшего еще своей максимальной высоты при прорезывании. Этот зуб у современных детей появляется из альвеолы в 6 лет $\pm$ 2 года. На основании степени стертости коронки и не принимая во внимание существующее предположение о более ранних сроках развития зубных смен, можно было бы предположить, что возраст ребенка в момент гибели (или потери зуба) был равен примерно 10 годам, однако учитывая низкое положение дистальной фасетки, т. е. воздействие на молочный зуб низко расположенного первого постоянного моляра, логичнее считать, что либо ребенку могло быть около 6 - 7 лет, либо имела задержка с полным выходом коронки моляра из альвеолы. Таким образом, с учетом диапазона определяемых возрастных величин для зубов обеих смен наиболее приемлемым остается предположение, что ребенку в момент потери зуба было 7 - 8 лет (по современным стандартам).

Ранее эта коронка определена как очень крупный первый нижний молочный правый моляр [Turner, 1990, р. 240]. Основанием такому предположению, вероятно, послужило наличие нижнего отдела боковой борозды, которая могла быть интерпретирована автором как борозда, обрамляющая с лингвальной стороны мезиальную впадину. Но подобному определению совершенно не соответствуют морфологические особенности сохранившейся цервикальной трети коронки - в частности, отсутствие *tuberculum molare* и абсолютно прямая горизонтальная линия эмалево-цементной границы в мезиальной (и в дистальной) норме, в то время как для первого молочного моляра характерна прямая линия с резким изгибом в цервикальном направлении при приближении к вестибулярной части коронки [Зубов, 1968а, с. 114]. Внутреннее строение пульповой камеры - более вы-

Таблица 1. Метрические особенности плейстоценовых зубов человека из пещер Алтая

Слой	Зуб	MD cor	VI cor	MD col	VI col	H cor	H r	MD r	VL r	I r	I cor	m cor	VL tr	VL ta	VL tr/ VL ta
<i>Денисова пещера</i>															
12	I ¹	10,0 (10,7-11)?	8,6	7	7,4	8,0 (12)?					1,3				
22 (1)	m ₂	10,3?	9,3?	8,1	7,7										
<i>пещера им. Окладникова</i>															
3	P ₁	6,6	8,6	5,2	7,4	6,7?	14,1?	3,6	6,4	1,8					
3	M ₁₍₂₎	11	10,3	8,6	8,9	6,5					93,6	10,7	9,9	9,2	1,08
2	M _{3лев.}	11,6	10,2	10	9,5	6,6					87,9	10,9	10	10,5	0,95
3	M _{3пр.}	12,1	10,6	11,1	10,4	6,6					87,6	11,4	10,6	9,1	1,16
7	m ₂	10	8,6	7,8	7	4,9					86	9,3	8,4	8,5	0,95

Примечание: I r = VL r : MD r (для I); I cor = H cor : MD cor (для I); I cor = VL cor : MD cor x 100 (для M); m cor = (VL cor + Md cor) : 2.

раженный рельеф рогов и “расходящийся” контур с одной стороны и сглаженность очертаний противоположного более узкого отдела со слабо развитыми рогами - служит хорошим уточнением при определении соответственно мезиальной и дистальной повер-хностей коронки.

Затек эмали выражен слабо (3 балла), определить рисунок борозд невозможно. Диаметры шейки молочного зуба превышают аналогичные размеры второго моляра из пещеры им. Окладникова, найденного в хронологически более поздних отложениях (см. табл. 1).

I¹ лев. - сектор IV, кв. Д7, слой 12.

Возраст 12-го слоя может быть определен на основании дат, полученных для сопредельных слоев: возраст 11-го слоя - более 37235 тыс. лет (метод ¹⁴C), 14-го слоя - 69 тыс. ± 17 тыс. лет (метод РТЛ).

Сохранилась только коронка постоянного верхнего левого центрального резца, ее стертость соответствует 4 баллам (вариант для резцов и клыков), корень сломан на уровне шейки зуба, патологических изменений и следов механических повреждений нет. Стертость горизонтального типа, прикус лабидодон-тный. При смыкании зубов-антагонистов, судя по все-му, имелась небольшая, расширяющаяся в вестибу-лярном направлении межзубная щель, напоминающая морфологическую особенность стертых резцов не-андертальца из Шанидара-1 [Ronen, 1990, S. 6]. По-добное специфическое стирание резцов скорее всего связано с характером приема пищи: если при надку-сывании основной кусок резко поднимали вверх или (реже) опускали вниз, усиливалось стирание вестибу-лярных отделов коронок передних зубов под углом к горизонтальной плоскости (дальнейшее пережевыва-ние пищи происходило по принципу жерновов - гори-зонтальная стертость коронок). Характер сошлифо-ванности резца и молочного зуба, а также наличие множества механических повреждений на молочном

моляре (К. Тернер пишет, что они очень похожи на аналогичные повреждения зубов у представителей арктических охотничьих племен) говорят нам о том, что древние люди употребляли очень грубую пищу, в состав которой, скорее всего, входили и некоторые кости. И вероятно, мелкие фрагменты костей, действуя как абразивный материал, оставили на окклюзивной поверхности молочного зуба ряд мелких царапин, вытянутых в мезио-дистальном направлении. Очень маленькие размеры пульповой камеры I¹ и небольшой диаметр корневого канала обусловлены, очевидно, отложением вторичного дентина, поскольку имеется прямая зависимость скорости его отложения от ин-тенсивности стирания коронки.

Несмотря на значительную степень стертости зуба, в современных популяциях характерную для людей старческого возраста, субъект, которому принадле-жал резец, скорее всего, был еще достаточно молод (возможно, ему было около 25 лет) - это косвенно подтверждает ровный и светлый цвет эмали. Отсут-ствие на коронке следов гипоплазии означает устой-чивое биологическое развитие организма без силь-ных физиологических стрессов - по всей вероятности, этот человек не испытывал длительного голодания и серьезных болезней.

Коронка зуба выглядит очень необычно из-за асимметрии, вызванной значительным развитием мощ-ного мезиального гребня на лингвальной поверхнос-ти и отсутствием дистального, - форма поперечного сечения пульповой камеры полностью соответству-ет этой морфологической особенности. В сохранив-шейся цервикальной трети коронки имеется лингваль-ный бугорок (балл 1) без оформленной вершины, но с несколькими короткими и слабо выраженными зубце-видными выступами - один в мезиальной половине и два - в дистальной. К. Тернер пишет, что резец из Де-нисовой пещеры очень похож на резец неандертальца

из Шанидара-2 и заметно отличается от зубов крапинских неандертальцев [Turner, 1990, p. 240]. Действительно, судя по фотографии [Trinkaus, 1992, p. 164, fig. 7], характер стертости шанидарского резца такой же, как и на алтайском образце, похожа даже дифференциация лингвального бугорка (с одним и двумя зубцами), но форма пульповой камеры указывает на то, что лингвальная поверхность этого зуба имела классическую лопатообразность с хорошо развитыми боковыми гребнями (возможно, балл 2) при большей выраженности мезиального гребня - в отличие от алтайской формы, с полным отсутствием дистального гребня. При этом, несомненно, между алтайскими и крапинскими резцами имеются еще более значительные различия, чем с шанидарскими, так как лопатообразность резцов европейских неандертальцев имеет гораздо большую выраженность, чем у переднеазиатских. Этот момент является очень важным при дальнейшем анализе, поскольку лопатообразная форма резцов считается типичной для всей неандертальской стадии эволюции, включая европейских и переднеазиатских палеоантропов [Зубов, Халдеева, 1989, с. 202].

Уплощение вестибулярной поверхности или ее "двойная лопатообразность" - признаки, более распространенные среди восточноазиатских групп, - на плейстоценовом резце отсутствуют. Интересно, что они встречаются на более поздних денисовских одонтологических образцах скифского времени (слой 8 в голоценовых отложениях) (неопубликованный материал Е.Г. Шпаковой). Выпуклость вестибулярной поверхности умеренная, зато, судя по всему, продольная выпуклость наружной поверхности коронки была значительной. Эмалево-цементная граница на дистальной и мезиальной сторонах различна - в первом случае изгиб контура равномерно выпуклый, во втором - имеется широкий наплыв эмали в ее верхнем отделе. Подобная особенность (судя по фотографии) также присутствует на правом центральном верхнем резце тунцзыского человека [Кучера, 1996, с. 96] - только на дистальной поверхности; находка датируется мезоили неоплейстоценом [Там же, с. 72]. При этом китайский резец отличают от алтайской находки большая выпуклость вестибулярной поверхности и значительное развитие краевых лингвальных гребней.

Размеры коронки (см. табл. 1) очень велики. Вестибуло-лингвальный диаметр (8,6) сравним с аналогичными размерами сунгирского резца мальчика, зубов европейских и среднеазиатского неандертальцев (см. табл. 3). Мезио-дистальный диаметр коронки, примерно на уровне половины ее высоты (10,0), позволяет предположить значительную ширину режущего края - возможно достигающую 10,7 - 11 мм, а реконструируемая высота коронки, при 8 мм сохранившейся части, вероятно, составила бы 12 мм. Последний размер опять-таки очень близок высоте резцов у

Таблица 2. Одонтологические признаки зубов плейстоценового человека из пещер Алтая

Зубы	Степень стертости зубов	Денисова пещера										пещера им. Окладникова									
		Лопатообразность I ¹	«Двойная» лопатообразность I ¹	Выпуклость вестибулярной поверхности I ¹	Пальцевидные выступы на I ¹	Число бугорков на P ¹	Число корней	Форма моляра	Межкорневой затек эмали	Прототипия	Спиральность	Колечная складка метакониды	Лампа	Дистальный гребень трикониды	Передняя ямка	Дополнительные бугорки	med больше pri	2 med (II), (III)	Лингвальный гребень эмали		
I ¹	4	1?	1?	1?	3?													0			
m ₂	6								3									0			
P ₁	3					5 ?	1											0			
M _{1(2?)}	1						2	Y6	3	2?	0	0	+	0	+	+	+	(III)	+		
M _{3 пр.}	0						0	X6	3	0	0	0	0	0	+	+	0	(III)	+		
M _{3 лев.}	0						0	Y6	3	0	0	0	0	0	+	+	+	(II)	+		
m ₂	2						2	Y6	3	0	0	0	+	0	0	+	0	(III)	0		

Таблица 3. Сравнительные размеры некоторых постоянных и молочных зубов в разновременных группах

Находка	Алтай (плейсто- цен)	Каменка II* (бронза Якутии)	Лиственка** (поздний палеолит)	Мальта** (поздний палеолит)	Сунгирь** (25 - 30 тыс. лет)		Верхний палеолит**		Самарканд** (поздний палеолит)	Неандерталь- цы Европы**	Тешик-Таш**	Рабат**	Баракаев- ский памятник**	Чжоукоу- дянь**	Динцунь** (100? тыс. лет)	Тунцзы** (плейсто- цен)	Современ- ные расы**
		муж.	жен.		муж.	жен.	ранний	поздний						синантроп 4			
<i>VL cor</i>																	
I ¹ (Д.п.)	8,6	6,7	6,6		8,5	7,6	7,5	7,5		8,7	8,9			8,1	6,4	8,3	7
P ₁ (О.п.)	8,6		7,1		9,6	8,7	8,5	8,1	7,2	9,1							7,8
M ₁ (О.п.)	10,3	11	10,2	10,7	11,8	10,9	11	10,9	10	11,3	10,9 - 11,4	11					10,4
M ₂ (О.п.)	10,2											11					10,1
M ₃ (О.п.)	10,6											11					10,1
m ₂ (Д.п.)	9,3 ?	9	9	9,1		9,1					9,8		9,6				9,1
m ₂ (О.п.)	8,6	9	9	9,1		9,1					9,8		9,6				9,1
<i>MD cor</i>																	
I ₁ (Д.п.)	10,7-11,3	7,9	8,4		8,5	9,7	9,4	9,3	8,7	10,3	10,2			10,7	8,3	10,3	8,8
P ₁ (О.п.)	6,6		6,6			7,1	6,9	7,3	7	6,4							7
M ₁ (О.п.)	11	11,2	11,2	12,2	11,3	12	11,2	11,6	11,1	11,9	11,7 - 12,3	12					11,2
M ₂ (О.п.)	11,6											12,5					10,9
M ₃ (О.п.)	12,1											12,5					10,9
m ₂ (Д.п.)	10,3 ?	10,1	10,4	10,9			8,9				10,1		10,8				10,2
m ₂ (О.п.)	10	10,1	10,4	10,9			8,9				10,1		10,8				10,2
<i>H cor</i>																	
I ¹ (Д.п.)	12 ?	9,1				11,9	10,2				12				11,6		10,8
P ₁ (О.п.)	6,7 ?		9			10	8,2										8,3
M ₁ (О.п.)	6,5	6,9	8,2	7,6	5,8						7,7 - 7,1						7,7
M ₂ (О.п.)	6,6																6,9
M ₃ (О.п.)	6,6																6,9
m ₂ (Д.п.)		4,8	5,4	6,2							4,8		6,8				6,2
m ₂ (О.п.)	4,9	4,8	5,4	6,2	5,5						4,8		6,8				6,2

Примечание: выделенные данные близки размерам алтайских образцов. Д.п. - Денисова пещера, О.п. - пещера им. Окладникова.

1* Находка В.А. Кашина (средняя Колыма), 1997 г.; данные Е.Г. Шпаковой.

2* Находка Е.В. Акимовой (под Красноярском), 1992 г.; по публикации Е.Г. Шпаковой [1997].

3* Данные Е.Г. Шпаковой.

4* По публикации А.А. Зубова [1984].

5* По публикации В.В. Гинзбурга и И.И. Гохмана [1974].

6* По публикации А.А. Зубова [19686].

7* Находка В.М. Харитонова.

8* По публикации С. Кучеры [1996].

9* По публикации А.А. Зубова, Н.И. Халдеевой [1993].

Таблица 4. Некоторые одонтологические признаки молочного и постоянного нижних моляров в разновременных группах мустьерского времени

Зубы	Форма моляра	Межкорневой затек эмали	Прото- стигид	Коленчатая складка метаконида	tam	Дистальный гребень тригонид	Передняя ямка	Трансвер- сальный гребень	Дополнитель- ные бугорки	Талонид шире тригонид	med больше pid	2 med (II),(III)	Гипоплазия эмали	Механические повреждения зуба
<i>Мустье-Алтая</i>														
m ₂ лев.		3											0	+
m ₂ пр.	Y6	3	0	0	+	0	0	0	+	0	0	(III)	0	0
M ₁₍₂₎	Y6	3	2?	0	+	0	+	0	+	0	+	(III)	+	0
M ₃ пр.	X6	3	0	0	0	0	+	0	+	0	0	(III)	+	0
M ₃ лев.	Y6	3	0	0	0	0	+	0	+	+	+	(II)	+	0
<i>Тешик-Таш*</i>														
M ₁	Y5, Y6?	3	0	0	+	0	+	+	+		Равен	(III)	0	
M ₂	Y6						+	0						
<i>Рабат*</i>														
M ₁	5						+	0	+		+			
M ₃	6						+	0	+					

* Данные по публикации А.А. Зубова [1968б, 1984].

сунгирца и ребенка из Тешик-Таш, но огромный MD сог центрального резца идентичен этому параметру у синантропа 4 из Чжоукоудянь [Там же, с. 78] и не находит аналогов в некоторых средних и индивидуальных размерах палеоантропов, однако приближается к ним более, чем к остальным представителям эволюционно продвинутых предковых форм.

Подобные крупные размеры, необычная асимметрия коронки и боковой “наплыв” эмали скорее всего могут рассматриваться и как архаические признаки, приближающие резец к неандертальским образцам, и в качестве индивидуальных особенностей одного из представителей древнего населения Алтая. А хорошая сохранность эмали и отсутствие следов гипоплазии свидетельствуют об относительно устойчивой экологической позиции людей в системе окружающей среды.

На основании крупных размеров зубов из Денисовой пещеры, особенно вестибуло-лингвального диаметра I^1 , а также морфологических особенностей его коронки, скорее всего, можно говорить о макродонтом одонтологическом типе этих людей, о сохранении неандерталоидных признаков в строении коронки центрального резца и о принадлежности алтайских представителей к постнеандертальским группам древнего населения. Структура лингвальной поверхности - развитие только одного (но мощного) краевого гребня и отсутствие оформленной вершинки лингвального бугорка - занимает промежуточное положение между выделенными морфологическими типами 1 (слабо развитые гребни, нет настоящего лингвального бугорка) и 2 (сильно развитые параллельные гребни и крупный, отстоящий от них лингвальный бугорок). Тип 1, доминирующий у современного населения Евразии, был характерен для африканских групп *H. erectus*, он встречается у некоторых палестинских форм и на сунгирских черепах, в то время как для азиатских представителей *H. erectus* преобладающим является тип 2 [Зубов, 1995, с. 27, 28]. Таким образом, на основании особенностей структуры резца можно предположить, что мы имеем дело с метисированным материалом - смешением западных и азиатских форм (по всей видимости, *H. s. s.* и *H. s. neanderthalensis*). Основными аргументами являются, с одной стороны, отсутствие развитой лопатообразности, а с другой - очень большие диаметры коронки (резцы палеоантропов в процессе эволюции стали еще больше, чем у предшествующих форм [Зубов, Халдеева, 1989, с. 200]). При смешении двух таксонов, возможно обладающих полярными расовыми признаками, последующие формы могли приобрести широкий спектр промежуточных вариантов, одним из которых, вероятно, и является исследуемый резец.

Проанализировать наличие возможных таксономических различий между двумя зубами из 12-го и 22-го слоев Денисовой пещеры, к сожалению, нельзя: они

принадлежат к различным зубным сменам и классам, а набор их морфологических и метрических признаков резко ограничен неполной сохранностью зубов. Неоспоримым является только наличие некоторых метрических и морфологических особенностей архаического комплекса, присущих обоим зубным морфотипам.

Пещера им. Окладникова

Сохранность имеющихся зубов хорошая, лишь слегка повреждены апикальные отделы корней $M_{1(?)}$ и m_2 , а также корень и эмаль P_1 . На коронках нет следов механических повреждений, искусственной деформации и кариеса. Стертость окклюзивной поверхности зубов небольшая. В цервикальной трети коронок всех постоянных зубов имеется “поясок” эмали с более светлым (M_3 пр., M_3 лев.) или с более темным ($M_{1(?)}$, P_1) оттенком, чем в вышележащих слоях. Подобные изменения, скорее всего, можно рассматривать как умеренные проявления гипоплазии.

m_2 пр. - галерея 1, кв. М6?, слой 7.

Для 7-го слоя урановым методом получено две даты: $44,6 \pm 3,3$ тыс. и $44,8 \pm 4,0$ тыс. л. н.

Частично повреждены концы обоих корней, сохранность коронки хорошая, имеется незначительная стертость окклюзивной поверхности (2 балла), из двух контактных фасеток передняя выражена в большей степени, чем задняя, локализованы они у верхних краев коронок. Сохранившиеся апикальные отделы обоих корней без видимых признаков деструкции. На основании сочетания двух перечисленных особенностей возраст субъекта по современным параметрам соответствует 6 годам с возможной ошибкой определения в 2 года. Однако высокое положение дистальной сошлифованной площадки и ее малые размеры свидетельствуют о незначительном по времени взаимодействии с уже прорезавшимся первым моляром, более высоко расположенным над костной десной, чем у современных детей этого возраста. И если не учитывать предположения, что у древних людей сроки прорезывания зубов были более ранними, чем у современных, то реальный возраст ребенка можно ограничить 5 - 6 годами (со стандартной ошибкой определения от 1,5 до 2 лет).

Морфологические особенности коронки - наплывы эмали в цервикальной трети и расходящиеся заостренные корни - характерны и для современных зубов данной позиции; тип коронки Y_6 , tam_1 в варианте *med*. Протостилид, коленчатая складка и дистальный гребень отсутствуют, гипоконулид сдвинут вестибулярно от продольной оси, в переднем отделе - зачаток параконида (?), на мезиальном гребне метаконида и на tam_1 расположены небольшие дополнительные бугорки. Обе основные борозды *prd* впадают во II фиссуру, ход второй борозды *med* соответствует варианту (III).

Некоторые метрические характеристики: высота и вестибуло-лингвальный диаметр (см. табл. 3) значительно уступают соответствующим средним, вычисленным на основе данных по трем основным расам, мезио-дистальный диаметр входит в средние показатели современных групп [Зубов, Халдеева, 1993, с. 221]. Высота (4,9) и MD сог (10) очень близки аналогичным параметрам у неандертальца из Тешик-Таш (4,8 и 10,1) и у мальчика бронзового времени из Якутии (4,8 и 10,1) (см. табл. 3).

Небольшие вестибуло-лингвальные размеры коронки (8,6), которые не находят аналогий даже среди современных средних, и малая ее высота являются отражением редуционных процессов и могут рассматриваться как прогрессивные. Такие морфологические особенности, как *tam1*, ход второй борозды *med* и шестибугорковая коронка, являясь компонентами “восточного” одонтологического комплекса, в данном случае уже определяют вероятную дифференциацию двух основных одонтологических стволов. Это особенно интересно, так как Алтай, по-видимому, всегда был одним из важнейших регионов на магистральных путях передвижения древних людей.

P₁ лев. - навес, кв. Б2, слой 3.

Радиометрические даты 3-го слоя - от 32400 ± 500 до 43700 ± 1300 , 1500 л. н. (^{14}C).

Сохранились коронка и поврежденный корень, который после реставрации был восстановлен почти полностью. На мезиальной поверхности коронки отсутствует часть эмали, стертость вестибулярного бугорка 2 балла, эмаль на нем сошлифована до такой степени, что сквозь ее тонкий слой просвечивает дентин. Дистальная контактная фасетка очень глубоко вдается в тело коронки, мезиальная сохранилась только частично. Судя по современной шкале сошлифованности коронки, возраст человека, которому принадлежал премоляр, был 16 - 20 лет, но учитывая, что в древних популяциях стертость эмали была более ранняя и сильная, вероятно, реальный возраст следует уменьшить до 14 - 18 лет.

Лингвальный бугорок невысокий, но значительно дифференцированный - трех-четыребугорковый (мезиальные элементы крупнее дистальных), тип коронки 7. Корень значительно уплощен, его конец отклонен дистально. На мезиальной поверхности корня расположены две продольные борозды. Мезио-лингвальная очень крупная, углубляясь, расщепляет конец корня, корневая система имеет вид “закрытые ножницы”. На дистальной поверхности борозда слабо различима.

Из двух горизонтальных диаметров очень большим является вестибуло-лингвальный диаметр коронки, соизмеримый с верхнепалеолитическими аналогами (см. табл. 3). Этот крупный размер и значительная дифференциация коронки и корня - архаические при-

знаки. К. Тернер [Turner, 1990, p. 240] даже сравнивает этот зуб с премолярами французских неандертальцев и неандертальца из Шанидара-2. У нас нет сравнительных данных, однако следует отметить, что, несмотря на сохранение некоторых несомненно древних особенностей, этот зуб вряд ли может быть отнесен к столь древним образцам - такому предположению не соответствует присутствие двух крупных боковых площадок стертости. Большая глубина контактных фасеток является показателем того, что зубы в челюсти располагались очень плотно, им не хватало места даже для естественного положения, следовательно, уже имели место редуционные процессы: уменьшались мезио-дистальные диаметры зубов и челюстей, - а это, несомненно, связано с уменьшением размеров лица. Но даже на крапинском материале, отличающемся значительной редуцией, выраженной иногда даже в большей степени, чем у современных людей, мы не видим такого плотного расположения постоянных зубов на челюстной дуге [Radovic et al., 1988, p. 47, 60]. Таким образом, эти предположения, в совокупности с относительно небольшими мезио-дистальными размерами премоляра, позволяют говорить о том, что исследуемый зуб, скорее всего, не мог принадлежать представителю людей неандертальского вида.

M₁₍₂₎ лев. - навес, кв. А2, слой 3.

Хорошо сохранившаяся коронка (стертость 1 балл) с двумя уплощенными в мезио-дистальном направлении корнями, из которых дистальный уже мезиального. Корни моляра не утолщены и имеют среднюю длину, в то время как у древних форм они обычно значительно длиннее и массивнее. Апикальный отдел корней еще не сформирован.

Одним из ранее названных авторов зуб был определен как третий постоянный моляр (по всей вероятности, из-за отсутствия дистальной контактной фасетки), однако конфигурация четырехугольной коронки, слегка удлиненной в мезио-дистальном направлении, значительно упрощенный по сравнению с имеющимися на коронках M₃ пр., M₃ лев. узор борозд и ровные среднерасходящиеся уплощенные корни говорят, скорее всего, о иной позиции зуба - M₂ или M₁. Несколько выступающий мезио-вестибулярный угол коронки, “сдвинутая” вестибулярно передняя контактная фасетка, наличие *tam1* и небольшие размеры зуба, казалось бы, указывают на то, что это может быть первый моляр. Однако сходящиеся кончики корней (при этом следует отметить, что аналогичное строение корней первого моляра можно видеть на одонтологическом материале из Крапины [Ibid, fig. 97]), морфология мезиального корня (относительно слабое развитие рельефа мезиальной поверхности) и невысокая коронка противоречат этому предположению. Следовательно, при отсутствии твердой уверенности в обозначении

позиции данного моляра можно уверенно говорить только о приоритетном отнесении его к M_{1-2} . С учетом степени стертости окклюзивной поверхности, развития корней и контактных фасеток, а также неопределенности в выборе позиции возможный возраст субъекта, которому принадлежал первый (?) нижний постоянный моляр, определяется в пределах 7 лет $\pm$ 2 года (по современным параметрам).

Система неглубоких вдавлений и пятен в окклюзивной трети коронки - следы проявления гипоплазии эмали, которая явилась отражением стрессовых состояний организма в период формирования верхних отделов коронки (от 1 года до 3 лет, в зависимости от позиции зуба).

На вестибулярной поверхности коронки присутствуют дополнительные бугорки, расположенные у мезио-вестибулярного угла, борозды заходят на боковые и заднюю поверхности коронки, V борозда заканчивается ямкой. Имеется зачаток параконида (?), три мезиальных бугорка, хорошо выражена небольшая, но рельефная передняя ямка - очень архаическая особенность, в современных группах сохранившаяся на молярах молочной смены и встречающаяся на третьих постоянных молярах. Форма коронки Y6, шестой бугорок меньше дистостилида, формируется седьмой бугорок, $tami$ также является частью end . Протостилид, дистальный гребень и коленчатая складка не выражены. Затеки эмали не превышает 3 баллов, он имеется и на лингвальной стороне. В мезиальном отделе гипоконида расположен крупный дополнительный бугорок, поверхность которого, в свою очередь, дифференцирована двумя бороздками, не менее крупный бугорок присутствует на метакониде, в основании мезиального гребня, мелкие бугорки - на прото- и гипокониде и на гипоконулиде.

Узор борозд протокониды характеризуется "низким" ходом 1 prd , главный гребень отличается коленчатостью. Форма 2-й борозды соответствует варианту 2 eod (prd) (2) - она наклонена периферийным концом к I фиссуре. В современных популяциях именно этот вариант чаще встречается в монголоидных группах. На бугорке выражены и элементы третьего порядка (также более распространенные среди монголоидов) - 2? eod и 3 eod . На метакониде, резко возвышающемся над остальными бугорками коронки, 2-я борозда впадает в III фиссуру. Форма этой борозды (прямая) - тип а, наиболее часто встречается в европеоидных сериях. Борозды 3 и 4, смыкаясь, отделяют крупный бугорок. На энтокониде из-за отделившегося $tami$ хорошо выражена только 1-я борозда (резко изогнутая углом), впадающая в борозду IV. Борозда 2 ориентирована на III, и этот вариант аналогичен варианту 2 med (III) - он также может считаться феном "восточной" ориентации. 1-я и 2-я борозды гипоконида соединены бороздой-перемычкой, отделяющей

крупный дополнительный бугорок. Дистостилид (гипоконулид) также характеризуется тенденцией к появлению поперечной борозды, расположенной в верхнем отделе бугорка.

Метрические данные корней и коронки $M_{1(?)}$ не превышают средние размеры по современным сериям [Зубов, Халдеева, 1993, с. 221; Зубов, 1968б, с. 98]. Основные диаметры зуба отличаются от таковых у неандертальцев, но сравнимы с параметрами коронок палеолитического времени (см. табл. 3). Тригонид шире талонида.

К прогрессивным особенностям моляра можно отнести прерванный краевой гребень и средние, по современным меркам, размеры. Архаические признаки - боковые борозды, вестибулярные отверстия, хорошо выраженная передняя ямка, усложненность рисунка борозд и дополнительные бугорки.

Большинство признаков, имеющих расодиагностическое значение, объединяются в "восточный" комплекс. Отсутствие на коронке моляра эпикристида - гребня особого строения, соединяющего метаконид с протоконидом, - позволяет говорить о доминирующем влиянии азиатских гоминид, поскольку афро-европейская линия эволюции ранних форм, в частности, маркируется этим признаком. Так, у европейских неандертальцев, например, эпикристид является характерной особенностью, которая сочетается с типом 2 верхних резцов [Зубов, 1995, с. 29, 30].

Все перечисленные особенности позволяют с уверенностью сказать, что моляр не мог принадлежать представителю европейских неандертальцев, и лишь с известной долей вероятности его можно отнести к неандертальской стадии. Скорее всего, в эволюционном плане позиция зуба определяется вне сферы неандерталоидных форм - на это указывают относительно небольшие размеры и некоторая сглаженность рельефа.

M_3 пр. - навес, кв. E1, слой 3.

Несколько необычная коронка пятиугольной формы с выступающим углом на мезиальной поверхности - вытянута в продольном направлении за счет резко сдвинутого вперед и к центру метаконида, развернутого таким образом, что поперечная ось тригониды оказалась под углом 45° к вестибуло-лингвальному диаметру коронки. Структура коронки оценивается символами X6. Все бугорки четко оформлены, имеют самостоятельные вершины и отделены друг от друга промежуточными бороздами, продолжающимися и на боковых поверхностях коронки. Наибольший из бугорков - протоконид. Присутствует хорошо выраженная передняя ямка с двумя небольшими бугорками на мезиальном гребне, значительно развит $tami$. Наиболее дифференцированными оказались бугорки лингвального края коронки. Всего имеется около шести дополнительных бугорков жевательной

поверхности. Межбугорковые борозды далеко выдаются на боковые поверхности коронки (особенно на лингвальную). В верхних отделах эмали на дистальной, лингвальной и мезиальной сторонах коронки имеются множественные вдавления и ямки - четкие признаки гипоплазии, возникшей в возрасте примерно 8 (6) лет.

Протостилид, коленчатая складка и дистальный гребень отсутствуют, стертость коронки 0 баллов. Протокионид, самый крупный по размеру бугорок, максимально дифференцирован, так как дополнительный бугорок, отделенный от центрального гребня дополнительной бороздой, в свою очередь, имеет четыре неглубокие бороздки и образованные ими коленчатые гребни. Борозды основного бугорка характеризуются расхождением - 1 prd (II) и 2 prd (I). На метакониде ход второй борозды - (III), выражены дополнительные бороздки. Борозды гипоконида соединяются с I и IV фиссурами, на этом бугорке также имеются дополнительные элементы. Энтокионид наиболее неясен, так как разделен глубокими бороздами на три самостоятельных элемента, два из которых, в свою очередь, имеют усложненный рельеф.

Размеры коронки большие (VL cor и H cor) и очень большие (MD cor). Тригонид шире талонида. Формирование корней только началось (от 0 до 1 мм). Наиболее вероятный возраст человека, которому принадлежал этот моляр, по современным критериям 12 лет $\pm$ 2,5 года.

M₃ лев. - навес, кв. В2, слой 2.

Возраст 2-го слоя 37750 $\pm$ 750 лет (¹⁴C).

Коронка постоянного третьего моляра, форма овальная, удлинённая, развитие корней не превышает 1 - 3 мм, стертость 0 баллов. Возможный возраст субъекта 12 - 13 лет $\pm$ 2,5 года. Симметрично относительно продольной оси расположена крупная передняя ямка, в правой части которой, у вершины протокионида, имеется естественное углубление треугольной формы. Тип коронки Y6. Метаконид равен по размерам протокиониду. Протостилид, tami, дистальный гребень и коленчатая складка не зафиксированы. Затеки эмали 3 балла. На трех основных бугорках жевательной поверхности (prd, med, end) расположены небольшие дополнительные бугорки и бороздки. Характер дифференциации окклюзивной поверхности аналогичен описанному ранее на M₃ пр. Интертуберкулярные борозды далеко выдаются на боковые поверхности (вестибулярную и дистальную).

Одонтоглифические особенности коронки: на протокиониде 2-я борозда впадает в I фиссуру, ход 2-й борозды метаконида - 2 med (II), энтокионид - сходящиеся к вершине бугорка основные борозды, кроме того, имеется еще несколько мелких дополнительных бороздок. Гипоконид кажется разделенным на два-три самостоятельных образования, бугорки почти равны по размеру.

Высота и мезио-дистальный диаметр коронки большие, ширина средняя. Тригонид и талонид равны между собой.

Две коронки третьих нижних моляров вполне могут принадлежать одному человеку. На это указывают степень развития корневой системы (и определенный в связи с этим возраст субъектов), тенденция к значительной дифференциации коронки, морфологические особенности окклюзивной поверхности и одинаковые наборы древних признаков. То, что зубы найдены в различных слоях, ничего не меняет, поскольку слои сопредельные, мощность их невелика и сосредоточены находки на небольшой площади навеса.

Коронки характеризуются следующими архаическими чертами строения: большими основными диаметрами, крупным метаконидом, глубокой и хорошо выраженной передней ямкой, сильной складчатостью жевательной поверхности, усложненным рисунком борозд и повышенным числом бугорков. Прогрессивные по сравнению с неандертальцами особенности, как и на M₁₍₇₎, - относительно узкий талонид, прерванный краевой мезиальный гребень. Отличие морфологических особенностей окклюзивных поверхностей этих зубов выражается в том, что повышенное число бугорков на правой коронке связано с дифференциацией бугорков лингвального ряда, в то время как на левой коронке - дистального.

Строение первого (второго) моляра также определяется сочетанием древних и более продвинутых в эпохальном отношении признаков, многие из них аналогичны перечисленным ранее (для M₃ пр., M₃ лев.) особенностям. Исключение составляют только все основные размеры зуба, являющиеся средними величинами, и более четкий рисунок бугорков и борозд.

Обсуждение материалов

При анализе антропологических находок из алтайских пещер, в частности, возникает вопрос о количестве субъектов, которым принадлежали найденные зубы и их биологическом возрасте. Каждый из зубов может быть индикатором отдельного человека, но поскольку почти все они найдены на небольшой площади центрального зала (Денисова пещера) и навеса (пещера им. Окладникова) в сопредельных слоях (2 и 3), такое предположение кажется упрощенным. Два зуба (M₁₍₇₎ и m₂), залежавшие в разных местах и слоях пещеры им. Окладникова, объединяясь по основным морфологическим критериям, вписываются в единую одонтологическую общность. Три остальных зуба стоят несколько особняком. Поэтому, вероятно, правомерно соотнести m₂ с M₁ и M₃ пр., M₃ лев. с P₁. M₃ и m₂ объединяют такие признаки, как близкий возрастной уровень - 5 - 6 лет $\pm$ 1,5 года и 7 лет $\pm$ 2 года, белый цвет эмали коронок (у третьих моляров он

коричневатый) и одонтологические особенности, которые характерны для единого комплекса (некоторые расовые признаки “восточного” ствола, микро- и мезодонтия, а также выявляемая преимущественная принадлежность к верхнепалеолитическому населению). Даже если эти зубы принадлежат двум разным детям примерно одинакового возраста, их можно отнести к единому или двум очень близким одонтологическим типам.

M_3 пр., M_3 лев. и P_1 также имеют много общих черт. Премоляр на основании таких косвенных признаков, как темно-коричневый цвет корня (как и на M_3 лев.), близкий возрастной уровень (14 - 18 лет для P_1 и 10 - 14 лет для M_3 пр., M_3 лев.), сохранение большей доли архаических особенностей и средне-большие размеры коронок, скорее всего, можно объединить с M_3 пр., M_3 лев., предполагая, что зубы могли принадлежать одному подростку 12 - 14 лет. И это даже еще более убедительное предположение, поскольку данные зубы найдены на одной очень малой территории навеса. Второй одонтологический тип по некоторым параметрам отличается от одонтологического типа первых двух детей (или первого ребенка?). При сравнении морфологических и метрических особенностей одонтологических образцов из двух разных пещер определяется большая древность денисовского материала и выделяется, по-видимому, еще один, третий, одонтологический тип с гораздо большим набором архаических признаков. Таким образом, вероятнее всего, мы имеем дело с останками двух-трех человек в пещере им. Окладникова и двух человек в Денисовой пещере. Почти все они были детского или подросткового возраста.

Интересной представляется также возможность хотя бы частично реконструировать палеоэкологическую ситуацию, в которой существовали различные группы древнего алтайского населения. Вероятным показателем изменившихся условий жизни может рассматриваться эмалевая гипоплазия, проявляющаяся на зубах постоянной и молочной (с меньшей частотой) смены, маркер эпизодического стресса. Поскольку мы видим как бы четкое распределение этого признака - он есть почти на всех зубах из пещеры им. Окладникова и отсутствует на образцах из Денисовой пещеры, можно предположить, что условия жизни contemporaneous обитателей двух пещер были разными. Наиболее благополучно выглядит население Денисовой пещеры, более поздние обитатели другой пещеры существовали в менее комфортных жизненных условиях. Возможно, изменился пищевой рацион, обусловленный динамикой климатических или социальных компонент. На иной характер и способ питания у более позднего населения (пещера им. Окладникова) указывает также отсутствие на всех зубах механических повреждений эмали.

Поскольку очень важным является вопрос о стадийной или эпохальной принадлежности исследуемых зубов, которые могут определяться либо как неандертальские, либо как принадлежащие древним людям современного типа, очень важно отметить, что ни один из одонтологических комплексов не допускает прямого соотнесения его с неандертальской стадией развития. На всех зубах отсутствуют ее специфические морфологические особенности, а крупные диаметры некоторых зубов, сопоставимые с аналогичными параметрами неандертальцев, находят аналогии и в позднелолитических группах (см. табл. 3).

Особый интерес представляет сравнение по некоторым параметрам алтайских одонтологических образцов с палеолитическими зубами Евразии. По метрическим данным, к наиболее древним находкам из Денисовой пещеры оказались очень близки зубы тешик-ташского ребенка (I^1 , m_2). Размеры детских зубов из Мальты и Сунгири, подтверждая высказанное ранее предположение о различной временной принадлежности жителей обеих пещер, в основном имеют аналогии среди более поздних зубов из пещеры им. Окладникова (P_1 , M_1 , m_2). Расодиагностический анализ, основанный на одонтоскопических и одонтоглифических признаках, выявляет, что мальтинские зубы выглядят значительно более европеоидными, чем алтайские. С учетом большей концентрации признаков “восточного ствола” на зубах из пещеры им. Окладникова можно говорить о различных одонтологических пластах, сформированных, с одной стороны, на территории Алтая и, с другой - в Прибайкалье. Вероятно, более южный Алтайский регион характеризовался гораздо более ранними и более активными процессами смешения местного (европеоидного) и пришлого (монголоидного) населения, чем более северные провинции в Прибайкалье.

В связи с тем что мы не знаем точных одонтологических параметров различных стадий алтайского населения, можно лишь с большой долей условности отнести зубы из пещер Алтая к неандертальским одонтологическим образцам. Стойкое сохранение таких архаических особенностей, как глубокая передняя ямка, крупный метаконид, значительная складчатость жевательной поверхности и сложный рисунок борозд, служит аргументом в пользу значительной древности находок. На зубах современного населения эти признаки также встречаются, но обычно не столь ярко выражены. Таким образом, основываясь на совокупности всех измерительных и морфологических признаков, можно предположить (как один из вариантов), что найденные в пещерах Алтая зубы могли принадлежать метисированным представителям ранних ископаемых людей современного вида, в одонтологическом типе которых сохранился набор очень древних особенностей, скорее всего исключая доминирующее

влияние европейских неандертальцев на формирование описанных одонтологических типов и предполагающих генетическое участие азиатских эректусов.

Заключение

В целом необходимо отметить, что характерной чертой сложившегося одонтологического варианта населения Алтая плейстоценового времени является упрощенность корневой структуры (тенденция к сближению корней и слабое развитие морфологии корневой поверхности), некоторая редукция коронки (малые размеры m_2 и средние величины M_1) и значительная дифференциация окклюзивной поверхности, выразившаяся в повышенном числе бугорков на молочных и постоянных молярах. То, что этот признак проявляется на зубах обеих генераций, скорее всего, свидетельствует о его давнем закреплении в линии развития данного одонтологического типа.

По метрическим показателям и некоторым морфологическим особенностям определяется близость алтайских находок с мустьерскими одонтологическими образцами из Средней Азии (см. табл. 3, 4). Следовательно, не исключена вероятность того, что морфогенетическая эволюция древнего населения Алтая протекала при участии популяций сопредельных регионов. Возможно, что и Алтайский регион мог быть своеобразным "резервуаром", играющим важную роль в развитии, закреплении, сохранении и распространении эволюционно значимых и расопределяющих признаков.

Очень важным моментом при обсуждении темы плейстоценовых одонтологических материалов Алтая является также соотнесение найденных зубов людей современного вида со значительным возрастом некоторых слоев, содержащих антропологические образцы. Это интересный факт, дополняющий и расширяющий картину развития *H. sapiens* на азиатском континенте.

Список литературы

- Гинзбург В.В., Гохман И.И. Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. - Л.: Наука, 1974. - С. 5 - 11.
- Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева М.И., Дупал Д.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.Н., Форонова И.В., Шуньков М.В. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 176 с.
- Деревянко А.П., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В. Среднеплейстоценовые экскурсии геомагнитного поля в отложениях Денисовой пещеры (Горный Алтай) // Докл. Академии наук. - 1998. - Т. 360, № 4. - С. 511 - 513.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.В. Палеолитоведение: Введение и основы. - Новосибирск: ВО "Наука". Сиб. издат. фирма, 1994. - 288 с.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. - М.: Наука, 1968а. - 200 с.
- Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. - М.: Наука, 1968б. - С. 5 - 123.
- Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения // Сунгирь: Антропологические исследования. - М.: Наука, 1984. - С. 162 - 181.
- Зубов А.А. Практический ключ-определитель изолированных зубов человека // Материалы к серии "Народы и культура". - М.: [тип. ИРИ], 1992. - Вып. 10: Антропологические исследования. - Кн. 2: Новое в методике и методологии антропологических исследований. - С. 105 - 146.
- Зубов А.А. Проблемы внутривидовой систематики рода "Homo" в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. - М.: ИЭА РАН, 1995. - С. 18 - 42.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. - М.: Наука, 1989. - 232 с.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. - М.: Наука, 1993. - 221 с.
- Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. - М.: Издат. фирма "Восточная литература" РАН, 1996. - 432 с.
- Шпакова Е.Г. Одонтологический материал верхнепалеолитической стоянки Лиственка (Красноярский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. - Т. 3: Материалы V годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН, декабрь, 1997 г. - С. 132 - 136.
- Alekseev V.P. The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia: New discoveries and interpretations. - University of Illinois Press Urbana and Chicago, 1998. - P. 329 - 335.
- Radovic J., Smith F.H., Trinkaus E., Wolpoff M.H. The Krapina Hominids and illustrated catalog of skeletal collection. - Zagreb: Ognjen Priga, 1988. - 118 p.
- Ronen A. Neandertaler und fruher Homo sapiens im Nahen Osten // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. - 1990. - Jg 37. - 17 S. - (S.-Dr.).
- Trinkaus E. Paleontological Perspectives on Neandertal Behavior // Five Million Years, the Human Adventure. - Liege: Etudes et Recherches Archeologiques de l'Universite de Liege, 1992. - P. 151 - 176.
- Turner Ch.G. II. Physical anthropology in the U.S.S.R. today. Part II // Quarterly Review of Archaeology. - 1988. - Vol. 8, N 3. - P. 4 - 6.
- Turner Ch.G. II. Paleolithic teeth of the Central Siberian Altai Mountains // Chronostratigraphy of paleolithic in North, Central, East Asia and America: (Papers for the International Symposium). - Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy Sib. Br. USSR Acad. Sci., 1990. - P. 239 - 243.

Т.А. Чикишева

Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В ЭПОХИ НЕОЛИТА - БРОНЗЫ

Известный палеоантропологический материал рубежа неолита - энеолита и эпохи бронзы, происходящий с территории Алтая (в широком смысле, включая бассейн верхней Оби) отражает разные направления генетических связей представленного им населения в горно-степных и предгорно-лесостепных районах.

Могильники северных предгорий Алтая в верховьях р. Оби - Усть-Иша, Иткуль, Костенкова Избушка [Дремов, 1980, 1997], Новосибирско-Барнаульского Приобья - Ордынское, Усть-Куренга [Алексеев, 1961a] и лесостепей Салаирско-Кузнецкой горной системы - Заречное-1, Лебеди-2, Васьково-4, Кузнецкий могильник [Дремов, 1997] принадлежат кузнецко-алтайской и верхнеобской неолитическим культурам. Расовый состав населения, оставившего эти могильники, очень сложен. Всесторонний антропологический анализ всего имеющегося палеоантропологического материала кузнецко-алтайской и верхнеобской культур осуществлен В.А. Дремовым. В опубликованной уже посмертно монографии [Там же] дана морфологическая аргументация расогенетической связи населения северных предгорий Алтая с большой расовой общностью эпохи неолита - палеосибирской расой, включавшей также население Прибайкалья и Забайкалья. В ее основе лежит морфологический пласт с ослабленной уплощенностью лица и носа. У населения верховьев Оби монголоидный комплекс более смягчен европеоидным компонентом южного происхождения (восточно-средиземноморского расового типа) [Там же, с. 47]. У населения Новосибирско-Барнаульского Приобья и Кузнецко-Салаирского района особенности палеосибирской расы выражены в еще меньшей степени, преобладает европеоидный компонент протоевропейского типа [Там же, с. 54 - 55]. В Новосибирско-Барнаульском Приобье выявляются также два морфологических варианта монголоидного компонента, спецификой которого является

низкое лицо. Один из них тяготеет к низколицым монголоидам бассейна среднего Енисея, тогда как другой - к северному предтаежному и таежному населению Западной Сибири и Приуралья [Там же, с. 50 - 51].

Антропологические особенности синхронного населения Горного Алтая стали известны только в настоящее время, когда были найдены датируемые предположительно неолитом или рубежом неолита - энеолита мужской скелет в пещере Нижнетыткескенская-1 (раскопки Ю.Ф. Кирюшина 1991 г.) [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995] и женский скелет в Каминной пещере (раскопки С.В. Маркина 1994 г.). Итоги антропологического изучения нижнетыткескенского материала опубликованы [Ким, Чикишева, 1995]. Однако, учитывая уникальность и огромную важность этих сведений, представленных в труднодоступном для широкого круга исследователей издании, мы сочли необходимым продублировать данные измерений скелета из пещеры Нижнетыткескенская-1 в настоящем сообщении параллельно с неопубликованными ранее данными о скелете из Каминной пещеры. Основные краниометрические и остеометрические характеристики погребенных представлены в табл. 1, 2.

Захороненному в пещере Нижнетыткескенская-1 мужчине было около 40 - 45 лет, возраст женщины из Каминной пещеры 23 - 25 лет. В области таза погребенной обнаружены две косточки плода - фрагмент левой лопатки и хорошо сохранившаяся левая ключица (с небольшими повреждениями на акромиальном конце). При обнаружении столь уникальной ситуации, когда в области чрева умершей беременной женщины сохранились косточки скелета вынашиваемого ею ребенка, чрезвычайно интересно установить его возраст, что может дать основания для предположения о причине смерти его матери как о неблагоприятном исходе беременности. По методу В.А. Беца (метод изложен [Алексеев, 1966, с. 217]) возможно

Таблица 1. Индивидуальные данные измерений черепов из погребений Горного Алтая, датируемых рубежом неолита - энеолита и II тыс. до н. э.

Признаки	Пещеры Горного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., 1991; Маркин С.В., 1994), эпоха неолита - энеолит		с. Каракол Онгудайского р-на (Кубарев В.Д., 1985, 1986 гг.), каракольская культура					с. Каракол Усть-Канского р-на (Погожева А.П., 1982 г.), афанасьевская культура		
	Пещера Нижнетыткес- кенская-1, муж., Adultus	Пещера Каминная, жен., Adultus	Кург. 1, погр. 2, муж., Adultus	Кург. 2, погр. 1, муж., Maturus	Кург. 2, погр. 3, муж., Maturus	Кург. 2, погр. 3, жен., Maturus	Кург. 5, жен., Maturus	Кург. 3, центр. яма, муж., Maturus	Кург. 1, центр. яма, жен., Maturus	Кург. 2, жен., Adultus
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	176	183	-	-	-	-	186	182	181	-
8. Поперечный диаметр	145	146	140	145	-	-	148	-	145	144
8:1. Черепной указатель	82,4	79,8	-	-	-	-	79,6	-	80,1	-
17. Высотный диаметр от базиса	-	127	-	-	-	-	130	-	131	-
20. Высотный диаметр от пориона	115	105	-	101	-	-	115	119	109	114
5. Длина основания черепа	-	105	-	-	-	-	98	-	100	-
9. Наименьшая ширина лба	91	90	93,5	101,3	-	98,2	94	-	93,1	-
10. Наибольшая ширина лба	114	120	-	119	-	122	120	121	111	-
11. Ширина основания черепа	138	137	-	134	-	-	130	-	125	127
12. Ширина затылка	116	114	-	-	-	-	-	-	112	-
29. Лобная хорда	110,9	109,4	11,8	107	-	101,3	111,8	114,5	110,3	-
30. Теменная хорда	90	115	118	-	-	-	118	113	111	105
31. Затылочная хорда	111	94	-	-	-	-	97	124	98,6	97
26. Лобная дуга	126	119	124	120	-	125	126	132	131	-
27. Теменная дуга	95	131	134	-	-	-	130	127	126	113
28. Затылочная дуга	134	110	-	-	-	-	121	134	117	115
25. Сагиттальная дуга	355	360	-	-	-	-	377	393	374	-
h. Высота поперечного изгиба лба	16,5	12,7	19,8	20,8	-	18	18,7	-	21	-
Угол поперечного изгиба лба	140,1	148,5	134,1	135,3	-	139,7	136,6	-	131	-
Sub. NB. Высота продольного изгиба лба	25,6	21,2	20,3	21,8	-	23,3	23,8	27,5	28,6	-
Высота изгиба затылка	-	18,8	-	-	-	-	-	-	28,6	-
45. Скуловой диаметр	143	143	-	139	-	-	137	-	129	135
40. Длина основания лица	-	103	-	-	-	-	96	-	88(?)	-
40:5. Указатель выступания лица	-	98,1	-	-	-	-	98	-	88(?)	-
48. Верхняя высота лица	68	63	-	70	-	75	65	-	65(?)	70(?)
47. Полная высота лица	107	101	-	116	-	-	108	-	-	113(?)
43. Верхняя ширина лица	103	109	-	110	-	114	107	-	101	107(?)
46. Средняя ширина лица	99	107	-	108	-	110	100	-	88	91
60. Длина альвеолярной дуги	55	52	-	59	-	-	50	-	-	55
61. Ширина альвеолярной дуги	64	66	-	67	-	-	60	-	-	61
62. Длина неба	45	44	-	-	-	-	43	-	-	-
63. Ширина неба	39	39,8	-	-	-	-	34,8	-	35	32,4
55. Высота носа	53	51	-	48,3	53,6	53,2	46	-	50	-
54. Ширина носа	26	28,2	-	24,7	22,542	27,4	24,1	-	23,5	24
54:55. Носовой указатель	49,1	55,3	-	51,1	-	51,5	52,4	-	47	-
51. Ширина орбиты от mf.	41	45,3	-	44,2	-	47	45	-	43	-
51a. Ширина орбиты от d.	39	40	-	42,2	-	44,8	41,1	-	39,4	-
52. Высота орбиты	31	33,1	-	29,6	-	34,2	32,1	-	31,8	-
52:51. Указатель орбиты от mf.	75,6	73,1	-	67	-	72,8	71,3	-	73,9	-
Назomаллярный угол	149,1	145,1	136,4	133,7	-	142,2	140,4	-	137,4	-
Зигомаксиллярный угол	134,8	134,7	-	137,1	10	135,2	139,6	-	125,3	115,8(?)
SC. Симотическая ширина	8,1	6,9	-	10,6	4,9	10,3	8,7	-	8,5	-
SS. Симотическая высота	3,5	3,2	-	5,1	49	4,3	3,8	-	4,2	-
SS:SC. Симотический указатель	43,2	46,4	-	48,1	-	41,7	43,7	-	49,4	-
MC. Максиллофронтальная ширина	16,1	20	-	22,1	-	21,8	21,6	-	20,4(?)	-
MS. Максиллофронтальная высота	5,3	8,9	-	7,8	-	6,8	5,8	-	8(?)	-
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	32,9	44,5	-	35,3	-	31,2	26,8	-	39,2(?)	-
DC. Дакриальная ширина	18,6	26	-	25,4	-	24	24,5	-	22,5(?)	-
DS. Дакриальная высота	7,9	13,2	-	11	-	11,3	11,2	-	11,8(?)	-
DS:DC. Дакриальный указатель	42,5	50,8	-	43,3	-	47,1	45,7	-	52,4(?)	-
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	4	4,8	-	5,5	-	1,9	3,8	-	4,4	-
Высота изгиба скуловой кости (по Vu)	8	14,8	-	12,5	-	14,2	10,3	-	-	-
Ширина скуловой кости (по Vu)	54	60,6	-	58,2	-	57,6	57,4	-	-	-
32. Угол профиля лба от назиона	85	80	-	78	-	-	88	-	88	-
GMI/FH. Угол профиля лба от глабеллы	78	75	-	70	-	-	80	-	80	-
72. Общий угол профиля лица	85	90	-	89	-	-	90	-	92(?)	-
73. Угол профиля средней части лица	87	90	-	95	-	-	92	-	92	-
74. Угол профиля альвеолярной части лица	77	90	-	74	-	-	82	-	92	-
75(1). Угол выступания носа	26	25	-	25	-	-	20	-	26	-
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	92	93	-	98	-	-	88	94	94	93

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
79. Угол ветви нижней челюсти	103	122	-	125	-	-	123	122	137	131
68. Длина нижней челюсти от углов	83	72	-	69	-	-	67	72	58	65
70. Высота ветви	58	62	-	72	-	-	60	59	52	56
71a. Наименьшая ширина ветви	37	38	-	35	-	-	35	33	29	32
65. Мыщелковая ширина	122	126	-	121	-	-	119	120	118	118(?)
66. Угловая ширина	101	102	-	102	-	-	-	100	92	88
67. Передняя ширина	47	48	-	51	-	-	42	46	41	45
69. Высота симфиза	29	26	-	31	-	-	33	-	28(?)	31
69(1). Высота тела	27	23	-	32	-	-	31	-	28	29
69(3). Толщина тела	16	13	-	15	-	-	14	12	12	10
C*. Угол выступления подбородка	82	70	-	69	-	-	-	-	52(?)	72
Надпереносье (по Мартину 1-6)	3	3	-	4	-	2	3	3	4	-
Надбровные дуги (1-3)	2	2	-	2	-	1	2	2	2	-
Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	2	0	-	-	-	-	0	-	0	2
Сосцевидный отросток (1-3)	3	2	-	2	-	-	2	2	2	2
Нижний край грушевидного отверстия	f.pr	inf.	-	inf.	-	inf.	anthr.	anthr.	anthr.	anthr.
Передне-носовая ось (по Брока 1-5)	3	-	-	3	-	3	2	4	4	4

установление длины трупа новорожденного по длине костей скелета, в том числе и ключицы. Реконструированная мною длина ключицы составляет 42 мм, что предполагает длину тела около 39 см. В судебно-медицинской практике ключица используется как кость, по которой в определенной мере можно судить о возрасте, причем наиболее успешно определение возраста по ключице осуществляется на ранних стадиях развития человека. Опубликованные данные по возрастной анатомии ключиц (Н.С. Механик, 1948; см. [Пашкова, Резников, 1978, с. 163]) свидетельствуют о том, что у детей в возрасте от 1,5 до 7 месяцев (для этого возраста имеются данные только по девочкам) длина ключицы составляет 44 - 57 мм. По данным Н.М. Романовой (см. [Там же]), длина ключицы плода на стадии X лунного месяца составляет в среднем 39 мм. Учитывая все полученные данные по возрасту и длине трупа плода, косточки которого обнаружены вместе с женщиной, можно предположить, что смерть женщины наступила либо на самом последнем месяце вынашивания ребенка, либо мать и неродившееся дитя умерли в процессе родов.

Череп хорошей сохранности и пригоден для всестороннего антропологического анализа. Морфология лицевого отдела женщины из Каминной пещеры близка к черепу мужчины из Нижнетыткескенской пещеры: это низкие, широкие лица с прямым вертикальным профилем, уплощенные на уровне лба, орбит и скуловых костей, со средневыступающими над общей линией профиля носовыми косточками, с умеренно моделированным переносьем, со средней ширины носовым отверстием, с широкими и невысокими орбитами. Много общего между черепами и в строении мозгового отдела: умеренная брахикrania, малая высота черепного свода, слабо наклонная, узкая лобная кость (причем у женщины из Каминной пещеры строение лобной кости ближе к мужскому варианту, а у мужчины из Нижнетыткескенской пещеры - к женскому варианту). Непринципиальные отличия

между черепами связаны, очевидно, с индивидуальной грацильностью мужского и крупными размерами, массивностью, "мужеподобностью" женского. Имеется, однако, одно отличие, которое может быть принципиальным, но единичность находок допускает и индивидуальную природу особенности на одном из черепов: речь идет об экстремальной выраженности сагиттальных размеров затылочной кости на черепе из Нижнетыткескенской пещеры, что является маркером принадлежности субъекта к монголоидным расовым типам Восточной Сибири (особенно в сочетании с удлинением же вдоль сагиттали лобным отделом и низким лобно-поперечным указателем), и об уменьшении доли затылочного и лобного компонентов в формировании сагиттального свода на черепе из Каминной пещеры. Тем не менее лобно-поперечный указатель на данном черепе остается очень низким.

За исключением этой единственной детали в строении мозговой коробки, черепа из алтайских пещер очень близки по своей морфологии и имеют наибольшее сходство с черепами из могильников Базаиха [Алексеев, 1961a] и Долгое Озеро [Герасимова, 1964], происхождение которых связано с неолитом красноярско-канской лесостепи. Разумеется, наблюдаемое сходство не доходит до идентичности, и черепа из канско-ачинской лесостепи имеют ряд отличий от черепов, обнаруженных в пещерах Горного Алтая, в частности, более широкую и более наклонную лобную кость, чуть более выступающий вертикальный профиль лицевого отдела, что сближает их с краниологическими сериями Прибайкальского региона, однако говорить о четких различиях расового характера нет оснований.

Следует сказать, что сведения о компонентах сагиттального контура свода, расоводиагностическое значение соотносительных размеров которых доказано лишь недавними работами Ю.Д. Беневоленской [1980, 1988, 1991], практически не публиковались

Таблица 2. Размеры длинных костей скелетов из погребений Горного Алтая эпохи неолита - энеолита

Признаки	Пещера Нижнетыткескенская-1, муж., Adultus		Пещера Каминная, жен., Adultus	
	пр.	лев.	пр.	лев.
Бедренная кость:				
1. Наибольшая длина	-	425	447	442
2. Длина в естественном положении	-	424	443	441
21. Мыщелковая ширина	-	-	-	75
8:2. Указатель массивности	-	19,6	-	-
6:7. Указатель пилястрии	108	100	-	-
10:9. Указатель платиметрии	67,7	68,7	-	-
Большая берцовая кость:				
1. Полная длина	-	349	-	358
1а. Наибольшая длина	-	351	-	362
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	-	-	70
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	-	46	-	50
10в:1. Указатель массивности	-	20,1	-	-
9а:8а. Указатель платикнемии	71,9	61,8	-	-
Малая берцовая кость:				
1. Наибольшая длина	-	-	-	357
Плечевая кость:				
1. Наибольшая длина	-	-	296	303
2. Вся длина	-	-	290	297
3. Ширина верхнего эпифиза	-	-	44	-
4. Ширина нижнего эпифиза	-	57	62	-
6:5. Указатель сечения	78,9	76,2	-	-
7:1. Указатель массивности	-	-	-	-
Лучевая кость:				
1. Наибольшая длина	231	-	-	-
2. Физиологическая длина	217	-	-	-
5:4. Указатель сечения	66,7	58,8	-	-
3:2. Указатель массивности	18,4	-	-	-
Локтевая кость:				
1. Наибольшая длина	249	-	-	-
2. Физиологическая длина	219	-	-	232
3:2. Указатель массивности	15,5	-	-	-
11:12. Указатель сечения	81,2	86,7	-	-
13:14. Указатель платолении	81,8	90,5	-	-
Пропорции скелета:				
Интермембральный указатель (H1+R1):(F2+T1)	-	-	-	-
Берцово-бедренный указатель (T1:F2)	-	82,3	-	81,2
Луче-плечевой указатель (R1:H1)	-	-	-	-
Плече-бедренный указатель (H1:F2)	-	-	66,8	68,7
Луче-берцовый указатель (R1:T1)	-	-	-	-
Длина тела:				
по В.В. Бунаку	-	161,7	-	162
по Г.Ф. Дебецу	-	167	-	164,3
по Л. Манувриэ	162,2	161,1	157,1	158,3
по А. Тельккя	163,7	162,7	155,7	158,5
по С. Дюпертюи и Д. Хеддену	164,7	163	162,4	163,1
по К. Пирсону и А. Ли	161,5	161,2	156,6	158,1

ранее, и мы не имеем этих данных по черепам из Долгого Озера. Что касается находок из Базайхи, то по соотношениям компонентов сагиттальной дуги они занимают промежуточное положение между черепами из пещер Горного Алтая. Черепа из Каминной пещеры и из Базайхи по этим признакам ближе друг к другу, чем к черепу из Нижнетыткескенской пещеры, и в общем попадают в структуру варьирования данных признаков на западносибирских и южносибирских черепах.

В антропологическом отношении погребенные из Базайхи были охарактеризованы вначале Г.Ф. Дебецом [1948], а затем В.П. Алексеевым [1961a] как монголоиды переходного типа. В.П. Алексеев видел природу ослабленности монголоидных черт в европеоидной примеси, Г.Ф. Дебеч в равной степени допускал и расогенетическую причину. Сближая по антропологическому типу население Базайхи с долихокраным населением Прибайкалья, Г.Ф. Дебеч такой особенности черепов из Базайхи, как брахиокrania, не придавал существенного значения.

Думается, что сходство по комплексу признаков, традиционно наиболее привлекаемых к описанию и расовой диагностике краниологических материалов (ширине и высоте мозговой коробки и лица, вертикальной и горизонтальной профилированности лицевого отдела, форме носа, выступанию переносья и носовых костей, высоте орбит), дает нам основание рассматривать морфологический компонент, лежащий в основе антропологического типа черепов из пещер Горного Алтая, как близкий или даже родственный монголоидному компоненту, представленному на черепах из лесостепей среднего Енисея.

Обнаруженное морфологическое единство в среде групп доафанасьевского населения среднего Енисея и Горного Алтая сопровождается синхронностью указанных памятников с серовскими, наличием аналогов отдельных предметов инвентаря в неолитических комплексах Прибайкалья* и в то же время своеобразным, резко отличающимся от палеосибирского (свойственного населению Прибайкалья) антропологическим типом погребенных.

В отличие от памятников Горного Алтая, территориально наиболее близкие памятники его северных предгорий и верхней Оби (особенно представляющие кузнецко-алтайскую культуру) не только демонстрируют археологические параллели с серовскими комплексами Прибайкалья (что может быть истолковано как заимствование культурных традиций в едином хронологическом пространстве), но и обнаруживают черты палеосибирского расового типа в антропологическом облике погребенных [Молодин, 1977; Дремов, 1980]. В последующие культурно-хронологические периоды мы наблюдаем аналогичную дифференциацию в механизмах формирования антропологических составов предгорно-лесостепных и горных районов Алтая: диффузию носителей широкого спектра расовых типов в первые районы и “консервацию” специфических особенностей неолитического населения вплоть до начала нашей эры в последних. Обратимся к антропологическим данным, иллюстрирующим наше заключение.

В самых последних краниологических материалах из Горного Алтая обнаруживается, по-видимому, тот морфологический пласт, который формировался на антропологической основе местного неолитического населения. Они датируются II тыс. до н. э. и представляют собой небольшие серии черепов из двух местонахождений. Данные их измерений представлены в табл. 1.

Одна из серий, состоящая, к сожалению, в основном из фрагментов черепов, происходит из каменного кургана № 2 и разрушенного при строительных работах погребения из кургана № 5, раскопанных В.Д. Кубаревым в 1985, 1986 гг. в с. Каракол Онгудайского района Республики Алтай [Кубарев, 1988]. Обосновывается принадлежность этих погребений к особому варианту окуневской культуры [Там же] или к самостоятельной каракольской культуре [Молодин, 1991, 1993]. Всестороннему краниометрическому анализу могли быть подвергнуты только женские черепа из кургана № 5 и мужской из погребения 1 кургана № 2. Характеристика фрагментарных остатков черепов получена преимущественно на основе визуальной оценки. Морфология

* Детальный анализ культурного комплекса погребения из пещеры Нижнетыткескенская-1 [Киришин, Кунгуров, Степанова, 1995] дал следующие результаты. Получена серия радиуглеродных дат, лежащих в диапазоне 5440 - 5050 л. н., так что в среднем могила датируется серединой IV тыс. до н. э. Традиции каменной индустрии, судя по инвентарю, обнаруженному в погребении, существуют в бассейне средней Катунь с эпохи мезолита. Костяные изделия (тесла, ножи, рыболовные крючки, наконечники стрел) также имеют местный облик, тогда как культовые предметы, изготовленные из костей животных, и наличие в погребении колотых костей и зубов животных находят аналогии в так называемом “шаманском” погребении (синхронном нижнетыткескенскому) могильника Серово на р. Ангаре.

В рамках разработанной схемы культур эпохи неолита Сибири положение памятников Базайхи и Долгое Озеро является неопределенным, но предполагается, что они существовали одновременно с серовскими [Окладников, 1957; Максименков, 1964]. Предметы инвентаря и художественной пластики из Базайхи свидетельствуют о тесных культурных связях с Прибайкалем (изображения каменных рыб, изделия из зеленого нефрита, сосуды с орнаментацией серовского типа) и в то же время обнаруживают отчетливые признаки связей с западом (часть сосудов, скульптурные изделия так или иначе сходные с вещами, характерными для Волго-Окской области, Карелии, Прибалтики) [Окладников, 1957].

черепов и их фрагментов близка к особенностям, идентифицирующим окуневские черепа: умеренная брахикrania, низкая мозговая коробка, очень широкое, средневысокое лицо, уплощенное на всех уровнях горизонтального профиля, средневыступающие носовые косточки, вертикальный профиль лица с характерной для окуневцев ортогнатностью по величинам углов.

Вторая небольшая группа черепов происходит из трех курганов, раскопанных А.П. Погожевой в 1982 г. в 3 км к западу от с. Каракол Усть-Канского района в урочище Рускин лог, датированных II тыс. до н. э. [Погожева, 1984]. В составе инвентаря всех погребений обнаружено по афанасьевскому яйцевидному сосуду. В этой группе пригодным для полноценной антропологической диагностики оказался один только женский череп из центральной ямы кургана № 1. Характеристика погребенных из курганов № 2 и 3 основана в значительной степени на визуальной оценке их особенностей. Прежде всего отметим морфологическое сходство материалов из Усть-Канского и Онгудайского районов. Сходство между сохранившимися женскими черепами из двух памятников в строении мозговой коробки доходит до идентичности. Много общего у них и в строении лицевого отдела, хотя в целом лицевой скелет усть-канского черепа уже и имеет клиногнатную, типично европеоидную горизонтальную профилировку и более выступающий нос, чем череп женщины из Онгудайского района с монголоидной уплощенностью лицевого отдела, умеренной профилированностью переносья и умеренным выступанием носовых костей.

Несмотря на усиление горизонтальной профилированности лица этого черепа по сравнению с остальными черепами и их фрагментами из курганов II тыс. до н. э., по своей морфологии он ближе к ним, а не к краниологическому материалу из афанасьевских погребений, раскопанных в окрестностях с. Каракол Усть-Канского района - в Каминной пещере (раскопки Ю. Гричана 1986 г.) и урочище Пещеркин лог (раскопки В.И. Молодина 1986 г.), а также могильника Усть-Куном (раскопки Е.М. Берс 1965 - 1969 гг.) на средней Катунь и могильника Бертек-33 (раскопки В.И. Молодина 1991 г.) на плоскогорье Укок*. Прин-

* Перечисленные палеоантропологические материалы афанасьевской культуры получены в самое последнее время, но практически только они сейчас пополняют афанасьевскую краниологическую серию, опубликованную В.П. Алексеевым еще в 1961 г. Из них наиболее полноценно опубликован могильник Бертек-33 [Чижишева, 1994]. Поскольку остальные материалы представлены либо в тезисной форме [Чижишева, 1988], либо в виде очень краткой таблицы средних данных для мужских черепов [Алексеев, 1987], мы сочли необходимым опубликовать краниометрические данные по программе, позволяющей специалистам использовать их в полной мере (табл. 3).

ципальные отличия краниологического материала касаются черепной коробки, высокой долихокranной у афанасьевцев и средневысокой брахикranной у погребенных на обоих памятниках из Каракола, специфики горизонтальной профилировки лицевого скелета, гомоклинопрозопного у всех афанасьевцев и довольно сильно уплощенного на среднем уровне у каракольцев, а также особенностей строения носа, гораздо более профилированного и выступающего на афанасьевских черепах.

Череп из памятников с одинаковым названием Каракол по своему антропологическому комплексу близки как к окуневским краниологическим сериям, так и к более ранним находкам рубежа неолита - энеолита из пещер Алтая, а также из Базаихи и Долгого Озера на среднем Енисее. Это сходство палеоантропологического материала приводит нас к выводу, что морфологический субстрат, определивший монголоидную специфику физического типа как окуневского населения среднего Енисея, так и синхронных ему групп, представленных на каракольских памятниках Горного Алтая, автохтонен и связан с теми группами эпохи неолита или рубежа неолита - энеолита, которые оставили погребения на Базаихе и Долгом Озере, а также в пещерах Горного Алтая.

В истории вопроса об антропологическом составе населения окуневской культуры черепа красноярско-канского неолита до самого последнего времени не рассматривались как носители конкретного монголоидного компонента, участвовавшего в формировании физического типа окуневцев. Причина, видимо, крылась в том, что эти неолитические материалы были опубликованы до выделения Г.А. Максименковым окуневской культуры. Брахикranный монголоидный компонент с низким лицом описывался по материалам впускных погребений в афанасьевские курганы [Алексеев, 1961a] и могильника Тас-Хазаа [Алексеев, 1961b], интерпретируемого на тот момент как афанасьевский. Находки из-под Красноярска служили аргументом в пользу предположения об участии местного монголоидного компонента в формировании населения афанасьевской культуры. В дальнейшем при развитии масштабных археологических дискуссий по проблемам генезиса окуневской культуры и культур окуневского круга огромный краниологический материал из собственно окуневских могильников (Черновая VIII, Верхний Аскиз I, Уйбат I, III, V, Сыда V) долгое время не был задействован. Сейчас он опубликован А.В. Громовым в издании, посвященном широкому спектру проблем окуневской культуры [Окуневский сборник, 1997]. Проведенное им сопоставление окуневской краниологической серии со сравнительным материалом эпох неолита и бронзы методами статистического анализа продемонстрировало ее большую близость к материалам красноярско-канского неолита

Таблица 3. Индивидуальные данные измерений черепов из погребений афанасьевской культуры
Горного Алтая

Признаки	Пещерный лог, кург. 1, погр. 1, муж., Adultus	Пещера Каминная, муж., Maturus	Усть-Куюм, погр. 10, муж., Adultus	Усть-Куюм, погр. 15, муж., Maturus	Усть-Куюм, погр. 17, муж., Maturus	Усть-Куюм, погр. 18, муж., Maturus	Пещера Каминная, жен., Maturus	Усть-Куюм, погр. 1, жен., Adultus	Усть-Куюм, погр. 14, жен., Juvenis
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	189	186	187	188	185	185	178	181	175
8. Поперечный диаметр	142	136	144	136	141	142	131	130	138
8:1. Черепной указатель	75,1	73,1	77	72,3	76,2	76,8	73,6	71,8	78,9
17. Высотный диаметр от базиса	136	-	147	145	133	135	135	134	137
20. Высотный диаметр от пориона	117	115,8	122	117	114	116	108,9	107	115
5. Длина основания черепа	104	-	105	102	101	105	99	103	103
9. Наименьшая ширина лба	99	97	99,2	98	103,3	102,3	90	88,7	99
10. Наибольшая ширина лба	119	116	117	117	119	121	111	109	125
11. Ширина основания черепа	128	128	130	127	130	125	112	120	116
12. Ширина затылка	121	107	110	117	117	113	100	105	106
29. Лобная хорда	118,5	110	113,4	114	112,6	117,7	110,9	109,5	109,6
30. Теменная хорда	118	109	120	122	112	109	119	108	111
31. Затылочная хорда	92	-	101,8	100,9	93,3	96	88	100,4	89,5
26. Лобная дуга	136	140	129	130	130	137	132	122	114
27. Теменная дуга	130	134	130	130	122	119	145	119	121
28. Затылочная дуга	115	-	130	125	120	117	117	120	107
25. Сагиттальная дуга	381	-	389	385	372	373	394	361	342
h. Высота поперечного изгиба лба	-	-	24,2	24,8	25	24,8	-	19,6	21,2
Угол поперечного изгиба лба	-	-	128	126,3	128,3	128,3	-	132,3	133,6
Sub. NB. Высота продольного изгиба лба	27	24,8	25,4	24,5	25,3	28,5	26,3	24,7	25
Высота изгиба затылка	-	-	32,8	27,2	28,8	25,8	-	28,1	23,8
45. Скуловой диаметр	144(?)	-	134	137	135	132	121	128	128
40. Длина основания лица	97,3	-	95	89	96	98	86(?)	95	97
40:5. Указатель выступания лица	93,6	-	90,5	87,2	95	93,3	86,9	92,2	94,2
48. Верхняя высота лица	68	71	60	70	70	65	63(?)	70	68
47. Полная высота лица	111	123	107	115	113	-	-	115	111
43. Верхняя ширина лица	107	109	107	107	109	112	100	104	109
46. Средняя ширина лица	89	-	97	92	94	96	88	90	96
60. Длина альвеолярной дуги	51	-	52	52	55	-	48(?)	54	53
61. Ширина альвеолярной дуги	57	65	62	67	64	-	50(?)	60	65
62. Длина неба	-	47,5	46	41	45	48(?)	43(?)	49	48
63. Ширина неба	29,6	40	35,6	37,5	34,5	-	41(?)	31,3	36,3
55. Высота носа	51,6	56,7	46,8	49,2	49	47	53	49,8	47,2
54. Ширина носа	24,2	29,5	25,8	25	25	25,7	28,9	25,9	25,2
54:55. Носовой указатель	46,9	52	55,1	50,8	51	54,7	54,5	52	53,4
51. Ширина орбиты от mf.	44,7	43,5	42,3	40,3	43,1	44,2	41	42	41,7
51a. Ширина орбиты от d.	41,8	41,8	39,5	38,4	41,4	41,5	38,6	39,7	39,6
52. Высота орбиты	33,3	30,1	27,7	32,5	32,2	30,5	31	35,3	31,8
52:51. Указатель орбиты от mf.	74,5	69,2	65,3	80,6	74,7	69	75,6	84	76,3
Назомаллярный угол	141,8	145,8	132,3	135,8	134,4	133,4	134,6	135,1	135,2
Зигомаксиллярный угол	125,8	-	127,8	129,9	125	132,2	124,5	128	135,7
SC. Симотическая ширина	8,9	9	7,7	9,6	13,2	10,4	11	9,3	9,1
SS. Симотическая высота	7	6,7	6	5,2	8,5	5	6,6	3,3	4
SS:SC. Симотический указатель	78,6	74,4	77,9	54,2	64,4	48,1	60	35,5	44
MC. Максиллофронтальная ширина	17	21,8	21	22,5	24,7	22,1	18,2	20,5	24,3
MS. Максиллофронтальная высота	8,5	8,9	10	9,4	10,6	9,1	10	7,4	7,5
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	50	40,8	47,6	41,8	42,9	41,2	54,9	36,1	30,9
DC. Дакриальная ширина	20,2	23,6	24	23,8	25,3	24,8	18,6	22,9	25,7
DS. Дакриальная высота	13,6	12,3	14,1	12,7	15,5	14,5	13,7	13,4	11,5
DS:DC. Дакриальный указатель	67,3	52,1	58,7	53,4	61,3	58,5	73,7	58,5	44,7
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	6,5	-	6	4,7	4,5	3,9	4,1	6	3
Высота изгиба скуловой кости (по Bu)	12,7	-	10,5	9,2	12(?)	12	12,7	10,5	13,8
Ширина скуловой кости (по Bu)	58,3	-	59	51,7	58(?)	55,3	52,2	56,4	54,7
32. Угол профиля лба от назисона	82	78	88	82	85	87	87	80	85
GMFH. Угол профиля лба от глабеллы	73	67	84	77	79	80	85	75	83
72. Общий угол профиля лица	86	82	88	92	87	90	93(?)	87	87

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
73. Угол профиля средней части лица	86	82	88	94	89	90	93(?)	91	89
74. Угол профиля альвеолярной части лица	86	82	88	80	82	90	93	75	83
75(1). Угол выступания носа	38	31	34	31	28	30	30(?)	27	30
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	111	109	98	88	97	92	-	104	92
79. Угол ветви нижней челюсти	115	109	68	112	114	122	-	128	122
68. Длина нижней челюсти от углов	85	88	133	74	83	70	-	78	71
70. Высота ветви	60	69	59	72	67	67	-	66	60
71а. Наименьшая ширина ветви	32	39	35	35	35	38	-	35	36
65. Мыщелковая ширина	-	122	116	122	118	112	-	109	108
66. Угловая ширина	98	101	94	105	103	90	-	98	96
67. Передняя ширина	47	48	48	46	47	47	-	48	47
69. Высота симфиза	28	34	30	33	31	33	-	31	30
69(1). Высота тела	31	33(пр.)	29	32	30	28	-	31	27
69(3). Толщина тела	13	13(пр.)	12	13	13	15	-	13	14
С*. Угол выступания подбородка	42	-	63	72	65	74	-	70	73
Надпереносье (по Мартину 1-6)	5	5	4	5	5	4	2	3	2
Надбровные дуги (1-3)	2	2	1	2	2	2	2	1	1
Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	-	-	0	4	2	0	-	0	0
Сосцевидный отросток (1-3)	3	3	2	3	3	2	2	2	1
Нижний край грушевидного отверстия	anthr.	inf.	anthr.	inf.	f.pr.	inf.	anthr.	anthr.	anthr.
Передне-носовая ось (по Брока 1-5)	5	-	3	4	3	4	3	2	4

(т. е. к привлеченным к сопоставлению черепа из могильника Долгое Озеро), что позволило А.В. Громову увидеть в неолитическом населении Минусинской котловины предполагаемых предков окуневцев [Громов, 1997].

Таким образом, совокупность находок неолитического времени и II тыс. до н. э. на северо-западе Горного Алтая, с одной стороны, на среднем Енисее и в Минусинской котловине, с другой стороны, свидетельствует о том, что носители каракольской и окуневской культур имели общий антропологический субстрат в среде предшествующих им носителей неолитических культур (что вовсе не исключает принадлежности неолитических памятников Красноярско-Канского региона и Горного Алтая к разным культурным общностям).

Рассматриваемый в настоящем сообщении палеоантропологический материал обязывает нас сказать несколько слов по вопросу о взаимном влиянии в процессе генезиса окуневско-каракольского и афанасьевского этнорасовых пластов. Так, в курганах из Каракола, раскопанных А.П. Погожевой, в погребальном инвентаре обнаруживается комплекс, характерный для захоронений афанасьевской культуры. В то же время антропологический тип погребенных, без сомнения, аналогичен типу погребенных в курганах каракольской культуры и имеет четкий морфологический комплекс отличий от "классических" афанасьевцев, даже тех, курганы которых возведены фактически на той же территории. Похожая ситуация зафиксирована в Центральной Туве на могильнике Аймырлыг. Несколько погребений в каменных ящиках, получившие название Аймырлыг XIII и относящиеся к культуре, близкой к окуневской (или по аналогии с каракольской

назовем ее культурой окуневского типа), дали небольшую краниологическую серию, которая, по мнению исследовавшего ее И.И. Гохмана, имеет сходство с черепами, относящимися к афанасьевской культуре, из Минусинской котловины и Алтая [Гохман, 1980]. Это значит, что восприятие культурных традиций, по крайней мере при формировании отдельных культур окуневской общности, не сопровождалось биологическим смешением с племенами афанасьевцев.

В среде алтайских племен второй половины II тыс. до н. э. обнаруживается европеоидный компонент, не связанный с афанасьевским населением. О его существовании свидетельствует находка с Южного Алтая. Это погребение мужчины из кургана 56 местонахождения Бертек, раскопано в 1992 г. В.И. Молодиным. Собственно в кургане обнаружено два погребения, одно из которых принадлежало ребенку, умершему в возрасте 6,5 - 7 лет. Краниологическая информация могла быть получена по черепу взрослого, и она помещена в табл. 1. Мужчина, умерший в возрасте 30 - 35 лет, видимо, приходился отцом ребенку, о чем говорит идентичное строение резцов и первых постоянных моляров обоих погребенных: медиальные и латеральные резцы у них лопатообразной формы, выраженность которой характеризуется баллом 3; первые нижние моляры обоих субъектов пятибугорковые и имеют "игрек" - узор окклюзивных поверхностей; эмалево-цементная граница для этих зубов описывается баллом 4; одинаковую форму имеют также первые верхние моляры мужчины и ребенка.

Удовлетворительная сохранность черепа мужчины позволила подвергнуть его полноценному антропологическому исследованию, в результате которого получены основные морфологические характеристики

(за исключением носового отдела). Особенности черепа являются огромный продольный диаметр, резкая долихокrania, очень большая высота мозговой коробки, широкая, прямая, с хорошо выраженным сагиттальным изгибом, уплощенная в горизонтальном сечении лобная кость. Затылочная область сильно выступает, а затылочный отрезок сагиттальной дуги является наибольшим ее компонентом. Скуловой диаметр и высота лица огромны, орбиты небольшие, высокой формы. Огромны абсолютные размеры грушевидного отверстия, дающие в соотношении мезоринный указатель. Нижний край грушевидного отверстия имеет форму предносовых ямок. Вертикальный профиль лица ортогнатный. При сильной горизонтальной уплощенности лица оно имеет необычайно глубокую клыковую ямку и слабоизогнутые (по визуальному впечатлению) скуловые кости. Рельеф надбровья выражен умеренно.

Налицо такое сочетание краниологических признаков, которое может являться результатом смещения носителей двух разных морфологических (или даже расовых) комплексов. С особенной яркостью эффект индивидуальной метисации проявляется в строении зубной системы, характеризующейся асимметричностью строения зубов правых и левых половин верхней и нижней челюстей и присутствием на разных половинах как признаков, маркирующих крупные расовые подразделения, так и признаков, закономерности межгруппового варьирования которых пока недостаточно изучены. Примером такой асимметрии является сложное строение правого верхнего третьего моляра, несущего хорошо развитый (балл 5) бугорок Карабелли, дополнительный бугорок на крупном гипоконусе и разделенный мезиальный корень, в то время как на одноименном зубе левой половины нет никаких дополнительных образований, гипоконус крайне редуцирован (балл 3), а оба вестибулярных корня срослись. Возможно, что с метисированием двух очень разных вариантов зубной системы связано нарушение в сроках прорезывания зубов, результатом которого явилось сохранение первого медиального молочного резца, вследствие чего постоянный зуб повернут относительно зубного ряда и находится внутри ротовой полости позади молочного. В целом же в одонтологическом комплексе погребенного преобладают признаки восточного ствола, часто встречающиеся также в окуневских сериях [Зубов, 1973, 1980; Постникова, 1974]: лопатообразность медиальных резцов, пятибугорковые нижние моляры, дистальный гребень тригонида на обоих первых молярах и левом третьем, наличие нечеткой коленчатой складки метаконида на правом третьем моляре.

Подводя итог описанию морфологических особенностей погребенного, рискну дать ему типологическую характеристику. Возможно, что морфологи-

ческая специфика мужчины из погребения Бертек-56 - результат смещения варианта окуневского типа (в пользу чего говорит строение лобной кости, уплощенность лицевого скелета, особенности строения зубов) и европеоидного варианта, характеризующегося общей массивностью, широким и очень высоким лицом. Европеоидный краниологический вариант с такими особенностями описан по материалам могильника Ранний Тулхар, связанного со скотоводческими племенами Бешкентской долины II тыс. до н. э. [Кияткина, 1976]. Исследователь этого могильника А.М. Мандельштам датировал его второй половиной II - началом I тыс. до н. э. и связывал его появление со скотоводческими племенами более северных областей [Мандельштам, 1968]. По происхождению морфотипа, присущего тулхарским черепам, Т.П. Кияткина высказала два соображения: они могут быть генетически связаны 1) с протоевропеоидным населением степной полосы Евразии; 2) с очагом средиземноморской расы. Отличающие протосредиземноморцев особые массивность и высота лица могли сохраниться дольше в степных северных областях, тогда как в южных данный тип грацилизировался и дал в эпоху бронзы узколикий средиземноморский расовый тип [Кияткина, 1976].

Итак, представленные в настоящем сообщении новые палеоантропологические материалы дают основание сделать предположение о сложении морфологического состава носителей каракольской культуры. Прежде всего внимание фиксируется на очень незначительной трансформации морфологического комплекса от эпохи неолита до середины II тыс. до н. э. Имеющаяся дифференциация в совокупности неолитических черепов из пещер Алтая и двух могильников II тыс. до н. э. отражает скорее индивидуальные вариации в пределах одного типа, а не типологические различия. В обеих группах нет заметного увеличения европеоидной примеси. Тот европеоидный компонент, который прослеживается по антропологическим материалам второй половины II тыс. до н. э. на юге Горного Алтая, не происходит из среды носителей афанасьевской культуры (что не исключает взаимного влияния племен обеих культурных общностей на внешнюю сторону их жизни, культуру, хозяйство, представления и верования), а свидетельствует о возможных в эпоху бронзы связях племен Юго-Восточного Алтая со скотоводческим населением Передней и Средней Азии.

Список литературы

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. - М.: Изд-во АН СССР, 1961а. - С. 107 - 206.

- Алексеев В.П.** О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. - 1961б. - № 1. - С. 116 - 129.
- Алексеев В.П.** Остеометрия: Методика антропологических исследований. - М.: Наука, 1966. - 251 с.
- Алексеев В.П.** О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины // Историческая антропология и этногенез. - М.: Наука, 1987. - С. 350 - 354.
- Беневоленская Ю.Д.** Мировое распределение затылочно-теменного указателя // Современные проблемы и новые методы в антропологии. - Л.: Наука, 1980. - С. 70 - 90.
- Беневоленская Ю.Д.** Расовая дифференциация населения Азии // Историческая динамика этнической и расовой дифференциации народов Азии. - М.: Наука, 1988. - С. 39 - 50.
- Беневоленская Ю.Д.** Признаки черепного свода как маркеры дифференциации рас // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. - СПб.: Наука, 1991. - С. 126 - 152. - (Сб. МАЭ; Т. 44).
- Герасимова М.М.** Неолитические погребения у могильника Долгое Озеро // Вопр. антропологии. - 1964. - Вып. 18. - С. 135 - 143.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. - Л.: Наука, 1980. - С. 3 - 34. - (Сб. МАЭ; Т. 36).
- Громов А.В.** Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура, искусство, антропология. - СПб.: Петро-Риф, 1997. - С. 301 - 345.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 390 с. - (Тр. Ин-та этнографии АН СССР; Т. 4).
- Дремов В.А.** Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья // Палеоантропология Сибири. - М.: Наука, 1980. - С. 19 - 46.
- Дремов В.А.** Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1997. - 260 с.
- Зубов А.А.** Этническая одонтология. - М.: Наука, 1973. - 201 с.
- Зубов А.А.** Характеристика зубной системы в черепной серии из окуневского могильника // Палеоантропология Сибири. - М.: Наука, 1980. - С. 9 - 18.
- Ким А.Р., Чикишева Т.А.** Погребение из Нижнетыткескенской-1 пещеры - первая доафанасьевская могила на Алтае // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской-1 пещеры. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. - С. 95 - 117.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.** Археология Нижнетыткескенской-1 пещеры. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. - 150 с.
- Княткина Т.Т.** Материалы к палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе: Дониш, 1976. - 186 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. - 171 с.
- Максименков Г.А.** Могильник у Долгого Озера в г. Канске // Вопр. антропологии. - 1964. - Вып. 18. - С. 132 - 134.
- Мандельштам А.М.** Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. - Л.: Наука, 1968. - 162 с. - (МИА; Т. 145).
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977. - 171 с.
- Молодин В.И.** Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. - Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1991. - С. 9 - 13.
- Молодин В.И.** Еще раз о датировке Турочакских писаниц // Культура древних народов Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. - С. 4 - 25.
- Окладников А.П.** Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. - 1957. - Вып. 1. - С. 26 - 55.
- Окуневский сборник: Культура, искусство, антропология.** - СПб.: Петро-Риф, 1997. - 357 с.
- Пашкова В.И., Резников Б.Д.** Судебно-медицинское отождествление личности по костным остаткам. - Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. - 320 с.
- Погожева А.П.** Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая // АО 1982 года. - М.: Наука, 1984. - С. 225 - 226.
- Постникова Н.М.** Одонтологическая характеристика краниологических серий Минусинской котловины // Расогенетические процессы в этнической истории. - М.: Наука, 1974. - С. 243 - 250.
- Чикишева Т.А.** Антропологические находки эпохи раннего металла из Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. - С. 162 - 164.
- Чикишева Т.А.** Антропология древнего населения Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск: Наука, 1994. - С. 157 - 175.

ПЕРСОНАЛИИ

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Памяти ученого

22 августа 1999 г. должно было исполниться 70 лет одному из крупнейших российских ученых академик Валерию Павловичу Алексееву. Его сердце остановилось внезапно, когда он едва перешел рубеж 60-летия и был полон не только творческих, но и, казалось, физических сил.

Для друзей, учеников и всех, кто хорошо знал Валерия Павловича, трудно выделить одну наиболее яркую черту его таланта: он многогранен. В.П. Алексеев - автор десятка книг и сотен статей по различным проблемам антропологии, археологии и этнографии. Он возглавлял один из крупнейших гуманитарных научных центров России - Институт археологии РАН, но был прежде всего исследователем, антропологом.

Одну из своих ранних книг - научно-популярную, написанную с восторгом и благоговением перед любимой наукой, Валерий Павлович посвятил своим друзьям-антропологам, "идушим по горным тропам, плывущим по быстрым рекам, скитающимся по тайге в поисках знания". За всю историю антропологической науки сложные и очень специальные проблемы теории расового анализа никто не излагал в столь интригующей и захватывающей форме, как Валерий Павлович в этой книге, и никто не нашел более точных и вместе с тем более поэтичных слов о людях, занимающихся антропологией. Антропология была его жизнью. Его непреодолимой страстью была тяга к экспедиционной работе в не изучавшихся до этого этнических группах, историко-культурных регионах, иногда в самых заброшенных уголках Земли.

В.П. Алексеев относится к той плеяде ученых, которые над фундаментом российской науки о человеке, заложенном Я.Я. Рогинским, В.В. Бунаком, Г.Ф. Дебецом, возводят изящный комплекс теоретических построений по проблемам биологических и социальных закономерностей истории человечества. Валерий Павлович делал это блестяще. Жажда поиска новых фактов, способность генерировать смелые гипотезы и блестяще их разрабатывать, стремление к всестороннему охвату исследуемых явлений с привлечением данных самых разных научных дисциплин - палеоантропологии, физиологии, биохимии, генетики,

психологии, археологии, истории, этнографии и т.д. - вот основные стороны творчества В.П. Алексеева. Благодаря необычайной одаренности, не только исследовательскому, но и писательскому таланту, многие книги и статьи В.П. Алексеева стали научной классикой, базовыми источниками для подготовки молодых специалистов-антропологов в крупнейших антропологических центрах мира.

Спектр научных интересов В.П. Алексеева был необычайно широк. Он занимался вопросами происхождения и эволюции современного человека, теории и методологии расоведения, расового состава ряда народов мира, его исторической динамики, разработкой концепций исторической антропологии, а также принципов использования антропологического материала как исторического источника, философскими аспектами взаимодействия биологического и социального в человеке. Каждая из перечисленных проблем получила освещение в целой серии опубликованных оригинальных монографий и статей.

Особое место в творчестве В.П. Алексеева занимала Сибирь. В конце 1950-х - начале 1960-х гг. в ходе изучения динамики антропологического состава населения Алтае-Саянского региона от неолита до современности происходило его становление как антрополога. Со временем у Валерия Павловича сложился интересный творческий союз с археологами и этнографами Сибирского отделения Академии наук. Благодаря его блестящему таланту сибирские палеоантропологические материалы стали важным источником исторической информации при изучении генезиса коренных народов Сибири.

* Алексеев В.П. В поисках предков. - М.: Сов. Россия, 1972. - 304 с.

В.П. Алексеев придерживался исторического подхода при интерпретации любых антропологических сведений. Стройность и законченность его концепций формирования любого народа и в любом регионе были результатом прекрасного знания им археологических, исторических и этнографических источников, нередко непосредственной полевой работы над ними, тесного научного контакта со специалистами. Примером такого полноценного синтеза палеоантропологических и исторических источников являются монографии “Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование” (М., 1969), “Происхождение народов Кавказа” (М., 1974) и огромный цикл статей, посвященных проблемам палеоантропологии Сибири.

Валерий Павлович Алексеев был одним из крупнейших палеоантропологов мира. Именно он взял на себя смелость приступить к созданию крупной серии “Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас”. При жизни ученого вышел лишь один том, обобщающий сведения о находках эпохи палеолита (М., 1978), но этому предшествовала поистине титаническая работа, благодаря которой антропологи, не имеющие возможности непосредственно ознакомиться с редкими материалами, получили уникальную сводку антропометрических данных. Наверное, среди краниологических коллекций известнейших отечественных и зарубежных хранилищ, запасников провинциальных краеведческих музеев нет ни одного костного фрагмента, не побывавшего в руках В.П. Алексеева и не включенного в постоянно разрабатываемую им систему межпопуляционных связей на протяжении истории современного человека.

Концепции этнической антропологии и расоведения разрабатывались В.П. Алексеевым не только на палеоантропологическом материале. Для изучения расо- и этногенеза древних и современных народов им привлекались данные различных признаков и их

систем, полученные в современных популяциях коренного населения регионов. Валерий Павлович принимал участие в комплексных антропологических экспедициях, обследовавших народы Кавказа, Средней Азии, Сибири, Монголии, Индии, Вьетнама, Кубы.

Фундаментальные теоретические проблемы, связанные с эволюционными закономерностями формирования рас человека, занимали одно из центральных мест в научной деятельности В.П. Алексеева. Им посвящены интересные и концептуально насыщенные монографии “География человеческих рас” (М., 1974), “Становление человечества” (М., 1984), “Географические очаги формирования человеческих рас” (М., 1985), “Человек. Эволюция и таксономия” (М., 1985). В.П. Алексеев обладал уникальными знаниями, располагал и виртуозно оперировал огромным объемом информации, представляющей в основном первоисточник. Потому так многоплановы, так космогоничны подчас его концепции, так увлекательны книги.

Валерий Павлович оставил после себя не только десятки книг и сотни статей, которые навсегда останутся в истории науки и будут востребованы многими поколениями ученых, но и десятки учеников в России и за рубежом, готовых в меру своих сил и таланта продолжать его дело.

Все, кому посчастливилось работать с Валерием Павловичем Алексеевым, никогда не забудут этого обаятельного человека, восхищавшего своей неуемной жадой новых знаний, неистощимой энергией, трепетным отношением к дружбе и стремлением к творчеству.

Т.А. Чикишева

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090*

Новосибирск, Россия

E-mail: bronz@us.nsc.ru

ТЁСУКЭ СЭРИДЗАВА

Жизнь, посвященная изучению палеолита

Профессор Тёсукэ Сэридзава родился в 1919 г. в г. Сидзуока. Интерес к археологии у него пробудился уже в средней школе. Но по совету отца он начал учиться фотографии. Его наставником в техническом колледже был известный мастер Домон Кэн. Вместе они много снимали, особенно часто изображения Будды в храмах. Однако эти занятия не смогли настолько завладеть вниманием юноши, что он смог бы забыть о своем главном увлечении. И в 1947 г. Сэридзава поступает на факультет археологии Отделения литературы Университета Мейдзи и всерьез думает связать с археологией свое будущее.

Последующие 50 лет жизни Сэридзава занимался познанием тайн палеолита Японии. В поисках нового он исколесил всю страну.

Научная деятельность проф. Сэридзавы развивалась по четырем основным направлениям: изучение хронологии эволюционной последовательности эпохи палеолита в Японии; поиск древнейших памятников на Японских островах; исследование культуры дзёмон; микротрасологический анализ каменных артефактов.

Стоянки, в изучении которых он принимал участие, можно найти повсюду от о-ва Хоккайдо на севере до о-ва Кюсю на юге. В этом ряду памятники разных этапов палеолита: раннего - позднего - Ивадзюку (1940, 1970, 1971 гг.), раннего - Содзудай (Хидзи-мати, преф. Оита, 1964 г.), Окубо (Асикагаси, преф. Тотиги, 1968 г.), Мукояма (Тотиги-си, преф. Тотиги, 1970, 1971 гг.), среднего - Кирихара (Оама-те, преф. Гумма, 1992 г.), позднего - Моро (Моро-мати, Токио, 1951 г.), Бабадайра (Каваками-мура, преф. Нагано, 1953 г.), Ядэгава (Минами-микимура, преф. Нагано, 1954 г.), Монотоки (Цунан-мати, преф. Ниигата, 1956 г.), Камияма (Цунан-мати, преф. Ниигата, 1958 г.), Арая (Нисикавагути-мати, преф. Ниигата, 1958 г.), Тати-карусюнаи (Энгару-тё, Хоккайдо, 1958 г.), Исояма (Мока-сити, преф. Саитама, 1961, 1962 гг.) и др.

Тёсукэ Сэридзава является автором многих книг и статей. В книге "Гипотеза о финальной стадии докерамической эпохи и происхождении периода дзёмон в районах Канто и Тюбу", опубликованной до начала раскопок стоянки Ядэгава в преф. Нагано, Сэридзава описывает, где и каким образом было впервые зафик-

сировано существование японской традиции микропластин. Здесь же, а также в статье, опубликованной в журнале "Кокогаку Тэтё" (1957, № 1), и других публикациях ученый разрабатывает проблемы хронологии палеолитических культур с начальной стадии нижнего палеолита и до начала эпохи дзёмон. В журнале "Кокогаку дзянару" опубликована статья Сэридзавы "Эпоха палеолита". В статье под таким же названием, вошедшей в первый том "Истории Японии", прослеживается последовательность развития культур палеолита с 100 тыс. л. н. и до конца плейстоцена.

С 1964 г. усилия Сэридзавы направлены на поиски доказательств существования раннего палеолита на территории Японии. Тадахиро Айдзава, исследовавший культуры, предшествовавшие позднему палеолиту в Японии, обнаружил каменные артефакты на стоянках Гонгэяма, Фудзияма и Кирибара в слоях, возраст которых превышает 300 тыс. л. н., но его открытия не были признаны Археологическим обществом Японии. В том же году Сэридзава нашел риолитовые артефакты в гравийных отложениях. Это открытие стало базой для постановки ряда проблем, при исследовании которых Сэридзава выдвинул гипотезу о существовании раннего палеолита на Японских островах.

Коллекция артефактов была тщательнейшим образом изучена в Университете Тохоку, Сэндай. В отличие от других специалистов, Сэридзава был убежден, что некоторые находки - бесспорно каменные артефакты. В коллекции риолитовых орудий, возраст которых превышает 100 тыс. лет, им были идентифицированы чопперы, чоппинги, ручные рубила, остроконечники, остря, резцы и скребла. Все они выполнены в традиции среднелейстоценовой культуры, характерной для стоянки Чжоукоудянь. Профессор Сэридзава продолжил исследования раннего палеолита на стоянках-каменоломнях в Северном Канто, а также на стоянках Хосино, Окубо, Мукояма, Ивадзюку D и др. Комплекс данных, полученных на раскопках Хосино, кремневого комплекса в северных районах Канто, на стоянках Окубо, Мукояма, Ивадзюку D и других памятниках, подтвердил догадку о существовании раннего палеолита в Японии. В 1965 г. Сайто Цунэтами принес Сэридзава классический леваллүазский нуклеус, что послужило толчком для исследований стоянки Хосино. Здесь в слоях пемзы Канума (320 тыс. лет) найдено 90 тыс. артефактов. Самые нижние слои стоянки Хосино были датированы 80 - 100 тыс. л. н. Коллекция артефактов, включающая ножи с обушком, остря, проколки, резцы, трапецевидные орудия, зубчатые формы, орудия на мелких отщепах, чопперы на плитках, была изготовлена из местного кремнистого сланца. Возможно, эти материалы являются эволю-

ционным продолжением ранее существовавшей культуры раннего периода верхнего палеолита, зафиксированной на равнине Канто. В статье, опубликованной в "Дайёнки Кэнкю" в 1971 г., были обобщены результаты исследований проф. Сэридзава по этой проблеме. Статья явилась также свидетельством уникальности интуиции исследователя - изучение стоянок в северных районах Канто проводилось ученым вопреки предубеждениям и общему скептицизму. Как консультант Сэридзава участвовал в раскопках памятников раннего палеолита, начатых в 1980 г. в префектуре Мияги (Хонсю). Им проведен анализ каменных артефактов из 13-го культурного слоя Хосино и нижнего горизонта Ивадзюку D. Методы микротрасологического анализа, разработанные им в 1978 г., получили распространение во всей японской археологии.

Сейчас, в возрасте восьмидесяти лет, проф. Тёсукэ Сэридзава продолжает с неиссякаемой энергией искать новые сферы приложения сил и прокладывать новые пути в науке о палеолите.

Х. Кадзивара

*Университет Тохоку Фукуши, Япония
Tohoku Fukushi University
Kunimi 1-8-1, Aobaku, Sendai,
Miyagi, 981-8522, Japan
E-mail: kajiwara@tfu.ac.jp*

СООБЩЕНИЯ

О СОЗДАНИИ НА АЛТАЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПАЛЕОЛИТА

На археологической карте Евразии особое внимание специалистов привлекают районы, расположенные на стыке крупных географических областей. Одним из таких районов, соединяющих территории Северной и Центральной Азии, является Горный Алтай. С древнейших времен горные долины Алтая были заселены человеком. Следы его деятельности обнаружены в сотнях уникальных археологических объектов: в плейстоценовых толщах пещер и многослойных стоянок открытого типа, в культурных напластованиях поселений и захоронениях эпохи палеометалла, в монументальных погребальных сооружениях - курганных могильниках скифского, гунно-сарматского и древнетюркского времени, в рисунках наскальной живописи, в языческих святилищах и культовых каменных изваяниях. Археологические памятники Алтая наглядно демонстрируют преемственность древних культурных традиций в широком масштабе времени - от первого появления здесь первобытного человека до формирования современного алтайского народа.

В течение многих лет планомерные археологические исследования на Алтае проводит Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН). Научная тематика экспедиционных работ охватывает все основные археологические эпохи - от раннего палеолита до средневековья. Одно из главных направлений исследований связано с проблемой первоначального заселения человеком территории Горного Алтая и сопредельных районов Азии. Успешная разработка разных аспектов этой проблемы стала возможной в результате открытия и изучения в течение последнего десятилетия серии многослойных поселений эпохи палеолита, приуроченных к плейстоценовым отложениям в пещерах и различным эрозионно-аккумулятивным уровням в долинах. Долгосрочные тематические изыскания на Алтае во многом изменили традиционные представления специалистов о формировании первобытной ойкумены Северной и Центральной Азии, позволили по-новому взглянуть на древнейшие культурно-исторические процессы этого обширного региона.

Исследования многослойных объектов алтайского палеолита ведутся на междисциплинарной основе с участием широкого круга специалистов гуманитарного и естественнонаучного профиля. Комплексный подход к изучению многослойных геоархеологичес-

ких объектов в наибольшей степени соответствует задачам современных исследований палеолита. Только на уровне интеграции данных археологии и разных естественнонаучных дисциплин можно выявить основные закономерности взаимодействия природы и общества в плейстоцене, проследить влияние изменений природной среды на процессы древних миграций, определить соотношение природно-экологических и социальных факторов в первоначальном заселении человеком новых территорий.

К настоящему времени наиболее интересные результаты получены при изучении палеолитических стоянок, расположенных на северо-западе Алтая, в бассейне верхнего течения р. Ануй. Здесь на относительно небольшом участке сосредоточены пещеры Денисова, Каминная, Окладникова, стоянки открытого типа Усть-Каракол-1 и 2, Ануй-1 - 3 и другие многослойные объекты. На этих объектах изучаются мощные толщи плейстоценовых отложений, сформированные наслоениями древних уровней обитания первобытного человека от эпохи раннего мустье (возможно, ашеля) до заключительной стадии верхнего палеолита. Археологические материалы практически всех уровней четко стратифицированы, имеют надежное литологическое, палеофаунистическое и палинологическое обоснование, подкрепленное данными физических и радиологических методов датирования.

Опорным объектом изучения палеолита в долине Ануя является Денисова пещера (рис. 1). Внутри пещеры следы пребывания палеолитического человека зафиксированы в 13 литологических подразделениях плейстоцена, возраст которых, по данным абсолютной геохронологии, определен в диапазоне 282 - 10 тыс. лет (рис. 2). В ее культурных отложениях впервые на территории Северной Азии обнаружены останки неандертальского человека, найдены десятки тысяч каменных артефактов, собраны представительные коллекции орудий и украшений из кости и зубов животных. По всему разрезу вместе с археологическими находками отмечена высокая концентрация пыльцы и спор растений, костей млекопитающих и других органических остатков, отражающих развитие природного комплекса плейстоцена.

Для научного обеспечения долгосрочных крупномасштабных исследований палеолитических комплексов в долине Ануя ИАЭТ СО РАН рядом с Денисовой пещерой создан один из крупнейших в России экспедиционный археологический стационар (рис. 3). На его территории разместились комфортабельные коттеджи, помещения для камеральных и лабораторных

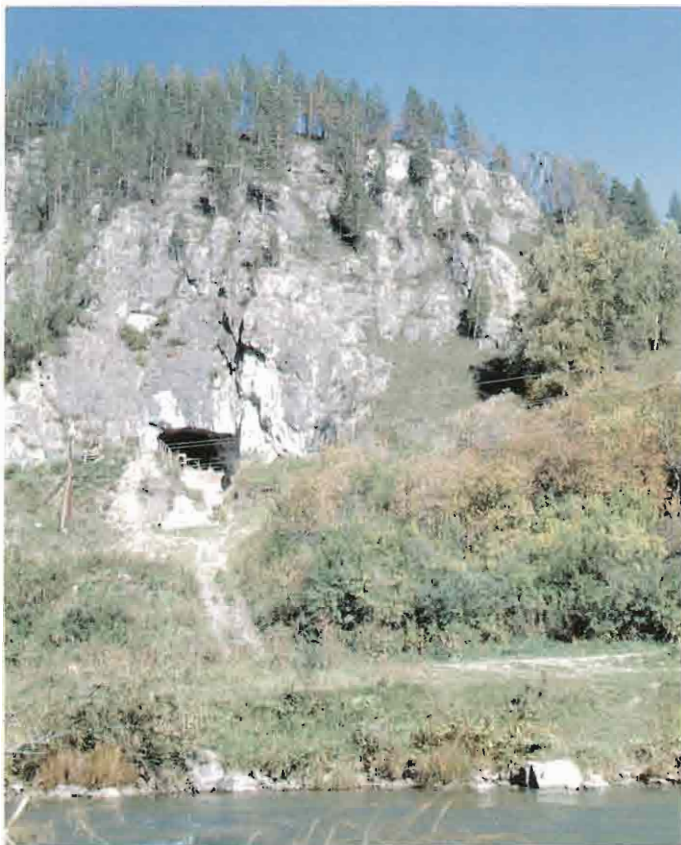

Рис. 1. Денисова пещера. Общий вид.

Рис. 2. Стратиграфический разрез плейстоценовых отложений Денисовой пещеры.

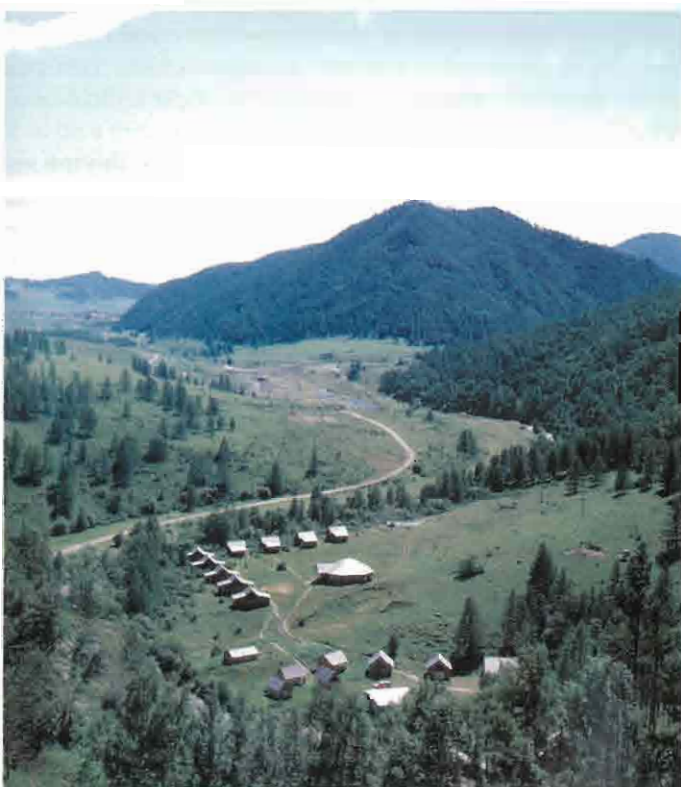

Рис. 3. Археологический стационар "Денисова пещера".

Рис. 4. На экспериментальном археологическом полигоне.

работ, конференц-зал, столовая. Надежная лабораторная база стационара позволяет широко применять в процессе исследований электронную фиксацию культурных и естественнонаучных материалов, эффективно использовать точные методы датирования и корреляции плейстоценовых отложений, анализировать палеоклиматические и палеоландшафтные свойства органических остатков и горных пород, оперативно обрабатывать полевую документацию.

В структуре стационара действует экспериментальный археологический полигон. Здесь оборудованы специальные площадки для исследований древних технологий расщепления и обработки камня (рис. 4), изучения особенностей керамического производства и ткачества, деревообрабатывающего и костерезного дела, обработки шкур и приготовления пищи; реконструированы типы укрытий и жилищ первобытного человека, различные варианты костров и конструкций очагов, ловушек на зверей и птиц.

Комплексный характер исследований многослойных палеолитических объектов на Алтае привлекает внимание специалистов из ведущих научных учреждений России и многих стран мира. В разные годы с раскопками палеолитических стоянок долины Ануя ознакомились известные исследователи: К. Ламберг-Карловски и К. Тернер (США), Г. Бозинский (Германия), М. Отт (Бельгия), А. Ронен (Израиль), Н. Пежо (Франция), И.-Х. Хван (Республика Корея), Х. Кимура (Япония) и многие другие. В целом, за последнее десятилетие археологический стационар "Денисова пещера" посетило более 100 ученых из стран Европы, Азии и Америки.

С целью закрепления накопленного опыта и дальнейшего развития комплексных исследований на базе стационара "Денисова пещера" летом 2000 г. начина-

ет работу международная полевая школа для аспирантов и студентов, специализирующихся на изучении палеолита. Слушатели школы смогут принять участие на всех стадиях процесса раскопок палеолитических объектов: в разборке культурного слоя, фиксации и картировании артефактов, промывке плейстоценовых отложений, камеральной обработке археологических и палеонтологических материалов. Квалифицированные сотрудники комплексной экспедиции - археологи, геологи, палеозоологи и палеоботаники - прочтут для них курс лекций по первобытной археологии и естественной истории плейстоцена Алтая, Северной и Центральной Азии. На экспериментальном археологическом полигоне стажеры смогут освоить навыки изготовления каменных орудий, керамических изделий и других древних технологий, познакомиться с приемами охоты, организации производственного и жилого пространства первобытного населения региона.

Международная полевая школа для молодых исследователей палеолита на Алтае предполагает стать важным интеграционным звеном в общем контексте современного изучения древнейшего прошлого Евразии.

Подробная информация об условиях пребывания на археологическом стационаре "Денисова пещера" представлена в сети Интернет по адресу: <http://sati.archaeology.nsc.ru/Tourism/default.htm>

М.В. Шуньков

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17,
630090 Новосибирск, Россия
E-mail: shunkov@paleo.archaeology.nsc.ru*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

“Палеогеография каменного века.
Корреляция природных событий
и археологических культур палеолита
Северной Азии и сопредельных территорий”

Конференция, которую проводят Институт археологии и этнографии СО РАН, Красноярский государственный педагогический университет и Администрация Новоселовского района Красноярского края, состоится 25 - 31 апреля 2000 г. в пос. Куртак Новоселовского р-на Красноярского края.

Работа конференции будет организована по следующим направлениям:

- проблемы первоначального заселения и дальнейшего расселения человека в различных регионах Азии в эпоху плейстоцена;
- смены археологических эпох и культур каменного века в пространстве и времени, природные закономерности развития человека;
- модели развития природы внутриконтинентальной области Сибири в климатических ритмах “потепление - похолодание” и т.д.;
- меж- и внутрирегиональные корреляции природных событий и археологических культур в плейстоцене;
- ранний палеолит Евразии;
- леваллуазские комплексы Евразии;
- локальные проявления археологических культур в позднем палеолите Евразии и Америки;
- переход от мустье к позднему палеолиту;
- антропология каменного века Евразии и Америки;
- археолого-геологические аспекты палеолита (проблемы хронологии и стратиграфии; условия формирования культурных слоев и культуровмещающих отложений и др.);
- крупные хищники и древний человек - конкуренты и симбионты;
- экология мамонтовой фауны Евразии и Америки.

В рамках конференции предполагается проведение полевых экскурсий:

Красноярское водохранилище, Куртакский археологический район

Бережково - демонстрация опорного в регионе геологического разреза лессовой формации (эоплей-

стоцен - плейстоцен), в том числе наиболее представительного в Сибири в палеогеографическом отношении лессово-почвенного разреза позднего плейстоцена;

Каменный Лог - демонстрация раннепалеолитических и мустьерских местонахождений в субэральных толщах среднего-позднего плейстоцена;

Кузнецкий Алатау - осмотр позднепалеолитической стоянки Малая Сыя - памятника переходного периода от мустье к позднему палеолиту этапа (ранней поры позднего палеолита).

Просим до 1 апреля 2000 г. прислать заявку на участие в конференции, а также тезисы доклада объемом не более двух страниц (печатать через 1,5 интервала), желательно электронной почтой или на дискете в варианте WinWord.

Заявку на участие и тезисы докладов просим направлять по адресу:

Красноярский гос. пед. институт, ул. А. Лебедевой,
89, 660049 Красноярск, Россия
Тел.: (3912) 23-58-77, факс: (3912) 22-28-92
E-mail: kgpu@edk.krasnoyarsk.su
drozdov@edk.krasnoyarsk.su

Заявка

на участие в Международной научной конференции
“Палеогеография каменного века.
Корреляция природных событий и археологических
культур палеолита Северной Азии
и сопредельных территорий”

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, звание

Организация

Должность

Адрес для переписки

Телефон, факс

Название доклада

Вид доклада: пленарный, секционный, стендовый

Дата заполнения

Подпись

Дорогие друзья! Предлагаем Вашему вниманию научные издания – монографии и сборники статей, подготовленные сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН и выпущенные в свет его издательством. Обращаем Ваше внимание на три ценовые категории предлагаемых книг, отражающие стоимость пересылки:

I – для Российской Федерации наземной почтой;

II – для стран СНГ наземной почтой;

III – для Азербайджана, Армении, Грузии и Молдавии только авиапочтой.

С этого номера журнал будет регулярно публиковать аннотации книг по археологии и этнографии.

Предлагаемые книги могут быть оплачены Вами через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции. Просим учесть, что Сбербанк РФ взимает за проведение платежа 3% от суммы перевода. Вам нужно без ошибок заполнить квитанцию: в графе “Платательщик” написать фамилию и инициалы, в графе “Адрес” – свой почтовый индекс и полный адрес, в графе “Назначение платежа” – трехзначные коды книг, в графе “Сумма” – общую стоимость заказа. В течение месяца Вы получите заказанную книгу.

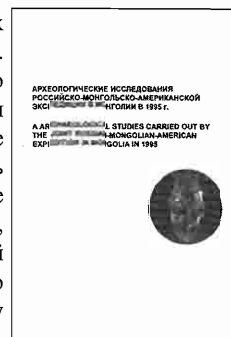
Если же по каким-либо причинам Вы не желаете авансировать доставку книг, то заказ можно оформить наложенным платежом, заполнив приведенную форму.

Внимание! К сожалению, граждане и организации в странах СНГ могут оформить заказ на литературу только наложенным платежом. Разница в стоимости изданий для заказчиков на территории РФ и стран СНГ обусловлена разницей в стоимости пересылки.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1995 году. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. - 328 с. + 213 ил. Перевод на английский язык - 306 234 знака. Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 54 руб., II - 69 руб., III - 109 руб.; наложенным платежом: I - 70 руб., II - 90 руб., III - 142 руб.

ISBN 5-7803-0001-1

В монографии освещаются материалы известных (пещера Цаган-Агуй) и только открытых палеолитических местонахождений Гобийского Алтая. Даются их описание и предварительный анализ. Приводится характеристика пещерного комплекса Цаган-Агуй - уникального стратифицированного археологического объекта, содержащего культурные остатки широкого временного диапазона - от эпохи раннего мустье (а может, и более древние) до этнографического времени. Рассматриваются данные изучения объекта Кремневая Долина на юго-востоке центральной части региона, позволившие создать оригинальную методику исследования комплексов с поверхностным залеганием артефактов. На основе ее применения выделяются четыре комплекса - сильнодефлированный (домустьерская эпоха), среднедефлированный (мустьерское время), слабодефлированный и недефлированный (верхний палеолит). Анализируются также коллекции 19 пунктов, относящиеся к различным эпохам каменного века. Книга включает изображения и описания петроглифов в местечке Хара-Уул, в 7 км к юго-востоку от пещеры Цаган-Агуй, датируемые энеолитом - средневековьем.

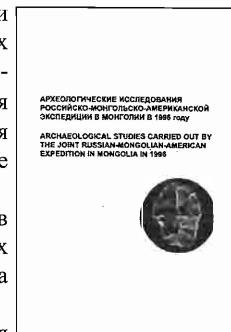
Деревянко А.П., Олсен Д., Цвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1996 году. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 344 с. + 185 ил. Перевод на английский язык - 315 602 знака; 5 приложений на английском языке. Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 50 руб., II - 65 руб., III - 105 руб.; наложенным платежом: I - 65 руб., II - 85 руб., III - 137 руб.

ISBN 5-7803-0027-5

В монографии рассматриваются результаты исследований пещерных комплексов (Цаган-Агуй и Чихэн), уникального памятника Кремневая Долина, а также поисков новых палеолитических местонахождений в Гобийском Алтае. Приводится серия абсолютных дат отложений пещеры Цаган-Агуй, нижние горизонты которой имеют возраст 520 ± 130 тыс. л. н. Публикуются данные изучения пещеры Чихэн, содержащей два разновременных культурных слоя - голоценового (характеризуется микролитической индустрией) и плейстоценового (позднемустьерское и ранне-верхнепалеолитическое время).

Большое место уделено обсуждению итогов исследований двух площадок и расширенных сборов в Кремневой Долине. Описываются и анализируются материалы, полученные во время разведочных маршрутов к югу от Гобийского Алтая. Характеризуются наскальные рисунки в окрестностях сомона Шинэ-Жинст и пещере Саалтын.

Результаты работ экспедиции вносят целый ряд новых фундаментальных сведений, касающихся палеоэкологии плейстоцена, динамики индустрий и хроностратиграфии палеолита Гобийского Алтая.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье - верхний палеолит). - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 280 с. + 74 ил., 45 табл. Перевод на английский язык - 120 тыс. знаков; перевод на французский язык - 120 тыс. знаков. 4 приложения с переводом на английский и французский языки. Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 40 руб., II - 55 руб., III - 95 руб.; наложенным платежом: I - 52 руб., II - 72 руб., III - 124 руб.

ISBN 5-7803-0031-3

Монография посвящена уникальной палеолитической стоянке Кара-Бом, расположенной в Горном Алтае. В отложениях этого памятника зафиксировано последовательное залегание культурных слоев от мустье до начала верхнего палеолита, обеспеченное серией радиоуглеродных и ЭПР-дат в диапазоне от 72 до 30 тыс. л. н. Основное внимание уделяется реконструкции темпов и характера эволюции каменной индустрии памятника. Культурные комплексы Кара-Бом, которые находятся в четких стратиграфических условиях, содержат великолепный по полноте набор каменного инструментария мустье и начальной поры верхнего палеолита, позволяющий с исчерпывающей детальностью осветить все аспекты материальной культуры древнего человека на протяжении 40 тыс. лет. Полученная картина является эталонной для обширных пространств Южной Сибири и Центральной Азии. В монографии приводится подробная сводка по палеолитическим стоянкам начала верхнего палеолита на территории Южной Сибири и Средней Азии.

Значительный раздел работы - приложения, в которых освещаются вопросы четвертичной геологии, палеогеографии, реконструкции среды обитания человека стоянки Кара-Бом и Алтая в целом, а также дается функциональный анализ инструментария стоянки.

Монография содержит подробное описание археологических коллекций, основные положения и выводы исследования на английском и французском языках.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 336 с. + 212 ил., 22 табл. Перевод на английский язык - 75 тыс. знаков. Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 50 руб., II - 65 руб., III - 105 руб.; наложенным платежом: I - 65 руб., II - 85 руб., III - 137 руб.

ISBN 5-7803-0034-8

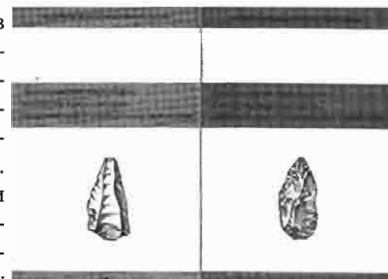
Монография впервые объединяет итоги многолетних археологических исследований комплекса позднепалеолитических памятников в долине р. Селемджи (бассейн среднего Амура). Публикуются подробное описание и классификация материалов археологических коллекций. Определены основные черты селемджинской позднепалеолитической культуры, ее хронология и периодизация. Анализ каменного инвентаря выделенной культуры проводится с привлечением материалов разновременных стоянок Забайкалья, Якутии, Северо-Восточной Азии, Приморья, Японии, Кореи, Китая и Аляски. Определены место и значение культуры в общем историческом контексте эпохи, рассмотрены вопросы происхождения и развития микропластинчатой техники, выявлены характер и особенности развития палеоэкономики населения региона в переходный период от палеолита к неолиту на обширной территории Евразии.

Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симпоз. / Отв. ред. А.П. Деревянко: В 2 т. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - Т. 1. - 424 с. + 82 ил., 25 табл.; Т. 2. - 480 с. + 110 ил., 30 табл. Стоимость каждого тома с пересылкой по предоплате: I - 50 руб., II - 65 руб., III - 105 руб.; наложенным платежом: I - 60 руб., II - 85 руб., III - 137 руб.

ISBN 5-7803-0033-X, ISBN 5-7803-0032-1

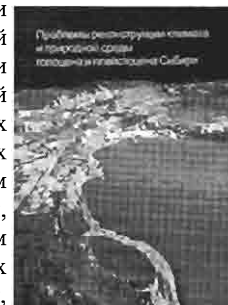
В сборниках на русском и английском языках публикуются доклады участников Международного симпозиума, посвященного 90-летию выдающегося ученого академика А.П. Окладникова. В них отражены наиболее значимые итоги комплексных исследований древнейших объектов каменного века Западной Сибири, Алтая, Тывы, Приангарья, Дальнего Востока, Зарубежной Азии, Европы и Америки, их стратиграфия, палеогеография, а также хронология, установленная методами абсолютного датирования. Рассматриваются вопросы четвертичной геологии различных регионов Азии, эволюции материальной культуры человеческих обществ с палеолита и до неолита включительно. Уделено внимание проблемам классификации археологических источников, их интерпретации; анализируются законы взаимоотношения человека и палеосреды в эпоху плейстоцена и раннего голоцена.

Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 303 с. + 148 ил., 25 табл. Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 80 руб., II - 95 руб., III - 135 руб.; наложенным платежом: I - 104 руб., II - 124 руб., III - 175 руб.

ISBN 5-7803-0039-9

Сборник открывает серию работ по интеграционной программе СО РАН "Изменение климата и природной среды Сибири в голоцене и плейстоцене в контексте глобальных изменений", призванной усилиями специалистов более чем 15 российских академических институтов естественнонаучного и гуманитарного профиля создать палеоклиматические летописи и проанализировать динамику природной среды Северной Азии за последние 500 тыс. лет. На базе информации, полученной из датированных (средствами и методами ^{14}C , U-Th, ЭПР, термолюминесценции и т.д.) отложений континентальных разрезов и озерных толщ Алтая, Западной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья, с использованием разнообразных методов исследования (седиментологический, палеомагнитный, палеонтологический, палинологический, палеокарпологический, диатомовый анализы и т.д.) расшифровывается с различным временным разрешением последовательность изменений природно-климатических ситуаций указанных регионов в эпохи плейстоцена и голоцена. Ряд статей содержит палеоклиматические реконструкции, основанные на геотермических и дендрохронологических данных.

Публикуемые материалы могут быть использованы при проведении межрегиональной корреляции покровных и озерных отложений антропогена, а также в палеогеографии, палеоэкологии, климатологии и археологии.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 309 с. + 123 ил., 52 табл. Перевод на английский язык - 74 тыс. знаков. Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 47 руб., II - 62 руб., III - 102 руб.; наложенным платежом: I - 61 руб., II - 81 руб., III - 133 руб.

ISBN 5-7803-0028-3

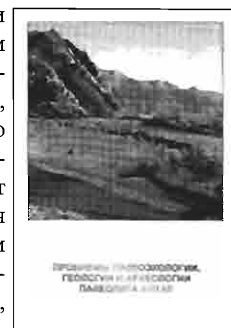
Монография обобщает результаты многолетних комплексных исследований ряда опорных палеолитических памятников Северо-Западного и Центрального Алтая. На основе интеграции данных различных видов анализов, применяемых в геоморфологии, литологии, палеонтологии, палинологии, палеопедологии и других естественнонаучных дисциплинах, определяются условия накопления плейстоценовых осадков, формирования рельефа, эволюции растительного и животного мира, образования палеоландшафтов и динамика палеоклиматов. По показателям радиоуглеродного и радиотермолюминесцентного датирования ископаемых остатков и горных пород устанавливается хронологическая последовательность различных культурных и палеогеографических событий в эпоху плейстоцена на Алтае. В результате совместного изучения древнейших археологических объектов и природного комплекса плейстоцена намечены основные пути развития палеолитических культурных традиций и изменения окружающей среды в период освоения этой территории первобытным человеком.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 174 с. + 98 ил., 16 табл. Стоимость с пересылкой по предоплате: I - 34 руб., II - 49 руб., III - 89 руб.; наложенным платежом: I - 44 руб., II - 64 руб., III - 116 руб.

ISBN 5-7803-0021-6

В монографии представлены уникальные материалы по основным проблемам древнейшей истории человека и природной среды на территории Горного Алтая. Главное внимание уделено результатам междисциплинарных исследований многослойных палеолитических стоянок в пещерах и под открытым небом. Публикуются описания стратиграфии и литологии, фауны, палинологии, палеопедологии, геохронологии, а также характеристики каменного и костяного инвентаря. На основе всестороннего анализа археологических материалов прослежено развитие древних технологий на различных культурно-хронологических этапах первоначального освоения человеком территории Алтая. В научный оборот вводится большой объем новых естественнонаучных данных, которые существенно дополняют знания о видовом составе растительности и животного мира, ландшафте и климате Алтайских гор в позднем плейстоцене - раннем голоцене. Благодаря комплексному подходу к изучению археологических материалов, их стратиграфической позиции в системе геологических отложений, данных биостратиграфии, абсолютной и относительной геохронологии выявляются основные закономерности развития первобытной культуры в различных природных обстановках четвертичного периода.

- АО - Археологические открытия
- ВИНИТИ - Всесоюзный институт научной и технической информации
- ГАИМК - Государственная академия истории материальной культуры
- ГАНИИИЯиЛ - Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
- ИАЭт - Институт археологии и этнографии СО РАН
- ИЛАИ - Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии РАН
- КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
- Л. - Ленинград
- М. - Москва
- МАИ - Материалы и исследования по археологии СССР
- МАЭ - Музей антропологии и этнографии
- НПЦ - Научно-производственный центр
- РА - Российская археология
- РАН - Российская Академия наук
- СА - Советская археология